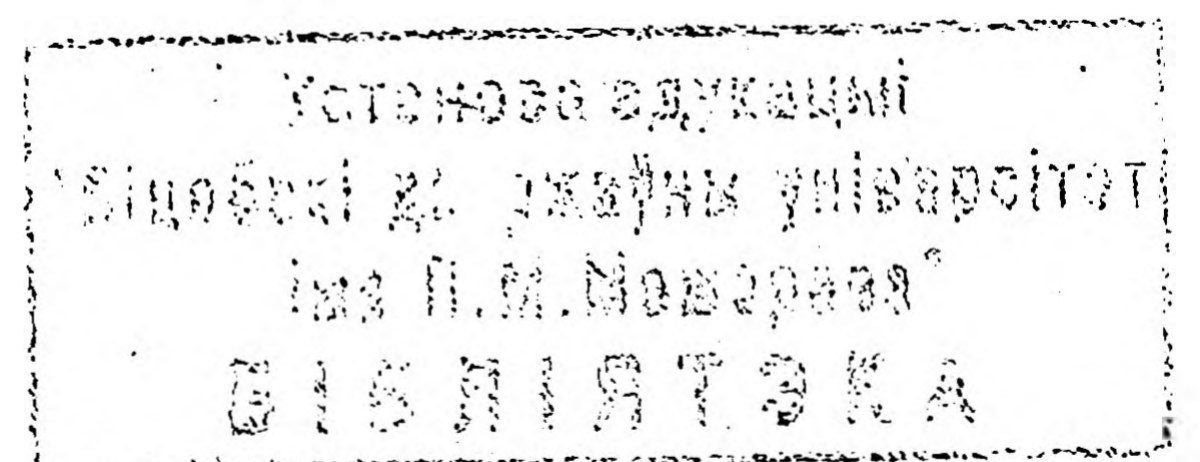

Изъ лекцій по общей теоріи исторіи.

Н. Карѣевъ.

Т Е О Р І Я

ИСТОРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1913.

Н. КАРЪЕВЪ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО

ОБЩЕЙ ТЕОРІИ ИСТОРИИ.

Теорія историческаго знанія и теорія
историческаго процесса.

Часть I.

58916

Предисловіе.

Во вступительной статьѣ къ этой книгѣ сказано достаточно о ея происхожденіи и о ея цѣли. Здѣсь остается только указать на то, что, издавая первую часть своего курса по общей теоріи исторіи, авторъ рассчитываетъ выпустить въ свѣтъ вторую часть осенью текущаго года. Каждая изъ этихъ частей, однако, должна разсматриваться, какъ вполнѣ самостоятельное цѣлое съ вполнѣ законченнымъ содержаніемъ. Въ первой части основная тема — опредѣленіе условій, соблюденіе которыхъ дѣлаетъ исторію наукою, а предметомъ второй будетъ разсмотрѣніе самаго механизма историческаго процесса.

Оглавление.

	стр.
Вступленіе	1
Списокъ историко-философскихъ и соціологическихъ книгъ и статей автора	32
I. Что такое теорія исторіи?	43
II. Есть ли исторія наука?	53
III. Предметъ и задача исторической науки	66
IV. Методъ и матеріаль исторической науки	78
V. Разные роды и виды историческихъ источниковъ	90
VI. Критика источниковъ	110
VII. Констатированіе историческихъ фактовъ	129
VIII. Раздѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе и культурные	140
IX. Установленіе связей между историческими фактами.	153
X. Синтетическая работа въ исторической наукѣ и историческія обобщенія.	169
XI. Сравнительно-историческій методъ	187
XII. Историзмъ въ гуманитарныхъ и соціальныхъ наукахъ.	203
XIII. Спеціальныя исторіи и исторія общая.	217
XIV. Частныя исторіи и всемірная исторія	225
XV. Философія исторіи	234
XVI. Историческій объективизмъ	238
XVII. Націонализмъ въ исторіи	241
XVIII. Конфессіональный субъективизмъ въ исторіи.	254

	СТР.
XIX. Политическая партійность въ исторіи и выводы изъ предыдущаго	257
XX. Разные виды оцѣнки прошлаго въ исторіи	267
XXI. Этическое отношеніе къ прошлому	277
XXII. Историческая наука и общественная жизнь	288
XXIII. Общественное содержаніе исторической науки и мѣсто въ ней біографическаго элемента	302
XXIV. Историческія номенклатура и терминологія	313

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ основу этой книги—въ смыслъ темы, плана, идей—положены курсы по теоріи исторіи, читанные мною въ теченіе ряда лѣтъ, начиная съ 1907 г., на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Петербургѣ. Въ своихъ лекціяхъ на эту тему я повторялъ, разъяснялъ, дополнялъ и развивалъ мысли, которыя еще раньше высказывались мною въ многочисленныхъ моихъ работахъ—книгахъ и статьяхъ—о томъ же предметѣ или предметахъ, ему родственныхъ, такъ или иначе его касающихся. Кромѣ самой теоріи исторіи, я, говоря это, имѣю въ виду и то, что писалось мною по соціологіи и по вопросамъ преподаванія исторіи, а отчасти и по самой исторіи. Чтеніе указанныхъ курсовъ было для меня постояннымъ поводомъ подвергать пересмотру свои взгляды на основныя проблемы теоріи исторіи, и въ этомъ смыслѣ настоящая книга является сведеніемъ въ одно цѣлое неоднократно пересмотрѣнныхъ общихъ взглядовъ на исторію, высказывавшихся въ разное время, по разнымъ поводамъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія—историко-теоретической, соціологической, педагогической, общественной. Это, въ извѣстной мѣрѣ непрерывное, занятіе теоретическими вопросами исторіи заставляло меня болѣе или менѣе постоянно, хотя бы иногда лишь урывками, слѣдить за соотвѣтственною литературою, болѣе раннія произведенія которой изучались мною систематически для главныхъ моихъ трудовъ въ этой области. Конечно, и окончательное редактированіе настоящей книги не могло обойтись

безъ справокъ въ новѣйшихъ работахъ историко-теоретическаго содержания.

Подводя итоги подъ мыслями, разбросанными въ цѣломъ рядѣ книгъ и статей, я иногда бываю вынужденнымъ дѣлать ссылки на эти свои работы, въ которыхъ часто то или другое изложено и обосновано болѣе подробно или сопровождается какъ критикою другихъ взглядовъ на то же самое, такъ и историческими данными о разныхъ постановкахъ и рѣшеніяхъ историко-теоретическихъ вопросовъ въ прежнія времена, а наконецъ, и литературными, библиографическими и иными справками. Списокъ своихъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ темѣ настоящаго курса, я даю вслѣдъ за вступленіемъ, здѣсь же отмѣчу лишь то, что первая изъ нихъ появилась еще въ 1876 году, и ограничусь указаніями только на главнѣйшія.

Это, прежде всего, «Основные вопросы философіи исторіи» (1883), моя докторская диссертация, вызвавшая въ свое время (въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія) большую полемику въ общей прессѣ, — полемику, которая заставила меня издать въ защиту своихъ взглядовъ цѣлую книжку (подъ заглавіемъ «Моимъ критикамъ»). Конечно, будучи написана около тридцати лѣтъ тому назадъ, названный трудъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ устарѣлъ, и въ немъ по отношенію къ современному состоянію теоріи исторіи есть пробѣлы ¹⁾, но главныя положенія книги я повторяю и въ настоящемъ курсѣ. Могу даже прибавить, что нѣкоторыя положенія, особенно вызывавшія нападки со стороны критиковъ-дилеттантовъ, оказались еще болѣе обоснованными, благодаря вообще дальнѣйшей разработкѣ предмета.

¹⁾ Напр., въ своей „Методологіи исторіи“ (Спб. 1910, вып. I, стр. 46), *А. С. Лаппо-Данилевскій* отмѣчаетъ, что „Основные вопросы“ писались „въ то время, когда чисто логическое различіе между двумя познавательными цѣлями науки или точками зрѣнія—обобщающей и индивидуализирующей—еще слишкомъ мало было выяснено въ литературѣ“. Это въ общемъ вѣрно, хотя самое различіе и было мною указано, такъ какъ о немъ говорилъ еще Огюсть Контъ. Отмѣчу еще самъ, что въ то время не было также и литературы въ духѣ экономическаго матеріализма (ср. ниже, стр. 3).

Далѣе, въ 1890 г., въ видѣ продолженія «Основныхъ вопросовъ» (третьяго ихъ тома), вышла въ свѣтъ другая моя книга «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи»¹⁾, оставшаяся (*habent sua fiata libelli!*) почти незамѣченною въ печати, хотя для меня лично какъ-разъ она до сихъ поръ остается наиболѣе значительнымъ трудомъ моимъ въ области теоріи исторіи. Основныя положенія «Сущности историческаго процесса» я популяризовалъ въ небольшомъ (не бывшемъ напечатаннымъ) курсѣ, прочитанномъ въ зиму 1901—2 г. въ парижской Высшей русской школѣ, равно какъ и въ упомянутыхъ лекціяхъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Наконецъ, почти одновременно, въ самые послѣдніе годы XIX в., были мною изданы еще двѣ книги, изъ которыхъ одна называется «Введеніе въ изученіе соціологіи» (1896), другая—«Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ» (1897). Первая изъ нихъ образовалась, въ главныхъ своихъ частяхъ, изъ особыхъ курсовъ, читавшихся мною въ то время въ Петербургскомъ университетѣ²⁾, вторая—изъ отдѣльныхъ лекцій, рефератовъ и статей въ журналахъ и изъ спеціально для нея написанныхъ главъ, т.-е. дѣйствительно изъ ряда «этюдовъ», вызванныхъ проповѣдью у насъ экономическаго матеріализма и тогдашними боевыми схватками между «народниками» и «марксистами». Въ обѣихъ книгахъ мнѣ пришлось затронуть вопросы, которые совсѣмъ отсутствовали какъ въ «Основныхъ вопросахъ», такъ и въ «Сущности историческаго процесса».

Во всѣхъ четырехъ книгахъ читатель можетъ найти вообще весь идейный, фактическій и литературный (исторіографическій) или критическій (нерѣдко съ полемическимъ характеромъ) матеріаль, положенный въ основу содержанія этой книги. Нѣкоторыя къ нему дополненія находятся и въ отдѣльныхъ статьяхъ, печатавшихся въ раз-

¹⁾ Большой томъ въ 627 стр.

²⁾ Эти курсы читались мною „для желающихъ“, т.-е. внѣ общаго плана факультетскаго преподаванія съ 1891 по 1898 гг. Проспектъ одного изъ такихъ курсовъ (1897—8 г.) былъ мною напечатанъ.

ныхъ журналахъ и отчасти перепечатававшихся въ особыхъ сборникахъ ¹⁾).

Какъ въ книгахъ этихъ, такъ и въ статьяхъ я старался по мѣрѣ возможности быть au courant касательно литературы разсматривавшихся въ нихъ предметовъ и многія произведенія по теоріи исторіи даже прямо анализировалъ, но обо многомъ очень важномъ, особенно за послѣдніе годы, мнѣ совсѣмъ не приходилось упоминать. Къ числу такихъ произведеній относится и самый, въ настоящее время, капитальный, въ смыслѣ систематичности, полноты, основательности, обилія всякаго библиографическаго матеріала, трудъ *Эрнста Бернгейма*, «*Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*», вышедшій въ свѣтъ въ 1889 г. и не разъ послѣ того переиздававшійся въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, равно какъ сдѣлавшійся извѣстнымъ и русскимъ читателямъ въ переводѣ краткаго его изложенія самимъ же авторомъ ²⁾).

Въ этомъ руководствѣ, которое должно быть настольною книгою каждаго, занимающагося исторіей, а также въ болѣе краткой и популярной книгѣ *Ланглуа* и *Сеньобоса* «*Introduction aux études historiques*», изданной въ 1898 г., и въ нѣкоторыхъ другихъ, разработаны тѣ отдѣлы общей теоріи исторіи, которыми лично я самостоятельно наименѣе занимался и о которыхъ даже почти ничего до сихъ поръ не писалъ: это—методы историческаго изслѣдованія и даже техника историческихъ работъ въ видѣ «эвристики» (источниковѣдѣнія) и критики источниковъ съ ихъ интерпретаціей.

По этимъ вопросамъ существуетъ вообще весьма большая и притомъ очень старая литература, но она была внѣ круга моихъ специальныхъ интересовъ, хотя я и не упустилъ изъ вида наиболѣе важныхъ ея произведеній, какъ прежнихъ, такъ и теперешнихъ. Для многихъ все теоретическое отношеніе къ исторіи сводится чуть не цѣликомъ къ изслѣдованію пріемовъ и формулированію правилъ обра-

¹⁾ Въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“, имѣвшихъ два изданія (1895 и 1899 гг.), и въ первыхъ двухъ томахъ „Собранія сочиненій“ (1911 и 1912 гг.).

²⁾ Проф. Бернгеймъ. Введеніе въ историческую науку. М. 1908.

щенія съ источниками историческаго знанія, къ простой техникѣ добыванія его первыхъ элементовъ, и наприм., Бернгеймъ самъ первоначально только это, главнымъ образомъ, и разсматривалъ въ своемъ «Руководствѣ историческаго метода», въ первомъ изданіи котораго не было (и въ самомъ заголовкѣ книги) никакого упоминанія о «философіи исторіи», включенной въ составъ труда только впоследствии и являющейся наиболѣе слабою его частью. Понятно, что общая теорія исторіи не можетъ быть полною безъ разсмотрѣнія техническихъ приѣмовъ историческаго изслѣдованія, и потому я включалъ этотъ отдѣлъ въ свои историко-теоретическія лекціи, поскольку это считалъ нужнымъ для общей характеристики исторической науки. Болѣе систематическое и детальное изложеніе такого предмета съ кафедръ для начинающихъ заниматься исторіей въ высшей школѣ едва ли имѣло бы смыслъ: плаванію учатъ посредствомъ плаванія, а не разсужденіями о томъ, что нужно дѣлать, чтобы держаться на водѣ подвигаться впередъ, нырять и т. п.; то же самое относится и къ техникѣ исторической работы.

Техническія правила науки — одно, ея теоретико-познавательные принципы — другое. Въ общемъ курсѣ теоріи исторіи послѣднимъ должно, несомнѣнно, принадлежать первое мѣсто, ибо задача такого курса не въ томъ, чтобы научить, какъ работать въ области исторіи, а дать понять, что такое исторія, какъ наука, въ чемъ заключаются условія ея научности, т.-е. въ какомъ смыслѣ возможно научное познание прошлаго и что составляетъ ея предметъ и ея задачу (или задачи). Къ числу условій научности любой отрасли знанія относится правильность мышленія, являющаяся, какъ извѣстно, предметомъ логики¹⁾, причемъ логика можетъ быть общею и спеціальною, имѣющею дѣло съ отдѣльными науками. Въ то время, какъ писались мои «Основные вопросы философіи исторіи» не только спеціальная логика исторической науки, но и вообще логика общественныхъ наукъ была разработана крайне недостаточно. Тогда или не было еще трактатовъ

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ *А. И. Введенскій* правильно на заглавномъ листѣ своего курса поставилъ: „Логика, какъ часть теоріи познанія“ (Сиб., 1912).

по логикѣ, которые я потомъ имѣлъ возможность разсмотрѣть во «Введеніи въ изученіе соціологіи»¹⁾, или я не успѣлъ еще съ ними познакомиться (напр., съ «Логикой» Вундта въ первомъ ея изданіи),— а были только извѣстные труды Милля и Бэна, въ которыхъ менѣе всего имѣлась въ виду исторія, такъ какъ обоихъ интересовало, главнымъ образомъ, открытіе законовъ, уже тогда не считавшееся мною за задачу исторической науки, какъ таковой?²⁾ Лишь въ болѣе близкое время работы Виндельбанда и Риккерта, о которыхъ еще будетъ говорить ниже, а также Зиммеля³⁾, поставившихъ вопросъ о сущности исторіи на точку зрѣнія гносеологіи, въ разработкѣ основныхъ вопросовъ исторической логики произошло нѣкоторое оживленіе. Тѣмъ менѣе я могъ пренебречь въ своемъ преподаваніи теоріи исторіи новыми точками зрѣнія, что, съ одной стороны, онѣ отчасти и до извѣстной степени совпадали съ моими прежними взглядами, и что, съ другой, онѣ сдѣлались у насъ очень популярными въ учащейся молодежи, какъ это замѣчено было не мною однимъ изъ преподавателей высшей школы⁴⁾. Вообще вопросы методологіи исторіи за послѣдніе годы стали сильно занимать теоретическую мысль, о чемъ свидѣлствуютъ, наприим., недавній (въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка) споръ въ Германіи о «старомъ и новомъ направленіяхъ въ исторіи» и основаніе во Франціи спеціального органа «Revue de

¹⁾ См. въ названной здѣсь книгѣ главу X.

²⁾ Основные вопросы философіи исторіи, кн. I, гл. 2. Впрочемъ, и Вундтъ въ этомъ отношеніи не особенно отличается отъ Милля и Бэна. Логика Зигварта существовала уже въ семидесятыхъ годахъ, но въ своемъ отдѣлѣ объ историческомъ знаніи не соотвѣтствовала тогдашнему обобщающему направленію.

³⁾ *W. Windelband. Geschichte und Naturwissenschaft* (1894).—*H. Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* (1896) и *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* (1896).—*G. Simmel. Probleme der Geschichtsphilosophie.*

⁴⁾ См. въ Логикѣ А. И. Введенскаго указаніе на то, что „среди учащихся, ... подъ вліяніемъ Виндельбанда и Риккерта, ... нерѣдко встрѣчается мнѣніе, будто бы окончательной цѣлью исторіи служить само же единичное“, стр. 80.

synthèse historique», редакторъ котораго, Анри Беррѣ, въ 1911 г. издалъ «критическій и теоретическій опытъ» подъ заглавіемъ «La synthèse en histoire»¹⁾.

Съ теоретическими вопросами исторической науки я болѣе или менѣе всегда старался знакомить всѣхъ своихъ слушателей, то посвящая этому предмету вступительныя лекціи въ отдѣльные свои историческіе курсы, то объявляя особыя лекціи «для желающихъ». Вообще чтеніе историко-теоретическихъ лекцій или курсовъ не представляетъ собою новизны въ дѣлѣ преподаванія въ высшей школѣ. Въ обычаѣ прежнихъ профессоровъ было предпосылать своимъ курсамъ общія свѣдѣнія объ исторической наукѣ и ея методахъ²⁾, а также иногда читать и цѣлые курсы, главнымъ образомъ, впрочемъ, объ исторической техникѣ, о критикѣ и интерпретаціи источниковъ, а также о такъ называемыхъ «вспомогательныхъ наукахъ исторіи», въ родѣ палеографіи, дипломатики, сфрагистики, дисциплинахъ чисто технического значенія. Только очень недавно, — притомъ параллельно съ курсами социологіи³⁾, — стали систематически читаться кое-гдѣ и входить въ составъ общеобразовательныхъ историческихъ предметовъ курсы по теоріи исторіи въ болѣе общемъ и широкомъ смыслѣ.

Настоящая книга, какъ было уже упомянуто, является воспроизведеніемъ читанныхъ мною лекцій, гдѣ съ сокращеніями, гдѣ, наоборотъ, съ дополненіями, какія я нашелъ необходимыми и полезными. Издавая ее, я имѣю въ виду преимущественно учащуюся молодежь и людей, занимающихся самообразованіемъ, притомъ интересующихся вообще не только исторіей, но и другими предметами историко-филологического и юридическаго факультетовъ: языкомъ, литературой, искусствомъ, религіей, философіей, правомъ, политикой, эконо-

¹⁾ См. о немъ мою статью въ XVII т. „Историческаго Обозрѣнія“.

²⁾ Образецъ этого мы находимъ въ довольно извѣстныхъ учащимся „Лекціяхъ по всеобщей исторіи“ бывшаго харьковскаго профессора *М. Н. Петрова*.

³⁾ О томъ, какъ и гдѣ началось преподаваніе социологіи въ концѣ XIX в., см. въ спеціально этому посвященной главѣ „Введенія въ изученіе социологіи“.

номикой, поскольку въ наше время «историзмомъ», въ большей или меньшей мѣрѣ, проникнуты всѣ гуманитарныя и общественныя науки. Другими словами, въ этомъ своемъ курсѣ я исхожу изъ самаго широкаго пониманія исторіи, распространяя его на историческій элементъ всѣхъ наукъ о человѣкѣ и человѣчествѣ, взятыхъ съ психологической и соціологической точекъ зрѣнія.

Одно дѣло—писать ученый трактатъ, другое—составлять курсъ лекцій. Ученые трактаты могутъ быть интересны и понятны только специалистамъ или въ лучшемъ случаѣ людямъ, имѣющимъ извѣстную подготовку въ данной области, могущимъ не только заинтересоваться, но (и это главное) понять прочитанное и произвести ему самостоятельную оцѣнку. Учебныя пособія, наоборотъ, пишутся для начинающихъ, которые еще только должны получить самую общую подготовку въ предметѣ, которымъ обо многомъ предстоитъ еще узнать или подумать только въ первый разъ, и для которыхъ на первыхъ порахъ очень многое бываетъ даже лишнимъ, наприм., разныя подробности, только мѣшающія сосредоточить все свое вниманіе на существѣ дѣла. Мои «Основные вопросы философіи исторіи» были ученымъ трудомъ,—не даромъ я сдѣлалъ изъ нихъ диссертацию на степень доктора всеобщей исторіи,—но потомъ, переиздавая ихъ уже для большой публики, я упростилъ книгу, устранивъ изъ нея большую часть тавъ называемаго ученаго аппарата, выкинувъ около сотни страницъ исторіографическаго обзора, сокративъ массу подстрочныхъ примѣчаній, цитатъ, ссылокъ и т. п. ¹⁾ Такой же упрощенный видъ я придаю и этому своему пособию—въ интересахъ, надѣюсь, читателей, которыхъ я вообще не желаю вводить сразу въ запутанный лабиринтъ исторіографическаго и критическаго разсмотрѣнія съ безпрестанными упоминаніями собственныхъ именъ историковъ, философовъ, соціологовъ и т. д. или названій книгъ, брошюръ, статей, съ постоянными историческими справками о томъ, какъ прежде ставился или рѣшался тотъ или другой вопросъ, съ частыми изложеніями и разбо-

¹⁾ Въ первомъ изданіи текстъ книги занималъ 856 стр., во второмъ—610, въ третьемъ—446.

рами разныхъ мнѣній, когда-либо высказывавшихся или теперь высказывающихся въ литературѣ, съ остановками на второстепеннымъ подробностяхъ и всякомъ случайномъ матеріалѣ.

Исторія каждой науки, исторія ея отдѣльныхъ вопросовъ — вещь весьма важная, да и не историку отрицать значеніе историческаго отношенія къ научному знанію и его проблемамъ, но въ преподаваніи, имѣющемъ дѣло съ теоретическими основами науки, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать задачи ознакомленія съ ея методологіей, какъ послѣдняя понимается теперь, и задачъ ознакомленія съ исторіей разработки этой методологіи. Далѣе, по многимъ вопросамъ теоріи исторіи и теперь существуютъ и разногласія, и несходные оттѣнки мнѣній, наоборотъ, въ общемъ между собою согласныхъ, но въ большинствѣ случаевъ для яснаго и отчетливаго пониманія излагаемыхъ истинъ нѣтъ необходимости перечислять всѣ мнѣнія, считаемыя нами за ошибочныя или въ чемъ-либо отклоняющіяся отъ нашихъ. Историческій и критическій (или вѣрнѣе полемическій) элементы въ изложеніи предмета я сознательно довожу въ этой книгѣ до минимума, оставляя его лишь тамъ, гдѣ онъ признаётся мною безусловно необходимымъ. Если бы можно было совсѣмъ безъ него обойтись, — какъ это дѣлается при преподаваніи элементарной математики, — было бы еще лучше, но это оказывается, къ сожалѣнію, невозможнымъ.

Сознательное сокращеніе, до возможнаго минимума, какъ историческаго, такъ и полемическаго элементовъ влечетъ за собою устраненіе изъ книги большого количества собственныхъ именъ авторовъ и названій ихъ сочиненій, понятнаго въ книгѣ, предназначенной служить и справочнымъ пособіемъ, но отнюдь не въ курсѣ, имѣющемъ своею цѣлью изложеніе руководящихъ идей въ ихъ отвлеченномъ пониманіи. Конечно, совсѣмъ ссылокъ на отдѣльныхъ авторовъ и на отдѣльныя сочиненія избѣжать было нельзя, но, кромѣ особенно важныхъ книгъ, я упоминаю только о тѣхъ, притомъ большею частью имѣющихся на русскомъ языкѣ, съ которыми могли бы и даже иногда должны были бы непосредственно познакомиться читатели этого курса. Менѣе всего я думалъ о томъ, чтобы эта книга служила и справочнымъ пособіемъ по библиографіи теоріи исторіи.

Съ тою же самою цѣлью не загромождать изложенія ничѣмъ лишнимъ я нашелъ нужнымъ быть какъ можно скупѣе на подстрочныя примѣчанія, которыми можно было бы, по имѣющимся у меня выпискамъ изъ разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ, брошюръ и статей, наполнить нижнія половины большей части страницъ. Въ общемъ, я допускаю примѣчанія въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда считаю небезполезнымъ или объяснить значеніе какого-нибудь термина, или мотивировать, почему отступаю отъ какого-либо распространеннаго взгляда, или же привести чье-либо мнѣніе, удачно подтверждающее мою мысль, кромѣ, наконецъ, случаевъ, когда я дѣлаю ссылки на свои прежнія работы, въ которыхъ о томъ или другомъ говорится болѣе обстоятельно.

Все вышеизложенное относится, главнымъ образомъ, къ той части курса, которая посвящена теоріи историческаго знанія, т.-е. гносеологической, логической и методологической части, коей я даю спеціальное названіе «историки»; у теоріи исторіи, кромѣ этой формальной стороны, есть еще другая, такъ сказать, реальная, или матеріальная, выдѣляемая мною въ другую часть, феноменологическую, т.-е. соціологическую, какъ теорію историческаго процесса (именно уже не знанія, а самаго процесса), или, какъ я ее называю, „исторіологію“. И въ этой части курса я стремлюсь держаться такого же способа изложенія, какъ и въ первой,—способа, который можно было бы обозначить какъ догматическій,—но по существу все-таки есть большая разница между обѣими темами—темою историки и темою исторіологіи.

Какъ-никакъ, историческая наука съ опредѣленнымъ матеріаломъ и содержаніемъ, задачами и приѣмами, существуетъ, и теоріи исторической науки, какъ одной изъ отраслей научнаго знанія, остается только установить и выяснить основные принципы этого знанія, болѣе или менѣе всѣми научно образованными историками признаваемые. Другое дѣло — вопросъ о существѣ историческаго процесса, о его основныхъ причинахъ, силахъ, факторахъ, формахъ, законахъ, о томъ, что можно, дабы выразиться совсѣмъ коротко, назвать его механикой. Въ сущности, это вопросъ соціологи-

ческий, но, къ сожалѣнію, мы пока не имѣемъ единой соціологіи, потому что, какъ извѣстно, налицо имѣются только разныя соціологіи. Какъ ни хочется вѣрить въ близкую возможность синтеза главныхъ соціологическихъ направленій въ единую соціологію, по поводу которой у занимающихся ею не будетъ коренныхъ разногласій и взаимнаго непониманія, все же въ данное время нѣтъ общепризнаннаго соціологами ученія о законахъ, проявляющихся въ процессахъ, которые совершаются въ общественной жизни и во всей своей совокупности обуславливаютъ историческое движеніе и различныя направленія, темпы, формы и результаты послѣдняго, наблюдаемые нами въ дѣйствительности. Если въ методологической части теоріи исторіи приходится, главнымъ образомъ, подводить итоги подъ прочно уже добытымъ, то въ этой, феноменологической части, мы вынуждаемся скорѣе лишь намѣчать программу будущихъ усилій теоретической мысли въ области исторической науки.

Во всѣхъ четырехъ своихъ книгахъ историко-философскаго и соціологическаго содержанія я отводилъ много и, быть можетъ, даже слишкомъ иногда много мѣста изложенію и разбору разныхъ общихъ теорій и мнѣній по отдѣльнымъ пунктамъ, за исключеніемъ развѣ только книги «Сущность историческаго процесса», въ которой особенно полно и подробно я изложилъ свои собственныя мысли относительно этого предмета. Послѣ появленія въ свѣтъ названной книги, давно уже вышедшей изъ продажи, прошло болѣе двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ я много работалъ по самой исторіи и по ея теоріи съ соціологіей, не оставляя никогда внѣ круга своего вниманія теоретическаго вопроса о сущности историческаго процесса. Чтеніе лекцій по теоріи исторіи заставляло меня, время отъ времени, пересматривать свои прежніе взгляды въ зависимости отъ пріобрѣтенія новыхъ историческихъ знаній и бѣльшаго углубленія въ старыя. Настоящій моментъ я счелъ удобнымъ для того, чтобы безъ всякихъ исторіографическихъ обзоровъ, критическихъ экскурсовъ и библиографическихъ ссылокъ изложить общіе итоги своихъ размышленій надъ проблемами теоріи историческаго процесса.

Каждый историкъ имѣетъ свое представленіе о томъ, какъ совершается исторія,—представленіе, вытекающее и изъ апріорныхъ предпосылокъ, безъ которыхъ не обходится никакая научная работа, общѣ говоря, изъ всего міросозерцанія историка, и изъ тѣхъ обобщеній, которыя складываются у него на основаніи собственнаго изученія имъ тѣхъ или другихъ комплексовъ историческихъ фактовъ. Историкъ можетъ не отдавать себѣ яснаго отчета въ своихъ апріорныхъ предпосылкахъ, но онѣ у него должны быть, ихъ у него не можетъ не быть, и если онѣ не самъ ихъ для себя и вполне сознательно установилъ путемъ гноссологической критики, то это только значитъ, что происхожденіе ихъ къ его мысли чисто традиціонное, не логическое, а психологическое. То же самое слѣдуетъ сказать и объ обобщеніяхъ, къ которымъ приводитъ историковъ изученіе ими прошлаго: и эти обобщенія могутъ оставаться у нихъ за порогомъ сознанія, да и быть не столько результатами намѣреннаго исканія какихъ-либо обобщающихъ формулъ путемъ логическаго мышленія, сколько произвольными выводами изъ фактовъ, возникающими тѣмъ же путемъ, какимъ складывается въ практической жизни то, что мы называемъ житейскимъ опытомъ, т.-е. опять-таки чисто психологическимъ путемъ. Конечно, достоинство исторіи, какъ науки, требуетъ, чтобы и апріорные, и апостериорные элементы нашего знанія о прошломъ оправдывались логикой, наукою о правильномъ мышленіи, безъ чего знаніе будетъ находиться въ полной зависимости отъ личной психики отдѣльныхъ людей и не получитъ общеобязательнаго значенія. Разъ критическое изслѣдованіе должно быть внесено въ область вопросовъ, касающихся сущности исторіи, какъ науки, ея предмета, задачи, метода, то нѣтъ никакихъ логическихъ основаній не требовать того же самаго по отношенію къ существу исторіи, какъ одной изъ составныхъ частей міра явленій, т.-е. и внутренней основы исторіи, и ея внѣшнихъ формъ.

Къ сожалѣнію, — на что я не разъ уже имѣлъ случай указывать, — вопросами теоріи историческаго процесса занимались, ставили ихъ и такъ или иначе разрѣшали большею частью не историки-спеціалисты, а представители другихъ отраслей знанія, какъ-

то философы, психологи, социологи и т. п., да и то лишь съ недавняго времени историки сами начали разрабатывать эти вопросы, взявъ ихъ, такъ сказать, изъ рукъ философовъ и социологовъ. Раньше они даже не считали нужнымъ задумываться надъ такими проблемами и часто относились къ нимъ вообще отрицательно, прямо съ крайнимъ недоверіемъ ко всякимъ теоретическимъ отвлеченностямъ какъ порожденіямъ метафизической философіи исторіи, достаточно себя дискредитировавшей передъ судомъ положительнаго знанія. Такъ какъ, однако, безъ нѣкоторыхъ теоретическихъ предпосылокъ о сущности историческаго процесса работать въ области исторической науки нельзя, если только дѣло не ограничивается критикою источниковъ и констатированіемъ фактовъ, то, въ сущности, у каждаго историка должна была быть своя исторіологія, основныя положенія которой нѣкоторые и высказывали въ формѣ всякаго рода афоризмовъ. Это, конечно, не то, чѣмъ должно быть систематическое занятіе предметомъ.

Можно даже сказать, что у каждаго поколѣнія историковъ безъ ихъ вѣдома складывались особые взгляды, выдвигавшіе на первый планъ ту или другую сторону процесса, какъ главную и основную, т.-е. свои болѣе или менѣе популярныя лозунги. Очень часто послѣдніе возникали подъ вліяніемъ новыхъ идей въ такихъ наукахъ, какъ географія и антропологія, когда въ этихъ наукахъ были поставлены вопросы о вліяніи природы на человѣка и о различіяхъ человѣческихъ расъ. Съ другой стороны, случалось и такъ, что, наоборотъ, и бывшія въ свое время очень модными въ социологической литературѣ опредѣленія историческаго процесса не оказывали большого вліянія на работу историковъ, какъ это можно сказать о спеціально дарвинистической социологіи или объ органической теоріи общества, не пользовавшихся большимъ кредитомъ у историковъ. Исключительно натуралистическій характеръ такихъ доктринъ отталкивалъ отъ себя большинство историковъ, державшихся, въ общемъ, интеллектуалистическаго или идеологическаго объясненія исторіи—изъ идей или, говоря частнѣе, изъ господствующихъ идей эпохи. Лишь постепенно въ работахъ историковъ сталъ выдвигаться на передній

планъ чисто экономическій факторъ, но это дѣлалось какъ-то само собою, безъ теоріи, больше подъ непосредственнымъ вліяніемъ жизни съ ея экономической злобою дня, и только въ послѣднее время эта новая тенденція историковъ стала нѣкоторыми изъ нихъ обосновываться началами теоріи экономического матеріализма, возникшаго, какъ извѣстно, внѣ спеціальной области исторической науки.

Начинающіе ученые невольно примыкали къ тѣмъ общимъ историческимъ идеямъ, которыя были въ наибольшемъ ходу въ то время, когда они учились, воспринимая вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-либо изъ философскихъ ученій, бывшихъ наиболѣе популярными въ данный моментъ. Многіе и успокаивались на взглядахъ, сложившихся у нихъ на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности, не подвергали ихъ пересмотру, не заботились о развитіи ихъ въ сколько-нибудь цѣльную теорію. Иногда, усвоивъ изъ философіи или соціологіи извѣстные общіе взгляды на исторію, но не находя для нихъ непосредственнаго примѣненія въ своихъ научныхъ занятіяхъ, молодые ученые потомъ эти свои взгляды просто забывали. Во всякомъ случаѣ, создавались нѣкоторыя объединяющія для отдѣльныхъ поколѣній начала, но въ ихъ послѣдовательности не всегда замѣчалось общее развитіе, а скорѣе скачки, которые имѣли своимъ результатомъ цѣлый рядъ случаевъ взаимнаго непониманія старшихъ и младшихъ поколѣній.

На своемъ вѣку я былъ свидѣтелемъ не одной замѣны однѣхъ идей, пользовавшихся популярностью, другими, тоже дѣлавшихся въ свою очередь, такъ сказать, модными: я именно рѣшаюсь сказать, что здѣсь происходила смѣна модъ. Я помню еще то время, когда властителемъ думъ молодежи, сколько-нибудь интересовавшейся общими идеями, былъ Бокль, книга котораго, знаменитая «Исторія цивилизаціи въ Англіи», была для «молодого поколѣнія» настоящимъ откровеніемъ, воспринимавшимся наиболѣе горячими поклонниками Бокля съ такимъ же догматизмомъ, съ какимъ воспринимается любое откровеніе. Мы, тогдашняя молодежь, готовы были видѣть въ каждомъ критическомъ прикосновеніи къ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» признакъ умственной отсталости и затхлаго консерва-

тизма (притомъ не въ одной наукѣ, но и въ политикѣ). Контъ, съ которымъ русское общество познакомилось нѣсколько позже и котораго оно въ подлинникѣ въ рукахъ своихъ не имѣло, не былъ такъ широко популяренъ, но тѣ, которые могли съ нимъ ближе познакомиться, испытывали на себѣ и его вліяніе. Приходилось иногда слышать со стороны наиболее увлекавшихся заявленія даже такого, наприм., рода, что все-де дальнѣйшее развитіе исторической науки должно быть не чѣмъ инымъ, какъ фактическимъ оправданіемъ, детальнымъ примѣненіемъ и логическимъ развитіемъ историческихъ взглядовъ Конта. Болѣе всего, разумѣется, такой догматизмъ проявлялся со стороны дилеттантовъ и профановъ, потому что кто начиналъ сколько-нибудь серьезно работать въ области исторической науки, не могъ не видѣть, до какой степени сложенъ историческій процессъ и сколько нужно еще сдѣлать, чтобы придти къ какимъ-либо прочнымъ, не вызывающимъ основательныхъ возраженій выводамъ. И именно изученіе самой исторіи не позволяло тому, кто ему предавался, увлекаться бывшими очень распространенными въ широкихъ кругахъ взглядами, будто біологическая теорія Дарвина заключаетъ въ себѣ ключъ къ истинному пониманію сущности исторіи или будто весь секретъ послѣдней сводится къ спенсеровскому закону эволюціи, какъ интеграціи, сопровождаемой дифференціаціей. Полоса догматическаго увлеченія экономическимъ матеріализмомъ Маркса и Энгельса тоже представляетъ собою не мало явленій, аналогичныхъ тѣмъ, о которыхъ сказано выше, и критическое отношеніе къ этому ученію тоже, какъ извѣстно, сплошь и рядомъ отождествлялось съ научнымъ непониманіемъ и съ политической реакціонностью.

Догматическія увлеченія весьма естественны при маломъ знаніи, но противъ малаго знанія самое дѣйствительное средство есть увеличеніе знанія. Конечно, и пишущій эти строки въ свое время отдавалъ дань такимъ увлеченіямъ, но чѣмъ болѣе знаніе его увеличивалось, тѣмъ болѣе догматизмъ уступалъ критицизму. Я говорю здѣсь не объ одномъ фактическомъ знаніи, заключающемъ въ себѣ научный матеріалъ для критики всякихъ теоретическихъ построеній съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія дѣйствительности, но и о знакомствѣ съ

разными другими, по возможности со всѣми теоретическими построениями, а не съ однимъ только тѣмъ, которое почему-либо было раньше другихъ узвано и усвоено. Всѣ идеи, всѣ теоріи въ данной области знанія одинаково должны быть предметомъ совершенно однороднаго анализа, подвергнуты безпристрастной критикѣ со стороны логики и со стороны фактовъ,—вотъ тотъ принципъ, который мною руководилъ, когда я работалъ надъ своими «Основными вопросами философіи исторіи», которые въ подзаголовкѣ и были обозначены, какъ «критика исторіософическихъ идей». Одновременная критика нѣсколькихъ теорій не можетъ не сопровождаться ихъ сопоставленіемъ, постояннымъ сравниваніемъ ихъ исходныхъ пунктовъ, основныхъ идей, важнѣйшихъ выводовъ и принятіемъ того, что во всемъ этомъ оказалось бы пріемлемымъ со стороны логики и фактовъ. Тѣхъ же самыхъ пріемовъ держаясь я и въ другихъ своихъ трудахъ вообще, въ особенности же во «Введеніи въ изученіе социологіи». Въ наукахъ, истины которыхъ вообще покоятся на болѣе прочныхъ основаніяхъ и пользуются общимъ признаніемъ специалистовъ, нѣтъ надобности въ сравнительно-критическомъ конфронтированіи разныхъ ученій, но въ такихъ случаяхъ, какъ насъ сейчасъ занимающій, безъ этого обойтись нельзя. Въ настоящее время такъ думаютъ и тѣ теоретики, которые крайне отрицательно относятся къ содержанію прежнихъ ненаучныхъ теорій ¹⁾, рассчитывая, однако, извлекать изъ нихъ пріемлемые результаты или заслуживающія вниманія гипотезы ²⁾.

Занявшись систематическимъ изученіемъ литературы по теоріи историческаго процесса, въ общемъ составѣ историко-философской

¹⁾ *Henri Berr* въ книгѣ „La synthèse en histoire“ (стр. 39) пишетъ: „il ne faut pas faire table rase du passé, et l'histoire des systèmes serait la première partie de la tâche que nous cherchons en ce moment à préciser... Tout en voulant réagir contre la philosophie de l'histoire, nous protestons contre le dédain ou l'indifférence de beaucoup d'historiens à l'égard des anciennes philosophies de l'histoire“.

²⁾ Тотъ же авторъ говоритъ еще (стр. 260): „с'est travailler à la synthèse que de faire l'histoire des conceptions historiques, que de chercher à dégager, de ce long et multiple effort, les résultats acquis et les hypothèses vivaces“.

литературы, начиная съ Джіамбаттиста Вико, жившаго двѣсти лѣтъ тому назадъ, я обнаружилъ и своевременно отмѣтилъ одну особенность этой литературы, состоящую въ томъ, что большинство авторовъ строилось, такъ сказать, на новыхъ мѣстахъ и по своимъ собственнымъ планамъ, какъ будто до нихъ никто нигдѣ и никогда не дѣлалъ того же самаго. Научной преемственности какъ-будто не существовало, и каждый какъ бы съизнова начиналъ создавать науку—*prolem sine matre creatam*¹⁾. Не такъ создается настоящая наука: усилія предшественниковъ должны быть передъ глазами, и въ самыхъ ихъ ошибкахъ должны заключаться предостереженія для позднѣйшихъ изслѣдователей. Съ другой стороны, изучая сочиненія прежнихъ теоретиковъ и философовъ, я не могъ представить себѣ, чтобы въ ихъ взглядахъ,—если только послѣдніе не имѣли теологическаго или метафизическаго характера,—не было хоть маленькой доли истины, т.-е. чтобы у этихъ взглядовъ не было никакихъ логическихъ и фактическихъ основаній, чтобы они не вытекали изъ какихъ-либо болѣе или менѣе установленныхъ истинъ и не являлись обобщеніями изъ наблюденій надъ фактами. Безпрестанно мнѣ приходилось встрѣчаться со своего рода «*sic ac non*», съ діаметрально противоположными отвѣтами на одни и тѣ же вопросы. Эти отвѣты приходилось анализировать и доискиваться ихъ основаній, которыя и оказывались въ той или другой мѣрѣ пріемлемыми, хотя бы съ оговорками и урѣзками,—оказывались поэтому не то что ложными, а лишь односторонними, преувеличенными, не въ мѣру обобщающими и распространяющими на цѣлое то, что правильно только по отношенію къ одной части, къ одной сторонѣ этого цѣлаго, къ одной категоріи даннаго класса явленій. Правильнымъ рѣшеніемъ въ такомъ случаѣ приходилось признавать не то или другое, но и то, и другое, только въ извѣстныхъ своихъ частяхъ и въ извѣстной комбинаціи этихъ частей. или, говоря иначе, искомая истина находилась не въ золотой серединѣ, а въ высшемъ синтезѣ, снимающимъ въ себѣ противорѣчія тезиса и антитезиса. Золотой середины и быть не можетъ

тамъ, гдѣ дается дилемма «или—или», какъ не можетъ быть и чисто механическаго сложения $+a$ съ $-a$, дающихъ въ суммѣ нуль. Нѣтъ, здѣсь рѣчь должна идти только о настоящемъ синтезѣ, и этимъ путемъ я старался всегда идти, не останавливаясь на чисто отрицательныхъ результатахъ критики чужихъ теорій. Такое сопоставленіе противоположныхъ рѣшеній однихъ и тѣхъ же вопросовъ въ цѣляхъ, во-первыхъ, ихъ критики, которая вылущивала бы въ каждомъ рѣшеніи возможное въ немъ зерно истины, и, во-вторыхъ, синтеза добытыхъ результатовъ сдѣлалось даже однимъ изъ обычныхъ методовъ моихъ исторіологическихъ разсужденій. Когда я познакомился съ бѣльшимъ количествомъ работъ Фулье, я увидѣлъ, что онъ также систематически пользовался этимъ приѣмомъ въ своихъ многочисленныхъ философскихъ работахъ, именно «методомъ примиренія» (*méthode de conciliation*), какъ онъ самъ его обозначилъ.

Въ книгѣ «Будущее метафизики» названный французскій философъ нашелъ нужнымъ заняться отграниченіемъ своего «конциліаціоннаго» метода отъ простаго эклектизма¹⁾. Я невольно вспоминаю здѣсь самозащиту Фурье, потому что мнѣ самому часто приходилось встрѣчаться и по своему адресу съ обвиненіемъ въ эклектизмѣ за то, что я не становился рѣшительно на сторону какой-либо теоріи, а старался соединять вмѣстѣ отдѣльные элементы разныхъ теорій, въ томъ числѣ и противорѣчивыхъ. Если уже на то пошло, эклектическимъ путемъ развивается каждая наука,—эклектическимъ путемъ въ смыслѣ выбора²⁾ приѣмлемаго наукою изъ положеній, высказывавшихся разными учеными и не всегда бывшихъ вѣрными. Въ этомъ не только нѣтъ ничего зазорнаго, но иначе наука и не можетъ развиваться, лишь бы то или другое принималось ею въ силу логической или фактической обоснованности, а не по какимъ-либо постороннимъ наукѣ соображеніямъ, моральнымъ или политическимъ, какъ это было у блаженной памяти французскихъ эклектиковъ первой половины

¹⁾ *A. Fouillée. L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience (1889), стр. 129 (§ подъ заглавіемъ „Différence entre la méthode de conciliation, la méthode hégélienne et la méthode l'eclectique“).*

²⁾ Греч. *ἐκλεκτικός* отъ *ἐκλέγειν*—выбирать, отбирать.

XIX в. Руководясь исключительно научными соображениями, логикой и фактами, а не голосомъ чувства или интереса, мы изъ массы того, что высказывалось другими, выбираемъ и соединяемъ вмѣстѣ отдѣльныя мысли, постоянно имѣя въ виду, что онѣ не могутъ находиться между собою въ противорѣчїи, что, наоборотъ, онѣ должны быть между собою въ такомъ согласїи, которое позволяло бы представлять ихъ въ стройной системѣ. Это уже не эклектизмъ, сшивающій бѣлыми нитками то, что ему понравилось или что онъ нашель выгоднымъ, а именно синтезъ логически и фактически обоснованныхъ положенїй, подвергавшихся научной критикѣ и выдержавшихъ это испытанїе. Легко сказать: «стань рѣшительно на точку зрѣнїя какой-либо школы», но если каждую изъ нихъ я нахожу одностороннею и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждой все-таки вижу долю истины. Легко также сказать: «ну, а въ такомъ случаѣ давай свою собственную теорїю», но если я принципиально противъ всякаго сочинительства, разъ вся литература по философіи исторїи представляется мнѣ громаднымъ полемъ съ великимъ множествомъ начатыхъ и неоконченныхъ построекъ, а будь даже и оконченныхъ, то оставшихся необитаемыми и часто совсѣмъ даже забытыхъ!

Выше уже было сказано, что моимъ намѣренїемъ въ настоящей книгѣ не было излагать, анализировать и критиковать чужїя теорїи историческаго процесса: заговоривъ о своемъ «конциліаціонномъ» методѣ ихъ изученїя, я хотѣлъ только показать, что въ основу догматически излагаемой мною теорїи положенъ, какъ мнѣ кажется, достаточно широкой синтезъ положительныхъ истинъ, добытыхъ прежними теоретиками исторїи, взятой въ смыслѣ жизни человѣчества въ прошломъ съ ея продолженїемъ въ настоящемъ. Никто никогда не создавалъ какую бы то ни было науку сразу, и общїй трактатъ по любой наукѣ является, въ концѣ концовъ, подведенїемъ итоговъ подъ уже сдѣланнымъ въ ней другими учеными, а не изложенїемъ однѣхъ новыхъ истинъ, открытыхъ самимъ авторомъ руководства. И въ изложенїи теорїи исторїи нужно заботиться прежде всего о научной основательности, а не оригинальности и новизнѣ излагаемаго. Мы имѣемъ слишкомъ много философїй (и теорїй) исторїи и слишкомъ

много соціологій, чтобы желать прибавленія къ существующимъ еще такихъ, которыя были бы опять новыми постройками на новыхъ мѣстахъ и по новымъ планамъ внѣ связи съ прежними усиліями и добытыми результатами ¹⁾. Новыя истины открываются частными изслѣдованіями, хотя, разумѣется, и въ общихъ трактатахъ не возбраняется высказывать новыя мысли.

Объ излагаемой мною теоріи историческаго процесса нужно сказать еще слѣдующее. Выше было, между прочимъ, отмѣчено, что въ подзаголовкѣ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи значилось, что это—«критика исторіософическихъ идей», но тамъ, кромѣ того, было прибавлено: «и опытъ теоріи прогресса». Обращаю вниманіе на послѣднія слова, на то, что меня во время работы надъ этимъ трудомъ занималъ не историческій процессъ вообще, а, такъ сказать, квалифицированный историческій процессъ, т.-е. такой процессъ, которымъ осуществляются въ жизни человѣчества принципы истины и справедливости. Я могу теперь сказать, что историко-философская идея прогресса, собственно, и была исходнымъ пунктомъ моего интереса къ тѣмъ теоретическимъ, въ области исторіи, вопросамъ, изученію которыхъ я посвящалъ столько времени и труда. Идея прогресса заключаетъ въ себѣ элементъ оцѣнки, коего нѣтъ въ понятіи просто процесса. Прогрессъ, это—нѣчто, субъективно оцѣниваемое, процессъ—нѣчто, объективно понимаемое, и то, что отправною точкою моего интереса къ философіи исторіи была идея прогресса, стоитъ въ тѣсной связи съ вліяніемъ, какое на меня оказывали въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (послѣ Бокля и Конта) русскіе соціологи: Лавровъ, Михайловскій, Южаковъ. Впослѣдствіи теоріи двухъ пер-

¹⁾ Читая уже называвшуюся выше книгу А. Берра, я съ сочувствіемъ отчеркнулъ слѣдующее мѣсто въ предисловіи къ ней „*ce n'est pas l'originalité que j'ai cherchée ici. Je me suis efforcé, comme il convenait en matière de science, non de créer une théorie neuve de l'histoire, mais de critiquer, d'utiliser, de faire aboutir les théories antérieures*“ (стр. X). Курсивъ мой; его цѣль обратить вниманіе на то, что именно это и есть путь науки—подвергать критикѣ разныя теоріи, отбирать въ нихъ приемлемое и подводить подъ всеѣмъ этимъ итоги.

выхъ стали называть «субъективною соціологіей» и даже говорили о «русской соціологической школѣ», къ которой удостоили причислять и меня. Особенность этой «школы», позволившая назвать ее субъективною, заключалась въ томъ, что въ ней интересъ къ дѣламъ человѣческимъ не ограничивался вопросами о томъ, что есть, но и распространялся на категорію долженствующаго быть, съ оцѣнкою существующаго съ точки зрѣнія должнаго. Представленіямъ о должномъ, или идеаламъ въ этомъ кругѣ идей придавалось особое значеніе среди факторовъ прогресса и особое значеніе личностямъ, проводящимъ эти идеалы въ жизнь. Занимаясь теоріей прогресса, какъ осуществленія идеаловъ дѣятельностью личностей, я не могъ, конечно, не поставить вопроса о самомъ, такъ сказать, механизмѣ исторіи; о сущности историческаго процесса безотносительно къ тому, что же осуществляется этимъ процессомъ — благо или зло, прогрессъ или регрессъ. Рѣшеніемъ такихъ вопросовъ объ объективной сущности историческаго процесса независимо отъ субъективной оцѣнки дѣйствительнаго хода исторіи и ея результатовъ и о роли человѣческой личности въ этомъ процессѣ, я и занялся во второй своей книгѣ. Становясь на такую точку зрѣнія, я не отказывался отъ того, что и раньше признавалъ, и теперь продолжаю признавать «законнымъ субъективизмомъ», а только рѣзче отдѣлилъ вопросъ о томъ, какъ совершается всякая исторія, отъ вопроса, совершается ли исторіей и какъ на самомъ дѣлѣ происходитъ воплощеніе истины и справедливости въ жизни человѣчества.

Я не буду спорить, если мнѣ кто-либо теперь скажетъ, что правильнѣе было бы начать теоретическое изслѣдованіе даннаго вопроса не съ опредѣленія прогресса, которое не можетъ не быть субъективнымъ, а съ объективнаго изученія историческаго процесса, отвлеченно взятаго, какъ особой формы міровой эволюціи, и изученія его безъ всякаго отношенія къ нашимъ желаніямъ, стремленіямъ, идеаламъ, вообще къ понятіямъ добра и зла. Но это не значитъ, что рядомъ съ такою научною задачею не можетъ существовать другая — задача оцѣнки дѣйствительнаго хода исторій съ точки зрѣнія добра и зла. Придавая книгѣ о сущности историческаго процесса и о роли лич-

ности въ исторіи строго «объективистическій» характеръ, и только рѣзче разграничивалъ задачи объективнаго пониманія и субъективной оцѣнки, обособлялъ задачу строго научную отъ задачи чисто философской, отнюдь не отрицая права второй изъ нихъ на самостоятельное существованіе.

Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX вѣка «субъективная социологія» (или «русская социологическая школа») подверглась рѣзкому нападенію со стороны экономического матеріализма, который и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать вліяніе на исторіологическую мысль. Во время полемики, вызванной выступленіемъ экономическихъ матеріалистовъ противъ «субъективной социологіи», полемики, сильно осложнявшейся разногласіемъ политическихъ программъ марксистовъ и народниковъ, почти совершенно незамѣченною осталась у насъ происходившая въ Германіи полемика индивидуалистическаго и коллективистическаго направленій («старого» и «новаго») въ исторіографіи, впрочемъ, и не дававшая ничего новаго для насъ, русскихъ, которые уже раньше много объ этомъ и думали, и говорили. Наши споры по вопросамъ исторіологіи касались не только вопроса объ идеологическомъ или экономическомъ пониманіи движущей силы въ историческомъ процессѣ, но и о роли въ немъ человѣческой личности съ ея внутренними переживаніями и внѣшними, дѣйственными проявленіями. Тѣ нападенія, которыя экономическими матеріалистами были сдѣланы на «субъективную социологію», менѣе всего касались вопросовъ, спеціально занимавшихъ меня въ «Сущности историческаго процесса», ибо въ этой книгѣ главное—вопросъ не о томъ, идеологія ли или экономика двигаютъ историческую жизнь впередъ и вообще вызываютъ въ ней существенныя перемѣны, а о пассивности или активности человѣка въ историческомъ процессѣ и о механизмѣ человѣческихъ взаимодействій, вопросъ, прибавлю, остающійся для меня однимъ и тѣмъ же, на какую бы изъ двухъ точекъ зрѣнія (и изъ другихъ еще возможныхъ) я ни сталъ.

Съ экономическимъ матеріализмомъ я поступилъ такъ же, какъ поступалъ и съ другими исторіологическими теоріями. Отказавшись отъ всякой личной полемики, подобной той, какую велъ въ восьми-

десятихъ годахъ, защищая свои «Основные вопросы», я подвергъ это учение принципиальной критикѣ въ цѣломъ рядѣ статей и въ книгѣ «Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ», дабы потомъ во «Введеніи въ изученіе социологіи» ввести это учение въ кругъ другихъ направленій социологіи для сопоставленія и сравненія его съ ними въ интересахъ будущаго социологическаго синтеза. Экономическій материализмъ не создалъ, по моему мнѣнію, цѣльной и всеобъемлющей теоріи историческаго процесса, но онъ, несомнѣнно, обогатилъ ее тою частью своего содержанія, противъ которой безпристрастная критика возразить ничего не можетъ. Съ точки зрѣнія экономическаго материализма въ историческомъ процессѣ объясняется многое, даже очень многое, но далеко не все: ошибка его послѣдователей—та, что они настаиваютъ на необходимости выводить все изъ одного начала, объясняющаго только нѣчто, хотя бы это нѣчто и было очень важнымъ. Во всякомъ случаѣ, экономическій материализмъ далъ не мало цѣнныхъ элементовъ для исторіологическаго синтеза: и одностороннія теоріи при надлежащемъ пользованіи ими заключаютъ въ себѣ много важнаго для пониманія сущности историческаго процесса.

Для того, чтобы это пониманіе было научнымъ, его нужно вообще отдѣлять отъ всего, въ чемъ замѣшаны наши вкусы, интересы, идеалы. «Субъективная социологія» была тѣсно связана съ «народническимъ» социализмомъ, представлявшимъ собою чисто практическую программу, которая сама вовсе не вытекала изъ пониманія Лавровымъ или Михайловскимъ того, какъ совершается всякая исторія. Въ своихъ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ» я старался доказать, что и экономическій материализмъ, представляющій собою официальную исторіологію социаль-демократіи, вовсе не такъ отъ нея логически неотдѣлимъ, чтобы нельзя было представить себѣ социаль-демократа, который не былъ бы экономическимъ материалистомъ, или экономическаго материалиста, который не былъ бы социаль-демократомъ. Примѣръ послѣдняго сочетанія уже былъ тогда въ лицѣ извѣстнаго Ахилла Лоріа, а вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ моихъ «этюдовъ» Эдуардъ Бернштейнъ своимъ выступленіемъ въ

«Предпосылкахъ социализма» фактически доказалъ и возможность существованія социаль-демократа, не вѣрящаго въ догматы экономического матеріализма.

Теорія исторического процесса, какъ и всякая другая научная теорія, должна быть теоріей самодовлѣющей, отнюдь не обоснованіемъ или оправданіемъ какого бы то ни было политического направленія — ни реакціи, ни консерватизма, ни либерализма, ни радикализма, ни социализма, ни коммунизма, ни анархизма: это все направленія къ тому или другому стремящейся воли, тому или другому симпатизирующаго чувства, а не познающей, добывающей пониманія мысли. Теорія исторического процесса должна основываться исключительно на логическомъ и фактическомъ фундаментахъ безъ малѣйшей примѣси чего-либо, что имѣетъ свой корень въ общественной партійности. Она должна показать, какъ вообще совершается исторія, и показать съ такою убѣдительностью, чтобы это было одинаково понятно и доказательно для людей, которые въ другихъ отношеніяхъ раздѣляются на самые непримиримые лагеря. И самый завзятый ретроградъ, и наиболѣе ярый революціонеръ одинаково должны признавать, наприим., что дважды два четыре, что площадь трехугольника равна половинѣ произведенія отъ помноженія основанія на высоту, что тѣла притягиваются прямо пропорціоально массамъ и обратно пропорціоально квадратамъ разстояній между ними, что вода состоитъ изъ водорода и кислорода и т. п., почему же они должны думать различно о томъ, какъ совершается исторія, сколько бы ни было разногласій между ними въ пониманіи своихъ и чужихъ правъ или того, чѣмъ должно быть человѣческое общество? Разумѣется, до такой теоріи исторіи далеко, но это все-таки идеаль, къ которому нужно стремиться. Лучшее средство въ дѣлѣ приближенія къ подобной цѣли, это — постоянно различать категоріи даннаго въ опытѣ (сущаго) и желательнаго (должнаго), и потому отдѣлять теоретическое пониманіе происходящаго въ дѣйствительности отъ практическихъ требованій, предъявляемыхъ нами къ будущему, иными словами, не связывать этого пониманія со своими общественными стремленіями, тѣмъ болѣе, что должное не вытекаетъ логически изъ

даннаго въ опытѣ. Я знаю, что исполненіе этого требованія очень трудно, но это—не что иное, какъ требованіе истинной научности.

Отграниченіе объективно-теоретическаго пониманія исторической жизни отъ установленія практическихъ требованій, могущихъ быть предъявленными къ этой жизни, но не могущихъ не быть субъективными, пожалуй, покажется неправильнымъ людямъ, мало знакомымъ съ условіями научности всякаго знанія, и противъ такого отграниченія многіе, пожалуй, выдвинутъ аргументы того современнаго философскаго направленія, которое извѣстно подъ названіемъ прагматизма. Здѣсь не мѣсто доказывать, что не слѣдуетъ смѣшивать категорій сущаго и должнаго, что то и другое познаётся разными путями, что цѣли познаванія того и другого совершенно различны, и что, наконецъ, познаваніе въ строгомъ смыслѣ слова можетъ относиться лишь къ тому, что уже существуетъ или существовало, а не къ тому, существованія чего мы только желаемъ или добиваемся. Еще менѣе я нахожу возможнымъ критиковать здѣсь прагматизмъ въ той его сторонѣ, которая состоитъ въ смѣшеніи стремленій ума и стремленій воли. Правда, въ прагматизмѣ есть нѣчто родственное такъ называемой «субъективной социологіи», но лично я никогда самъ не говорилъ о субъективномъ «методѣ», признавая законность только одного метода—объективнаго, и весь защищавшійся мною субъективизмъ,—который я и называю законнымъ въ отличіе отъ разныхъ видовъ субъективизма незаконнаго,—сводился лишь къ оцѣнкѣ того, что нами констатировано при соблюденіи правилъ логики и на основаніи объективныхъ фактовъ. Къ числу проявленій незаконнаго субъективизма я отношу вмѣстѣ съ субъективизмомъ національнымъ или конфессіональнымъ, противъ которыхъ раньше особенно считалъ нужнымъ бороться, еще субъективизмъ партійный и классовый, который провозгласили въ наукѣ сторонники экономическаго матеріализма. Принадлежность научнаго работника къ какой-либо національности, вѣроисповѣданію, сословію, социальному классу, политической партіи обусловлена или внѣшними обстоятельствами его рожденія и воспитанія, или внутренними свойствами его ума, темперамента, характера, а это все такія условія, отъ которыхъ логическое мышленіе никоимъ

образомъ не можетъ зависѣть и которыя въ познаваніи дѣйствительности не объединяютъ людей, какъ это дѣлаетъ логика, а раздѣляютъ на враждебныя и другъ друга не понимающія группы. «Законный субъективизмъ», защищавшійся мною въ «Основныхъ вопросахъ», есть субъективизмъ этической, и на этой точкѣ зрѣнія я продолжаю стоять и въ настоящей книгѣ: если я въ чемъ-либо отступаю отъ прежняго взгляда на этотъ предметъ, то лишь въ призваніи всего, относящагося къ категоріи должнаго, не интегральной частью научной теоріи историческаго процесса, а философскимъ къ ней придаткомъ, вполнѣ, впрочемъ, законнымъ.

Устраненіе субъективнаго элемента изъ теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго, устраненіе, произведенное мною еще въ книгѣ «Сущность историческаго процесса и роль личности къ исторіи», вѣроятно, сильно обезцѣнитъ излагаемые въ моемъ курсѣ исторіологическіе взгляды въ глазахъ читателей, которые ищутъ во всякой исторической теоріи какъ обѣщаній относительно будущаго, такъ и руководящихъ идей для дѣятельности въ настоящемъ, не столько, значить, знанія, сколько вѣры. Я отнюдь не осуждаю этого исканія и, наоборотъ, признаю его законность, его важность, какъ исканія смысла жизни, нравственнаго и общественнаго идеала, высшей правды, что и подчеркивалъ постоянно въ своихъ писаніяхъ для молодежи¹⁾,— но у холоднаго и безстрастнаго познаванія дѣйствительности задача совсѣмъ иная, какія бы примѣненія изъ выводовъ науки потомъ и ни дѣлались въ самой жизни. То, что по аналогіи съ однимъ недавно возникшимъ терминомъ я назвалъ бы вѣроискательствомъ, особенно проявляется въ молодежи, въ которой довольно сильны догматическія привычки мысли, мало еще дисциплинированной практикою научнаго анализа и философской критики, но ни надъ чѣмъ такъ хорошо нельзя упражнять логическое мышленіе, какъ надъ вещами безразличными въ отношеніи нашихъ чувствованій и стремленій, на-

¹⁾ Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи.—Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія—Мысли объ основахъ нравственности.—Мысли о сущности общественной дѣятельности.—Идеалы общаго образованія.

шей воли. Различая въ историческомъ знаніи реальную и формальную сторону, нѣкоторое *что*, затрогивающее эмоціональную и волевою сторону нашей психики, и нѣкоторое *какъ*, способное заинтересовать только нашъ умъ, я въ теоріи историческаго процесса вижу только это *какъ* исторіи, такое же, въ сущности, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ другихъ частныхъ теоріяхъ дѣйствительности, ставящихъ, наприим., слѣдующіе вопросы: какъ возникла солнечная система? Какъ совершаются движенія планетъ вокругъ солнца и ихъ спутниковъ вокругъ планетъ? Какъ образовались на землѣ горы? Какъ происходитъ измѣненіе видовъ животнаго и растительнаго царствъ? Какъ въ растеніяхъ вырабатывается хлорофиль? Какъ дѣйствуетъ человѣческой глазъ? Какъ происходитъ ассоціація представлений? Какъ возникло у людей государство? Какъ устанавливается равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ? Какъ кровавая месть замѣнилась вирой? Какъ былъ изобрѣтенъ телеграфъ? Какъ отражаются техническія изобрѣтенія на промышленности? Какъ происходитъ замѣна абсолютизма конституціоннымъ строемъ? Все это — вопросы о способахъ, путяхъ, послѣдовательностяхъ, порядкахъ, формахъ происхожденія и развитія всего доступнаго нашему внѣшнему и внутреннему опыту, всего, что способно приковывать къ себѣ наше вниманіе лишь потому, что находится въ полѣ нашего зрѣнія, нами наблюдается, возбуждаетъ наше любопытство, заставляетъ насъ ставить вопросы: «почему, да какъ», безотносительно къ какимъ бы то ни было нашимъ стремленіямъ. Такія же «какъ» и «почему» возникаютъ въ нашемъ умѣ и при созерцаніи перемѣнъ, происходящихъ и происходившихъ въ исторической жизни человѣчества. Задача теоріи историческаго процесса — отвѣтить на эти вопросы, руководствуясь исключительно логикою и фактами и всячески остерегаясь того, какъ бы отвѣты на отдѣльные теоретическіе вопросы не стали подсказываться намъ нашими чаяніями, упованіями, желаніями, интересами.

Есть двѣ основныя вѣры, чаянія и упованія которыхъ оказывали большее или меньшее вліяніе на пониманіе сущности историческаго процесса. Психологически, какъ извѣстно, знаніе и вѣра въ

смыслѣ «переживаній увѣренности въ истинности нѣкоторыхъ изъ нашихъ мыслей» ¹⁾ неразличимы, и вся разница между ними заключается въ томъ, обоснована ли данная мысль удовлетворительными съ логической точки зрѣнія доказательствами, или же въ истинности данной мысли мы увѣрены безъ какихъ-либо строго логическихъ доказательствъ. Идея прогресса, какъ показываетъ ея исторія ²⁾, имѣетъ двоякій корень: въ логическихъ выводахъ изъ извѣстныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью и въ чаяніяхъ нашего сердца, въ вѣрѣ въ то, что у историческаго процесса есть высшая цѣль, придающая ему разумный смыслъ. Логически послѣднее недоказуемо, и потому здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вѣрою, а не съ знаніемъ. Между тѣмъ едва только стали зарождаться мысли о теоріи историческаго процесса, онѣ подъ вліяніемъ нѣкотораго безотчетнаго оптимизма, почти неразрывно связаннаго съ самою жизнью, начали принимать характеръ извѣстнаго рода вѣрованій.

Одна изъ вѣрѣ въ прогрессивность исторіи имѣетъ свой корень въ религіозномъ міросозерцаніи, точнѣе говоря въ христіанствѣ, въ его провиденціализмѣ: Божественное Провидѣніе неисповѣдимыми путями ведетъ человѣчество къ высшему совершенству, какъ истинной цѣли всемірной исторіи. Метафизическія системы, съ пантеистической окраскою въ родѣ гегельянства, приписали всемірной исторіи имманентную прогрессивность, понявъ ее, какъ постепенное самораскрытіе міровой сущности въ полномъ ея совершенствѣ. Даже на почвѣ философскаго пессимизма, въ системахъ Гартмана и Майнлендера ³⁾, историческій процессъ былъ понятъ, какъ постепенное разрушеніе иллюзій, приводящее, въ концѣ концовъ, къ вождельной Нирванѣ, или какъ искупленіе отъ основнаго грѣха, заключающагося въ самомъ бытіи. Конттовскій позитивизмъ, отвергшій всякія теологическія и метафизическія предпосылки, понялъ исторію, равнымъ образомъ, какъ

¹⁾ *А. И. Введенскій*. Логика, какъ часть теоріи познанія (1912), стр. 13—14.

²⁾ См. мою статью объ этомъ въ I томѣ „Собранія сочиненій“ и ниже.

³⁾ *О. В. Ф. И.*, кн. II, гл. 5.

процессъ, управляемый однимъ основнымъ закономъ, постепенно поднимающимъ человечество на высоту возможнаго для него на землѣ совершенства. Прогрессъ присущъ исторіи, зависитъ ли это отъ благодати Божіей, или отъ внутренней сущности исторіи, или же отъ естественнаго закона, ею управляющаго, — вотъ одна вѣра съ разными лишь оттѣнками. Я не закрываю глаза на тотъ фактъ, что эта вѣра была и моею вѣрой, которой я стремился дать наукообразное изложеніе въ видѣ «номологіи прогресса», т.-е. теоріи законовъ, управляющихъ прогрессомъ, какъ таковымъ ¹⁾. Въ сущности, на почвѣ такой же вѣры въ то, что исторія сама собою («*évolution spontanée*» Конта) осуществляетъ процессъ, являющійся поэтому основнымъ ея закономъ, стоитъ и экономическій матеріализмъ. Русскіе марксисты даже особенно подчеркивали имманентную стихійность осуществленія исторіей идеала (въ данномъ случаѣ социалистическаго), яростно нападая на «роль личности въ исторіи», т.-е. на ученіе о томъ, что осуществленіе идеала создается людскими усилями. Чтобы оцѣнить значеніе этого факта, не будемъ забывать генетической связи экономическаго матеріализма съ гегельянствомъ.

Другая вѣра, оказавшая вліяніе на пониманіе того, какъ совершается всякая исторія, есть какъ-разъ вѣра въ творческія силы человѣческой личности, въ значеніе сознательной, преднамѣренной, ставящей себѣ цѣли, стремящейся ихъ достигнуть, осуществляющей то, что раньше было только идеаломъ, дѣятельности людей и среди нихъ, прежде всего, инициаторовъ, реформаторовъ, вождей. Эволюцію этой вѣры отъ раціонализма XVIII в., ее породившаго, чрезъ лѣвое гегельянство, къ ней пришедшее, до русской субъективной социологіи можно тоже прослѣдить исторически. Самаго яркаго выраженія теорія личности достигла въ «Историческихъ письмахъ» Лаврова, писавшаго подъ псевдонимомъ Миртова. ²⁾ Я уже упоминалъ, что на моихъ взглядахъ, въ періодъ писанія «Основныхъ вопросовъ» сказалось въ большой мѣрѣ вліяніе Лаврова, но уже

¹⁾ О. В. Ф. И. Такъ обозначена была одна изъ частей этой книги.

²⁾ См. статью мою „Теорія личности П. Л. Лаврова“, перепечатанную во II томѣ „Собранія сочиненій“.

въ «Сущности историческаго процесса» я разграничилъ во взглядѣ Лаврова элементы рационалистической вѣры XVIII в. и научнаго знанія нашего времени ¹⁾).

Въ только-что названной книгѣ, какъ было уже въ своемъ мѣстѣ указано, вопросъ о сущности историческаго процесса былъ отрѣшенъ отъ вопроса о его прогрессивности и о томъ, въ чемъ состоитъ идеаль совершеннаго и блаженнаго состоянія человѣчества. Одинъ вопросъ, который здѣсь рѣшался, касался дилеммы, говоря коротко, саморазвитія и людскаго дѣйствія,—и рѣшался въ смыслѣ синтеза вѣрныхъ сторонъ обѣихъ теорій, ибо ни та, ни другая, собственно, не лишены фактическихъ и логическихъ основаній. Съ этимъ вопросомъ въ тѣсную связь былъ поставленъ другой о роли единичныхъ личностей и массъ, причемъ такую антитезу я не могъ не признать нелогичной. Когда уже послѣ выхода въ свѣтъ «Сущности историческаго процесса» разгорѣлась въ Германіи полемика между представителями новаго, «коллективистическаго» и стараго, «индивидуалистическаго» направленій въ исторической наукѣ, для меня въ ней не оказалось ничего такого, чѣмъ можно было бы воспользоваться для дальнѣйшаго теоретическаго синтеза.

Таковъ генезисъ второй части настоящаго труда или, вѣрнѣе, излагаемой въ этой части теоріи. Уже изъ такого краткаго очерка читатель могъ усмотрѣть, что, поставивъ себѣ синтетическую задачу, я широко пользовался и тѣмъ матеріаломъ, который давала мнѣ русская литература. Вопросы, меня интересовавшіе, четверть вѣка тому назадъ обходились академическою наукою, и ихъ дебатировала, главнымъ образомъ, общая журналистика. Уже тогда, въ статьѣ «Мечта и правда о русской наукѣ» ²⁾, я позволилъ себѣ отмѣтить недостаточное вниманіе, удѣлявшееся въ нашихъ ученыхъ сферахъ продуктамъ русской мысли, не имѣвшимъ академическаго штемпеля, и даже вообще многому, написанному по-русски. «Развѣ можетъ быть что-либо хорошее изъ Назарета?»—невольнo приходитъ на память

¹⁾ С. И. Пр.

²⁾ „Русская Мысль“ за 1884 г.

этотъ скептическій вопросъ, когда встрѣчаешься съ проявленіями малаго интереса русскихъ ученыхъ къ тому, что написано по-русски, при большомъ вниманіи иногда къ очень неважнымъ явленіямъ въ литературахъ иностранныхъ. Тѣмъ смѣлѣе я это говорю, что тутъ нѣтъ «pro domo sua»: если здѣсь есть чувство обиды, то не за себя, а за русскую литературу, за русскую науку, за русскую мысль, которая обычно игнорируются не только на Западѣ ¹⁾, но нерѣдко и нами самими. Никто, надѣюсь, не заподозритъ меня въ націоналистическомъ субъектизмѣ, но съ моей стороны было бы несправедливо, рассказывая, какъ шла работа, легшая въ основу новой моей книги, не сказать слова благодарности той русской прогрессивной журналистикѣ, которой я считаю себя многимъ обязаннымъ въ отношеніи своихъ исторіологическихъ взглядовъ. Такое слово благодарности я уже однажды произнесъ въ предисловіи къ VI тому своей «Исторіи Западной Европы» ²⁾, оканчивая изложеніе въ немъ исторіи XIX в., ибо и съ нею я также началъ знакомиться по журнальнымъ статьямъ.

¹⁾ Въ статьѣ своей „Два новыхъ нѣмецкихъ исторіографическихъ труда“ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1911 г., № 1) я отмѣтилъ, что нѣсколькими нѣмецкими составителями исторіографическихъ указателей, въ которыхъ говорится и о русской исторіи, не названы, напр., ни Соловьевъ, ни Ключевскій. Напрасно мы стали бы искать указаній на русскіе историческіе труды—и у Бернгейма или Берра.

²⁾ Стр. VIII—XIX второй части указаннаго тома.

Списокъ историко-философскихъ и соціологическихъ книгъ и статей автора ¹⁾.

1876.

1. Философія исторіи и теорія прогресса (Знаніе).
2. Наука о человѣчествѣ въ настоящемъ и будущемъ (Знаніе).
3. Расы и національности, съ психологической точки зрѣнія (Филологическія записки и отд.).

1879.

4. Формула прогресса въ изученіи исторіи (Варш. Унив. Извѣстія и отд.).

¹⁾ Въ этомъ спискѣ названія моихъ книгъ и статей, такъ или иначе относящихся къ теоріи исторіи, расположены въ погодномъ порядкѣ ихъ появленія въ печати. Названія книгъ при этомъ отмѣчены звѣздочкой, а относительно статей указаны періодическія изданія и сборники, гдѣ онѣ были напечатаны или перепечатывались впоследствии, а также упомянуто, если эти статьи выходили и отдѣльно, въ видѣ брошюръ. Самыя статьи могутъ быть раздѣлены на три категоріи: однѣ изъ нихъ были посвящены какимъ-либо общимъ и частнымъ вопросамъ теоріи исторіи (и преподаванія исторіи), другія — разбору тѣхъ или другихъ историко-теоретическихъ книгъ (названія послѣднихъ даны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), къ третьей категоріи относятся статьи полемическаго характера (возраженія критикамъ). Историко-теоретическія разсужденія, встрѣчающіяся въ „Исторіи Западной Европы“, въ „Типологическихъ курсахъ“, въ статьяхъ о чисто историческихъ книгахъ и т. п., въ этомъ спискѣ не указываются.

5. Нѣчто объ историческомъ методѣ г. Чичерина (Крит. Обозр.)

1880.

6. О субъективизмѣ въ социологіи (Юридич. Вѣстн.; перепеч. въ обонхъ изд. „Историко-философскихъ и социологическихъ этюдовъ“. 1895 и 1899).

1883.

7*. Основные вопросы философіи исторіи (Въ двухъ томахъ; 1887 въ двухъ томахъ, но съ сокращеніями; 1897 въ одномъ томѣ, еще болѣе сокращ.)¹⁾

8. Pro domo sua. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Слонимскаго (Русск. Мысль. XII).

9. Что такое исторія литературы? Нѣсколько словъ о литературѣ и задачѣ ея исторіи (Филол. Зап.).

10. Общество и организмъ (Юрид. Вѣстн.; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899).

11. Философія и исторія. Рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ (Рус. Вѣд., № 85).

1884.

12. О современномъ значеніи философіи исторіи (Варш. Унив. Извѣстія).

13. Къ вопросу о роли субъективнаго элемента въ социальныхъ наукахъ (Юрид. Вѣстн. II).

14. Два слова объ исторической эволюціи (Новое Время, № 2868).

15. Кризисы и личная инициатива въ исторіи (Рус. Вѣд., № 14).

16. О случайности въ жизни и исторіи (Дѣло. I).

17. Маленькій отвѣтъ критику (Рус. Мысль. II).

18. Социологія и социальная этика (Юрид. Вѣстн. IV).

19*. Мои критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи“.

20. Судъ надъ исторіей. Нѣчто о философіи исторіи (Рус. Мысль).

¹⁾ См. выше стр. 8, прим. Вообще я ссылаюсь дальше не на страницы, а на „книги“ и главы О. В. Ф. И. Отвѣтныя мои статьи критикамъ этого труда названы ниже подъ №№ 8, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 30.

1885.

21. Идея всеобщей исторіи. Вступительная лекція въ Сиб. университетѣ (Рус. Бог. и отд.).

1886.

22*. Литературная эволюція на Западѣ. Гл. I. Литература и ея эволюція.—Гл. II. Общая задача исторіи литературы.

1887.

23. Къ теоріи литературной эволюціи (Филол. Зап. II).

24. Историческая философія въ „Войнѣ и мирѣ“ Л. Н. Толстого (Вѣстн. Евр. и отдѣльно; переп. во 2 изд. „Ист.-фил. и соц. этюдовъ“, 1899 и во II т. Собр. соч., 1912).

25. Ариѳметика въ исторіи (Рус. Бог.) ¹⁾.

26. Чѣмъ должна быть теорія прогресса? (Рус. Бог.) ²⁾.

1889.

27. Личное начало и роковыя силы въ исторіи (Рус. Бог. и отд.).

28. Два взгляда на процессъ правообразованія (Юрид. Вѣстн. XI).

29. Теорія культурно-историческихъ типовъ. О „Россіи и Европѣ“ Данилевскаго (Рус. Мысль; перепеч. во 2 изд. „Ист.-фил. и соц. этюдовъ“, 1899, и во II т. Собр. соч., 1912).

30. Новые отвѣты критикамъ (Рус. Бог. 1889. XI — XII и 1890. I и IX).

1890.

31*. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

32. Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса (Вопросы философіи и психологіи; перепеч. въ „Ист.-фил. и социол. этюдахъ“, 1895 и 1899, и въ I т. Собр. соч., 1911).

33. Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки (Рус. Мысль. II; перепечатано съ измѣн. и дополн. въ II т. „Ист. Обозр.“, 1890, въ „Истор.-филос. и соц. этюдахъ“, 1895 и 1899, и въ I т. Собранія сочиненій, 1911).

¹⁾ О книгѣ И. Свѣчина „Основы человѣческой дѣятельности“.

²⁾ Разборъ книги Стронина „Исторія общественности“.

34. Философія, исторія и теорія прогресса. (Истор. Обозр. I; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899 и I т. Собр. соч., 1912).

35. Юриспруденція и теорія историческаго процесса (Юрид. Вѣстн.).

36. Вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса (Вопросы философіи и психологіи. IV; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899, и въ I т. Собр. соч., 1911).

37. Новая историческая теорія (Сѣв. Вѣстн. XI) ¹⁾.

По корректурному недосмотру на стр. 34 и 35 подъ №№ 32 и 36 дважды названа одна и та же статья.

46. Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи (Рус. Бог.) ⁴⁾.

¹⁾ О книгѣ *G. Tarde* „Les lois de l'imitation“.

²⁾ О двухъ работахъ *Weisengrün'a*: „Die Entwicklungsgeschichte der Menschheit“ и „Verschiedene Geschichtsauffassungen“.

³⁾ По поводу статьи проф. Петрушевскаго о книгѣ проф. Виноградова „Villainage in England“ въ „Ж. М. Нар. Просв.“

⁴⁾ Разборъ книги *Loria* „Les bases économiques de la constitution sociale“.

34. Философія, історія і теорія прогресса. (Истор. Обзор. I; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899 и I т. Собр. соч., 1912).

35. Юриспруденція и теорія историческаго процесса (Юрид. Вѣстн.).

36. Вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса (Вопросы философіи и психологіи. IV; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899, и въ I т. Собр. соч., 1911).

37. Новая историческая теорія (Сѣв. Вѣстн. XI) ¹⁾.

1891.

38. Политическая экономія и теорія историческаго процесса (Истор. Обзор., т. II; перепеч. съ сокращеніями въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“, 1896).

39. Экономическое направленіе въ исторіи (Юрид. Вѣстн. V и VI) ²⁾.

40. Всеобщая исторія въ университетѣ (Истор. Обзор. III).

41. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (Сѣв. Вѣстн.; перепеч. въ „Ист.-фил. и соц. эт.“, 1895 и 1899, и въ т. I Собр. соч., 1911).

1892.

42. По поводу новой формулировки матеріальной исторіи (Истор. Обзор., т. V) ³⁾.

43. Источники историческихъ перемѣнъ (Рус. Бог. I).

44. Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи (Истор. Обзор., т. IV).

1894.

45. Общее значеніе историческаго образованія (Истор. Обзор., VII; перепеч. въ „Историко-философскихъ и социологическихъ этюдахъ“, 1895 и 1899).

46. Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи (Рус. Бог.) ⁴⁾.

¹⁾ О книгѣ *G. Tarde* „Les lois de l'imitation“.

²⁾ О двухъ работахъ *Weisengrün'a*: „Die Entwicklungsgeschichte der Menschheit“ и „Verschiedene Geschichtsauffassungen“.

³⁾ По поводу статьи проф. *Петрушевскаго* о книгѣ проф. *Виноградова* „Villainage in England“ въ „Ж. М. Нар. Просв.“

⁴⁾ Разборъ книги *Loria* „Les bases économiques de la constitution sociale“.

47*. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Гл. VI. О томъ значеніи, какое для самообразованія должно имѣть знакомство съ исторіей.

48. Экономическій матеріализмъ въ исторіи (Вѣстн. Евр. VII, VIII и IX; перепеч. въ 1 изд. „Ист.-фил. и соц. этюдовъ“, 1895).

1895.

49. Новый трудъ по теоріи исторіи (Истор. Обзор., т. VIII) ¹⁾.

50*. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Гл. V. О научной основѣ и субъективизмѣ социологіи.—Гл. VII. Объ историческомъ и социологическомъ образованіи.

51. Ницше о „чрезмѣрности исторіи“ (въ „Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета“).

52. Исторія (Статья въ Маломъ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона).

52а*. Историко-философскіе и социологическіе этюды ²⁾.

1896.

53. Историческое міросозерцаніе Грановскаго. Актовая рѣчь въ С.-Петербургскомъ университетѣ (Унив. отчетъ и отдѣльно; перепеч. во 2 изд. Ист.-фил. и соц. этюдовъ, 1898, отдѣльно съ портретомъ, 1905, и во II т. Собр. соч., 1912).

54*. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Матеріалы для исторіи и критики историческаго матеріализма ³⁾.

55*. Введеніе въ изученіе социологіи (Записки Истор.-фил. факульт. Спб. унив., т. XLV и отдѣльно; второе изд. 1907).

1897.

56. Задачи социологіи и теоріи исторіи (Новое Слово, I и II; перепеч. во 2 изд. „Ист.-фил. и соц. эт.“ 1899 и въ I т. Собр. соч., 1912).

¹⁾ Разборъ книги *Lacombe* „Histoire considérée comme science“.

²⁾ Сборникъ статей, въ составъ котораго вошли №№ 6, 10, 33, 34, 36, 40, 41, 45 и 48.

³⁾ См. выше, стр. 3. Одна половина этой книги представляетъ собою сокращенный сводъ статей, названныхъ выше подъ №№ 38, 39, 42, 43, 44, 46, 48 и 49, другая половина состоитъ изъ совершенно новыхъ главъ, написанныхъ для этой книги. Она должна выйти новымъ изданіемъ, какъ третій томъ „Собранія сочиненій“.

57. Экономическій матеріализмъ и закономерность соціальныхъ явленій (Вопр. фил. и псих., янв.—февр.).

1898.

58. Новый историко-философскій трудъ (Вопр. филос. и психол., ноябрь—декабрь и во II т. Собр. соч., 1912) ¹⁾.

1899.

59. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ (Рус. Школа и отд.).

60. Къ вопросу о пониманіи исторіи (Образованіе. II).

60а*. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2 ²⁾.

1900.

61. Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ (Рус. Вѣд., № 318).

62. О желательной постановкѣ курса среднеуказовой исторіи (Рус. Школа).

1901.

63. „Теорія личности“ П. Л. Лаврова (Истор. Обзор., т. XII и отд., новое изд. съ портретомъ, 1907, и во II т. Собр. соч., 1912).

64. Поворотъ экономического матеріализма къ „субъективной соціологіи“ (Рус. Вѣд., № 3).

65. Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи (Рус. Школа).

66. Обь отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія общаго образованія (Истор. Обзор., т. VIII, перепечатано въ 1 изд. „Программъ чтенія для самообразованія“ и въ 1 изд. „Идеаловъ общаго образованія“. 1901).

1902.

67. Нужно ли возрожденіе естественнаго права? (Рус. Бог., II).

68. Естественное право и субъективная соціологія (Рус. Бог., X).

¹⁾ О книгѣ П. Л. Лаврова (подъ псевдонимомъ С. С. Арнольди) „Задачи пониманія исторіи“. Во II т. Собр. соч. эта статья перепечатана подъ заглавіемъ „Одинъ изъ послѣднихъ историко-философскихъ трудовъ П. Л. Лаврова“.

²⁾ Во второмъ изданіи „Этюдovъ“ выпущена статья № 48, но зато въ него были включены новыя статьи (№№ 24, 29, 53, 56 и 63).

1903.

69. Основныя направленія соціологіи и ея современное состояніе (сокращ. изложеніе II и XIV гл. „Введенія въ изученіе соціологіи“ въ сборникѣ „Введеніе въ изученіе соціальныхъ наукъ“).

70. Что такое общественныя науки? (въ только-что указанномъ сборникѣ).

71*. Общій ходъ всемірной исторіи. Очеркъ I. Всемірно-историческая точка зрѣнія.

72. Огюсть Контъ, какъ основатель соціологіи (въ литер. сборникѣ „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“; перепеч. въ сборникѣ „Введеніе въ изученіе соціальныхъ наукъ“).

1904.

3. Преподаваніе исторіи на экономическомъ отдѣленіи Спб. Политехническаго Института (въ „Извѣстіяхъ“ Института и отдѣльно).

74. Памяти Н. К. Михайловскаго, какъ соціолога. (Рус. Бог., III).

75. Въ защиту научности всемірно-исторической точки зрѣнія въ преподаваніи исторіи (Рус. Школа).

1905.

76. Типологическая и всемірно-историческая точка зрѣнія въ изученіи исторіи (Извѣстія Спб. Политехн. Инст. III и отд.).

77*. Главныя обобщенія всемірной исторіи. Предисловіе (опущенное во 2 изд.).

1911.

78. Книга М. М. Стасюлевича о философіи исторіи (Вѣстн. Евр.).

78a*. Исторія съ философской точки зрѣнія (I т. Собранія сочиненій, 1911) ¹⁾.

1912.

78b*. Философія исторіи въ русской литературѣ (II т. Собран. сочин.) ²⁾.

¹⁾ Перепечатаны №№ 32, 33, 34, 41 и 56, входившіе въ составъ „Ист.-фил. и соц. этюдовъ“.

²⁾ Перепечатаны №№ 24, 29, 53, 58 и 63, входившіе (кромѣ № 58) въ составъ 2 изд. „Истор.-фил. и соц. этюдовъ“.

79. Два новыхъ нѣмецкихъ исторіографическихъ труда (Журн. Мин. Нар. Пр. I) ¹⁾.

80. Книга Анри Берра по теоріи исторіи (Истор. Обозр., т. XVII) ²⁾.

Общее примѣчаніе. Разборъ многихъ историко-философскихъ и соціологическихъ книгъ имѣется еще въ №№ 7, 31, 54 и 55.

¹⁾ О книгахъ *G. Wolf'a* „Einleitung in das Studium der neueren Geschichte“ и *P. Herre* „Quellenkunde zur weltgeschichte“.

²⁾ О книгѣ *Henri Berr'a* „La synthèse en histoire“.

ЧАСТЬ I.

ТЕОРІЯ ІСТОРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

I. Что такое теорія исторіи?

Я начну съ объясненія термина „теорія исторіи“, стоящаго въ заголовкѣ этой книги. По своему первоначальному значенію въ греческомъ языкѣ слова „теорія“ и „исторія“ очень близки одно къ другому: первое толкуется, какъ разсматриваніе, созерцаніе, ученое познаніе и т. п. ¹⁾, второе—какъ разузнаваніе, изложеніе добытыхъ свѣдѣній, извѣстное знаніе ²⁾, но въ то же время слово „исторія“ обозначаетъ и нѣчто иное, а именно не самое знаніе, а то, что служитъ предметомъ этого знанія. Говоря коротко, напр., въ астрономіи, изучается міръ небесныхъ тѣлъ, въ зоологіи и ботаникѣ — міръ органическихъ существъ и т. д., въ исторіи же, взятой въ смыслѣ извѣстнаго знанія, изучается тоже исторія,

¹⁾ Въ корнѣ греч. слова *ἱστορία* мы имѣемъ *ἰδ* съ значеніемъ видѣть (лат. *videre*) и вѣдать, откуда *ἱστωρ* — свѣдущій, знающій, знатокъ, *ἱστορέω* — разузнаваю, разслѣдываю, спрашиваю (и рассказываю), и *ἱστορία*.

²⁾ Греч. *θεωρία* значитъ прежде всего смотрѣніе на что-либо, наблюденіе, разсматриваніе, созерцаніе; одинъ корень со словомъ теорема (*θεώρημα*).

но уже взятая въ смыслѣ нѣкотораго прошлаго, подлежащаго изученію.

Другими словами, терминъ „исторія“ употребляется въ двухъ разныхъ значеніяхъ, въ смыслѣ вообще знанія или науки, и въ смыслѣ совокупности явленій прошлаго. Къ первому словоупотребленію относится, наприм., выраженіе „естественная исторія“, ко второму—такія сочетанія словъ, какъ исторія солнечной системы, исторія земного шара, исторія органической жизни на землѣ и пр. и пр., противопоставляемыя ихъ настоящему, т. е. современному состоянію солнечной системы, земного шара, органической жизни и т. д. Впрочемъ, во всѣхъ случаяхъ употребленія слова „исторія“ во второмъ смыслѣ само оно, это слово, требуетъ дополненія въ видѣ указанія на то, прошлое чего же именно имѣется въ виду, но когда нашъ терминъ не сопровождается такимъ дополненіемъ, когда говорятъ просто объ исторіи, никто не сомнѣвается, что рѣчь идетъ о прошломъ какого-либо народа или государства, общѣ говоря, о человѣческомъ прошломъ.

Это элементарное разъясненіе я считалъ нужнымъ сдѣлать къ виду того, что въ литературѣ по теоріи исторіи нерѣдко наблюдается смѣшеніе задачъ теоріи исторіи, какъ науки, и исторіи, въ смыслѣ того, что этою наукою изучается. Теорія историческаго знанія, значитъ, есть одно, теорія историческаго процесса—совсѣмъ другое. Я бы сказалъ даже, что есть не одна, а двѣ теоріи или, по крайней мѣрѣ, двѣ совершенно самостоятельныя части единой теоріи, имѣющей дѣло съ прошлымъ народовъ, государствъ, человѣчества. Сообразно съ этимъ въ настоящей книгѣ оба предмета и трактуются отдѣльно.

Каждая изъ этихъ двухъ теорій имѣетъ свои особые вопросы, которые не должно смѣшивать одни съ другими.

Перечислю нѣкоторые вопросы теории историческаго знанія и теории историческаго процесса. Въ первой это будутъ, наприм., такіе вопросы: какъ возможно знаніе прошлаго, и въ какомъ смыслѣ оно можетъ быть научнымъ? Имѣетъ ли, далѣе, сама исторія вообще право называться наукой? Въ частности, въ чемъ заключаются источники историческаго знанія? Что составляетъ его предметъ? Какія его задачи? Какими приѣмами изслѣдованія должна пользоваться исторія для добыванія научныхъ истинъ? Вопросъ о приѣмахъ историческаго изслѣдованія, о путяхъ достиженія истины; иначе говоря, объ историческомъ методѣ является въ теории исторіи, какъ науки, даже прямо доминирующимъ, и многіе поэтому готовы называть ее „историческою методологіей“¹⁾. Кромѣ нѣкоторой общей логики, каждая наука должна имѣть свою особую, такъ сказать, частную логику, и въ этомъ отношеніи исторія не можетъ и не должна составлять исключенія: историческая наука тоже имѣетъ свою спеціальную логику, съ одной стороны, разрѣшающую принципиальные вопросы гносеологіи, т. е. теории познанія вообще, въ ихъ примѣненіи къ вопросамъ историческаго знанія, а съ другой рассматривающей чисто уже технические вопросы о приѣмахъ историческаго изслѣдованія²⁾.

¹⁾ Бернгеймъ въ „Lehrbuch der historischen Methode“ подъ методологіей разумѣетъ общее ученіе о существѣ (Begriff und Wesen) метода какой-либо науки, относя вытекающіе изъ него отдѣльные приемы (methodischen Grundsätze und Kunstgriffe) къ области методикн. Lehrbuch, стр. 158. У насъ принято, — какъ это, между прочимъ, отмѣчено въ „Логикѣ“ А. И. Введенскаго (стр. 123), — называть методикой какой-либо науки ученіе о методахъ ея преподаванія.

²⁾ О связи, интересующей насъ научной дисциплины съ теоріей познанія см. G. Simmel. Die Probleme der Geschichtsphilosophie (2 изд. 1905). Эту свою книгу авторъ самъ опредѣляетъ, какъ „eine erkenntnistheoretische Studie“, въ которой рассматривается проблема: „wie aus dem Stoffe der unmittelbaren, gelebten Wirklichkeit das theore-

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ вопросы не о томъ, какъ прошлое познаётся, а о томъ, какъ совершается то, что нами здѣсь познаётся. Историческое знаніе, какъ сказано, есть одно, историческій процессъ — другое. Прибавлю, что въ наукѣ прошлое берется, именно какъ процессъ, какъ нѣчто „идущее впередъ“ (отъ лат. *procedo*) во времени, послѣдовательно совершающееся, и въ чемъ послѣдующее тѣсно связано съ предыдущимъ, какъ, наприм., въ процессѣ патологическомъ (въ томъ порядкѣ, въ какомъ протекаетъ извѣстная болѣзнь) или въ процессѣ судебномъ (въ томъ порядкѣ, въ какомъ ведется какое-либо „дѣло“), — обобщая въ одномъ понятіи процесса и естественный ходъ вещей, и установленную людьми послѣдовательность дѣйствій.

Когда мы говоримъ объ исторіи, какъ объ извѣстной категоріи великаго множества разнообразныхъ процессовъ, происходящихъ въ мірѣ, мы, прежде всего, хотимъ знать, въ какомъ отношеніи историческій процессъ, совершающійся въ человѣчествѣ, находится къ разнымъ процессамъ, имѣющимся въ природѣ, вполне ли онъ съ ними тождествененъ или отъ нихъ чѣмъ-либо особеннымъ отличается. На этой почвѣ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ о характерѣ историческаго процесса по сравненію съ процессами, совершающимися въ природѣ, и часть этихъ вопросовъ рѣшается въ теоріяхъ общепhilософскаго содержанія, другая же — лишь на основаніи изученія самой исторіи.

Однихъ общихъ соображеній о томъ, какъ все въ мірѣ происходитъ, еще недостаточно для построенія теоріи историческаго процесса, какъ такового: здѣсь еще

tische Gebilde werde das wir Geschichte nennen“. Въ техническихъ приемахъ исторической науки онъ видитъ орудія, имѣющія значеніе для достиженія познавательныхъ цѣлей лишь на почвѣ логическихъ и психологическихъ предпосылокъ.

нужны выводы изъ наблюдений надъ тѣмъ, какъ совершалась исторія, нужны научные итоги подъ массою изученныхъ историческихъ фактовъ.

Если теорія историческаго знанія, какъ частный случай научной логики, находится въ тѣсной связи съ гносеологіей, теоріей познанія вообще, то теорія историческаго процесса тѣснѣйшимъ образомъ связана съ тою общею наукою о человѣческомъ обществѣ, которая называется соціологіей.

Историческій процессъ совершается въ человѣческихъ обществахъ—въ народахъ, въ государствахъ и т. п., т. е. историческій процессъ есть процессъ общественный, задача же соціологіи и заключается въ изученіи общихъ законовъ тѣхъ явленій, которыя происходятъ въ общественной жизни людей и которыя мы, какъ именно явленія чисто общественныя, отличаемъ, наприм., отъ явленій жизни физической (органической) у членовъ того же общества. Контъ, инициаторъ соціологіи, какъ науки о законахъ соціальныхъ явленій, предложилъ раздѣлить ее на соціальную статику и на соціальную динамику, изучающія, одна—законы сосуществованія, другая—законы послѣдовательности этихъ явленій. Самъ онъ, вмѣсто соціальной статики, далъ, однако, въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ не анализъ силъ и факторовъ, дѣйствующихъ въ исторіи, и ея механизма, какъ слѣдовало бы, а общую картину исторіи человѣчества, какъ она ему представлялась ¹⁾, но, въ сущности, теорія историческаго процесса и есть своего рода соціальная динамика.

Исторіи отдѣльныхъ народовъ непохожи однѣ на другія, и мыслители много бились надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ обуславливало такое, а не иное теченіе исторіи. Вотъ одинъ изъ

¹⁾ См. въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“.

вопросовъ теоріи историческаго процесса. Далѣе, какія силы вообще являются движущими въ исторіи или источниками наблюдаемыхъ къ ней переменъ? Какіе факторы участвуетъ въ историческомъ процессѣ и какой факторъ играетъ въ немъ какую роль? Какое значеніе принадлежитъ въ немъ сознанію и намѣреніямъ, усиліямъ и дѣйствіямъ отдѣльныхъ личностей? Все это—тоже вопросы теоріи историческаго процесса, совершенно отличные, какъ мы видимъ, отъ вопросовъ теоріи историческаго знанія. Послѣдніе относятся къ области науки (знанія), а тѣ — къ области жизни (бытія), какъ бы иногда обѣ категоріи ни переплетались между собою, и какъ бы часто отъ рѣшенія однихъ вопросовъ ни зависѣло рѣшеніе другихъ.

Въ дальнѣйшемъ, ради избѣжанія длинныхъ обозначеній „теорія историческаго знанія“ и „теорія историческаго процесса“, я буду по временамъ употреблять для первой терминъ „историка“, заимствованный у нѣмцевъ (*die Historik*¹), для второй терминъ „историологія“, прилагательными отъ которыхъ будутъ „историцистическій“ и „историологическій“. Всѣ вопросы въ обѣихъ частяхъ теоріи исторіи могутъ быть раздѣлены на общефилософскіе и спеціально-историческіе. Первые, какъ мы видѣли, касаются общихъ принциповъ знанія и бытія: это—проблемы гносеологіи и онтологіи, двухъ большихъ отдѣловъ философіи, рассматривающихъ именно и наше знаніе вообще и вообще же подлежащее нашему познаванію

¹) Слово „historice“ (= историка) въ смыслѣ искусства въ исторіи мы встрѣчаемъ еще въ древности (у Квинтилиана), но первый трактатъ, въ которомъ „ars historica“ была поята въ смыслѣ совокупности правилъ надлежащаго бытописанія, вышелъ въ свѣтъ въ 1623 г.: это—„Ars historica“ Фоссіуса (или Фосса). Слово „историка“ въ смыслѣ теоріи исторіи, какъ науки, употреблялось многими нѣмецкими учеными, какъ, напр., Гервинусомъ, Дройзеномъ и др.

бытіе. Вопросы этого рода можно было бы назвать историко-философскими, если бы терминъ „философія исторіи“ не имѣлъ другихъ значеній и не употреблялся притомъ въ очень различныхъ смыслахъ ¹⁾. Гносеологическіе и онтологическіе вопросы общей теоріи исторіи, въ сущности, являются обще-философскими вопросами, только взятыми въ примѣненіи къ историческому знанію и историческому процессу. Специальные вопросы историкѣ и исторіологіи суть тѣ, которые касаются только одной исторіи, взятой въ обоихъ же смыслахъ этого слова. Конечно, значеніе общефилософскихъ и специально историческихъ вопросовъ теоріи весьма различно, и интересъ къ нимъ бываетъ разный, съ одной стороны, у людей, дѣлающихъ исторію своею научною спеціальностью, и просто образованныхъ людей, желающихъ знать прошлое, съ другой.

Специальные вопросы историкѣ касаются, главнымъ образомъ, того, что можетъ быть обозначено, какъ техника исторической методологіи. Понятно, что вопросы этого рода могутъ интересовать преимущественно только историковъ, начиная тѣми, которые занимаются научными изслѣдованіями въ области прошлаго, и кончая тѣми, которые только приступаютъ къ систематическимъ занятіямъ этою наукою. Каждая человѣческая дѣятельность имѣетъ свою технику, и каждая техника, — лучше всего усваиваемая на практикѣ, — можетъ имѣть свою теорію. Научная работа историка совершается при помощи извѣстныхъ пріемовъ и требуетъ соблюденія извѣстныхъ правилъ. Эти пріемы лучше всего усваиваются навыкомъ, путемъ практики, иногда требующей притомъ особыхъ способностей и специфической подготовки: учителю здѣсь приходится дѣйствовать на ученика не столько расска-

¹⁾ О. В. Ф. И., кн. I, гл. I.

зомъ, сколько показомъ. Съ другой стороны, однако, нуженъ и рассказъ—и въ смыслѣ установленія извѣстныхъ правилъ, соблюденіе которыхъ является необходимымъ условіемъ научности работы, и въ смыслѣ раціональнаго обоснованія этихъ правилъ. Въ этомъ и заключается смыслъ существованія исторической методологіи, какъ самой существенной части историкки, взятой въ ея спеціальной сторонѣ. Для профановъ въ исторической наукѣ всѣ эти ея методологическіе вопросы и даже вся ея гносеологическая сторона, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова, не можетъ представлять большого интереса, чтобы не сказать: не имѣемъ почти никакого интереса.

Совсѣмъ иное отношеніе обнаруживаетъ просто образованная публика къ соціологической сторонѣ исторіи, которою эта наука соприкасается съ интересомъ къ общественной жизни, научая насъ извѣстнымъ образомъ понимать послѣднюю. Какъ добывается научное знаніе въ исторіи, это—вопросъ, прежде всего, затрогивающій настоящихъ или будущихъ спеціалистовъ исторіи, но вопросъ о сущности историческаго процесса заинтересовываетъ всякаго, кто способенъ видѣть въ окружающей его дѣйствительности лишь одинъ изъ моментовъ исторической жизни, завтра же имѣющій сдѣлаться прошлымъ, и кто не въ состояніи равнодушно относиться къ политическимъ, соціальнымъ и культурнымъ злобамъ дня, а потому стремится не только понять, но и оцѣнить то, что вокругъ него происходитъ.

Если отвлеченная наука интересуется тѣмъ, какъ совершался на самомъ дѣлѣ ходъ исторіи и какъ вообще дѣлается исторія, отказываясь при этомъ отъ всякой субъективной оцѣнки прошлаго, поскольку это не дѣло науки вообще, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы наука была чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни, чтобы жизнь не ставила наукѣ своихъ требованій и чтобы добытое

наукою не становилось какъ предметомъ нашей субъективной оцѣнки, такъ и средствомъ въ достиженіи нашихъ практическихъ цѣлей. Наука намъ помогаетъ понять жизнь, но сама жизнь заключается въ нашихъ чувствованіяхъ и въ нашей дѣятельности. Какъ ни важно для пониманія самой исторической жизни общее ученіе о томъ, какъ же происходитъ историческій процессъ, взятый отвлеченно, для громаднаго большинства не-историковъ, способныхъ интересоваться исторіологическими вопросами, послѣдніе имѣютъ не столько научное, теоретическое, сколько жизненное, практическое значеніе. Съ оцѣнкою исторіи въ прошломъ съ точки зрѣнія нашихъ потребностей и стремленій, неразрывно связываются извѣстныя, хотя бы даже расплывчатая и туманныя, желанія относительно будущаго.

Вопросъ о жизненномъ интересѣ къ исторіи не можетъ быть устраненъ изъ ея теоріи. Само развитіе исторической науки совершается подъ вліяніемъ жизни, требованія которой нерѣдко находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ тѣми правилами, какія выработала себѣ историческая наука. Съ другой стороны, научное знаніе вообще и въ частности историческое знаніе является однимъ изъ важныхъ факторовъ современной жизни, оказывающихъ на нее свое вліяніе. Вопросы о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою должны находиться историческая наука и общественная жизнь, въ чемъ должна заключаться автономность историческаго знанія и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно служить жизни, какую пользу обществу можетъ приносить изученіе исторіи, способна ли послѣдняя служить основою для прогнозовъ касательно будущаго, какое вліяніе оказывается историческимъ образованіемъ на внутреннія переживанія и на внѣшнюю дѣятельность членовъ общества, все это — вопросы, такъ или иначе касающіеся не только самого

историческаго знанія, но и историческаго процесса, поскольку въ немъ участвуютъ (если только участвуютъ) сознание вообще и въ частности тѣ или другія представленія и понятія, вырабатываемыя историческою наукою.

Не только взаимныя отношенія исторической науки и общественной жизни заслуживаютъ большого вниманія въ общей теоріи исторіи (въ обѣихъ частяхъ послѣдней), но и тѣ отношенія, какія возникаютъ между историческимъ знаніемъ и моральными запросами отдѣльной личности. Если для ученаго спеціалиста исторія есть прежде всего дѣло безстрастной и безкорыстной любознательности по отношенію къ бывшему, какъ оно было, то для человѣка, взятаго не со стороны одной познавательной своей способности, а какъ существа, способнаго еще и чувствовать, и оцѣнивать, возникаетъ на почвѣ созерцанія прошлыхъ судебъ человѣчества и его настоящаго также и вопросъ о смыслѣ исторіи, отрывающій человѣка отъ научнаго знанія и уносящій въ область моральныхъ чаяній и упованій.

Кто знакомъ съ исторіей возникновенія и развитія историологическихъ теорій приблизительно второй половины XVIII в., тотъ хорошо долженъ знать, что центральнымъ ихъ вопросомъ съ самаго же начала сдѣлался вопросъ о совершающемся въ исторіи прогрессѣ. Въ XIX в., какъ мы еще увидимъ, идея прогресса, заключающая въ себѣ оцѣнку прошлаго, была замѣнена понятіемъ эволюціи, изъ котораго былъ исключенъ всякій элементъ оцѣнки: вопросъ объ этихъ двухъ отношеніяхъ къ прошлому (субъективномъ и объективномъ) также не можетъ быть исключенъ изъ общей теоріи исторіи, въ какую бы сторону онъ ни былъ разрѣшенъ.

Споры въ общей теоріи исторіи, конечно, не ограничиваются только-что указаннымъ вопросомъ. Уже одно то, что въ число ея основныхъ вопросовъ входитъ много

такихъ, которые имѣютъ гносеологическое и соціологическое содержаніе, — влечетъ за собою, при существованіи и въ гносеологіи, и въ соціологіи разныхъ направленій, необходимость считаться съ существованіемъ весьма различныхъ отвѣтовъ на одни и тѣ же вопросы, смотря по тому, какой гносеологической или соціологической точки зрѣнія держится тотъ или другой авторъ. За послѣднее время историко-теоретическая литература значительно разрослась, и въ ней, повято, по многимъ важнымъ пунктамъ обнаружались разногласія, требующія прежде всего критическаго отношенія къ отвѣтамъ, дающимся на спорные вопросы. Чисто догматическое изложеніе въ общей теоріи исторіи возможно лишь по отношенію, главнымъ образомъ, вопросовъ методологическаго характера: есть, въ самомъ дѣлѣ, пункты, относительно которыхъ можно считать согласными между собою всѣхъ научно работающихъ историковъ, и въ этой своей части теорія исторіи, какъ нормативная дисциплина, формулирующая правила, какихъ въ своей работѣ долженъ держаться каждый историкъ, можетъ считаться вполне прочно установленнымъ научнымъ знаніемъ.

II. Есть ли исторія наука?

Первый вопросъ историкѣ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, касается права исторіи именоваться наукою.

Въ настоящее время въ большомъ ходу выраженіе „историческая наука“ (*la science historique, die Geschichtswissenschaft*), но еще сто и даже меньше лѣтъ тому назадъ, вмѣсто этого, былъ въ ходу терминъ „историче-

свое искусство“ (l'art historique, die historische Kunst). Въ старыхъ трактатахъ по историкѣ исторіи обыкновенно отводилось мѣсто рядомъ съ другими изобразительными искусствами вообще и въ частности въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тѣмъ изобразительнымъ искусствомъ, которое, какъ и исторія, пользуется средствами человѣческаго слова, т.-е. съ поэзіей. Между поэзіей и исторіей, какъ двумя словесно-изобразительными искусствами, старые теоретики „историческаго искусства“ полагали разницу въ томъ, что послѣднее должно воспроизводить дѣйствительность, каковою она была на самомъ дѣлѣ, тогда какъ поэзія воспроизводитъ ее, какова она бываетъ или только могла бы или должна была бы быть. Съ такой точки зрѣнія исторія мыслилась, какъ нѣчто болѣе всего родственное эпическимъ видамъ поэзіи—поэмѣ, роману, а иные готовы были даже думать, что историческій романъ, пожалуй, вполне можетъ замѣнить собою исторію въ качествѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго.

Въ настоящее время едва ли кто-либо изъ теоретиковъ исторіи вернулся бы къ такой именно точкѣ зрѣнія, но и теперь еще раздаются голоса въ пользу, взгляда на исторію, какъ на искусство,—голоса, впрочемъ очень немногихъ, касавшихся вопроса о томъ, что же такое представляетъ собою исторія. Если терминъ „историческое искусство“, бывшій во всеобщемъ употребленіи еще въ началѣ XIX в. (и даже позднѣе), къ концу XIX в. замѣнился терминомъ „историческая наука“, то это указываетъ лишь на то, что и сама исторія, и взгляды на нее въ теченіе этого столѣтія сильно измѣнились. Во Франціи до сихъ поръ дѣлается различіе между „науками“ (sciences), подъ которыми разумѣются математика и естествознаніе, съ одной стороны, и „словесностью“ (lettres), къ которой причисляется и исторія,

съ другой, но тѣмъ не менѣе и выраженіе „историческая наука“ (la science historique) пользуется правомъ гражданства. Было, однако, время, когда приходилось говорить лишь о возможности и для исторіи сдѣлаться наукою или называться наукою. Когда, напр., въ серединѣ прошлаго столѣтія Бокль, въ своей знаменитой „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“, съ большою рѣзкостью напалъ на научную отсталость исторіи, одинъ изъ видныхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ историковъ, Дройзенъ, написалъ по поводу взглядовъ Бокля статью подъ характернымъ названіемъ „Возведеніе исторіи на степень науки“ (Die Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft). Здѣсь не мѣсто разсматривать, въ чемъ правъ и въ чемъ, быть можетъ, и неправъ былъ Бокль, и что дала сама критика Дройзена: характерна самая мысль о необходимости возведенія исторіи на степень науки,—той самой исторіи, для которой еще такъ недавно отводилось мѣсто среди другихъ изобразительныхъ искусствъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ разница между искусствомъ и наукою: для рѣшенія вопроса о томъ, что такое исторія въ ея теперешнемъ состояніи и теперешнемъ пониманіи, мы здѣсь не можемъ обойтись безъ установленія основного различія, существующаго между искусствомъ и наукою.

Исторію причисляли къ искусствамъ изобразительнымъ, къ числу каковыхъ принадлежатъ скульптура, живопись и поэзія. Главную задачу такихъ видовъ искусства теоретики, относившіе къ нимъ и исторію, полагали въ воспроизведеніи дѣйствительности при помощи рѣзца, кисти, слова. Бюстъ, изваянный художникомъ, можетъ быть и изображеніемъ дѣйствительно существующаго или существовавшаго лица, его портретомъ, болѣе или менѣе на него похожимъ, и продуктомъ чистой творческой фантазіи скульптора, но воспроизводящимъ все-

таки человеческое же лицо. Пейзажъ, написанный масляными красками на полотнѣ, равнымъ образомъ, можетъ быть и списаннымъ съ натуры, и являться лишь воспроизведеніемъ того, что живописецъ представилъ себѣ въ своемъ воображеніи. Совершенно такъ же понималось и различіе между рассказами о чемъ-нибудь такомъ, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности, и о чемъ-нибудь выдуманномъ, между исторіей и поэзіей, т.-е. въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду творческое воспроизведеніе въ художественномъ повѣствованіи какихъ-либо событій, и вся разница состояла только въ томъ, что въ однихъ случаяхъ событія эти когда-то были на самомъ дѣлѣ, а въ другихъ они являлись лишь выдумкою рассказчика.

Задача науки не въ томъ, чтобы воспроизводить или изображать дѣйствительность, а въ томъ, чтобы ее понимать. Въ сѣмъ основѣ работы ученаго и художника надъ своимъ матеріаломъ мы имѣемъ дѣло съ разными психическими процессами, т.-е. другими словами, занятія наукой и искусствомъ требуютъ отъ людей, имъ предающихся, далеко не однородныхъ способностей, ибо приемы научной и художественной работы не одни и тѣ же. Въ созданіи произведенія искусства главную роль играетъ то, что принято называть творчествомъ, тогда какъ всякій научный трудъ создается тѣмъ, чему мы даемъ имя изслѣдованія: одна работа имѣетъ преимущественно синтетическій характеръ, другая — характеръ аналитическій.

Воспроизведеніе чертъ чьего-либо лица, какого-нибудь ландшафта, того или другого событія представляетъ собою такую же творческую работу при помощи рѣзца, кисти, слова, какъ и въ томъ случаѣ, когда ваятель, живописецъ, писатель воспроизводятъ въ мраморѣ, на полотнѣ, въ романѣ то, что существовало лишь въ ихъ собственномъ воображеніи. Словесными продуктами художественнаго творчества могутъ быть образы и картины,

которымъ въ дѣйствительности нѣчто соотвѣтствовало или, наоборотъ, не соотвѣтствовало ничего. Образы пушкинскаго Онегина или лермонтовскаго Печорина отличаются отъ созданныхъ Грановскимъ образовъ Александра Македонскаго или Людовика Святого только тѣмъ, что Онегинъ и Печоринъ жили лишь въ воображеніи Пушкина и Лермонтова, тогда какъ Александръ Македонскій и Людовикъ Святой были когда-то на самомъ дѣлѣ, и Грановскій воспроизвелъ ихъ духовныя фізіономіи передъ нашими умственными взорами. Художественный синтезъ состоитъ въ умѣніи изъ отдѣльныхъ чертъ создавать цѣльные образы, тогда какъ въ наукѣ главное—не это соединеніе разрозненныхъ элементовъ въ единое живое воспріятіе, а, наоборотъ, анализъ, разложеніе предмета на его составныя части, разъединеніе составляющихъ его элементовъ, хотя бы потомъ все это и собиралось снова воедино.

Въ старыхъ теоріяхъ словесности „сочиненія“ дѣлились на описанія, повѣствованія и разсужденія. Первые два вида сочиненій имѣютъ своею задачею воспроизведеніе, послѣдній—пониманіе, и это какъ будто указываетъ на то, что первые два вида ближе къ задачѣ искусства, а послѣдній—къ задачѣ науки, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Сами описанія и повѣствованія могутъ быть или художественными, или научными, смотря по той цѣли, какая имъ ставится, равно какъ и въ разсужденіяхъ можетъ преобладать или логика, говорящая исключительно уму, или настроеніе, затрогивающее эмоциональную сторону нашей психики. Научное отношеніе къ предмету, — въ описаніи ли и повѣствованіи, или въ разсужденіи, все равно,—есть, прежде всего, отношеніе къ нему со стороны ума, стремящагося къ пониманію, отношеніе же художественное есть по существу своему отношеніе эмоциональное, въ частности эстетическое,

(о чемъ у насъ рѣчь будетъ идти подробнѣе послѣ и въ другой связи).

Чтобы еще лучше уразумѣть разницу между исторіей, какъ однимъ изъ видовъ искусства, и исторіей въ качествѣ науки, стòитъ только сравнить между собою отношенія, напр., скульптора и анатома къ человѣческому тѣлу, воспроизводимому первымъ въ статуѣ, разсѣваемому вторымъ на части. Сравнимъ также рисунки того же человѣческаго тѣла въ какомъ-либо художественномъ альбомѣ или въ анатомическомъ атласѣ, въ учебникѣ анатоміи! Въ послѣднемъ это самое тѣло дается, такъ сказать, анализированнымъ: вотъ рисунокъ человѣческаго скелета; вотъ другой, изображающій мускулатуру, а рядомъ съ нимъ третій, на которомъ изображена кровеносная система; затѣмъ вотъ еще чертежъ нервной системы или рисунокъ расположенія внутренностей человека.

Для большей наглядности еще одинъ примѣръ. Гобелены, художественные ковры, на которыхъ часто бывають изображены очень сложныя композиціи, въ родѣ миеологическихъ или историческихъ картинъ, бытовыхъ сценъ и т. п., ткутся особеннымъ образомъ изъ разноцвѣтныхъ нитей, то появляющихся на поверхности ткани, то скрывающихся и видныхъ только на ея изнанкѣ. Художникъ, который пожелалъ бы изображенную на гобеленѣ картину воспроизвести масляными красками на полотнѣ или акварелью на бумагѣ, сдѣлалъ бы соответственный рисунокъ и потомъ раскрасилъ бы его, придерживаясь цвѣтовыхъ эффектовъ оригинала, и только. Совершенно иначе поступилъ бы тотъ, кого заинтересовалъ бы вопросъ, какъ выткана была такая картина: ему пришлось бы, пожалуй, для достиженія своей цѣли прибѣгнуть въ своего рода анатоміи, раздёргать ткань на отдѣльныя нити, дабы понять, какъ онѣ перепле-

таются здѣсь и тамъ и тѣмъ самымъ даютъ въ результатѣ отдѣльные элементы сложной композиціи.

Художественную исторію я и уподобилъ бы копіи, сдѣланной или масляными, или акварельными красками съ гобеленовой картины, научная же исторія въ данномъ случаѣ была бы подобна раздѣргиванію отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ нитей ткани, въ результатѣ котораго получилось бы объясненіе того, въ какихъ комбинаціяхъ онѣ дали интересующую насъ картину ¹⁾.

Я думаю, однако, что существованіе исторіи съ научною задачею не устраняетъ существованія исторіи съ задачею художественнаго воспроизведенія прошлаго: это лишь два различныхъ отношенія къ одному и тому же предмету, и поскольку исторія претендуетъ на право именоваться наукою, она должна ясно понять свою задачу и отграничить ее отъ той задачи, какую исторіи ставили въ тѣ времена, когда на нее смотрѣли, какъ на одно изъ изобразительныхъ искусствъ. Одно другому ни-

¹⁾ Очень обстоятельное (болѣе нежели на двухъ печатныхъ листахъ) опроверженіе принадлежности исторіи къ искусствамъ, а не къ наукамъ есть въ специальномъ § (das Verhältniss der Geschichte zur Kunst) книги Бергейма „Lehrbuch der historischen Methode“. Если рѣчь идетъ о художественности изложенія научныхъ результатовъ, это не касается существа дѣла и совершенно такъ же относится, кромѣ исторіи, къ другимъ наукамъ. Соображеніе о томъ, что средства историческихъ изслѣдованія и репродукціи имѣютъ художественную природу, заключааясь въ фантазіи, опровергается тѣмъ, что роль воображенія въ наукѣ существенно отличается отъ таковой въ искусствѣ, ибо въ первомъ случаѣ оно связано съ извѣстными данными и съ методологическими правилами связыванія этихъ данныхъ. Наконецъ, объявленіе исторіи искусствомъ особаго рода на томъ основаніи, что она занимается не общими понятіями и законами, а наглядною передачею единичныхъ дѣйствительностей, оспаривается съ точки зрѣнія нахожденія исторіей отношеній между единичнымъ и причинною связью развитія, чѣмъ искусство не занимается. Смѣшеніе научной и художественной задачъ Бергеймъ справедливо считаетъ вреднымъ.

сколько не должно мѣшать, да и не мѣшаетъ на самомъ дѣлѣ, какъ, и съ другой стороны, художественной исторіи съ ея фактической правдою нисколько не мѣшаетъ историческій романъ съ неизбежными въ немъ выдумками, т.-е. небылицами.

Прекрасно, могутъ возразить на все сказанное выше, — вы установили различіе между исторіей-искусствомъ и исторіей-наукой, но еще вопросъ, можетъ ли быть исторія наукой, и не правы ли были тѣ, которые, противопоставляя искусство наукѣ, какъ-разъ сами же зачисляли исторію въ область искусства, не находя ей мѣста въ ряду наукъ.

Противъ права исторіи быть причисляемою къ наукамъ дѣлались разныя возраженія, главнѣйшія изъ которыхъ нами и будутъ теперь разсмотрѣны.

Одно изъ этихъ возраженій было еще много лѣтъ тому назадъ формулировано знаменитымъ родоначальникомъ пессимистической философіи, Шопенгауеромъ. По его словамъ, исторія не можетъ претендовать на право именоваться наукою, „такъ какъ она не можетъ похвастаться такими же достоинствами, какъ прочія науки“, ибо „въ ней нѣтъ основного характера всякой науки, т. е. подведенія узнаннаго подъ общее понятіе; вмѣсто того, она даетъ только координацію своихъ данныхъ. Поэтому, продолжаетъ Шопенгауеръ, нѣтъ никакой системы исторіи, какъ есть въ каждой изъ другихъ наукъ. Хотя она и есть знаніе, но она не наука, ибо нигдѣ она не познаётъ частнаго посредствомъ общаго... Науки, такъ какъ онѣ представляютъ собою системы понятій, говорятъ всегда только о видахъ, а исторія говоритъ объ индивидуумахъ. Поэтому ее можно было бы назвать наукою объ индивидуумахъ, если бы въ этомъ выраженіи не было противорѣчія. Изъ этого же положенія слѣдуетъ, что науки говорятъ о томъ, что существуетъ всегда, а исторія

только о томъ, что было разъ, и чего уже болѣе нѣтъ“¹⁾. Исходнымъ пунктомъ этого разсужденія является противоположеніе исторіи, занимающейся только единичными предметами, естествознанію, занимающемуся, наоборотъ, лишь общимъ, родами и видами. Посмотримъ, однако, такъ ли это на самомъ дѣлѣ.

Конечно, такія науки, какъ зоологія и ботаника, изучаютъ не отдѣльныхъ волковъ или перепелокъ и не отдѣльные дубы или папоротники, а волка, перепелку, дубъ, папоротникъ вообще, т.-е. извѣстные виды, подвиды, разновидности и т. п. животнаго или растительнаго царства. Но въ томъ же самомъ естествознаніи есть науки, интересующіеся какъ-разъ единичными предметами, занимающіяся ихъ изученіемъ, именно какъ таковыхъ, т.-е. въ ихъ индивидуальности. Развѣ солнце, это единичное солнце, центральное свѣтило нашей планетной системы, не является предметомъ громаднаго количества научныхъ усилій познать его во всѣхъ индивидуальных его чертахъ? Развѣ, далѣе, астрономы не интересуются такъ же спеціальнымъ изученіемъ отдѣльныхъ планетъ и ихъ индивидуальных же особенностей, наприм., Марса съ его красноватымъ цвѣтомъ и съ его загадочными каналами или Сатурна съ его замѣчательнымъ кольцомъ? Развѣ, равнымъ образомъ, и печальный спутникъ нашей земли,

¹⁾ *А. Шопенгауеръ. Миръ, какъ воля и представленіе, стр. 536. Шопенгауеръ даже высказывался въ томъ смыслѣ, что исторія— „предметъ, почти недостойный серьезнаго и труднаго изученія со стороны человѣческаго духа“, стр. 538. Не нужно, впрочемъ, забывать, что эти слова, были написаны чуть не сто лѣтъ тому назадъ (книга вышла въ свѣтъ въ 1819 г.), когда сама исторія едва только начинала дѣлаться наукою. Что взглядъ знаменитаго пессимиста и позднѣе оказывалъ свое дѣйствіе, можно видѣть изъ заявленія лишь недавно умершаго соціолога Гумпловича: „тезисъ Шопенгауера, что исторія не наука, какъ онъ былъ формулированъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, о сихъ поръ остается неопровергнутымъ“.*

луна, также вѣдь единичный, хотя и не единственный въ своемъ родѣ предметъ (вспомнимъ хотя бы спутниковъ Юпитера), не составляетъ особаго предмета изученія и именно въ качествѣ единственнаго спутника земли со своими чисто индивидуальными чертами? А наше обиталище, земной шаръ? Въ геологіи, въ географіи не изучается ли онъ вдоль и поперекъ, не какъ одна изъ планетъ солвечной системы, вращающаяся вокругъ своей оси и вокругъ центрального свѣтила по нѣкоторымъ общимъ законамъ, найденнымъ астрономіей, а именно, какъ нѣкоторая индивидуальность въ ряду другихъ планетъ, съ суточнымъ движеніемъ въ 24 часа и годовымъ въ $365\frac{1}{4}$ дней и имѣющая свою фізіономію—и въ распредѣленіи суши и воды, и въ распредѣленіи на сушѣ горъ и равнинъ, и въ томъ, что мы называемъ климатическими поясами, и во многомъ, очень многомъ еще другомъ? Однимъ словомъ, и въ естествознаніи есть отдѣлы, занимающіеся не общимъ, а единичными предметами, не родами и видами, а индивидуальностями. Дѣло, значитъ, не въ томъ, *что* является предметомъ науки, а въ томъ, *какъ* наука своимъ предметомъ занимается, будетъ ли этимъ предметомъ нѣчто общее, или нѣчто единичное.

Съ другой стороны, вѣрно ли, что то, чѣмъ занимается исторія, можетъ быть предметомъ только координированія, отнюдь не субординированія? Развѣ въ дѣлахъ человѣческихъ все такъ разрозненно, что и рѣчи здѣсь не должно быть о разныхъ категоріяхъ, могущихъ быть предметомъ классификацій, или о нѣкоторыхъ общихъ законахъ, наблюдаемыхъ въ однородныхъ случаяхъ?

Касается ли дѣло явленій физическаго міра, изучаемыхъ естествознаніемъ, или фактовъ человѣческой жизни, которыми занимается исторія, всѣ науки,—безъ всякаго

различія между изучаемыми категоріями дѣйствительности, — могутъ быть раздѣлены на два большихъ разряда, которымъ родоначальникъ соціологіи, Огюсть Контъ, далъ названіе наукъ абстрактныхъ и наукъ конкретныхъ. Вотъ собственныя слова Конта объ этомъ предметѣ: „однѣ науки — абстрактныя, общія, которыя имѣютъ цѣлью открытіе законовъ, управляющихъ разными родами явленій; другія, конкретныя, особенныя, описательныя, состоятъ въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ“.

Съ точки зрѣнія этой классификаціи механика, физика, химія, будутъ науками абстрактными, геологія же, изучающая земную кору при помощи знанія законовъ механики, физики и химіи, — наукою конкретной. Абстрактными науками будутъ, равнымъ образомъ, психологія или политическая экономія, изучающія законы явленій душевной или хозяйственной жизни вообще, тогда какъ, если мы изучаемъ эти явленія въ конкретныхъ случаяхъ того или другого отдѣльнаго общества (народа, государства), у насъ будетъ и наука конкретная — исторія, статистика. Общее есть область наукъ абстрактныхъ, единичное — наукъ конкретныхъ. И единичное, и общее совершенно одинаково можетъ быть, повторяю, предметомъ научнаго изученія и тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ природою, и тогда, когда занимаемся міромъ человѣческой исторіи.

Еще въ одной изъ болѣе раннихъ своихъ работъ историко-теоретическаго содержанія ¹⁾, принявъ контовское раздѣленіе наукъ на науки объ общихъ законахъ и науки объ отдѣльныхъ явленіяхъ, я высказался противъ контовской терминологіи, которая, по моему мнѣнію, содержитъ въ себѣ поводы для нѣкоторыхъ недоразумѣній,

¹⁾ О. В. Ф. И., кн. I, гл. 2 (въ концѣ).

и замѣнилъ для себя его терминологию другою: науки объ общихъ законахъ были названы мною „номологическими“ (отъ греч. слова νόμος, законъ), науки объ опредѣленныхъ явленіяхъ — „феноменологическими“ (отъ греч. слова φαινόμενον, явленіе). Уже много времени спустя въ нѣмецкой философской литературѣ сдѣлано было аналогичное различеніе между двумя категоріями наукъ, изъ которыхъ одна при этомъ получила названіе наукъ „номотетическихъ“, т.-е. устанавливающихъ законы, другая — наукъ „идіографическихъ“, т.-е. описывающихъ отдѣльные, единичные предметы ¹⁾. Это, въ сущности, есть не что иное, какъ контовское различеніе, только съ другою терминологіей ²⁾.

¹⁾ Греческое слово ἴδιος значитъ частный, собственный, никому другому не принадлежащій, отдѣльный, особый, исключительный. Конечно, терминъ „идіографическій“ не стоить ни въ какой генетической связи съ греч. ἰδιόγραφος, собственноручно написанный. Я усваиваю этотъ терминъ въ виду того, что мой прежній употребляется и въ другихъ значеніяхъ, но терминъ „номологическій“ удерживаю.

²⁾ Новая терминологія принадлежитъ нѣмецкому философу В. Виндельбанду, употребившему его въ своей рѣчи „Исторія и естествознаніе“, произнесенной въ Страсбургскомъ университетѣ въ 1894 г.; см. ея переводъ въ „Прелюдіяхъ“ Виндельбанда, сдѣланный С. Франкомъ (1904); интересующее насъ мѣсто находится на стр. 320 этого перевода. Другой нѣмецкій философъ, Г. Риккертъ, въ своей „Философіи исторіи“ (см. рус. пер. С. Гессена. 1908) различаетъ „генерализирующій и индивидуализирующій“ методы (или пониманія дѣйствительности), о чемъ стр. 19 и слѣд. рус. перевода. При этомъ онъ указываетъ на примѣненіе генерализирующаго метода въ „наукахъ, формулирующихъ законы“ (стр. 59, 64 и др.). G. Simmel въ книгѣ „Probleme der Geschichtsphilosophie“ тоже стоить на точкѣ зрѣнія „принципіальной двойственности историко-фактического (historische-tatsächlichen) знанія и знанія законовъ“ (стр. 95—96 и 136—137 по 2 изд.). Въ русской литературѣ см. первый выпускъ „Методологии исторіи“ акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго, усвоившаго терминологию Виндельбанда и защищающаго идіографичность исторіи. Рѣшительнымъ противникомъ „чистой идіографичности исторіи“ выступи-

Если признавать право на названіе „наука“ только за „абстрактнымъ“, т.-е. номологическимъ или номотетическимъ знаніемъ, то исторія, представляющая собою знаніе „конкретное“, феноменологическое или идіографическое, конечно, не наука, а въ такомъ случаѣ и многія части естествознанія, имѣющія такой же характеръ, тоже не науки. Но въ данномъ случаѣ пришлось бы, съузивъ повятіе науки, для идіографическихъ изученій придумывать какое-нибудь другое названіе, что вовсе не вызывается какою-либо необходимостью¹⁾. Исторія—наука, но, понятно, это не такая наука, какъ, наприм., физика, имѣющая дѣло съ общими законами, а не съ отдѣльными фактами. Съ другой стороны, ошибочно было бы думать, что только явленія природы могутъ доставлять матеріаль для номологическаго знанія, ибо то, что въ исторіи изучается идіографически, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ изучаться и номологически—въ соціологіи.

паетъ проф. А. И. Введенскій въ своей „Логикѣ, какъ части теоріи познанія“ (1912), стр. 90—91. Ср. о его взглядахъ на научное значеніе исторіи ниже, стр. 77. Я здѣсь воздерживаюсь отъ разбора взглядовъ названныхъ писателей и нарочно обхожу молчаніемъ то, что они говорятъ объ исторіи по сравненіи съ естествознаніемъ.

¹⁾ Поэтому нельзя не согласиться съ Зиммелемъ, когда онъ говоритъ, что если „кто-либо склоненъ давать титулъ науки только узаннымъ законамъ, отказывая въ немъ установленію фактовъ (Tatsachenfeststellung), безъ которыхъ тѣ никогда не могли бы дать изображенія дѣйствительности, то это простой словесный споръ (eine behanglose Eifersucht auf Worte)“. „Дѣйствительность, прибавляетъ онъ, ставитъ передъ нами два обособленныхъ вида проблемъ, которыя важно разрѣшать, а не такъ или иначе титуловать“. Die Probleme der Geschichtsphilosophie, стр. 95.

III. Предметъ и задача исторической науки.

Подойдемъ къ вопросу о правѣ исторіи называться наукою съ другой стороны.

Характеръ науки опредѣляется, во-первыхъ, ея предметомъ, во-вторыхъ, ея задачею, въ-третьихъ, ея методомъ. Нужно, именно, прежде всего, чтобы предметъ, изучаемый наукою, былъ вообще доступенъ нашему познанію, чтобы, далѣе, задача, какую себѣ наука ставитъ, вообще была разрѣшима, и чтобы, наконецъ, методъ, которымъ она пользуется, былъ вообще правиленъ въ логическомъ отношеніи. То, что не можетъ быть познаваемо, не можетъ быть и предметомъ науки, какъ, наприм., міръ сущностей, противопологаемый міру явленій: здѣсь — область вѣры или фантазіи, достояніе религіи или метафизики, а не область знанія, не достояніе науки. Не могутъ, равнымъ образомъ, быть признаны научными задачи, подобныя тѣмъ, какія ставились въ средніе вѣка астрологіей или алхиміей — предсказывать будущее по расположенію планетъ среди созвѣздій и по ихъ, планетъ, „соединеніямъ“ или превращать всѣ металлы въ золото. Такъ же, наконецъ, и методъ, наприм., заключенія отъ послѣдовательности двухъ явленій къ существованію между ними причинной связи (*post hoc, ergo propter hoc*), если бы онъ допускался изслѣдованіемъ какихъ-либо отношеній, былъ бы ненаученъ. Спрашивается, выдерживаетъ ли научность исторіи испытаніе съ точки зрѣнія ея предмета, задачи и метода.

Пунктъ первый: то, что составляетъ предметъ исторіи, не выходитъ за предѣлы міра явленій, могущаго быть познаваемымъ, и съ этой стороны научность исто-

ріи не можетъ быть отвергаема. Между прочимъ, нельзя не обратить вниманія на то, что въ наше время совершенно прекратились попытки смотрѣть на прошлое человечество, лишь какъ на внѣшнее отображеніе нѣкотораго процесса, совершающагося и въ мірѣ ноуменовъ, пользуясь терминомъ Платона, или вещей въ себѣ, применяя извѣстное выраженіе Конта. Метафизическіе философы конца XVIII и начала XIX в. какъ-разъ нападали на исторію за то, что въ научномъ отношеніи составляетъ ея силу, ибо историческое знаніе апостеріорно, тогда какъ эти философы выше всего ставили знаніе, получаемое a priori¹⁾. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ такого ненаучнаго отношенія къ исторіи навсегда останется „Философія исторіи“ Гегеля, въ которой истиннымъ предметомъ исторіи является не реальное прошлое человечества, а нѣкій процессъ, совершавшійся въ метафизическихъ нѣдрахъ Мірового Духа²⁾. Современная историческая наука не имѣетъ ничего общаго съ подобными представленіями, да и во времена господства гегелевой философіи настоящіе историки не только не раздѣляли такихъ воззрѣній, но и прямо противъ нихъ протестовали.

Особенность предмета исторіи заключается въ томъ, что въ ней изучается не настоящее, а прошлое, нѣчто бывшее прежде, но теперь не существующее³⁾. Рѣшеніе

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ главѣ IV первой части „Основныхъ вопросовъ“.

²⁾ Подробное изложеніе „Философіи исторіи“ Гегеля дано въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“.

³⁾ Отсюда одно соображеніе противъ права исторіи называться наукою, не заключающее, однако, въ себѣ отрицанія научности исторіи. „Нѣтъ такихъ фактовъ,—говоритъ французскій историкъ Сенъбось,—которые были бы историческими по своей природѣ, какъ это бываетъ съ фактами физиологическими или біологическими“. Это суть факты прошлаго, а не настоящаго, но „принадлежность къ настоящему или прошлому не есть различіе внутренняго характера, прису-

вопроса, возможно ли вообще познаваніе прошлаго, зависитъ отъ того, имѣются ли въ настоящемъ въ распоряженіи нашемъ какія-либо реальныя данныя, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что въ прошломъ нѣчто было и какъ оно было. Настоящее, строго говоря, есть лишь грань, отдѣляющая будущее отъ прошедшаго: не только сегодняшній день завтра же сдѣлается вчерашнимъ, но и каждый часъ, каждая минута, каждая секунда немедленно же отходятъ въ прошлое. И не одна только наша наука, занимающаяся прошлымъ народовъ и государствъ, но и естествознаніе, которое такъ любятъ противопоставлять исторіи, не обходится безъ устремленій въ прошлое, какъ, напр., прежде всего, геологія и палеонтологія, имѣющія дѣло съ такими періодами въ прошломъ земли и жизни на ней, съ которыми по хронологической отъ насъ отдаленности совсѣмъ не могутъ идти въ сравненіе даже самыя древнія историческія времена. Если геологіи никто не отказываетъ въ титулѣ науки, когда она старается проникнуть за сотни тысячъ и милліоны лѣтъ до нашего времени, то нѣтъ основанія и исторію не признавать за науку. Мало того, за исторіей, по сравненію съ историческою геологіей, нужно даже признать въ научномъ отношеніи то преимущество, что у второй нѣтъ въ распоряженіи такого матеріала, ка-

щее природѣ факта; это — различіе положенія, которое онъ занимаетъ относительно наблюденія... И такъ, заключаетъ названный авторъ, фактовъ, историческихъ по природѣ, не существуетъ, есть факты историческіе только по *положенію*. Историческимъ будетъ всякій фактъ, который мы не можемъ болѣе наблюдать непосредственно, такъ какъ онъ пересталъ существовать. Историческаго характера, присущаго фактамъ, не существуетъ, есть только историческій способъ, которымъ мы познаёмъ ихъ. Исторія не наука; она только особый процессъ познаванія". *Ш. Сеньобосъ*. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ (1902), стр. 4—5.

кимъ располагаетъ первая: всѣ историческія заключенія геологовъ основываются на извѣстныхъ матеріальныхъ остаткахъ отъ прежнихъ состояній земной коры, тогда какъ для историковъ подобные матеріальные остатки отъ прежнихъ періодовъ играютъ роль второстепенную сравнительно съ прямыми свидѣтельствами очевидцевъ того, что нѣкогда здѣсь или тамъ происходило въ жизни разныхъ народовъ.

Пунктъ второй: что же составляетъ задачу исторіи и имѣетъ ли эта задача научный характеръ? Когда старше теоретики исторіи, причислявшіе ее къ искусствамъ, говорили о воспроизведеніи прошлаго. они были правы, но ошибались только въ томъ случаѣ, когда настаивали, что это воспроизведеніе прошлаго совершается лишь для такого же его созерцанія, какое дается произведеніями изобразительныхъ искусствъ. Первая задача историка, дѣйствительно, состоитъ въ возстановленіи фактовъ прошлаго, но не для ихъ созерцанія, а для ихъ пониманія, — въ возстановленіи того, что было и какъ было тогда-то и тогда-то, тамъ-то и тамъ-то, т. е. въ опредѣленные времена и въ опредѣленныхъ мѣстахъ.

Объ этомъ, какъ мы условились выражаться, идиографическомъ характерѣ исторической науки (въ отличіе отъ номологическаго характера соціологіи) уже достаточно было сказано выше, и было еще прибавлено, что задачу науки нельзя ограничивать однимъ изслѣдованіемъ общихъ законовъ, совершенно устраняя изъ нея все частное, особенное, индивидуальное.

Можно было бы привести цѣлый рядъ мнѣній о томъ, что исторія не наука, основанныхъ на соображеніи, что она не ставитъ своею задачею открытіе законовъ. Между прочимъ, такая мысль была высказана еще Боклемъ.

Въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ онъ называетъ „несчастною особенностью“ исторіи въ сравне-

ніи съ другими науками то, что историки не занимаются открытіемъ законовъ. Отдѣльныя части исторіи, говоритъ онъ, изслѣдованы искусно, но все это — простые рассказы, тогда какъ „во всѣхъ другихъ великихъ областяхъ знанія необходимость обобщенія признава всѣми и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами“. Историковъ Бокль, главнымъ образомъ, и упрекалъ за то, что они „очень далеки отъ подобнаго взгляда“¹⁾.

Преобразование исторіи по типу номологическихъ наукъ было бы ея упраздненіемъ или, вѣрнѣе, превращеніемъ въ соціологію. Одно и то же, повторяю, можетъ изучаться и идіографически, и номологически: оба изученія при соблюденіи извѣстныхъ условій одинаково научны. Знаніе законовъ какой-либо категоріи явленій, конечно, очень важно, давая возможность какъ предсказывать то, что должно наступить, такъ и достигать въ своей дѣятельности намѣченныхъ цѣлей, но если бы наукою можно было называть лишь такія отрасли знанія, въ которыхъ возможны точныя предсказанія или которыя давали бы какія-либо практическія наставленія, то изъ науки пришлось бы исключить массу реальныхъ знаній даже въ такихъ областяхъ, гдѣ многое предсказывается вѣрно. Довольно часто повторяемое профанами мнѣніе, что исторія не можетъ почитаться наукою, такъ какъ не въ состояніи предсказывать грядущія событія, свидѣтельствуєтъ лишь о томъ, что самому понятію „наука“ придается условный и ограниченный смыслъ. Да, исторія не предсказываетъ будущаго, потому что, изучая прошедшее, и не ставитъ себѣ задачи пророчествовать о грядущемъ. „Вы историкъ, — приходится мнѣ нерѣдко

¹⁾ Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи (1863), т. I, стр. 2.

слышать, а потому должны предсказать, что же будет дальше“, и единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на подобные вопросы я считаю указаніе на то, что исторія подобна зеркалу, въ которомъ—хорошо ли, дурно ли—отражается прошедшее, но которое тотчасъ же тускнѣетъ и отказывается что-либо отражать, какъ только его поворачиваютъ къ будущему. По формѣ это, конечно, шутка, но по существу дѣла иного отвѣта и дать нельзя на предъявленіе исторіи требованія быть наукою и о будущемъ. Столь же мало заслуживаетъ длиннаго опроверженія и взглядъ на исторію, ставящій ей чисто утилитарную цѣль—давать наставленія, какъ разрѣшать ставимыя нами себѣ задачи въ нашей практической дѣятельности. Шутники говорятъ: „исторія учитъ, что ничему не научаетъ“. Это не совсѣмъ такъ,—о чемъ и будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ,—но и не дѣло какой бы то ни было чистой науки кого-либо чему-либо учить въ практическомъ смыслѣ слова.

Необходимо вообще различать науки чистыя и науки прикладныя. Однѣ основаны на строго теоретическомъ отношеніи къ знанію, на безкорыстномъ желаніи знать то или другое безъ всякой мысли о томъ, чтобы извлекать изъ своего знанія какую-нибудь практическую пользу, такъ или иначе примѣнять его къ жизни, тогда какъ другія стоятъ къ знанію въ утилитарномъ отношеніи, т.-е. занимаются примѣненіемъ чистаго знанія къ рѣшенію разныхъ задачъ, ставимыхъ жизнью. Отрицаніе за исторіей права называется наукою по тому соображенію, что она не открываетъ законовъ, на основаніи которыхъ можно было бы предсказывать будущее или извѣстнымъ образомъ направлять свою дѣятельность, диктуется какъ-разъ утилитарнымъ отношеніемъ къ знанію. Собственно говоря, настоящая наука есть одна наука чистая, а все остальное—уже только искусство, не въ художествен-

номъ, а въ техническомъ смыслѣ или, коротко говоря, техника.

Задача исторіи не въ томъ, чтобы открывать какіе-либо законы (на то есть соціологія) или давать практическія наставленія (это — дѣло политики), а въ томъ, чтобы изучать конкретное прошлое безъ какого-бы то ни было поползновенія предсказывать будущее, какъ бы изученіе прошлаго и ни помогало въ иныхъ случаяхъ предвидѣнію того, что можетъ случиться или наступить. Если данными и выводами исторіи воспользуются соціологъ, политикъ, публицистъ, тѣмъ лучше, но основной мотивъ интереса къ прошлому въ исторіи, понимаемой исключительно въ качествѣ чистой науки, имѣетъ совершенно самостоятельный характеръ: его источникъ въ томъ, что мы называемъ любознательностью, на разныхъ ея ступеняхъ — отъ простого и часто поверхностнаго любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знанія.

Человѣческая любознательность можетъ быть направлена и въ сторону общаго, какъ что бываетъ и происходитъ безотносительно къ отдѣльнымъ случаямъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и временахъ, и въ сторону, наоборотъ, какъ-разъ данныхъ предметовъ или фактовъ, приурочиваемыхъ нами къ извѣстному мѣсту, къ извѣстному времени. Историческое изученіе собственно и возникаетъ на почвѣ не общаго интереса къ тому, какъ протекаетъ жизнь народовъ и государствъ, а особаго интереса къ прошлому какой-нибудь страны, народа, государства, какого-нибудь города или области, учрежденія, соціальнаго класса, политической партіи и т. п. въ извѣстной странѣ и въ извѣстный хронологическій періодъ. Говоря это, я, въ сущности, повторяю то, что уже было сказано объ идиографическомъ характерѣ исторической науки, общемъ для нея, какъ мы видѣли, и съ нѣкоторыми отдѣлами естествознанія. Другой во-

прось—почему въ иныхъ случаяхъ мы довольствуемся только знаніемъ общаго, т.-е. родовъ и видовъ или законовъ, а въ другихъ стремимся къ знанію конкретнаго, отдѣльнаго, только разъ намъ даннаго въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое-то время. На это есть свои причины, о которыхъ еще будетъ рѣчь дальше, но фактъ остается фактомъ: существованіе научнаго интереса не только къ общему, но и къ отдѣльному.

Интересъ къ отдѣльному тоже можетъ быть научнымъ, какъ наученъ и интересъ къ общему. Все дѣло въ томъ, чтобы безкорыстно стремиться къ истинѣ, къ знанію и пониманію, и чтобы добиваться истины исключительно тѣми способами, которые имѣютъ въ виду только ее одну и одни къ ней приводятъ. Ученый, изслѣдующій происхожденіе „Иліады“ или нашей начальной лѣтописи, изучающій возникновеніе императорской власти въ Римѣ или возвышеніе Москвы, прослѣживающій исторію англійскаго парламента или созданнаго Петромъ Великимъ сената, дѣлаетъ научное дѣло, хотя и греческая поэма, описывающая битвы подъ Троей, и наша лѣтопись, которую называютъ Несторовою, и новая власть въ Римѣ, возникшая при Августѣ, и городъ, сдѣлавшійся шесть вѣковъ тому назадъ центромъ собиранія Руси, и оба названна выше учрежденія, англійское и русское,—все это существовало въ единственномъ числѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время, съ особыми, индивидуальными чертами, отличающими, напр., Иліаду отъ Одиссеи, лѣтопись Нестора отъ Ипатьевской, римскую императорскую власть отъ аѳинской тиранніи, московское собираніе Руси отъ литовскаго, англійскій парламентъ отъ французскихъ генеральныхъ штатовъ, петровскій сенатъ отъ боярской думы Московскаго государства. Такими же, т.-е. только однажды данными и обладающими своимъ строго индивидуальнымъ обликомъ,

предметами историческаго изученія являются также и отдѣльныя страны, народы, государства, Египетъ съ фараоновскихъ временъ до современной англійской оккупаци, греки на всемъ протяженіи исторіи этой національности, Аѳины, Римъ, Франція, Польша, Россія. Даже въ томъ случаѣ, когда предметомъ исторіи мы сдѣлаемъ все человѣчество, она не утратитъ своего идиографическаго характера, поскольку нашему знанію дано только одно человѣчество, какъ даны только одно наше солнце, одинъ нашъ земной шаръ, одна наша луна, сколь бы ни существовало другихъ солнць, другихъ планетъ и ихъ спутниковъ, но именно другихъ, т.-е. не такихъ или, по крайней мѣрѣ, не во всемъ такихъ, какъ наши. Если идиографичность исторіи мѣшаетъ ей быть наукою, то, какъ уже было сказано выше, не науки и идиографическіе отдѣлы естествознанія.

Ошибочно было бы думать, что все состоящее изъ многихъ единицъ, все коллективное, все многое, образующее какую-либо категорію, тѣмъ самымъ уже не есть предметъ идиографическаго изученія. На эту тему необходимо распространиться въ виду одного недоразумѣнія, возникшаго въ методологіи исторіи по поводу различенія между общимъ и индивидуальнымъ въ примѣненіи къ вопросу какъ о предметѣ, такъ и о задачѣ исторической науки.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые писатели, противопоставляя единичнымъ явленіямъ явленія массовыя, коллективныя, отождествляли послѣднія съ тѣмъ общимъ, которымъ должна заниматься наука, въ отличіе отъ всего, даннаго только въ единственномъ числѣ. Съ такой точки зрѣнія, напр., Петръ Великій подойдетъ подъ послѣднюю категорію даннаго въ единственномъ числѣ, а вообще русскіе люди конца XVII и начала XVIII вѣка—подъ нѣкоторое общее понятіе. Пусть, однако, въ данномъ

примѣръ „русскій народъ“ будетъ своего рода коллективнымъ понятіемъ, но это отнюдь не помѣшаетъ ему все-таки обозначать нѣкоторую лишь единожды данную намъ индивидуальность, хотя бы и коллективную: какъ-ни-какъ, и русскій народъ все-таки есть нѣкоторое единичное явленіе, какъ географически, такъ и хронологически опредѣленное. Нужно различать между дѣйствительно общимъ понятіемъ „народъ“ (т.-е. всякій народъ) и такими единичными экземплярами этого родового понятія, каковыми являются отдѣльные народы, остающіеся все-таки объектами идіографическаго изученія, хотя бы каждый изъ нихъ и былъ совокупностью громаднаго количества индивидуумовъ. Вѣдь и статистика, занимающаяся массовыми или групповыми явленіями, несмотря на это, все-таки рассматривается, какъ идіографическая дисциплина ¹⁾. Между тѣмъ при всей своей идіографичности „статистическій интересъ выдвигаетъ впередъ не единичный предметъ, а совокупность“, или то, что нѣмцы обозначаютъ терминомъ „Gesamtheit“ ²⁾. Нужно, именно, разобраться въ различіи между категоріями понятій родовыхъ и понятій групповыхъ. Статистика занимается не родами, а группами, и ея характерною чертою

¹⁾ А. А. Чупровъ. Очерки изъ теоріи статистики (1909), стр. 20 и слѣд. Обращаю вниманіе читателя на эту книгу, въ которой онъ такъ же, какъ и въ „Методологіи исторіи“ А. С. Лаппо-Данилевскаго (ст. выше), найдемъ сопоставленіе и сравненіе идіографіи и номографіи (терминъ А. А. Чупрова). Исходный пунктъ автора въ области общей теоріи науки находится въ различеніи, сдѣланномъ Риккертомъ, между двумя категоріями наукъ (ср. выше, стр. 64), причемъ Риккертъ (и Виндельбанду) онъ ставитъ въ заслугу „ликвидацию предрасудка, будто идіографическое знаніе имѣетъ низшую научную цѣнность по сравненію съ номографическимъ“, стр. XXXV.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

является „сжиманіе единичныхъ явленій въ совокупности“, которое отлично отъ номологического обобщенія ¹⁾).

Настаивая на идіографическомъ характерѣ историческаго знанія и на правѣ такого знанія называться научнымъ, нельзя здѣсь же не отмѣтить еще, что всякое идіографическое знаніе только тогда, дѣйствительно, имѣетъ научный характеръ, когда какое-либо изучаемое нами явленіе рассматривается съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ общихъ идей, входящихъ въ составъ теоріи даннаго разряда явленій, отвлеченно взятаго. Астрономъ изучаетъ явленія, происходящія на центральномъ свѣтилѣ нашей планетной системы, но онъ пользуется при этомъ данными и выводами механики, физики и химіи. Безъ этихъ наукъ, равнымъ образомъ, не можетъ обойтись и геологъ, изучающій строеніе земной коры. Идіографическое знаніе научно лишь тогда, когда оно, такъ сказать, получаетъ номологическое освѣщеніе. У каждаго историка, — если онъ только не простой собиратель и описыватель фактовъ, — должны быть общія историческія идеи, которыя имъ и прилагаются къ объясненію изучаемыхъ имъ фактовъ. Разъ задача исторіи-науки, въ отличіе отъ задачи исторіи-искусства, состоящей въ картинномъ воспроизведеніи прошлаго, заключается въ объясненіи послѣдняго, тѣмъ самымъ историкъ вмѣняется въ обязанность не только быть изслѣдователемъ, но и мыслителемъ, т.-е. примѣнять при этомъ къ объясненію фактовъ общія понятія и формулы, составляющія основную особенность номологическихъ наукъ. Всякое иное отношеніе къ исторіи можетъ считаться чѣмъ угодно, но только не историческою наукою, какъ таковою: подготовленіемъ, наприм., фактическаго мате-

¹⁾ Тамъ же, стр. 88. По всему вопросу о групповыхъ понятіяхъ см. еще Г. Риккертъ. *Философія исторіи* (1908), стр. 43 и слѣд.

ріала для науки, но не его научною обработкою, и въ этомъ отношеніи исторія не составляетъ исключенія среди другихъ наукъ, нуждающихся въ фактическомъ матеріалѣ, какъ въ необходимомъ фундаментѣ для научныхъ построений, одинаково и номологическаго, и идіографическаго содержанія. Отыскиваніе и собираніе такого матеріала, это—лишь первые шаги къ наукѣ, но далеко не сама еще наука ¹⁾.

Разсмотрѣвъ вопросъ о научности исторіи со стороны ея предмета и задачи, перейдемъ къ вопросу о ея методѣ.

¹⁾ Проф. А. И. Введенскій въ своей „Логикѣ, какъ части теоріи познанія“, особенно настаивающій на томъ, что наука „стремится главнымъ образомъ къ доказательству общихъ сужденій“, и оправдывающій это стремленіе задачею науки выяснять законы явленій и причины, производящія явленія (стр. 84 и слѣд.), рѣшительно высказывается противъ „чистой идіографичности исторіи“ (стр. 90—91). По его мнѣнію, и въ исторіи важнѣйшую роль играютъ общія сужденія“ (стр. 88 и слѣд.), поскольку она изслѣдуетъ причины, узнать же причину событія „значить узнать то, повтореніе чего *всегда* приводитъ къ повторенію этого событія, т.-е. доказать общее сужденіе“. Кроме того, онъ думаетъ, что и исторія должна открывать законы изучаемыхъ ею явленій или, по крайней мѣрѣ, „давать почувствовать эти законы“. Наконецъ, и матеріалы для исторіи устанавливаются съ помощью общихъ сужденій, ибо при возстановленіи прошлаго „приходится пользоваться сужденіями, ... высказывающими общечеловѣческія свойства“. Въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ, что „наукой можно называть только такія (историческія) работы, которыя не ограничиваются лишь единичнымъ и частнымъ, но или доказываютъ *общія* сужденія, или, по крайней мѣрѣ, объясняютъ ими единичное и частное“. Впрочемъ, въ видѣ уступки онъ готовъ называть наукой и такія работы, въ которыхъ съ помощью источниковъ только доказывается правильность частныхъ сужденій, поскольку „характернымъ признакомъ науки служитъ употребленіе доказательствъ“ (стр. 223). Это уже нѣкоторая уступка.

IV. Методъ и матеріаль исторической науки.

Методъ въ каждой наукѣ есть тотъ путь ¹⁾, по которому нужно идти къ познанію истины (безразлично истины фактической или теоретической). Такихъ путей существуетъ не одинъ, ибо каждая категорія изучаемыхъ въ наукахъ предметовъ требуетъ примѣненія и особыхъ способовъ достиженія истины. Каковы бы, однако, ни были допускаемые научною работою методы, въ основѣ ихъ должны лежать общіе законы логики. Знаніе, добытое приемами мышленія, противорѣчащими требованіямъ логики, не есть научное знаніе, даже и не знаніе вовсе, совершенно такъ же, какъ нельзя назвать научнымъ знаніемъ нѣчто такое, что находится въ противорѣчій съ фактами. Частныя, такъ сказать, логики наукъ: логика математики, логика химіи, логика исторіи, все это — только спеціальныя части единой научной логики, которыя, конечно, лучше всего и могутъ разрабатываться только представителями соотвѣтственныхъ отраслей знанія въ зависимости какъ отъ задачъ этихъ отраслей, такъ и отъ того матеріала, надъ которымъ при этомъ приходится оперировать.

¹⁾ Греческое слово *μέθοδος* состоитъ изъ предлога *μετά*, имѣющаго довольно разнообразныя значенія, и сущ. *ὁδός*, что значитъ дорога, путь, шествіе, средство. По русски методъ называется иногда приемомъ съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что подъ методомъ разумѣютъ иногда и совокупность однородныхъ приемовъ, а не одинъ только какой-либо приемъ, тогда какъ подъ приемомъ всегда только одинъ какой-либо способъ. Только этимъ различіемъ можно еще оправдать часто у насъ встрѣчающееся выраженіе „методологическіе приемы“, собственно, заключающее въ себѣ тавтологію.

Математика, изучающая количественныя и пространственныя отношенія и выражающая ихъ въ общихъ понятіяхъ и формулахъ, пользуется методомъ абстрактно-дедуктивнымъ. Та истина, что сумма угловъ всякаго трехугольника равна двумъ прямымъ угламъ, или та, что квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равновеликъ съ квадратами, построенными на катетахъ, вовсе не была найдена путемъ ряда измѣреній угловъ въ отдѣльныхъ трехугольникахъ или площадей квадратовъ, а выведена путемъ простого разсужденія изъ другихъ истинъ, въ свою очередь выведенныхъ еще изъ другихъ, пока мы не дойдемъ до истинъ самоочевидимыхъ, или аксіомъ. Абстрактно-дедуктивный методъ есть по преимуществу методъ математическій, хотя возможно примѣненіе его къ изученію не однихъ количественныхъ отношеній. Наприм., такъ называемая классическая школа политической экономіи, основаніе которой было положено Адамомъ Смитомъ, работала этимъ методомъ, взявъ за исходные свои пункты тоже нѣкоторыя положенія аксіоматическаго характера и выводя однѣ свои теоремы изъ другихъ. Въ своемъ мѣстѣ мы еще будемъ говорить о томъ, какъ въ видѣ реакціи противъ абстрактно-дедуктивнаго метода „классической“ политической экономіи возникла въ этой наукѣ историческая школа, указавшая на необходимость обращенія къ исторической точкѣ зрѣнія, къ историческому матеріалу и къ историческому методу.

Дѣйствительно, методъ математики и методъ исторіи представляютъ собою полную противоположность. Метафизическіе мыслители конца XVIII и начала XIX в., вѣрившіе въ непогрѣшимость апріорнаго мышленія, иногда даже высказывались объ исторіи въ прямо пренебрежительномъ тонѣ, какъ о чемъ-то недостойномъ вниманія со стороны настоящихъ мыслителей, говорили о полной несоединимости философіи и исторіи и предоставляли по-

слѣдную въ распоряженіе тупыхъ головъ ¹⁾). Съ другой стороны, въ своемъ безусловномъ довѣрїи къ абстрактно-дедуктивному мышленію нѣкоторые изъ этихъ философовъ считали даже возможнымъ построить исторію чисто апріорнымъ путемъ, какъ это, наприим., заявлялъ Фихте, а Гегель и осуществлялъ на практикѣ въ своей „Философіи исторіи“, въ которой общій ходъ исторіи чело-вѣчества выводился изъ нѣкоторой, по отношенію къ этой исторіи апріорной формулы ²⁾). Какіе конфликты между философіей и исторіей могли получаться на этой почвѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго эпизода.

Знаменитый нѣмецкій мыслитель Фихте высказывался въ томъ смыслѣ, что философъ можетъ слѣдить за ходомъ исторіи по апріорному міровому плану, „который для него ясенъ безъ всякой исторіи“, и что если онъ обращается къ послѣдней, то вовсе не ради доказательства своихъ положеній, „доказанныхъ ранѣе всякой исторіи и отъ нея независимо“. Когда думавшій такъ Фихте получилъ отъ не менѣе извѣстнаго нѣмецкаго филолога Вольфа его глубокое изслѣдованіе о происхожденіи поэмъ Гомера, то написалъ ему, что и самъ онъ чисто апріорнымъ путемъ пришелъ къ такому же выводу, къ какому Вольфа привела его ученая критика. На это послѣдній иронически отвѣчалъ, что разъ можно узнавать подобныя вещи а priori, было бы хорошо такимъ способомъ знакомиться съ исторіей народовъ, отъ которыхъ сохранились только ихъ имена.

Что историку по временамъ приходится прибѣгать и къ дедукціи, въ этомъ, какъ мы еще увидимъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, но для историка дедукція — лишь одно изъ вспомогательныхъ средствъ, а не

¹⁾ О. В. Ф. И., кн. I, гл. 4.

²⁾ Тамъ же, кн. I, гл. 3.

главный путь, по которому онъ долженъ идти. Своимъ методомъ математика существенно отличается отъ всѣхъ другихъ наукъ, которыя должны изучать самое дѣйствительность, отдѣльныя категоріи ея явленій, рассматривая самыя эти явленія, а не соотвѣтствующія имъ абстрактныя понятія.

Далѣе, при изученіи нѣкоторыхъ явленій дѣйствительности изслѣдователи могутъ ставить ихъ въ искусственныя условія, рассчитанныя на то, чтобы такимъ путемъ получались научные отвѣты на интересующіе насъ вопросы. Это — такъ называемый экспериментальный методъ, методъ такихъ наукъ, по преимуществу, какъ физика или химія, но находящій широкое примѣненіе и въ другихъ наукахъ. Экспериментъ, или опытъ въ техническомъ смыслѣ слова, именно и заключается въ постановкѣ изучаемаго предмета въ особыя, нарочно, такъ сказать, придуманныя условія, въ которыхъ легче, а иногда только и возможно узнать что-либо важное относительно изучаемаго предмета или явленія. Само солнце нельзя подвергнуть какому-либо эксперименту, его можно лишь наблюдать такъ, какъ оно есть, но солнечный лучъ можно подвергнуть эксперименту, пропустивъ его черезъ трехгранную призму, черезъ какую-нибудь прозрачную жидкость и т. п. Нечего говорить, что экспериментальный методъ къ исторіи непримѣнимъ. Исторія — дѣло прошлое, а съ тѣмъ, чего сейчасъ уже нѣтъ, и въ природѣ никакіе опыты невозможны. Если, однако, иногда и говорятъ, наприм., объ экспериментахъ, производимыхъ надъ обществомъ правителями и законодателями, то это только *façon de parler*: своего рода опыты надъ обществомъ предпринимаются, конечно, не въ цѣляхъ добыванія научной истины. Самое большее, что историкъ могъ бы извлечь для себя изъ знакомства съ сущностью экспериментальнаго метода, можетъ заключаться развѣ только въ томъ, чтобы дѣ-

латъ какъ бы мысленные опыты, представляя себѣ изучаемое явленіе въ измѣненныхъ условіяхъ: если бы не было того-то, но было бы то-то, что изъ этого получилось бы? Такимъ вспомогательнымъ средствомъ, пожалуй, даже не слѣдуетъ пренебрегать, но, какъ и въ случаѣ обращенія къ дедукціи, это лишь одинъ изъ способовъ дополнять гипотезами пробѣлы настоящаго фактическаго знанія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣланіе экспериментовъ невозможно, отдѣльнымъ наукамъ приходится вообще довольствоваться одними простыми наблюденіями надъ изучаемыми предметами и явленіями, когда послѣдніе даются въ естественно присущихъ имъ условіяхъ. Астрономъ наблюдаетъ небесныя свѣтила и если при этомъ прибѣгаетъ къ искусственной помощи телескопа, спектроскопа или фотографическаго аппарата, то измѣняетъ не условія, въ какихъ существуютъ сами небесныя свѣтила, а условія своего наблюденія. Наблюденія при помощи искусственныхъ инструментовъ (въ родѣ еще микроскоповъ, микрофоновъ, термометровъ, барометровъ, химическихъ вѣсовъ и т. п.), конечно, не то же самое, что экспериментація, ибо предметъ, явленіе берутся здѣсь такъ, какъ они есть (если разумѣется, не происходитъ комбинированія обоихъ методовъ — экспериментальнаго и обсервационнаго). Къ числу приемовъ планомѣрнаго наблюденія въ научныхъ цѣляхъ относится, понятно, и собраніе статистическихъ свѣдѣній, но необходимое условіе какаго бы то ни было планомѣрнаго наблюденія въ научныхъ цѣляхъ заключается въ томъ, чтобы наблюдаемое было дано налицо, чтобы оно было настоящимъ, а не тѣмъ, чего уже нѣтъ или чего еще нѣтъ. Историческая наука какъ-разъ тѣмъ и отличается, что занимается не существующимъ болѣе и, слѣдовательно, не подлежащимъ непосредственному наблюденію. Наблюденія надъ

современностью для историка могутъ быть только однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ при рѣшеніи разныхъ вопросовъ касательно прошлаго, когда для отвѣтовъ на эти вопросы нѣтъ прямыхъ положительныхъ данныхъ, но это опять-таки не главное въ работѣ историка. Если, наконецъ, у насъ и говорятъ нерѣдко объ „историческихъ наблюденіяхъ“, то, конечно, не въ буквальномъ значеніи послѣдняго слова: на самомъ дѣлѣ, всякія наблюденія имѣютъ здѣсь значеніе болѣе сложныхъ умственныхъ операцій.

Натуралистъ можетъ производить наблюденія лишь надъ нынѣ существующими видами животнаго и растительнаго царства, но, какъ извѣстно, не всегда на землѣ существовали теперешнія фауна и флора. Органическая жизнь на нашей планетѣ имѣла свою длинную исторію, о которой мы можемъ судить по остаткамъ или слѣдамъ вымершихъ животныхъ и исчезнувшихъ растений, находящихся въ верхнихъ слояхъ земной коры. Лишь по этимъ остаткамъ, т.-е. по разнымъ частямъ скелетовъ всякихъ ихтіозавровъ, мамонтовъ и т. п., или такихъ слѣдовъ, какъ отпечатки рыбъ, растений и т. д., наука можетъ говорить о томъ, какія животныя и растенія существовали прежде. Цѣлая научная область посвящена этому предмету—такъ называемая палеонтологія. Въ неизмѣримо большемъ количествѣ такіе „палеонтологическіе“ остатки и слѣды сохранились изъ минувшихъ временъ отъ жизни разныхъ народовъ,—остатки всякихъ предметовъ, выдѣлывавшихся человѣческими руками, и слѣды людскихъ мыслей и словъ, запечатлѣвшіеся въ памяти послѣдующихъ поколѣній, въ особенности же дошедшіе до насъ въ записанномъ видѣ.

Матеріальными остатками отъ прежней человѣческой жизни являются разные предметы повседневнаго быта людей на разныхъ ступеняхъ развитія, начиная отъ

первобытныхъ временъ и кончая болѣе или менѣе недалекимъ прошлымъ. Все, что сохранилось отъ такихъ вещей, какъ жилища, одежда, домашняя утварь, орудія всякаго рода, оружіе, храмы и алтари, изображенія боговъ, могилы и надгробные памятники, игрушки и музыкальные инструменты, статуи и картины, монеты и всякіе иные знаки въ родѣ пограничныхъ камней, такъ называемыхъ тессеръ ¹⁾ и т. п., все это и многое другое такого же характера, доступное непосредственному наблюденію и изученію, составляетъ, вообще говоря, предметъ особой научной дисциплины, археологіи ²⁾. Для историка, конечно, важны всѣ подобныя матеріальныя остатки, не какъ самыя вещи, подлежащія изслѣдованію, опредѣленію, описанію, классифицированію и т. п., а какъ своего рода нѣмые свидѣтели прошедшихъ временъ, говорящіе намъ, какъ протекала человѣческая жизнь въ такихъ-то мѣстахъ и въ такія-то времена. Для археолога всѣ эти остатки суть факты, имъ изучаемые, для историка они—лишь свидѣтельства о другихъ фактахъ, именно о формахъ прежняго, нынѣ не существующаго быта.

Не эти, однако, матеріальныя остатки, свидѣтельствующіе о прошедшихъ фактахъ, недоступныхъ для непосредственнаго наблюденія, составляютъ главный матеріаль, надъ которымъ оперируютъ историки. Сколько бы ни вкладывалъ человѣкъ своей мысли въ дѣло рукъ своихъ, все-таки настоящимъ органомъ, при помощи котораго онъ проявляетъ вовнѣ свою мысль, внутреннее содержаніе своей психики, можетъ быть только его слово.

¹⁾ Объясненіе этого термина см. въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Такъ еще греки называли изученіе вообще всего относящагося къ далекому прошлому, своего рода „науку о старинѣ“, разумѣется подъ стариною (*τὰ ἀρχαῖα*) безразлично все древнее, но со второй половины XVIII в. подъ археологіей стали разумѣть изученіе лишь вещественныхъ предметовъ древняго происхожденія.

Пословица говоритъ, что слово не воробей, за хвостъ не поймашь; и дѣйствительно бѣльшая часть того, что было когда-либо и гдѣ-либо сказано людьми,—позволю себѣ такъ выразиться,—безслѣдно пропало въ воздухѣ. Но нѣкоторыя выраженные въ словахъ мысли слушателями запоминались, воспроизводились вновь, передавались одними людьми другимъ, старшими поколѣніями младшимъ, а иныя мысли записывались и въ записяхъ также сохранялись для потомства. Слѣды прежней жизни, дошедшіе до насъ въ формѣ преданій и записей, отличные отъ матеріальныхъ остатковъ, и составляютъ главный и основной источникъ историческаго знанія, источникъ очень богатый, до-нельзя разнообразный и особенно ясно говорящій о прошломъ. Конечно, каждый словесный памятникъ, подобно любому памятнику вещественному, можетъ быть и самостоятельнымъ предметомъ непосредственнаго изученія, какъ фактъ, подлежащій изслѣдованію, опредѣленію, описанію, сравненію съ другими подобными же предметами, и вмѣстѣ съ тѣмъ только свидѣтельствомъ, заключающемъ въ себѣ какое-либо извѣстіе о другомъ фактѣ, котораго уже нѣтъ, но который когда-то былъ. Первое отношеніе къ словеснымъ памятникамъ, для котораго сами они суть предметы изученія, есть отношеніе къ нимъ не самой исторіи, а филологіи ¹⁾, какъ науки о произведеніяхъ человѣческаго слова, для исторіи же предметомъ изученія остается все-таки само прошлое, недоступное для наблюденія, хотя бы и при помощи памятниковъ, которые и сейчасъ существуютъ и могутъ быть такими же объектами непосредственнаго наблюденія, какъ любой вещественный памятникъ для археолога или какъ любое растеніе для бота-

¹⁾ Въ старину это слово (отъ греч. φιλολόγος, любитель слова) переводилось у насъ буквально „любословіе“.

ника, любое животное для зоолога, любая звѣзда или планета для астронома.

Вещественные и словесные памятники, изучаемые археологами и филологами, являются, такимъ образомъ, для историковъ не самостоятельными предметами изученія, не фактами самими по себѣ, а лишь источниками нашего знанія о другихъ фактахъ, поскольку заключаютъ въ себѣ тѣ или другія свидѣтельства о существованіи таковыхъ. Если математика опирается на умозрѣніе, физика, химія и нѣкоторыя еще науки—на экспериментъ, а другія, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находятся и статистика, археологія и филологія,—на наблюденія, то главною опорою историческаго знанія являются всякаго рода свидѣтельства, заключающіяся въ вещественныхъ или словесныхъ памятникахъ, т.-е. въ остаткахъ и слѣдахъ, которые въ томъ или другомъ видѣ дошли до насъ отъ прошлаго.

Оставляя въ сторонѣ математику съ ея исключительно умозрительнымъ методомъ и апріоризмомъ, мы можемъ сказать, что всѣ остальные науки идутъ путемъ наблюденій надъ изучаемыми ими явленіями дѣйствительности, будутъ ли то непосредственныя наблюденія надъ этими явленіями въ томъ видѣ, въ какомъ сами явленія намъ даны (наблюденіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова), или же мы будемъ наблюдать явленія, поставивъ ихъ въ особія, нами придуманныя и созданныя условія (экспериментъ), или же, наконецъ, будемъ пользоваться чужими свидѣтельствами о прежде сдѣланныхъ наблюденіяхъ, какъ это и имѣетъ мѣсто въ исторіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первая задача науки одна—констатировать, что нѣчто существуетъ или совершается либо имѣло мѣсто или происходило въ прошломъ,—констатированіе фактовъ, говоря короче. Это—первый шагъ въ познаваніи дѣйствительности, составляющемъ задачу науки, но

на этомъ, конечно, наука не останавливается. Сами мы, однако, въ своемъ разслѣдованіи путей науки на этомъ пока задержимся, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ основною особенностью историческаго знанія. То, что мы знаемъ (въ обыденномъ значеніи этого слова), мы знаемъ или благодаря тому, что сами нѣчто видѣли, наблюдали, или благодаря тому, что слышали отъ другихъ или о чемъ читали написанное другими. И въ другихъ наукахъ чужія свидѣтельства составляютъ значительную часть содержанія того, что извѣстно каждому отдѣльному ученому. Астрономъ, живущій въ Европѣ и изъ нея никогда не выѣзжавшій, о свѣтилахъ и созвѣздіяхъ, видимыхъ въ Австраліи, знаетъ лишь по показаніямъ другихъ, которые могли наблюдать звѣздное небо южнаго полушарія. Тотъ же астрономъ, спеціально интересующійся солнечными затменіями, самъ могъ наблюдать ихъ два-три случая, и въ то же время знаетъ подробности о цѣломъ ихъ рядѣ изъ спеціальной литературы. Блестящая комета 1858 г. извѣстна очень многимъ, родившимся послѣ 1858 г. Самый ученый географъ не видѣлъ и сотой или тысячной доли тѣхъ странъ, горъ, рѣкъ, городовъ и т. п., которые, однако, знаетъ по описаніямъ путешественниковъ, по фотографіямъ и т. п. Физикъ и химикъ могутъ знать о многомъ, не продѣлывая лично тѣхъ экспериментовъ, на основаніи которыхъ покоятся тѣ или другіе научные выводы. Сказанное можетъ быть распространено и на археологовъ съ филологами, вынужденныхъ обо многомъ знать лишь на основаніи чужихъ свидѣтельствъ или, какъ говорится, изъ вторыхъ рукъ. Иначе говоря, не въ одной исторіи знаніе строится на фундаментѣ непосредственныхъ наблюденій, но и на основаніи чужихъ показаній, — только въ исторіи, по самому существу, свидѣтельства другихъ (притомъ опять-таки не однихъ очевидцевъ) играютъ главную роль. Историкъ подобенъ

географу, никогда не оставлявшему родного города, но знающему тѣмъ не менѣе чужія страны по рассказамъ туземцевъ и путешественниковъ.

Наши знанія о событіяхъ прошлаго основываются, слѣдовательно, на свидѣтельствахъ другихъ лицъ, каковыя свидѣтельства, однако, имѣютъ мѣсто и въ другихъ наукахъ. Когда на предварительномъ или судебномъ слѣдствіи допрашиваютъ свидѣтелей, то обращаются не только къ тѣмъ изъ нихъ, которые были очевидцами интересующаго судебныя власти факта, но и къ тѣмъ, которые что-либо о немъ слышали. Кромѣ того, судъ пользуется и вещественными доказательствами, среди которыхъ очень видную роль играютъ письменные документы. Человѣкъ, положимъ, грозилъ кого-нибудь убить, и это слышали многіе сами, а другіе объ этомъ слышали отъ третьихъ, но, кромѣ того, самый фактъ могъ бы быть доказанъ документально, если угроза была сдѣлана въ письмѣ, которое было послано по назначенію, получено адресатомъ, сохранено имъ и представлено въ судъ. Объ историческихъ событіяхъ мы какъ-разъ знаемъ очень часто не потому, что о немъ намъ сообщили и рассказали, а потому, что въ рукахъ у насъ имѣется его слѣдъ въ видѣ письменнаго документа. Намъ могутъ рассказать, что между двумя такими-то правительствами велись такіе-то переговоры, но мы можемъ имѣть передъ глазами и самые эти переговоры въ видѣ дипломатической переписки, хранящейся въ архивахъ: здѣсь намъ сообщаютъ не постороннія лица о томъ, что писалось участниками переговоровъ, а говорятъ сами участники, т.-е. свидѣтельское показаніе замѣняется подлиннымъ документомъ. Значеніе такихъ подлинныхъ документовъ для историка имѣютъ не только дѣловыя бумаги, но и дружеская переписка, и дневники, и еще очень и очень многое дру-

гое, что вообще пишется людьми для какихъ бы то ни было цѣлей.

Чѣмъ дальше отъ насъ та или другая эпоха, тѣмъ меньше, въ общемъ, мы имѣемъ отъ нея свидѣтельскихъ показаній и документовъ, хотя, конечно, отсюда есть множество исключеній. По мѣрѣ того, какъ уменьшается число фактическихъ извѣстій, знаніе прошлаго дѣлается все менѣе достовѣрнымъ. Существованіе въ исторіи массы свѣдѣній, отличающихся неполнотою и неясностью, массы пробѣловъ и сомнительныхъ данныхъ, массы противорѣчивыхъ извѣстій и т. п., нерѣдко даже выставлялось, какъ аргументъ противъ того, чтобы исторію считать наукою. Понятно, что если мы будемъ сравнивать исторію съ точными науками, сравненіе будетъ далеко не въ ея пользу, но за то вѣдь точныя науки и называются точными, что онѣ точны въ отличіе отъ другихъ, которыя точностью не отличаются. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что въ исторіи все неточно, что она ни въ чемъ и не можетъ быть точною и что, въ концѣ концовъ, достиженіе возможной точности не можетъ составлять цѣли, къ которой историки должны стремиться. И въ нашихъ представленіяхъ и сужденіяхъ о прошломъ земной природы, чѣмъ дальше мы уходимъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе теряемъ какую-либо руководящую нить. Мало того, въ своемъ цѣломъ историческая геологія гораздо гипотетичнѣе и въ подробностяхъ менѣе достовѣрна въ сравненіи съ тѣмъ, положимъ, и немногимъ, что мы лучше всего знаемъ изъ прошлаго нѣсколькихъ культурныхъ народовъ. Особенно, притомъ, въ исторической геологіи по отношенію къ точности хромаютъ хронологическія обозначенія. Что Геркуланумъ и Помпея были залиты лавой и засыпаны пепломъ вслѣдствіе изверженія Везувія въ 70 г. нашей эры, это мы знаемъ потому, что на этотъ счетъ есть прямыя историческія свидѣтель-

ства, геологъ же своими средствами не былъ бы въ состояніи точно установить дату даннаго изверженія Везувія. Мы точно знаемъ послѣдовательныя даты какъ завоеванія Римомъ отдѣльныхъ провинцій созданной имъ имперіи, такъ и постепенной ихъ утраты, но можно ли говорить о какой-либо точности цифръ, въ которыхъ геологи выражаютъ продолжительность періодовъ въ исторіи земного шара? А такихъ примѣровъ можно было бы привести великое множество.

V. Разные роды и виды историческихъ источниковъ.

Разсмотримъ теперь, какія существуютъ главныя категоріи источниковъ и въ связи съ этимъ сдѣлаемъ общій обзоръ такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ дисциплинъ (или „наукъ“), обязанныхъ своимъ существованіемъ тому, что пользованіе нѣкоторыми категоріями источниковъ требуетъ извѣстныхъ специальныхъ свѣдѣній и техническихъ навыковъ.

Въ просторѣчій источниками часто называются разнаго рода произведенія, изъ которыхъ были, наприм., почерпнуты факты или мысли для какого-нибудь сочиненія. Только люди, хотя бы немного искусившіеся въ терминахъ исторической методологіи, хорошо знаютъ, что не всякая историческая книга, изъ которой мы что-либо узнаемъ, есть историческій источникъ, но въ работахъ начинающихъ студентовъ сплошь и рядомъ, въ качествѣ источниковъ этихъ работъ, фигурируютъ совсѣмъ не источники. Если для каждаго автора такія-то и такія-то книги были источниками его фактическихъ свѣдѣній или высказанныхъ имъ мыслей, то это еще не значитъ,

чтобы въ самой наукѣ эти книги играли именно такую роль, т.-е. были тѣми произведеніями, изъ которыхъ ученые впервые о чемъ-либо узнаютъ и что, такимъ образомъ, заслуживаетъ названіе первоисточниковъ. О томъ или другомъ отдѣльное лицо можетъ узнать въ первый разъ изъ чтенія трудовъ Белоха или Моммзена, но это не значитъ, чтобы Белохъ и Моммзенъ были первыми, говорившими о томъ, что это лицо у нихъ вычитало. Вотъ когда мы доберемся до произведеній, гдѣ впервые о чемъ-либо говорится, это и будетъ источникъ или первоисточникъ. Исторіи Геродота или Фукидида, Лѣтопись Нестора и т. п., это—источники, хотя бы и сами они были основаны на источникахъ, до насъ не дошедшихъ, тогда какъ Гротъ, Курціусъ, Эдуардъ Мейеръ, Белохъ или Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Ключевскій, писавшіе о томъ же самомъ, что мы находимъ у Геродота, Фукидида, Нестора, являются авторами произведеній, которыя, при пользованіи ими въ историческихъ работахъ, принято называть не источниками, а пособіями.

Историческіе источники бываютъ очень различныхъ категорій, но до сихъ поръ нѣтъ общепринятой, однообразной ихъ классификаціи, и даже въ своей терминологіи, касающейся источниковъ, какъ историки вообще, такъ и въ частности историцисты, авторы историческихъ методологій, очень сильно расходятся между собою. Названія отдѣльныхъ категорій источниковъ употребляются одними въ одномъ смыслѣ, положимъ, болѣе широкомъ, другими—въ другомъ смыслѣ, болѣе узкомъ. Наприм., одни называютъ памятниками безразлично чуть не всѣ источники, не исключая и „памятниковъ письменности“, тогда какъ другіе склонны обозначать этимъ словомъ только вещественные предметы, свидѣтельствующіе намъ о чемъ-либо въ прошломъ, третьи же держатся и болѣе

буквальнаго смысла слова, разумѣя подъ нимъ только „монументы“, назначеніемъ которыхъ было о чемъ-либо напоминать. Терминомъ „памятники“ мы нерѣдко переводимъ нѣмецкое „Denkmäler“, но тѣмъ же словомъ мы переводимъ и нѣмецкое „Monumente“, имѣющее болѣе узкое значеніе. Бернгеймъ въ своемъ „Lehrbuch'ѣ“, говоря о „Denkmäler“, которые онъ отдѣляетъ отъ другихъ вещественныхъ „остатковъ“ („Ueberreste“), подводитъ подъ эту категорію надписи, памятники (Monumente) и документы (Urkunden), но и съ этимъ послѣднимъ словомъ случилось то же самое, что и съ терминомъ „памятникъ“. Для однихъ „документъ“ есть всегда только оффиціально засвидѣтельствованная записъ, что-либо удостовѣряющая, закрѣпляющая какое-нибудь право, а другіе расширяютъ понятіе „документа“ до включенія въ него рѣшительно всѣхъ письменныхъ источниковъ¹⁾ или, по крайней мѣрѣ, очень разнообразныхъ ихъ категорій. До сихъ поръ однообразнаго, общепринятаго употребленія такихъ терминовъ, какъ „памятникъ“ или „документъ“, нѣтъ, и здѣсь царитъ довольно-таки большой произволъ.

Независимо отъ терминологическаго разнообразія, самое существо дѣла таково, что отдѣльныя понятія здѣсь трудно отграничиваются однѣ отъ другихъ. Раздѣленіе всѣхъ источниковъ на „вещественные“ и „словесные“ напрашивается, такъ сказать, само собою, и очень соблазнительнымъ является назвать первые изъ нихъ, въ отличіе отъ вторыхъ, „нѣмыми“. Но пусть будутъ такими нѣмыми источниками, наприм., старинное оружіе, утварь и т. п. (хотя многіе и не согласятся

¹⁾ Наприм., см. *Langlois et Seignobos. Introduction aux études historiques.* Первая же фраза въ этой книгѣ гласитъ: „l'histoire se fait avec des documents“.

вообще такіе предметы называть источниками), а вотъ куда отнести древнюю гробницу, на которой имѣется и надпись? Это—и вещественный памятникъ, и не нѣмой. Или, быть можетъ, нужно создать новыя категоріи, въ родѣ вещественныхъ памятниковъ со словесными извѣстіями или словесныхъ извѣстій на вещественныхъ памятникахъ и т. п.?

Дѣло въ томъ, что для правильной классификаціи нужны извѣстныя основанія, какъ это и дѣлается, наприм., въ зоологіи, раздѣлившей всѣхъ животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, затѣмъ позвоночныя на звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ и т. д. Каждый разъ, когда цѣлый классъ дѣлится надъ подклассы, въ основу дѣленія кладется извѣстный признакъ, который и играетъ роль принципа раздѣленія (*principium divisionis*), чего какъ-разъ и нѣтъ въ дѣлѣ разнесенія историческихъ источниковъ по рубрикамъ. Противъ любой ихъ классификаціи всегда найдутся возраженія, и даже такіе педантическіе систематизаторы, какимъ въ данномъ случаѣ является Бернгеймъ, вынуждены бывають признаться, что при всемъ желаніи нельзя установить между историческими источниками строго кастовыхъ перегородокъ. Лишь съ этою оговоркою я и буду въ дальнѣйшемъ устанавливать разные роды и виды источниковъ, на дѣлѣ одни въ другіе переходящіе, одни съ другими перепутывающіеся.

Прежде всего, между историческими источниками слѣдуетъ различать двѣ большія категоріи, смотря по тому, дошло ли до насъ что-либо непосредственно *изъ* самого прошлаго, какъ его частица, что ли, остатокъ, или же что-либо дошло лишь *объ* этомъ прошломъ, какъ воспоминаніе о немъ, слѣдъ отъ него въ людской памяти. Египетскіе храмы, греческія статуи, римскіе акведуки, готическіе соборы, всякія древнія или старинныя

вещи, хранящіяся въ такомъ изобиліи въ массѣ европейскіхъ музеевъ, все это—уцѣлѣвшіе остатки прошлаго, предметы, въ свое время такъ или иначе служившіе разнообразнымъ потребностямъ жизни. Мы можемъ непосредственно созерцать эти остатки, тогда какъ если о чемъ-либо мы узнаёмъ, лишь благодаря тому, что оно оставило по себѣ слѣдъ въ людской памяти, благодаря передачѣ извѣстія объ этомъ одними людьми другимъ,—благодаря преданію, или традиціи въ широкомъ смыслѣ,—и рѣчи не можетъ быть о непосредственномъ наблюденіи самихъ фактовъ прошлаго.

Различая здѣсь между „остатками“ и „слѣдами“, употребляя эти самыя слова, я самъ вижу, что придаю имъ другое значеніе, нежели то, въ какомъ говорилъ о томъ же нѣсколько выше ¹⁾: тамъ, именно, это противоположеніе совпадало съ различеніемъ между вещественными и словесными источниками, здѣсь же мною имѣется въ виду уже нѣчто другое. Дѣло въ томъ, что остатками прошлой жизни можно и прямо должно называть не одни вещественные предметы, но и разныя словесныя записи, разъ въ свое время онѣ также служили удовлетворенію текущихъ потребностей жизни, а не имѣли своею цѣлью что-либо увѣковѣчить въ памяти грядущихъ поколѣній, дабы и онѣ знали о томъ, воспоминаніе о чемъ не должно было погибнуть. Всякія дѣловыя бумаги, акты, грамоты, документы, приказы, рапорты, протоколы, судебныя приговоры, прошенія, всякіе податные списки, счета, описи, приходо-расходныя книги, всякія письма къ роднымъ, къ друзьямъ, къ знакомымъ, всякіе манифесты, прокламаціи, воззванія, программы политическихъ партій, публицистическія статьи, политическія брошюры, всякія рекламы, объявленія, театральныя афиши, торговыя вывѣски, то-

¹⁾ См. въ предыдущей главѣ (стр. 83—85).

варныя этикетки,—все это и безчисленное множество разныхъ другихъ письменныхъ памятниковъ такого рода, все это—остатки прошлой жизни, ибо все это писалось, печаталось, рисовалось для удовлетворенія непосредственныхъ жизненныхъ нуждъ, для достиженія чисто практическихъ цѣлей, а не ради увѣковѣченія въ памяти любознательнаго потомства какихъ-либо событій. Наоборотъ, и вещественные памятники создавались нерѣдко не въ виду тѣхъ или другихъ жизненныхъ потребностей, а какъ-разъ для увѣковѣченія памяти о какихъ-либо людяхъ и событїяхъ, т.-е. съ такою же цѣлью, съ какою составлялись лѣтописи, хроники, мемуары и т. п.

Итакъ, изъ дошедшаго до насъ изъ прошлыхъ временъ одно создавалось для удовлетворенія житейскихъ нуждъ,—какъ, напр., шьется платье, строится домъ, пишется письмо или прошеніе судѣ, записываются приходъ и расходъ, печатается объявленіе объ отдачѣ въ наёмъ квартиры, издается политическая брошюра и т. п.,—другое же создавалось, какъ говорится у Пушкина, „да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу“. Вся разница, значитъ, заключается въ основныхъ намѣренїяхъ тѣхъ, которые что-либо сооружали или писали, т.-е., положимъ, писалъ ли кто-нибудь письма просто потому, что ему нужно было нѣчто кому-либо сообщить, безъ всякой мысли о томъ, что нѣкогда его письмо сдѣлается историческимъ источникомъ, или же кто-либо нѣчто записывалъ, дабы сохранить нѣчто для потомства, хотя бы и въ предвидѣніи, что записанное сдѣлается достояніемъ гласности развѣ только при внукахъ или правнукахъ.

Если бы слово „реликвиі“ не имѣло специфическаго смысла или, по крайней мѣрѣ, оттѣнка, очень удобно было бы такъ обозначить все то, что выше было под-

ведено подъ категорію „остатковъ“ (Ueberreste въ нѣмецкой историцистической терминологіи). Только боясь неологизмовъ, — очень часто бывающихъ обреченными на забвеніе, — я не предлагаю для всѣхъ историческихъ источниковъ этой категоріи терминъ „реликты“, — категорія, подъ которую можно подвести не только вещественные и словесные (письменные) памятники, но и остатки старины въ самой жизни, сохранившіеся изъ прошлаго: обычаи, обряды и другіе „пережитки“, какъ принято называть не соотвѣтствующія болѣе потребностямъ жизни и сохранившіяся лишь по инерціи явленія. Все, что не входитъ въ эту категорію реликтовъ, можетъ быть подведено подъ категорію традиціи, въ томъ спеціальному значеніи, какое этому слову уже давно придаетъ нѣмецкая историцистическая терминологія (если только не замѣнить этотъ терминъ другимъ — „свидѣтельства“).

Не скрою, однако, что эта классификація, — какъ, впрочемъ, и другія, — вообще не можетъ быть строго проведена по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, и попытки опредѣлить мѣсто того или другого вида источниковъ въ одной изъ этихъ категорій не всегда будутъ свободны отъ вѣскихъ возраженій. Прежде всего, въ самихъ намѣреніяхъ, съ какими что-либо писалось или записывалось, могла быть двойственность, и поэтому, одно и то же, наприм., историческое произведеніе, имѣющее характеръ источника (Геродотъ, Фукидидъ, Титъ Ливій, Тацитъ, Прокопій, Григорій Турскій и т. п.) можетъ разсматриваться нами подъ двумя аспектами — или какъ относящееся къ источникамъ одной категоріи, поскольку мы изъ такого произведенія узнаёмъ объ извѣстныхъ событіяхъ, во-первыхъ, или какъ источникъ другой категоріи, поскольку мы въ немъ имѣемъ литературный памятникъ, указывающій на состояніе исторіографіи и

даже на умственное развитіе историковъ въ данную эпоху, во-вторыхъ.

Тѣмъ не менѣе такое раздѣленіе источниковъ на остатки и преданія (или свидѣтельства), при всемъ своемъ несовершенствѣ, должно быть удержано, какъ имѣющее методологическое значеніе. Приемы изученія источниковъ обѣихъ категорій далеко не одни и тѣ же. Все, что выше было сказано объ археологіи и филологіи ¹⁾, и что будетъ еще ниже сказано о вспомогательныхъ историческихъ дисциплинахъ, относится къ дошедшимъ до насъ отъ прежнихъ временъ остаткамъ вещественныхъ издѣлій и письменнаго языка, а не къ содержанію свидѣтельствъ о фактахъ. Далѣе, въ источникахъ второй категоріи содержатся прямыя извѣстія о фактахъ (событіяхъ, отношеніяхъ), и историку нужно только установить, насколько эти свѣдѣнія заслуживаютъ вѣры, тогда какъ источники первой категоріи должны еще подвергнуться особой умственной операціи, интерпретаціи, дабы изъ нихъ можно было извлечь знаніе о фактахъ прошлаго, передача которыхъ потомству не входила въ намѣренія лицъ оставившихъ послѣ себя источники данной категоріи. Наконецъ, если для свидѣтельствъ о прошлыхъ фактахъ главный вопросъ заключается въ томъ, насколько они достовѣрны, то для остатковъ основной вопросъ — насколько они подлинны.

Имѣемъ ли мы дѣло съ остатками, или свидѣтельствами, въ обѣихъ категоріяхъ первенствующее значеніе для историка имѣютъ источники словесные. Называя ихъ словесными, я имѣю одинаково въ виду какъ слово устное, такъ и слово письменное. Конечно, среди словесныхъ источниковъ извѣстную роль всегда играла и устная традиція (въ формѣ простыхъ рассказовъ, сагъ

¹⁾ См. стр. 84—85.

или сказаній, анекдотовъ, пословиць, историческихъ пѣсенъ и всякаго фольклора), но въ громадномъ большинствѣ случаевъ значеніе научнаго матеріала для историковъ содержаніемъ устной традиціи пріобрѣтается только въ записанномъ видѣ (въ особенности же въ печатномъ видѣ). Большая часть словесныхъ источниковъ дошла до насъ письменно закрѣпленными, будутъ ли то надписи, столь характерныя для древней исторіи, рукописи, сохраняющіяся большею частью только начиная со среднихъ вѣковъ, и произведенія печати (за послѣдніе четыре съ половиною вѣка). Особый видъ источниковъ, не словесныхъ, но и не совсѣмъ нѣмыхъ, представляютъ собою всякаго рода изображенія, сдѣланныя изъ чего бы то ни было или на чемъ бы то ни было, т.-е. статуи, бюсты, барельефы, картины, рисунки, чертежи, планы, карты и т. п.

Изъ нѣсколькихъ примѣрныхъ перечисленій, приведенныхъ выше, легко усмотрѣть, до какой степени многообразны тѣ источники, изъ которыхъ историческая наука почерпаетъ свой матеріалъ. Перечислить всѣ роды ихъ и виды, дать характеристику каждаго, указать на ихъ второстепенныя разновидности, соединить ихъ по тѣмъ или другимъ признакамъ въ какія-либо группы—дѣло совершенно невозможное въ краткомъ изложеніи, и тѣмъ менѣе еще возможно назвать хотя бы наиболѣе знаменитые отдѣльные источники. Это можетъ быть задачею особаго отдѣла исторической науки, носящаго названіе „источниковѣдѣнія“, причемъ таковое непременно специализируется по странамъ или періодамъ (напр., для древней Греціи, для среднихъ вѣковъ, для исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ и т. п.). Въ источниковѣдѣніи, называемомъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ истористовъ „эвристикой“¹⁾, главное не въ методологіи, т.-е. не въ

¹⁾ Отъ греч. εὐρίσκω, что значитъ нахожу и въ особенности на-

формальной сторонѣ науки, а въ реальной, фактической касательно того, какіе существуютъ историческіе источники, ихъ редакціи, изданія, собранія, хранилища (архивы) библиотеки, музеи для вещественныхъ памятниковъ и т. п.).

Въ дальнѣйшемъ мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ видахъ историческихъ источниковъ, преимущественно принадлежащихъ къ категоріи повѣствовательнаго содержанія. Самое важное о прочихъ упоминается въ заключительной части главы, гдѣ рѣчь идетъ о вспомогательныхъ историческихъ дисциплинахъ.

Основная особенность источниковъ, подводимыхъ подъ понятіе традиціи, состоитъ въ самомъ ихъ возникновеніи, такъ сказать, въ интересахъ исторіи, т.-е. въ томъ, что въ нихъ уже дается исторія, что они входятъ въ составъ исторіографіи, или бытописанія, какъ у насъ выражались въ старину. Это—источники историческіе по преимуществу, не въ смыслѣ, однако, исключительной важности для исторической науки, а въ смыслѣ преднамѣренности въ самомъ ихъ созданіи—служить сохраненію въ памяти и передачѣ потомству фактовъ прошлой жизни. Въ отличіе отъ этихъ специфическихъ памятниковъ всѣ остальные источники могутъ быть распределены по рубрикамъ памятниковъ дипломатическихъ, юридическихъ, экономическихъ, художественныхъ, литературныхъ и пр. Конечно, и въ источникахъ этого рода въ изобиліи встрѣчаются повѣствовательные (и описательные) элементы, которыми пользуется историческая наука, какъ своимъ матеріаломъ, но они, эти элементы, не бываютъ обязаны своимъ происхожденіемъ чьему-либо желанію

хожу искомое, отыскиваю, открываю. Терминъ этотъ, употребляемый и не въ этомъ еще смыслѣ, вообще не привился, хотя, наприм., и *Langlois et Seignobos* ставятъ въ скобкахъ слово „heuristique“ при заголовкѣ „La recherche des documents“.

сохранить то или другое въ памяти потомства. Такіе элементы найдутся, наприм., во всякой перепискѣ, будетъ ли это переписка дѣловая, оффиціальная, или житейская, родственная, пріятельская. Дипломатическій агентъ, доводящій до свѣдѣнія своего правительства о видѣнномъ имъ или слышанномъ въ столицѣ иностраннаго государства; полицейскій чиновникъ, доносящій по начальству о разныхъ происшествіяхъ или о настроеніи умовъ обывателей; пріятель, рассказывающій въ своемъ письмѣ къ пріятелю какой-либо эпизодъ, случившійся на его глазахъ, разумѣется, менѣе всего думаютъ о сохраненіи сообщаемыхъ ими фактовъ для будущихъ показаній, какъ не думаютъ объ этомъ и газетные корреспонденты и репортеры, удовлетворяющіе потребности современныхъ имъ читателей въ интересныхъ новостяхъ. Если потомъ историки всѣмъ этимъ и пользуются, какъ своимъ матеріаломъ, наравнѣ съ другими памятниками письменности, не заключающими въ себѣ повѣствовательно-описательныхъ элементовъ, но также имѣвшими для своего времени дѣловое, житейское значеніе, то это относится къ той обширной категоріи результатовъ, которая охватываетъ массу явленій, нигдѣмъ не ставившихся въ качествѣ цѣлей. Иное дѣло—записи съ нарочитою цѣлью, „да вѣдаютъ потомки“, т.-е. всѣ эти лѣтописи, хроники, мемуары, воспоминанія, автобіографіи, дневники, жизнеописанія и т. п.

Съ одной стороны, желаніе современниковъ увѣковѣчивать то, что они считаютъ достопамятнымъ помимо всякихъ практическихъ утилитарныхъ цѣлей, съ другой, желаніе потомковъ знать о томъ, что дѣлали и какъ жили предки, и были первыми причинами возникновенія и сохраненія разнаго рода чисто историческихъ записей, положившихъ начало всему „бытописанію“. Первые образцы послѣдняго относятся, какъ извѣстно, къ глу-

бочайшей древности — въ видѣ краткихъ перечней или болѣе подробныхъ извѣстій о подвигахъ царей Египта, Ассиріи, Вавилона, Персіи и т. д., сохранившихся въ надписяхъ на остаткахъ храмовъ и дворцовъ, на памятникахъ, даже на скалахъ (знаменитая Бегистанская надпись о подвигахъ Дарія Гистаспа), или въ остаткахъ архивовъ (на глиняныхъ плиточкахъ, на папирусѣ и т. д.). Историческія надписи, — которыя нужно отличать, наприм., отъ юридическихъ въ родѣ законовъ вавилонскаго царя Хаммураби, — подобныя указаннымъ, встрѣчаются и въ болѣе позднія времена, когда бытописаніе порождаетъ уже и цѣлыя литературныя произведенія. Примѣромъ можетъ служить знаменитая Анкирская надпись, въ которой Октавіанъ Августъ говоритъ о своемъ правленіи въ Римѣ. Къ подобнымъ памятникамъ мы примѣняемъ названіе лѣтописей, хотя таковыми въ буквальный смыслъ онѣ и не были, и къ этой же категоріи часто причисляются всякія записи достопамятныхъ событій въ античныхъ государствахъ-городахъ. — На встрѣчу желанію современниковъ увѣковѣчить въ памяти потомства то, что считалось достойнымъ этого, шло желаніе послѣдующихъ поколѣній не допускать забвенія преданій старины глубокой, хранившихся въ формѣ рассказовъ, пѣсенъ и т. п. Преданія стали записываться также очень рано и составили другую струю въ начальномъ бытописаніи народовъ. Съ теченіемъ времени явились собиратели письменныхъ извѣстій и устныхъ преданій для дальнѣйшей обработки, въ родѣ греческихъ логографовъ, предшественниковъ „отца исторіи“ Геродота, и на той же ступени превращенія болѣе раннихъ формъ бытописанія въ произведенія уже литературнаго характера находятся историческія части Библии (напр., Книги Судей и Книги Царствъ). Чѣмъ дальше развивалась сама жизнь, тѣмъ все болѣе развивалось и бытописаніе, изъ котораго по-

степенно и выработалась вся историческая литература.

Не ставя себѣ задачею дать исчерпывающій перечень разныхъ формъ „бытописанія“, я ограничусь перечисленіемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе важныхъ и извѣстныхъ.

Анналы ¹⁾, по-русски лѣтописи, представляютъ собою погодныя записи, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе подробныя повѣствованія о событіяхъ, равно какъ историческіе труды, расположенные по годамъ. Часто лѣтописи имѣютъ сводный характеръ, и кромѣ того, одна и та же лѣтопись можетъ существовать въ разныхъ редакціяхъ (изводахъ), и, наконецъ еще, отдѣльныя лѣтописи могутъ доходить до насъ въ разныхъ спискахъ (копіяхъ).

Хроники представляютъ собою особый видъ бытописанія, получившій большое развитіе впервые въ Византіи. Это—въ общемъ болѣе краткія повѣствованія о прошедшихъ временахъ ²⁾, причемъ византійскія хроники начинались обыкновенно „отъ сотворенія міра“ и доводились по возможности до вступленія на престолъ современнаго каждой изъ нихъ императора. Каждая такая хроника является компиляціей, въ которой всегда можно рассчитывать найти извѣстія изъ источниковъ, до насъ не дошедшихъ, а чѣмъ ближе составитель подходит къ своему времени, тѣмъ болѣе его работа пріобрѣтаетъ характеръ лѣтописи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нерѣдко между хрониками и лѣтописями не дѣлаютъ различія, и напр., французскіе ученые нашу начальную лѣтопись называютъ „la chronique de Nestor“. Хроники свободно

¹⁾ *Annales* отъ лат. *annus*, годъ.

²⁾ Названіе хроникъ (τὰ χρονικά) происходитъ отъ греч. слова χρόνος, время (прилаг. χρονικός значитъ принадлежащій или относящійся ко времени).

передѣлывались, и ихъ содержаніе обогащалось вставками изъ разныхъ самостоятельныхъ источниковъ, что, впрочемъ, продѣлывалось и съ лѣтописями. Кромѣ всемірныхъ хроникъ¹⁾, составлялись въ средніе вѣка и національныя, и чисто мѣстныя. Можно сказать, что хроника занимаетъ среднее мѣсто между лѣтописью и исторіей, какъ произведеніемъ чисто литературнаго характера.

Отдѣльныя событія очень нерѣдко бывали предметомъ особыхъ повѣствованій, къ которымъ примѣняютъ названія повѣстей²⁾, сказаній и т. п. Бываютъ эпохи, когда необычныя событія особенно возбуждали въ современникахъ охоту писать такія повѣсти и сказанія³⁾.

Мемуарами называются записки современниковъ, заключающія въ себѣ повѣствованія о событіяхъ, въ которыхъ сами авторы такихъ произведеній принимали участіе или которыя были имъ извѣстны, какъ очевидцамъ или какъ лицамъ, слышавшимъ о нихъ отъ очевидцевъ. Отличіе мемуаровъ отъ хроникъ современныхъ событій, заключается въ томъ, что въ мемуарахъ особенно выдвигаются впередъ личность самого автора, его субъективныя переживанія, пристрастія, стремленія. Къ этому разряду можно отнести автобіографіи, воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ и т. п.

¹⁾ Въ древней Руси былъ очень популяренъ такъ называемый „хронографъ“, существовавшій въ разныхъ редакціяхъ и вобравшій въ себя, если такъ можно выразиться, немало всякихъ отдѣльныхъ сказаній.

²⁾ Нужно, конечно, отличать такія „повѣсти“ отъ извѣстнаго вида литературныхъ произведеній, а также отъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, какъ озаглавленъ древнѣйшій русскій лѣтописный сводъ.

³⁾ Наприм., такую эпоху представляетъ собою наше смутное время, которому посвящена диссертация проф. С. Ѡ. Платонова „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, какъ историческій источникъ“ (1897).

Запись видѣннаго можетъ относиться къ какимъ-либо чужимъ странамъ, въ которыхъ авторы извѣстій о нихъ побывали и которые потомъ описали. Извѣстія подобнаго рода въ изобиліи находятся уже въ историческомъ трудѣ Геродота, да и вообще рассказы путешественниковъ являются важнымъ историческимъ источникомъ. Составители руководствъ по источниковѣдѣнію русской исторіи выдѣляютъ въ особую источниковъ рубрику связанія иностранцевъ о древней Руси ¹⁾.

Жизнеописанія отдѣльныхъ лицъ, біографіи ²⁾, къ числу которыхъ должны быть отнесены и автобіографіи, т.-е. описанія собственной жизни, точно также входятъ въ число историческихъ источниковъ повѣствовательнаго содержанія, хотя бы авторъ того или другого жизнеописанія имѣлъ въ виду чисто назидательную цѣль. Такимъ характеромъ отличаются, напр., житія святыхъ, составляющія такую богатую агіографическую ³⁾ литературу христіанскаго средневѣковья ⁴⁾.

Заклучимъ весь этотъ переченьъ разныхъ категорій историческихъ источниковъ нѣкоторыми общими свѣдѣніями о такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ наукахъ (*historische Hülfswissenschaften, sciences auxiliaires de l'histoire*), ученіе о которыхъ занимало весьма большое мѣсто въ старыхъ историкахъ.

Нужно при этомъ замѣтить, что подъ такими вспомогательными науками иногда разумѣются очень широко всѣ

¹⁾ Этому предмету, посвятилъ покойный В. О. Ключевскій одну изъ первыхъ своихъ работъ подъ заглавіемъ „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“ (1866).

²⁾ Отъ греч. βίος (жизнь); иногда слово „жизнь“ прямо и стоитъ въ заголовкѣ произведенія.

³⁾ Отъ греч. ἅγιος (святой).

⁴⁾ Въ русской литературѣ есть извѣстный трудъ Ключевского „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“.

научныя спеціальности, въ которыхъ можетъ нуждаться историкъ, изучающій самые факты прошлаго, тогда какъ въ другихъ случаяхъ понятіе, на оборотъ, служивается и, подъ него подводятся лишь дисциплины, необходимыя для умѣнія пользоваться тѣми или другими родами и видами историческихъ источниковъ. Въ первомъ отношеніи историкъ можетъ нуждаться въ данныхъ и въ выводахъ и психологіи, и соціологіи, и политической экономіи или юриспруденціи, и географіи или этнографіи и пр. и пр., но все это — самостоятельныя науки, ставящія себѣ свои собственные задачи и потому, строго говоря, не могущія называться только вспомогательными науками или служебными дисциплинами. Другое дѣло — научныя спеціальности, которыя обязаны самымъ своимъ происхожденіемъ трудностямъ, какимъ-либо неудобствамъ, сопряженнымъ съ пользованіемъ нѣкоторыми разрядами источниковъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ ихъ особенностямъ, требующимъ особой подготовки либо чисто технической выучки, безъ каковыхъ пользованіе этими источниками невозможно. Вотъ такія спеціальности и могутъ называться вспомогательными дисциплинами исторіи въ тѣсномъ значеніи термина.

Однимъ словомъ, нужно различать знанія, необходимыя для пониманія самой исторической жнзни и отдѣльныхъ категорій, подъ какія можно подводить, разныя ея явленія, исторически изучаемыя, съ одной стороны, и знанія, нужныя при изученіи нѣкоторыхъ категорій историческихъ источниковъ, съ другой. Только послѣднія и можно, строго говоря, причислить къ дисциплинамъ, имѣющимъ исключительно служебное значеніе и потому играющихъ роль только своего рода „спутниковъ“ исторической науки ¹⁾. Археологія и филологія,

¹⁾ Откуда обозначеніе вспомогательныхъ дисциплинъ у французовъ, какъ „sciences ancillaires“ или „satellites“.

последняя въ смыслѣ изученія языковъ и литературъ, вводятъ насъ въ пониманіе самой жизни прошлаго, а потому хотя и оказываютъ особую помощь историкамъ при изученіи ими источниковъ, только въ этой своей сторонѣ могутъ быть признаны за науки вспомогательныя ¹⁾, какъ это и дѣлается нѣкоторыми историцистами; т.-е. онѣ существовали бы и въ томъ случаѣ, если бы историки и не нуждались въ ихъ помощи. Другое дѣло — тѣ специальности, которыя будутъ перечислены ниже.

Если принять въ расчетъ, что главными историческими источниками являются письменныя памятники, и что письма очень часто разбираются съ большимъ трудомъ, требующимъ спеціальной подготовки, то весьма видное мѣсто среди вспомогательныхъ дисциплинъ исторіи занимаютъ тѣ, которые имѣютъ въ виду простое чтеніе, или дешифровку письменныхъ начертаній. Поскольку больше затрудненій возникаетъ при чтеніи старинныхъ документовъ, самое изученіе разнаго рода почерковъ обозначается терминомъ „палеографія“ ²⁾, хотя, конечно, не одна древняя письменность трудно разбирается. Понятно, что какой-либо общей палеографіи быть не можетъ, а существуютъ разныя спеціальныя палеографіи, какъ-то: греческая, латинская, славянская, русская и т. п. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣло касается здѣсь, напр.,

¹⁾ Ср. выше, стр. 84 и 85.

²⁾ Проф. *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ* въ книгѣ „Объ отношеніи русскаго письма къ русскому языку“ (1912) указываетъ, что начало палеографіи дало разсмотрѣніе и сравненіе различій, существующихъ въ почеркахъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ (между прочимъ, свойственныхъ извѣстнымъ эпохамъ), но что первая часть термина („палео“-) „наводитъ на ложное предположеніе, будто можно заниматься изученіемъ только старинныхъ рукописей, игнорируя современныя и вообще болѣе новыя“ (стр. 21). Самое слово „палеографія“ составлено изъ греческихъ *παλαιός* (старый, древній) и *γραφή* (письмо).

и начертанія буквъ, характеризующаго ту или другую эпоху, и разныхъ бывшихъ принятыми сокращеній (аббревіатуръ) и пр. Въ частности, подъ палеографіей разумѣютъ ученіе о письменахъ на бумагѣ или на пергаментѣ, иначе говоря, о рукописныхъ документахъ (манускриптахъ), изученіе же надписей на камнѣ, металлѣ и т. п. называется эпиграфикою ¹⁾, которая точно такъ же подраздѣляется на греческую, латинскую и т. п. Иногда палеографическія дисциплины получаютъ и болѣе специфическія наименованія. Наприм., за послѣднее время выдвинулись такія дисциплины, какъ папирологія или остракологія, въ зависимости отъ того матеріала, на которомъ мы имѣемъ письма: папирологія занимается рукописями на папирусѣ, остракологія—начертаніями на черепкахъ ²⁾. Другими словами, папирологія является спеціальною отраслью палеографіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, а остракологія—такимъ же отдѣломъ эпиграфики.

Въ современной наукѣ эпиграфическій матеріалъ, какъ извѣстно, играетъ особенно видную роль по отношенію къ древней исторіи, въ особенности по отношенію къ древнему Востоку. До XIX в. о народахъ древняго Востока мы знали только по извѣстіямъ, сохранившимся въ Библии и у греческихъ классиковъ, въ прошломъ же столѣтіи получили большое развитіе эпиграфики египетская (чтеніе іероглифовъ), ассирійская (чтеніе клинописи), финикійская и пр.

При изученіи памятниковъ письменности предметомъ изслѣдованія бывають не только самыя начертанія, но матеріалъ, на которомъ мы послѣднія находимъ. Этимъ

¹⁾ Отъ греч. ἐπιγραφὴ, надпись.

²⁾ Отъ греч. ὀστράκον, черепокъ, глиняная дощечка, откуда и названіе остракизма, приговора къ изгнанію изъ отечества въ результатѣ подачи голосовъ на черепкахъ.

матеріаломъ бываетъ камень, глина (кирпичи, таблицы, черепки), металлъ, папирусъ, пергаментъ, бумага, могущіе также быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подвергнутыми изслѣдованію. Напр., на бумагахъ бываютъ такъ называемые водяные знаки (фабричныя марки), по которымъ можно судить о мѣстѣ и времени изготовленія бумаги, что бываетъ важно для опредѣленія хронологіи рукописей. Вопросы подобнаго рода также могутъ быть включены въ палеографію. Въ тѣснѣйшей связи съ послѣднею находятся еще нѣкоторыя особыя дисциплины, къ каковымъ, прежде всего, нужно отнести дипломатику.

Подъ названіемъ дипломатики разумѣется „наука“, задача которой заключается въ опредѣленіи степени достовѣрности историческихъ документовъ и которая стала такъ называться по главной категоріи документовъ, дипломамъ ¹⁾. Такъ какъ къ памятникамъ такого рода прикладывались удостоверяющія подлинность печати, то и на этой почвѣ возникла еще одна ученая специальность, сфрагистика ²⁾, ученіе о печатяхъ, выдѣлившееся въ особую дисциплину около двухсотъ лѣтъ тому назадъ. Поскольку на печатяхъ употребляются эмблемы, встрѣчающіяся также въ гербахъ и на монетахъ, къ сфрагистикѣ очень близки геральдика и нумизматика.

Терминъ „геральдика“ ³⁾ по-русски переводятъ сло-

¹⁾ Слово дипломъ (отъ греч. *díplōma*, нѣчто сложенное вдвое) означалъ у римлянъ всякій документъ, снабженный официальной подписью и печатью. Въ XVII в. на Западѣ оно стало обозначать официальные историческіе документы, или акты, обращеніе къ которымъ въ международныхъ отношеніяхъ и послужило основаніемъ для возникновенія термина „дипломатія“.

²⁾ Отъ греч. *sphragis*, печать.

³⁾ Отъ стариннаго нѣмецкаго „Herald“ (= Heeralt, старый воинъ), герольдъ: въ средніе вѣка герольды на турнирахъ описывали гербы рыцарей въ доказательство права ихъ принимать участіе въ этихъ

вомъ „гербовѣдѣніе“. Это — цѣлая дисциплина, имѣющая свои „правила“ и, въ качествѣ вспомогательной для исторіи, стоящая въ ближайшей связи со сфрагистикою, поскольку изображенія гербовъ очень часто встрѣчаются на печатяхъ, удостоверяющихъ документы. Какъ справочныя пособія, въ этой области существуютъ особые гербовники (сборники гербовъ), древнѣйшій изъ которыхъ восходитъ къ XIV вѣку.

Нумизматика ¹⁾, или „наука“ о монетахъ и медаляхъ, возникшая въ XVI в., занимается изученіемъ изображеній (типовъ), надписей (легендъ) и системъ всѣхъ извѣстныхъ монетъ и медалей. За послѣднее время развилось еще изученіе такъ называемыхъ античныхъ „тессеръ“, т.-е. жетоновъ и марокъ съ разными изображеніями и письменными знаками, имѣвшихъ очень разнообразное назначеніе ²⁾.

Къ числу вспомогательныхъ историческихъ дисциплинъ относятся и хронологію въ смыслѣ изученія разныхъ способовъ, у отдѣльныхъ народовъ, измѣрять время и умѣнія переводить всякія хронологическія опредѣленія событій на наше исчисленіе времени. Историческая (или „техническая“) хронологія нуждается въ астрономическихъ предпосылкахъ (измѣренія года, мѣсяца, сутокъ) и въ ариѳметическихъ выкладкахъ, равно какъ въ фактическихъ свѣдѣніяхъ о разныхъ календаряхъ, бывшихъ или нынѣ существующихъ въ употребленіи. Съ измѣреніемъ времени поставимъ рядомъ опредѣленіе пространствъ и количествъ всякими мѣрами длины, поверхности, объема, вѣса и т. п., изученіе которыхъ составляетъ предметъ

состязаніяхъ. Умѣніе разбираться въ гербахъ и послужило основаніемъ особой „науки“.

¹⁾ Отъ греч. νόμισμα, монета.

²⁾ См. М. Ростовцевъ. Римскія свинцовыя тессеры. 1903.

метрологіи, тоже часто, причисляемой къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи ¹⁾).

VI. Критика источниковъ.

Наукамъ, пользующимся экспериментомъ или непосредственнымъ наблюденіемъ, нѣтъ надобности заниматься констатированіемъ своихъ фактовъ: факты находятся въ самой окружающей дѣйствительности или получаютъ въ результатѣ произведеннаго эксперимента. Другое дѣло — исторія, занимающаяся фактами, которыхъ налицо уже нѣтъ, о которыхъ еще приходится судить, были ли они на самомъ дѣлѣ, или являются простой выдумкой, а если были, то такъ ли, какъ объ этомъ говорится въ дошедшихъ до насъ о нихъ извѣстіяхъ. Своимъ глазамъ и ушамъ иногда приходится не вѣрить и исправлять разсужденіемъ заблужденія зрѣнія и слуха: тѣмъ болѣе нужно быть насторожѣ относительно того, чего мы сами не были очевидцами. Признанію за прошлыми фактами реального значенія или констатированію фактовъ должна предшествовать тщательная критика источниковъ ²⁾).

¹⁾ Къ вспомогательнымъ наукамъ нѣкоторые историцисты относятъ еще географію, генеалогію, библіографію и т. п., но географія имѣетъ самостоятельное значеніе, историческая же географія входитъ въ составъ самой исторіи, а генеалогія имѣетъ характеръ простыхъ собраній фактическихъ справокъ.

²⁾ Греч. *κριτικὴ* (отъ *κριτικός*, разбирающій, способный рѣшать, произносить приговоръ) первоначально обозначало искусство судить о языкѣ и о словесныхъ произведеніяхъ (литературная критика). Историческую критику дѣлятъ на внѣшнюю (*critique externe, äussere Kritik*) и внутреннюю (*critique interne, innere Kritik*) съ подраздѣленіемъ каждой на разные виды, смотря по цѣлямъ, какія ставятъ критикѣ каждой категоріи источниковъ, но и въ опредѣленіи отдѣль-

Въ обыденной жизни сплошь и рядомъ встрѣчаются разныя фальсификаціи, большею частью съ корыстными цѣлями. Съ поддѣлками и подлогами приходится иногда имѣть дѣло и ученымъ, которымъ во всѣхъ мало-мальски сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ поэтому провѣрять самую подлинность памятниковъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Фабрикація фальшивыхъ древностей—явленіе, хорошо извѣстное археологамъ, а нѣкоторые случаи ловкихъ поддѣлокъ получили даже громкую извѣстность. Въ этомъ отношеніи, напр., большую славу приобрѣла такъ называемая Краледворская рукопись, на которую долго смотрѣли, какъ на настоящій древній памятникъ чешской письменности, пока не была заподозрѣна подлинность этой рукописи и ученые не пришли, наконецъ, къ тому, что въ ней мы имѣемъ дѣло съ „новѣйшимъ произведеніемъ древней чешской литературы“, т.-е. попросту съ подлогомъ ¹⁾. Не такъ давно администрація знаменитаго Луврскаго музея приобрѣла за большія деньги великолѣпную золотую корону скиѣскаго царя Сайтафарна, будто бы найденную при раскопкахъ, но оказавшуюся лишь работою искуснаго одесскаго ювелира. Иногда вещь и нельзя назвать поддѣльною въ тѣсномъ смыслѣ слова, но съ нею по традиціи соединяется невѣрное представленіе: ей приписывается не то происхожденіе, которое она имѣла, или ее невѣрно приурочиваютъ не

ныхъ видовъ этой критики, и въ ихъ классификаціи авторы историческихъ методологій между собою не сходятся. Не вдаваясь въ подробности, можно внѣшнюю критику отнести къ подлинности историческихъ источниковъ, внутреннюю—къ ихъ достовѣрности.

¹⁾ Аналогичный подлогъ былъ сдѣланъ собирателемъ болгарскихъ пѣсенъ Верковичемъ, который въ 1883 г. издалъ сборникъ пѣсенъ подъ названіемъ „Вѣда словена“, въ которомъ встрѣчается масса мифологическихъ реминисценцій изъ эпохи появленія арійцевъ въ Индіи, или такъ называемой ведической эпохи.

къ тому періоду времени, къ которому она на самомъ дѣлѣ относится и т. п., какъ это случилось, на прим., съ извѣстною венгерскою короною св. Стефана, оказавшеюся произведеніемъ болѣе поздняго времени и при томъ составленнымъ изъ частей различнаго происхожденія и т. п.

Самый знаменитый историческій подлогъ, это—такъ называемый „Константиновъ даръ“ (*donatio Constantini*, или „вѣно Константиново“), актъ, которымъ будто бы Константинъ Великій подарилъ папѣ Сильвестру I знаки императорскаго достоинства, городъ Римъ, всю Италію и вообще западныя провинціи Римской имперіи. Въ подлинность этого даренія вѣрили въ средніе вѣка не только на Западѣ, но и въ Византіи, а на Западѣ не только защитники папской власти, но и ея противники, пока въ серединѣ XV в. итальянскій гуманистъ Лоренцо Валла, одинъ изъ родоначальниковъ исторической критики, не доказалъ подложность этого документа ¹⁾.

Когда мы имѣемъ дѣло не съ вещественными памятниками въ родѣ упомянутой рукописи или обѣихъ упомянутыхъ коронъ, какъ матеріальными предметами, а съ памятниками письменными, взятыми лишь со стороны своего содержанія, приходится еще ставить вопросъ, насколько вѣрно передано намъ содержанія памятника, не дошедшаго до насъ въ первоначальномъ видѣ. На прим., произведенія античныхъ писателей вообще не сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ авторовъ, а имѣются только въ копіяхъ, далеко, однако, между собою не совпадающихъ, что возбуждаетъ многочисленныя сомнѣнія и порождаетъ немало споровъ. При послѣдовательныхъ перепискахъ, при снятіи копій съ копій, настоящій текстъ легко могъ

¹⁾ Самъ этотъ документъ вошелъ въ составъ Лже-Исидоровыхъ декреталій, тоже подложныхъ.

искажаться и отъ невольныхъ ошибокъ, или описокъ переписчиковъ, и отъ умышленныхъ измѣненій, въ него вносившихся, въ видѣ ли пропусковъ, или, наоборотъ, вставокъ, такъ называемыхъ интерполяцій, часто, впрочемъ, попадавшихъ въ текстъ по недоразумѣнію, когда, наприм., въ текстъ вставлялось примѣчаніе, написанное на поляхъ, но принадлежащее не автору, а какому-либо читателю, переписчику или спеціальному комментатору. Установленіе правильнаго чтенія, когда есть сомнѣніе въ вѣрности передачи настоящаго текста, представляетъ собою иногда очень трудную и кропотливую работу, и часто, благодаря именно такой работѣ, тѣ или другіе філологи пріобрѣтали свою славу въ ученомъ мірѣ. Подобную работу называютъ критикою текста, и она, конечно, требуетъ обширныхъ знаній, большого навыка, а въ извѣстныхъ случаяхъ и значительной сообразительности.

Путемъ такой аналитической работы нерѣдко обнаруживается, что произведеніе, почитавшееся цѣльнымъ и вышедшимъ изъ-подъ пера одного автора, на самомъ дѣлѣ имѣетъ характеръ компиляціи, составленной изъ отрывковъ разнаго происхожденія. Если даже компилятивный характеръ источника съ самаго начала не подлежитъ сомнѣнію, то и тогда важно узнать, откуда, когда, въ какомъ порядкѣ, съ какими сокращеніями или дополненіями и т. д. взяты были отдѣльныя составныя части источника. Сколько было, наприм., потрачено усилій для того, чтобы опредѣлить происхожденіе отдѣльныхъ частей нашей начальной лѣтописи, о чемъ, напр., еще такъ недавно издалъ свое изслѣдованіе академикъ А. А. Шахматовъ, имѣвшій, впрочемъ, въ данномъ вопросѣ цѣлый рядъ предшественниковъ ¹⁾.

¹⁾ Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. 1908. Такія работы можно подвести по французской терминологіи

На опредѣленіи подлинности или подложности вещественныхъ памятниковъ, а въ ихъ числѣ и рукописей, и на опредѣленіи степени вѣрности передачи содержанія какаго-либо письменнаго памятника еще не кончается эта работа критики источниковъ ¹⁾. Если бы у насъ была въ рукахъ подлинная рукопись самого Геродота и мы были увѣрены, такимъ образомъ, что обладаемъ самымъ вѣрнымъ текстомъ его исторіи, мы еще далеко не были бы увѣрены въ томъ, что все, рассказанное въ ней Геродотомъ, было совершенно такъ, какъ онъ рассказываетъ. Самыя извѣстія о прошломъ, которыя заключаются въ исторіи Геродота, требуютъ, равнымъ образомъ, критическаго къ себѣ отношенія. Конечно, „отца исторіи“ я взялъ только для примѣра: и всѣ остальные источники, какаго бы происхожденія они ни были, нуждаются въ тщательной критической провѣркѣ.

Легче всего, разумѣется, отвергаются научною критикою извѣстія о фактахъ, совершенно невозможныхъ по природѣ вещей, обо всѣхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, чудесахъ, предзнаменованіяхъ, пророчествахъ и т. п., которыми наполнены лѣтописи вѣковъ, когда во все это вѣрили, какъ въ нѣчто реальное. О необходимости отверженія всего этого не стоило бы и упоминать, если бы только съ этой стороны вносилось въ историческіе источники легендарное содержаніе. Очень часто и даже слишкомъ часто въ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго съ точки зрѣнія естественнаго хода вещей, а между тѣмъ критика обнаруживаетъ, что въ основѣ

подъ категорію „critique de provenance“ (критики происхожденія), какъ критику собственно текста подъ категорію „critique de restitution“ (критики возстановленія).

¹⁾ Все только-что сказанное имѣетъ отношеніе большею частью къ внѣшней критикѣ, а то, что говорится дальше, подходит преимущественно уже подъ понятіе критики внутренней.

преданія лежитъ чистый миѳъ, какъ это случилось, на- прим., со спартанскимъ законодателемъ Ликургомъ, имя котораго оказывается названіемъ мѣстнаго божества. Даже тогда, когда въ основѣ преданія лежитъ реальный фактъ, извѣстіе о немъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока не зафиксируется посредствомъ письма, обростаетъ цѣлымъ рядомъ фантастическихъ подробностей, въ кото- рыхъ совершенно тонетъ реальная основа извѣстія. Да- лѣе, нѣтъ даже надобности въ хронологической отдален- ности факта и въ искаженіи его работою воображенія ряда поколѣній, когда и современники, то и дѣло, тво- рятъ свои легенды по поводу текущихъ событій. Одна исторія французской революціи такъ переплелась съ разными легендами, возникавшими одновременно съ хо- домъ ея событій, что исторической наукѣ и послѣ цѣ- лаго столѣтія, отдѣляющаго насъ отъ французской ре- волюціи, все еще нужно очищать дѣйствительно бывшее отъ легендарныхъ примѣсей. Случается, что наиболѣе распространенное изображеніе событія современниками, дающее окраску ходячему его пониманію и затѣмъ по- падающее на страницы историческаго источника, оказы- вается соединеннымъ съ массою пробѣловъ, неточностей, выдумокъ и т. п.: *communis opinio* современниковъ не есть гарантія истинности.

Лѣтописецъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, обни- мающемъ всѣхъ, кто только пишетъ о событіяхъ своего времени, далеко не всегда видитъ собственными глазами то, о чемъ повѣствуетъ или что описываетъ. Многое и, по- жалуй, какъ общее правило, даже бѣольшую часть того, что онъ заноситъ въ свою лѣтопись, онъ только слышалъ отъ другихъ, которые нерѣдко сами знали то или другое опять лишь по слухамъ, и все это соединено еще съ воз- можностью разныхъ произвольныхъ умолчаній, невольныхъ ошибокъ памяти или пониманія, намѣренныхъ присочи-

неній и иныхъ мелкихъ или крупныхъ отступленій отъ правды. Если, наконецъ, авторъ историческаго извѣстія, которымъ мы пользуемся, былъ даже очевидцемъ событія или его участникомъ, то и это не избавляетъ насъ отъ необходимости критическаго отношенія къ его показаніямъ; для этого есть не одно основаніе.

Когда что-либо записано немедленно послѣ того, какъ совершилось, закрѣплено, что называется, по свѣжей памяти, имѣется большее основаніе ожидать, что содержаніе записи вѣрнѣе передаетъ то, что на самомъ дѣлѣ произошло и какъ оно произошло, нежели въ томъ случаѣ, когда моментъ записи отдаленъ отъ самого событія на цѣлыя годы и десятилѣтія. Память очень часто измѣняетъ человѣку, и нерѣдко, возстановляя въ своей памяти какое-либо происшествіе, человѣкъ безъ всякаго злого умысла восполняетъ позабытое или плохо припоминаемое безсознательною работою своего воображенія, если не вымысломъ, то примысломъ. Не даромъ Гёте далъ своей автобіографіи такое заглавіе: „Wahrheit und Dichtung aus meinem Leben“, т.-е. правда и вымыселъ изъ моей жизни. Память измѣняетъ, но, кромѣ того, мѣняется и настроеніе: нѣчто со мною случилось и извѣстнымъ образомъ отразилось на моемъ внутреннемъ мірѣ, извѣстнымъ образомъ поэтому запечатлѣлось въ моей памяти, а мнѣ объ этомъ приходится рассказывать, положимъ, черезъ десять-двадцать лѣтъ, при совсѣмъ другомъ настроеніи, и это, конечно, неизбѣжно такъ или иначе отразится на моемъ рассказѣ. Одно и то же я расскажу вообще не вполнѣ одинаково въ зависимости отъ общаго своего настроенія въ разные моменты своей жизни.

Еще болѣе приходится учитывать индивидуальныя особенности очевидца, сообщающаго намъ о какомъ-либо фактѣ. Судьи, обвинители и защитники очень хорошо

знакомы съ этою стороною дѣла — съ субъективною окраскою свидѣтельскихъ показаній и съ противорѣчіями между показаніями многихъ свидѣтелей одного и того происшествія при полной добросовѣстности каждаго изъ этихъ свидѣтелей. Въ этомъ направленіи дѣлались даже очень интересные опыты, когда нѣсколькихъ лицъ, что-либо вмѣстѣ видѣвшихъ, просили рассказать, кто что и кто какъ видѣлъ, или когда имъ что-нибудь одновременно показывали, а потомъ спрашивали о показанномъ.

Нужно еще принять въ расчетъ, что у повѣствователя-очевидца, — какъ, впрочемъ, и вообще у всякаго повѣствователя, — могли быть свои симпатіи и антипатіи, предубѣжденія и предвзятые мысли, свои, такъ сказать, „коньки“, вслѣдствіе которыхъ событіе, о которомъ намъ данный свидѣтель оставилъ извѣстіе, въ его изображеніи не могло не получить односторонняго или пристрастнаго освѣщенія. Историческая критика должна учитывать въ особенности, что въ изслѣдуемомъ источникѣ можетъ быть сведено къ разнаго рода вліяніямъ, подъ которыми находился авторъ извѣстія. Пристрастныя или одностороннія изображенія событій могутъ быть результатомъ симпатій и антипатій, предубѣжденій и предразсудковъ и не чисто личнаго характера. Принадлежность автора извѣстія къ той или другой политической партіи, къ тому или другому соціальному классу, къ тому или другому вѣроисповѣданію, государству, національности и т. п. можетъ, равнымъ образомъ, придавать свою окраску извѣстіямъ о фактахъ, идущимъ отъ лицъ, которыя, хотя бы даже невольно, въ своихъ сообщеніяхъ объ этихъ фактахъ становились на специфически партійныя, классовыя, конфессіональныя, національныя и всякія иныя групповыя точки зрѣнія.

Въ каждомъ сообщеніи о видѣнномъ или слышанномъ есть всегда нѣкоторая субъективная примѣсь или, по

крайней мѣрѣ, субъективная окраска, даже тогда, когда она имѣетъ минимальные размѣры, ибо тотъ, кто передаетъ о томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ, всегда привноситъ въ свою передачу нѣчто такое, чего въ самомъ фактѣ не заключалось, свое къ нему отношеніе, свое его толкованіе, свое пониманіе его значенія и т. п., а здѣсь всегда возможны вольныя и невольныя ошибки. До сихъ поръ говоря объ искаженіяхъ дѣйствительности, встрѣчающихся въ историческихъ источникахъ, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, тѣ отступленія отъ истины, въ которыхъ нѣтъ никакой преднамѣренности: человѣку, что-нибудь записавшему изъ видѣннаго имъ самимъ или слышаннаго отъ другихъ, могла измѣнить память, или на его представленіи о фактѣ могли отразиться его общія понятія, присущее ему настроеніе и пр. и пр. Это случается и съ самыми добросовѣстными и достовѣрными свидѣтелями, но вѣдь, кромѣ таковыхъ, есть еще свидѣтели недобросовѣстные, лживые, подкупленные, показанія которыхъ не могутъ считаться достовѣрными въ силу того, что они прямо ставятъ своею задачею скрыть всю правду или часть правды, придумать для объясненія того, чего скрыть нельзя, такія обстоятельства, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было; свалить что-либо съ больной головы на здоровую и втереть въ глаза очки всѣмъ, кого только данный вопросъ интересуеть. Въ жизни фальсифицируются не одни пищевые продукты, памятники древности, документы разнаго рода, но и самые факты дѣйствительности, когда изъ мухи дѣлаютъ слона, а не то, такъ и прямо, вульгарно выражаясь, высасываютъ что-либо изъ пальца.

Далѣе, извѣстія о томъ, что было, доходятъ до насъ не отъ однихъ стороннихъ наблюдателей, не принимавшихъ непосредственнаго участія, но которые видѣли собственными глазами или, по крайней мѣрѣ, собственными ушами

слышали, а очень часто и отъ самихъ участниковъ событій, какъ бы ни мала была ихъ роль въ этихъ событіяхъ. Понятное дѣло, что участникъ событія, въ общемъ, всегда можетъ сообщить о немъ болѣе вѣрныя, болѣе точныя и болѣе полныя свѣдѣнія, нежели посторонній зритель, которому многое остается неизвѣстнымъ и не вполне яснымъ, но зато, съ другой стороны, у людей, являющихся какъ-разъ въ роли историческихъ дѣятелей и вмѣстѣ съ тѣмъ становящихся повѣствователями о содѣянномъ ими самими, существуетъ наибольшій соблазнъ не быть вполне искренними и правдивыми, — немедленно ли послѣ событія такой дѣятель объявитъ свою о немъ версію для современниковъ, или же много времени спустя изложить ее для потомства, для опубликованія даже нескоро послѣ своей смерти.

Творимую исторію, т.-е. дѣйствительные ея факты всегда сопровождаетъ творимая легенда, т.-е. болѣе или менѣе искажающія истину представленія о нихъ людей, объ этихъ фактахъ говорящихъ, безразлично по наслышкѣ ли, или въ качествѣ очевидцевъ и даже участниковъ. Историческая критика должна пользоваться всякими способами въ цѣляхъ выдѣленія фактической истины изъ тѣхъ свидѣтельствъ о бывшемъ, какія находятъ въ своихъ источникахъ. Часто критика имѣетъ передъ собою совершенно неразрѣшимыя задачи, когда, наприм., въ ея распоряженіи имѣется лишь единственное извѣстіе, особенно если оно возбуждаетъ какія-либо сомнѣнія, или когда извѣстій есть нѣсколько, но всѣ они отличаются слишкомъ отрывочнымъ характеромъ, и т. п. Въ наилучшемъ положеніи по отношенію къ изучаемому событію находится историкъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ пожаловаться на малочисленность источниковъ, на скудость ихъ содержанія, на отрывочность заключающихся въ нихъ свѣдѣній, хотя бы дѣло не обходилось безъ проти-

ворѣчій между отдѣльными показаніями. Къ числу приѣмовъ критики источниковъ относится и провѣрка однихъ другими путемъ ихъ сопоставленія и систематическаго ихъ сравненія. Вообще работу историка надъ имѣющимися у него извѣстіями о какомъ-либо событіи можно сравнить съ веденіемъ судебного слѣдствія, цѣль котораго также заключается въ томъ, чтобы возсоздать, на основаніи показаній какъ самого подсудимаго, такъ и разныхъ свидѣтелей, привлеченныхъ со стороны обвиненія и защиты, картину извѣстнаго преступленія. И слѣдователь, собирающій матеріаль для составленія обвинительнаго акта, и судьи, провѣряющіе данныя послѣдняго новымъ допросомъ обвиняемаго и свидѣтелей, не могутъ не вѣрить однимъ свидѣтелямъ больше, другимъ меньше или даже совсѣмъ кому-нибудь не вѣрить, какъ не могутъ и къ самому подсудимому относиться съ различными степенями довѣрія и должны потому не только провѣрять одни показанія другими, но даже прибѣгать къ такъ называемымъ очнымъ ставкамъ, когда показанія слишкомъ расходятся между собою.

Выясняя характеръ научной работы, которую мы обозначаемъ, какъ историческую критику или какъ критику историческихъ источниковъ, я продолжу аналогію между указываемою работою историка и веденіемъ судебного слѣдствія, поскольку въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ одною тою же задачею — констатировать извѣстный фактъ на основаніи показаній о немъ со стороны ли участниковъ событія, или со стороны лицъ, что-нибудь о немъ знающихъ¹⁾. Выводы изъ этихъ пока-

¹⁾ Сравненіе задачи исторической критики съ задачею судебного слѣдствія см., напр., у *Бергейма* (Lehrbuch, стр. 429). Отличіе исторической критики отъ судебного приговора заключается лишь въ томъ, что въ судѣ довольствуются по отношенію къ подлинности документовъ отвѣтами: „да“ или „нѣтъ“, а въ научныхъ вопросахъ мо-

заній дѣлаются на судѣ, прежде всего, въ рѣчахъ представителя обвиненія и защитника, ставящихъ каждый себѣ особую цѣль по отношенію къ подсудимому, въ зависимости отъ чего или вполнѣ, или только отчасти и обвинитель, и защитникъ стараются изобразить самый фактъ преступленія не такъ, какъ его противникъ. Историкъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ стремится найти объективную истину, не долженъ быть ни прокуроромъ, ни адвокатомъ, но и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ или, вѣрнѣе говоря, дѣлать то же самое, что дѣлаютъ, съ одной стороны, безпристрастный предсѣдатель суда, взвѣшивающій въ своемъ *resumé* всѣ доводы за и противъ, а съ другой, добросовѣстные присяжные засѣдатели, отдѣляющіе въ своемъ умѣ вопросъ о признаніи наличности факта отъ вопроса о вѣненіи его въ вину.

Сравненіе можно продолжать и дальше. И для историка, и для суда особую доказательную силу имѣетъ документъ, констатирующій, напр., что такой-то А обязался заплатить такому-то В извѣстную сумму, или одинъ отъ другого получилъ долгъ обратно, или продалъ домъ, землю, завѣщаль свое имущество и т. п. Если только подлинность документа не возбуждаетъ у судей сомнѣнія, вопросъ можетъ возникнуть лишь о томъ, не была ли засвидѣтельствованная документомъ сдѣлка фиктивной. Какія юридическія послѣдствія можетъ имѣть доказанная фиктивность той или иной сдѣлки, это насъ здѣсь не касается, но съ чисто фактической точки зрѣнія важно лишь то, что и въ исторіи также наличность документальнаго засвидѣтельствованія какого-либо факта не всегда еще доказываетъ, что нѣчто въ дѣйствительности вообще было или было такъ, какъ объ этомъ го-

жетъ быть и третій: „не знаю“. Объ этомъ см. *Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ*, стр. 31. Отсюда классификація утвержденій, какъ невозможныхъ, сомнительныхъ и не внушающихъ сомнѣній, стр. 61.

ворится въ данномъ историческомъ документѣ. Поэтому и историческіе документы, подобно показаніямъ свидѣтелей, подлежатъ критикѣ, притомъ не со стороны своей подлинности только: документъ самъ можетъ быть подлиннымъ, съ наилучшими даже оффиціальными засвидѣтельствваніями, но не всему, что въ немъ говорится, приходится иногда вѣрить. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ скупалъ у помѣщиковъ мертвыя души, которыя въ купчихъ крѣпостяхъ показывались находящимися въ живыхъ; эти купчія крѣпости были самыя подлинныя документы, которые Опекунскій совѣтъ безъ всякихъ колебаній могъ принимать, давая хорошія деньги подъ залогъ ревизскихъ душъ, но душъ-то этихъ въ наличности не было.

Среди письменныхъ источниковъ отличіе документовъ отъ всѣхъ остальныхъ видовъ этихъ источниковъ имѣетъ чисто внѣшній характеръ. По внутреннему своему значенію иные документы могутъ ничѣмъ не отличаться отъ источниковъ, содержаніе которыхъ подвергается исторической критикѣ въ отношеніи прямо ихъ достовѣрности. Таковы всѣ документы съ чисто декларативнымъ характеромъ, напр., правительственные акты, самыя иногда торжественныя, при помощи которыхъ населенію страны или даже всему міру старались внушить какой-либо взглядъ на то или другое событіе, желательный инициаторамъ или составителямъ данныхъ актовъ. Здѣсь все равно, въ какой формѣ дѣлается внушеніе, т.-е. будетъ ли это газетная статья, отрывокъ изъ мемуаровъ, частное письмо или оффиціальныи документъ.

Другое дѣло — документы дѣлового характера, когда составленіе и подписаніе или иное оффиціальное засвидѣтельствованіе акта само по себѣ уже является историческимъ фактомъ, какъ въ частной жизни выдача векселя или совершеніе купчей крѣпости, свидѣтельствующіе о томъ, что А занялъ у В деньги или купилъ у него домъ. Въ

случаяхъ подобнаго рода документъ является какъ бы застывшимъ, кристаллизованнымъ событіемъ произведеннаго займа денегъ или совершенной покупки. Правда, и здѣсь возможно несоотвѣтствіе формы и содержанія: вексель могъ быть выданъ безденежный, покупка могла быть фиктивною, но разъ вексель и купчая имѣются налицо, все-таки это—свидѣтельства о томъ, что упомянутыя въ документахъ лица, какъ-никакъ, заключали между собою сдѣлки въ формѣ векселя, въ формѣ купчей. Если нѣтъ особенныхъ основаній предполагать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ о фиктивности дѣловыхъ отношеній, о которыхъ упоминается въ нашемъ документѣ, ему вообще нужно вѣрить, т-е., наприм., вѣрить тому, что одно правительство послало другому ультиматумъ такого-то содержанія, что миръ или союзъ между двумя государствами былъ заключенъ на такихъ-то и такихъ-то основаніяхъ, что такой-то владѣтельный князь призналъ себя вассаломъ такого-то государя, что такой-то король пожаловалъ такому-то монастырю такое-то помѣстье, что такой-то сеньёръ освободилъ своихъ крепостныхъ на такихъ-то условіяхъ, что Иванъ снялъ землю у Петра за указанную плату, что въ извѣстномъ дѣлѣ судъ вынесъ такой-то приговоръ и т. п. Дальше могутъ, по отношенію къ подобнаго рода документамъ, возникать вопросы, насколько соблюдались или не соблюдались всѣ эти договоры, обѣщанія, обязательства, постановленія и т. п., но это уже вопросы иного порядка, вопросы не о томъ, заключены ли были на самомъ дѣлѣ такіе договоры, давались ли такія обѣщанія и т. п., о чемъ собственно и идетъ рѣчь, когда констатируются факты существованія всякихъ международныхъ трактатовъ, частныхъ контрактовъ и пр. и пр.

Критически относиться къ содержанію историческихъ источниковъ нужно не только тогда, когда изъ нихъ извле-

каются свѣдѣнія о внѣшнихъ фактахъ, о разныхъ событіяхъ, происшествіяхъ, отношеніяхъ и т. п., но и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ въ этихъ источникахъ указаній на внутреннія переживанія, на мысли, чувства, намѣренія и т. д. тѣхъ лицъ, изъ-подъ пера которыхъ выходили тѣ или другія заявленія. Во многихъ категоріяхъ источниковъ, которые, повидимому, должны были быть закрѣпленіемъ на бумагѣ того, что люди, на самомъ дѣлѣ, думали и чувствовали, или чего хотѣли, далеко не всякое лыко, по поговорѣ, должно идти въ строку. „Условная ложь“ сдѣлалась даже крылатымъ словомъ для обозначенія, наприм., всякой оффиціальной фразеологіи, которую только наивные люди бываютъ склонны принимать за чистую монету. Къ дипломатическимъ документамъ нужно относиться съ особенною оглядкою, потому что въ международныхъ сношеніяхъ держать карты открытыми—поведеніе весьма небезопасное, и выгоднѣе раздѣлять взглядъ, по которому языкъ намъ данъ, чтобы мы могли легче скрывать свои настоящія мысли. Наивно было бы думать, что любой документъ изъ дипломатической переписки двухъ правительствъ—только одна искренность и правда. Другими словами, съ субъективною достовѣрностью многихъ источниковъ и въ ихъ числѣ документовъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ и съ достовѣрностью объективною, разумѣя подъ послѣднею соотвѣтствіе данныхъ, заключающихся въ источникѣ, съ фактами внѣшними, т.-е. съ событіями, отношеніями, а подъ достовѣрностью субъективною—соотвѣтствіе такихъ данныхъ съ дѣйствительными внутренними переживаніями лицъ, отъ которыхъ или отъ имени которыхъ мы имѣемъ тѣ или другія заявленія.

Блестящій примѣръ историческаго источника, субъективная достовѣрность котораго можетъ быть заподозрѣна, представляютъ собою знаменитые указы 1789 г., одинъ

изъ наиболѣе важныхъ источниковъ для изученія внутренняго состоянія Франціи и настроенія ея населенія передъ взрывомъ великой революціи. Терминомъ „наказы“ у насъ принято переводить французское названіе этихъ документовъ „cahiers de doléances“, какъ обозначались во Франціи инструкціи, дававшіяся населеніемъ своимъ выборнымъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Весною 1789 г. такихъ наказовъ было составлено тысячъ десятка три, если не четыре,—громадный историческій матеріаль, важное значеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Многие историки даже называли его „завѣщаніемъ старой Франціи“ и цѣлою программой реформъ революціи. По числу своему въ этомъ богатомъ матеріалѣ занимаютъ первое мѣсто указы сельскихъ приходовъ, могущіе быть названными и крестьянскими. Можно ли, однако, думать, что приходскіе указы вѣрно отразили на себѣ настоящія мужицкія думы въ періодъ выборовъ въ генеральные штаты 1789 г.? Сельское населеніе Франціи было невѣжественнымъ и безграмотнымъ, а между тѣмъ его указы отличаются литературностью и подчасъ претензіей на ученость. Только наивные изслѣдователи изъ послѣдняго факта могли дѣлать тотъ выводъ, что въ до-революціонной Франціи народное образованіе стояло очень высоко, тогда какъ дѣло объясняется проще (при томъ на основаніи фактическихъ же данныхъ)—участіемъ въ составленіи приходскихъ наказовъ разныхъ болѣе интеллигентныхъ лицъ, каковы священники, мелкіе чиновники и пр. Если въ крестьянскихъ указахъ встрѣчаются требованія политическаго содержанія—о народномъ представительствѣ, объ отвѣтственности министровъ и другихъ подобныхъ вещахъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, это не были подлинныя требованія самихъ крестьянъ, и, наоборотъ, сплошь и рядомъ мы не встрѣчаемъ въ приходскихъ указахъ заявленій о тягости налоговъ,

объ обременительности помѣщичьихъ поборовъ, о произволѣ сеньёрьяльныхъ судей, всецѣло зависѣвшихъ отъ благородныхъ землевладѣльцевъ, и о многомъ другомъ, на что крестьяне не жаловаться не могли и о чемъ не могли не говорить. Дѣло въ томъ, что на выборы въ деревняхъ (это засвидѣтельствовано документальными же данными) и вмѣстѣ съ тѣмъ на составленіе наказовъ оказывали вліяніе и даже производили настоящее давленіе люди не изъ крестьянской среды, которые были за сохраненіе феодальнаго режима, наприм., въ особенности сеньёрьяльные судьи, кормившіеся отъ этого режима. Изученіе приходскихъ наказовъ со стороны ихъ субъективной достовѣрности показало поэтому, что далеко не всѣ, а только нѣкоторая часть приходскихъ наказовъ заслуживаетъ названіе зеркала, въ которомъ отразилось дѣйствительное настроеніе сельской народной массы, — тѣ именно „*cahiers de doléances*“, въ составленіи которыхъ, такъ ли, сякъ ли, принимали участіе сами крестьяне ¹⁾).

Этотъ примѣръ показываетъ, кромѣ того, какъ важно для правильной оцѣнки дѣйствительнаго значенія историческаго источника знать его происхожденіе. Историкъ вообще не можетъ пренебрегать исторіей какъ происхожденія источниковъ, которыми пользуется, такъ и ихъ судебъ, если источники дошли до него не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Часто и даже слишкомъ часто случается, что не извѣстны ни время ²⁾, ни мѣсто, гдѣ и

¹⁾ Ссылаясь на книгу *А. Ону* „Выборы 1789 г. во Франціи и указы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны“ (1908).

²⁾ Для примѣра сошлюсь на громадное изслѣдованіе проф. *Н. М. Бубнова* „Сборникъ писемъ Герберта по рукописямъ, какъ историческій источникъ“ (1888 — 1889): въ этомъ изслѣдованіи устанавливается хронологія писемъ Герберта (впослѣдствіи папы Сильвестра II), оставившаго большую переписку, изъ которой историкъ почерпаетъ массу извѣстій изъ конца X вѣка.

когда интересующее насъ произведеніе увидѣло свѣтъ, ни его авторъ, ни обстоятельства, при которыхъ оно было написано, ни многое другое, о чемъ историку иногда очень хотѣлось бы знать для того, чтобы правильно судить о данномъ произведеніи, какъ историческомъ источникѣ. Въ прежнее время, когда вообще критическое отношеніе къ источникамъ было гораздо менѣе развито, охотно вѣрили во всякія традиціонныя приуроченія тѣхъ или другихъ общеизвѣстныхъ произведеній, могущихъ служить историческими источниками, къ опредѣленнымъ лицамъ, какъ ихъ авторамъ, и къ опредѣленнымъ періодамъ времени, какъ къ эпохамъ ихъ возникновенія. Для исторической критики небезразлично, соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности подобныя традиціонныя обозначенія или нѣтъ, а когда оказывается, что традиція не имѣетъ подъ собою реальныхъ основаній, небезразлично также и то, какимъ образомъ и почему возникла отвергаемая традиція. Однимъ изъ главныхъ поприщъ, на которыхъ изощрялась критическая мысль по вопросу о происхожденіи, авторствѣ и времени написанія отдѣльныхъ памятниковъ письменности, были древне-еврейская и ранняя христіанская литературы, очень поздно, впрочемъ, сдѣлавшіяся предметомъ научно-критическаго изслѣдованія въ качествѣ историческихъ источниковъ.

Священное писаніе ветхаго и новаго завѣта давно подвергалось критикѣ свободныхъ мыслителей со стороны всего, что только заключается въ ихъ содержаніи сверхъестественнаго и чудеснаго, но только въ XIX в. возникла критика отдѣльныхъ составныхъ частей Библии, какъ историческихъ источниковъ именно со стороны ихъ подлинности, состава, времени возникновенія, приписыванія ихъ тѣмъ или другимъ авторамъ и т. п., что, конечно, разрушало установившуюся по всѣмъ этимъ вопросамъ традицію.

Историческая критика есть по преимуществу созданіе XIX вѣка. Нерѣдко она превращалась въ то, что можно назвать инеркритикою, приводящей, въ концѣ концовъ, къ крайнему скептицизму, при которомъ никакая исторія не была бы даже возможна. Я говорю здѣсь не о скептическомъ отношеніи къ достовѣрности исторіи вообще, вытекающемъ изъ того соображенія, что у насъ нѣтъ гарантіи въ вѣрномъ пониманіи нами чужой психики, а о скептическомъ отношеніи другого рода, относящемся къ неполнотѣ, неточности, неискренности, прямой лжи, противорѣчивости и другимъ недостаткамъ историческихъ источниковъ. Для такихъ скептиковъ исторія является простою „условною баснею“ (*fable convenue*), т.-е. небылицею, которую люди сговорились или молчаливо согласились принимать за правду. Огульное, безъ детальной критики, опороченіе всѣхъ историческихъ источниковъ само по себѣ ненаучно, какъ и всякая предвзятая мысль. Нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что жестокая критика, которой сто лѣтъ тому назадъ стали подвергаться историческіе источники и которая разрушила не мало традицій съ историческимъ содержаніемъ, вовсе, однако, не имѣла результатомъ принципіальнаго скептицизма относительно всякой исторической достовѣрности. Главное назначеніе критики не породить общее невѣріе въ достовѣрность источниковъ, а только приучать насъ быть всегда на сторожѣ относительно возможныхъ въ источникахъ невѣрностей ¹⁾.

¹⁾ О значеніи критики *Сеньобосъ*: „Критика не можетъ ничего прибавить къ общей массѣ доказательствъ, она можетъ только урѣзать воображаемыя доказательства; критика даетъ только отрицательный результатъ“... Она „противорѣчитъ нормальному складу умственныхъ способностей человѣка, и вѣритъ тому, что говорятъ, есть природенная склонность человѣка... Критику надо примѣнять во всѣ моменты исторической работы; необходимо это противоре-

Критика источниковъ требуетъ не только извѣстныхъ умственныхъ навыковъ, но и большого запаса знаній, между прочимъ, и въ области соотвѣтственныхъ вспомогательныхъ дисциплинъ. Нужно прибавить, что нѣкоторые историцисты къ разнымъ видамъ критики (точности, правдивости и т. п.) относятъ и интерпретацію, т.-е. толкованіе того, что хотѣлъ сказать авторъ источника; это составляетъ чисто филологическую работу, касающуюся смысла словъ, буквального или условнаго, переноснаго, или поскольку значеніе словъ мѣняется съ теченіемъ времени, по отдѣльнымъ мѣстностямъ, у разныхъ авторовъ, въ зависимости отъ сосѣдства съ другими словами и т. п. Иначе говоря, въ извѣстныхъ случаяхъ при изученіи источниковъ требуется особое знаніе тонкостей языка,—условіе, которое должно предшествовать всякой другой критикѣ ¹⁾).

VII. Констатированіе историческихъ фактовъ.

Результатомъ исторической критики должно быть опредѣленіе вообще степени достовѣрности имѣющихся ственное теченіе мысли превратить въ органическую привычку“. Историческій методъ, стр. 25 и 28.

¹⁾ Въ этой области возникла даже особая научная дисциплина подъ названіемъ „герменевтики“ (ἡ ἑρμενευτικὴ, искусство изъясненія): это—ученіе о способахъ объясненія текстовъ по возможности ближе къ тому смыслу, который въ нихъ вложенъ самимъ авторомъ. Въ особенности этотъ терминъ всегда употреблялся въ примѣненіи къ объясненію библейскихъ текстовъ. Иное названіе герменевтики—„экзегетика“ (отъ греч. ἐξήγησις, экзегеса, изъясненіе). Прибавлю, что термину „интерпретація“ авторы историческихъ методологій придаютъ не всегда одно и то же значеніе (напр., у Ланглуа-Сеньобоса болѣе тѣсное, у Бернгейма болѣе широкое).

въ нашемъ распоряженіи источниковъ и установленіе вѣрности или невѣрности сообщаемыхъ этими источниками извѣстій. О послѣднихъ мы можемъ притомъ говорить также съ разными степенями увѣренности, принимая однѣ за вполне или почти несомнѣнныя, другія за болѣе или менѣе вѣроятныя, третьи за нѣсколько сомнительныя или даже очень сомнительныя, четвертыя за безусловно невѣрныя. Первая обязанность историка—выдѣлять объективную, фактическую истину изъ массы всякаго рода невѣрностей, которыми она обростаетъ въ процессѣ устной либо письменной передачи участниками и очевидцами событій или людьми, только слышавшими о томъ и этомъ отъ другихъ. Годное зерно отвѣивается отъ мякины, отъ сѣмянъ сорныхъ травъ, отъ всякихъ инородныхъ примѣсей; крупинки золота отдѣляются отъ ничего не стоящаго песку: такъ и въ исторической наукѣ то, что можетъ быть ея матеріаломъ, отвѣивается, отмывается отъ того, что наука признаетъ недостовернымъ.

Въ каждомъ историческомъ источникѣ, заслуживающемъ вниманія, иногда не все одинаково бываетъ вѣрнымъ. Если источникъ содержитъ сообщенія о многихъ фактахъ, о каждомъ изъ послѣднихъ можно говорить особо, признавая его либо достовернымъ, либо только вѣроятнымъ, либо сомнительнымъ, либо внѣ всякихъ сомнѣній вѣмъ-нибудь сочиненнымъ. Каждое событіе, о которомъ намъ говорятъ историческіе источники, равнымъ образомъ, подлежитъ анализу, разъ фактъ представляется намъ сколько-нибудь сложнымъ. Событіе можетъ быть вполне достовернымъ, но подробности, которыя намъ о немъ сообщаются, могутъ быть неполнѣ вѣрными или же и совсѣмъ невѣрными. Можно даже принять за общее правило, что въ подробностяхъ-то обыкновенно и бываетъ наибольшее количество ошибокъ.

Чѣмъ общѣе какой-либо историческій фактъ, суще-

ствование котораго засвидѣтельствовано достоверными источниками, тѣмъ менѣе у насъ о немъ можетъ быть споровъ: это—вообще крупные факты, въ родѣ существованія Аѳинской республики, войны 1812 г., чартистскаго движенія въ Англіи и т. п. Но каждый крупный (общій) фактъ есть сумма фактовъ болѣе мелкихъ (частныхъ), каждый изъ которыхъ, въ отдѣльности взятый, можетъ быть и мало намъ извѣстнымъ, и не вполне яснымъ, и вообще спорнымъ, а иная подробность окажется и совсѣмъ небылицею, отъ чего, однако, наше довѣріе къ самому общему факту не колеблется.

Просѣянные, такъ сказать, черезъ сито исторической критики отдѣльные элементы нашего знанія о прошломъ очень часто бываютъ слишкомъ отрывочны для того, чтобы мы могли пользоваться ими для возстановленія интересующихъ насъ фактовъ въ полномъ видѣ. Это, впрочемъ, случается, не въ одной исторической наукѣ. Палеонтологи знаютъ это, быть можетъ, даже лучше всѣхъ иныхъ спеціалистовъ такихъ отраслей знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло лишь съ сохранившимися частями изучаемыхъ предметовъ, а не съ самими предметами въ цѣломъ ихъ видѣ. Знаменитый естествоиспытатель Кювье говорилъ, что если ему покажутъ только зубъ какого-нибудь неизвѣстнаго животнаго, исчезнувшаго давнымъ-давно съ лица земли, онъ сумѣетъ возстановить весь внѣшній обликъ этого организма. Очень можетъ быть, одного зуба для этого и мало, но палеонтологи идутъ, несомнѣнно, этимъ путемъ, когда по нѣкоторымъ частямъ скелета судятъ обо всемъ скелетѣ, а по скелету и о внѣшнемъ видѣ разныхъ „допотопныхъ“ чудовищъ. Археологи тоже занимаются аналогичной реставраціонной работой, когда, напр., по развалинамъ древняго храма, т.-е. по сохранившимся кое-гдѣ стѣнамъ и колоннамъ или только отдѣльнымъ кускамъ колоннъ пытаются

представить себѣ, какой видъ имѣлъ разрушенный храмъ, когда онъ только-что былъ отстроенъ и сталъ обиталищемъ божества. Въ историческомъ матеріалѣ также заключается множество всякаго рода лишь обломковъ и отрывковъ интересующихъ насъ фактовъ или только второстепенныхъ подробностей чего-либо существенно важнаго.

Обозначимъ историческій фактъ, какъ сумму отдѣльныхъ элементовъ a, b, c, d, e, f, g, h , выразимъ его формулой $a + b + c + d + e + f + g + h$, а затѣмъ представимъ себѣ, что о нѣкоторыхъ слагаемыхъ, напр., a, d, f, g у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, а о нѣкоторыхъ другихъ есть лишь отрывочныя данныя; тогда все наше знаніе о фактѣ выразится, положимъ, такой формулой: $b + \frac{c}{2} + \frac{e}{3} + h$. Конечно, такое знаніе не будетъ полнымъ, явится знаніемъ съ множествомъ пробѣловъ, которые историкъ-художникъ или историческій романистъ восполнить работой своего воображенія, а историкъ-ученый или мыслитель постарается восполнить путемъ логическихъ разсужденій. То, что у историковъ нерѣдко есть по части достовѣрныхъ данныхъ о какомъ-либо событіи, я сравнилъ бы съ остатками художественнаго мозаичнаго портрета, изъ котораго вывалилось и затерялось множество кусочковъ, входившихъ въ составъ мозаики, такъ что въ изображеніи оказались ничѣмъ незаполненными нѣкоторыя мѣста, а иные пробѣлы притомъ образовались въ особенно важныхъ пунктахъ. Впрочемъ, бываетъ и еще хуже, когда сохранившіеся кусочки и не остались на своихъ мѣстахъ, и беспорядочно смѣшались въ одну кучу. Археологамъ такіе случаи хорошо извѣстны, когда, наприм., приходится прилаживать одинъ къ другому черепки рѣдкостнаго сосуда, чтобы потомъ, когда все слажено, ихъ склеить и получить сосудъ въ его настоящемъ видѣ, хотя бы и не безъ нѣкоторыхъ

изъяновъ. Нерѣдко и историкъ стойтъ (и даже чаще, чѣмъ многіе думаютъ) передъ такимъ же склеиваніемъ отдѣльныхъ кусочковъ для полученія нѣкотораго, хотя бы и попорченнаго цѣлаго. О многихъ фактахъ прошлаго мы даже узнаёмъ не потому, что о нихъ сохранились прямыя извѣстія, а потому, что ученые историки воссоздали эти факты, надлежащимъ образомъ скомбинировавъ разрозненные свидѣтельства, относящіяся къ другимъ фактамъ.

Достоинство научнаго знанія, прежде всего, заключается въ его точности. Точность въ предѣлахъ возможности является идеаломъ и исторической науки, и ради именно соотвѣтствія знанія съ дѣйствительностью предпринимаются кропотливыя изслѣдованія о томъ, насколько историческіе источники даютъ намъ достовѣрное знаніе о прошломъ. Наше желаніе знать, однако, не удовлетворяется однимъ точнымъ знаніемъ. Если въ однихъ отношеніяхъ мы готовы имѣть очень ограниченное количество свѣдѣній, лишь бы каждое изъ нихъ было достовѣрно и точно, то въ другихъ мы удовлетворяемся только вѣроятнымъ и приблизительнымъ, лишь бы въ знаніи нашемъ не было пробѣловъ, лишь бы оно было полно. Историческіе источники молчатъ о многомъ, о чемъ мы, однако, желали бы знать, хотя бы въ общихъ чертахъ, безъ конкретныхъ подробностей, и хотя бы гадательно, безъ прямыхъ доказательствъ. Констатировать факты, о которыхъ говорятъ достовѣрныя свидѣтельства, еще не значитъ имѣть знаніе обо всѣхъ интересующихъ насъ фактахъ: многіе изъ нихъ находятся, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, и для полноты историческаго знанія, безъ которой доподлинно извѣстные факты подчасъ не имѣютъ никакой цѣны, очень важно бываетъ проникать умственнымъ взоромъ и въ область этихъ скрытыхъ фактовъ.

Скрытые факты, это—такія явленія исторіи (событія, учрежденія и т. п.), „относительно которыхъ изслѣдователь, руководясь непосредственнымъ выводомъ изъ существующихъ данныхъ, имѣетъ основаніе дѣлать предположенія съ меньшею или большею, но не полною опредѣленностью“¹⁾. Именно, отсутствіе послѣдней и отличаетъ скрытый фактъ отъ извѣстнаго, какъ, съ другой стороны, наличность хотя бы нѣкоторой опредѣленности отличаетъ его отъ факта вовсе неизвѣстнаго. Слѣдуетъ различать скрытые факты, совсѣмъ не засвидѣтельствованные въ источникахъ и засвидѣтельствованные недостаточно ясно. Во второмъ случаѣ, какъ-никакъ, самъ источникъ можетъ навести историка на мысль о констатированіи скрытаго факта, тогда какъ въ первомъ случаѣ, т.-е. когда въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній, вся инициатива изслѣдованія должна принадлежать самому изслѣдователю, разъ только имъ сознается какой-либо важный пробѣлъ въ его фактическихъ знаніяхъ о томъ или другомъ предметѣ. Конечно, въ томъ случаѣ, когда есть возможность прицѣпиться къ чему-либо строго фактическому, изслѣдованіе скрытыхъ фактовъ можетъ быть болѣе успѣшнымъ и приводить къ болѣе конкретнымъ, хотя бы и гипотетическимъ результатамъ, нежели тогда, какъ историкъ желалъ бы что-либо узнать лишь на основаніи и при помощи общихъ соображеній или

¹⁾ Самый терминъ „скрытые факты“,—равно какъ и понятіе, и опредѣленіе скрытаго факта,—я, сколько помнится, встрѣтилъ въ первый разъ въ книгѣ покойнаго С. А. Муромцева „Очерки общей теоріи гражданскаго права“ (М. 1877. Ч. I), въ которой есть цѣлая глава „объ изслѣдованіи скрытыхъ историческихъ фактовъ въ примѣненіи къ исторіи гражданскаго права“ (стр. 53—122). Ссылаюсь на эту главу въ виду того, что въ ней обстоятельно разработанъ вопросъ, часто совсѣмъ обходимый молчаніемъ въ методологіяхъ исторіи.

аналогій съ другими однородными, болѣе извѣстными намъ фактами ¹⁾).

Въ сущности, область скрытыхъ фактовъ есть постоянное гипотезъ, безъ которыхъ не обходится ни одна наука, гипотезъ необходимыхъ тамъ, гдѣ безсиленъ экспериментъ, невозможно наблюдение, отсутствуютъ прямыя свидѣтельства. Было бы ошибочно полагать, что гипотезы бывають только въ общихъ теоріяхъ и потому могутъ имѣть лишь номологическій характеръ, т.-е. что ихъ задача — объяснять извѣстныя явленія, данныя намъ гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Кромѣ такихъ гипотезъ, есть еще и другія, съ содержаніемъ идиографическимъ, когда предположеніе дѣлается по отношенію не къ извѣстному разряду явленій, а къ какому-нибудь отдѣльному предмету, хотя бы таковымъ была и нѣкоторая коллективность. Всякія реставраціи допотопныхъ ихтіозавровъ или аѳинскаго аркополя временъ Перикла, римскаго форума при имперіи, какія намъ даются палеонтологами и археологами прямо въ рисункахъ, суть, несомнѣнно, изображенія гипотетическія и, какъ все гипотетическое, лишь приближающіяся къ тому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ были ихтіозавръ, аѳинскій акрополь и римскій форумъ.

Во всякаго рода реконструевціяхъ такого рода дѣятельную роль играетъ воображеніе, и самый процессъ возсозданія того, что не можетъ быть предметомъ непо-

¹⁾ Муромцевъ особенно подчеркивалъ роль общихъ соображеній въ этомъ дѣлѣ, говоря, наприм., что „заключеніе о скрытомъ отъ насъ историческомъ фактѣ... всегда покоится на выводахъ изъ нѣкоторыхъ общихъ предложеній, которыхъ качества, — прибавляетъ онъ, — отражаются на достоинствѣ заключенія“ (стр. 49). Въ другомъ мѣстѣ онъ подчеркнул, что здѣсь все дѣло не въ выводѣ общаго закона, а въ познаніи единичнаго историческаго явленія. Своеобразный логическій процессъ, названный у него изслѣдованіемъ скрытыхъ фактовъ, по его же словамъ, „не стремясь обогатить науку познаніемъ того, какъ происходятъ историческія событія, имѣетъ цѣлью раскрыть, что

средственнаго наблюденія или что даже не сохранилось въ снимкахъ, есть процессъ художественнаго творчества, хотя бы и сдерживаемаго въ извѣстныхъ границахъ нѣкоторыми объективными данными. Изслѣдованіе скрытыхъ фактовъ, не могущее претендовать на то, чтобы давать представленіе о нихъ со всѣми ихъ конкретными подробностями, гораздо менѣе уже напоминаетъ о процессѣ художественнаго творчества, такъ какъ всецѣло является процессомъ логическаго разсужденія на пути отъ чего-либо принятаго за извѣстное къ нѣкоторому искомому неизвѣстному. Конечно, предположительное всегда нужно строго отличать отъ болѣе или менѣе прочно установленнаго и помнить, что гипотетическіе отвѣты могутъ быть лишь временными отвѣтами, нуждающимися въ новыхъ аргументахъ и подлежащими постоянной провѣркѣ, и что предположительныя рѣшенія научныхъ проблемъ имѣютъ часто значеніе простыхъ, какъ ихъ называютъ, рабочихъ гипотезъ, лишь направляющихъ изслѣдованіе на новый путь. Признаніе чего-либо фактомъ на основаніи общихъ соображеній часто падаетъ, какъ неосновательное, но случается, конечно, и такъ, что факты впоследствии подтверждаютъ удачную догадку и превращаютъ ее въ доказанную истину.

Отрицать значеніе счастливыхъ догадокъ въ исторіи, или исторической девинаціи не приходится, но не она — главное въ констатированіи фактовъ и въ реконструкціи прошлаго. Думать иначе значитъ признавать исторію не наукой, а искусствомъ и въ „живой интуиціи“, какъ это мы находимъ у нѣкоторыхъ современныхъ историковъ, видѣть истинный путь историческаго познаванія, который будто бы можетъ быть только путемъ поэтическихъ переживаній прошлаго.

именно произошло во время и въ мѣстѣ, скрытыхъ отъ наблюденія историка“ (стр. 103).

Безъ работы воображенія не обходится, въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, ни одна наука, но воображеніе воображенію рознь: одно оно у поэта, совсѣмъ другое— у ученаго. И въ поэзіи, и въ наукѣ оно носитъ въ себѣ творческое начало, но въ наукѣ творчество менѣе свободно, болѣе зависитъ отъ фактовъ и ближе подходитъ къ логическому процессу, нежели въ поэзіи, да и результаты получаются разные. Авторъ историческаго романа или исторической драмы можетъ вообразить и очень живо и ярко изобразить какую-нибудь характерную для эпохи сцену, о которой, однако, не только не упоминается ни въ одномъ источникѣ, но которой на самомъ дѣлѣ никогда не было, т.-е. которая родилась въ головѣ самого поэта, какъ плодъ его творческой фантазіи. Дозволенное и въ исторической работѣ воображеніе такъ далеко идти не можетъ: историкъ не позволитъ себѣ сочинять то, чего завѣдомо не было, а если и внесетъ въ свое повѣствованіе что-либо такое, о чемъ прямо не говорится ни въ одномъ источникѣ, то лишь въ качествѣ логическаго вывода изъ тѣхъ или другихъ научно-обоснованныхъ посылокъ. Такъ онъ будетъ поступать и тогда, когда займется скрытыми фактами, и когда путемъ умозаключеній изъ ряда мелкихъ, но разбросанныхъ чертъ съумѣетъ возсоздать какой-либо крупный фактъ, непосредственно не засвидѣтельствованный никакимъ источникомъ.

Объ обобщающей работѣ въ исторіи рѣчь будетъ идти дальше, когда отъ изученія историкомъ отдѣльныхъ фактовъ мы перейдемъ къ изученію имъ цѣлыхъ процессовъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ фактовъ. Однако, и здѣсь необходимо коснуться этого предмета, поскольку историку приходится, напр., давать цѣльное изображеніе одного какого-либо событія на основаніи разныхъ, однѣ отъ другихъ независимыхъ показаній, притомъ такого рода,

что, не совпадая между собою, они тѣмъ не менѣе однѣ другими дополняются. Безъ помощи воображенія такая работа успѣшно происходитъ не можетъ, и, конечно, это будетъ своего рода творчество, только безъ прямого сочинительства.

Употребляя выраженіе „историческій фактъ“, мы хорошо знаемъ, о чемъ говоримъ, хотя и не даемъ этому понятію точнаго опредѣленія и не задумываемся надъ его значеніемъ ¹⁾. Историческими фактами мы называемъ и то, что во Франціи въ началѣ ХІХ в. царствовалъ Наполеонъ, и то, что онъ велъ непрерывныя войны, и то, что въ 1812 г. онъ велъ войну съ Россіей, и то, что въ этой войнѣ было бородинское сраженіе, и то, что въ послѣднемъ былъ убитъ, наприм., генераль Тучковъ, или что послѣ бородинскаго сраженія русская армія отступила и оставила Москву безъ защиты, и т. д. Одинаково же и существованіе Аѳинскаго государства — фактъ, и война Аѳинъ съ персами въ началѣ V в. до Р. Х. — фактъ, и саламинская битва — фактъ, и участіеThemistocles въ этой битвѣ — фактъ. Изъ этихъ двухъ примѣровъ мы видимъ, что одинъ фактъ можетъ быть частью другого факта, эпизодомъ событія, эпизодомъ эпизода. Другими словами, есть факты, заключающіе въ себѣ множество другихъ фактовъ, то большее, то меньшее ихъ количество, одни вслѣдствіе этого болѣе сложные, другіе — болѣе простые, но каковы бы они ни были, мы всегда назы-

¹⁾ „Factum“ значитъ по-латыни сдѣланное, содѣянное и, конечно, предполагаетъ кого-либо, кто нѣчто данное совершилъ, но съ теченіемъ времени слово это пріобрѣло, такъ сказать, болѣе безличное значеніе того, что произошло, что было, что имѣло мѣсто. Чума въ Аѳинахъ во время пелопонесской войны, изверженіе Везувія, погубившее Помпей и Геркуланъ, лиссабонское землетрясеніе 1755 г. и т. п. могутъ быть названы фактами, хотя и не были содѣяны какими-либо людьми.

ваемъ фактомъ нѣчто, выдѣляемое нами изъ всего остального, намъ извѣстнаго, обособляемое отъ всѣхъ другихъ со-сѣднихъ фактовъ, отграничиваемое отъ нихъ точными указа-заніями, гдѣ и когда это нѣчто было, и получающее отъ насъ свое особое имя или, по крайней мѣрѣ, что-то вродѣ соб-ственнаго имени. Господство Наполеона I во Франціи мы отграничиваемъ отъ предшествовавшаго ему респу-бликанскаго строя и отъ смѣнившей его реставраціи Бурбоновъ, съ одной стороны, съ другой же отъ царство-ваній его современниковъ: Александра I въ Россіи, Георга III въ Англіи, Фридриха-Вильгельма III въ Пруссіи и т. д. Въ совокупности всѣхъ войнъ, какія велись въ царствованіе Наполеона, и которыя мы поэтому назы-ваемъ наполеоновскими, мы различаемъ отдѣльныя войны и обозначаемъ ихъ хронологическими датами или такими терминами, какъ русскій походъ (у насъ „отечественная война“), нѣмецкая война за освобожденіе. Въ каждой отдѣльной войнѣ, какъ обособленныя событія, мы имѣемъ передъ собою рядъ отдѣльныхъ сраженій, каждому давая особое названіе по мѣсту, гдѣ оно произошло, или какъ-нибудь иначе, въ родѣ аустерлицкаго сраженія „трехъ императоровъ“ или лейпцигской трехдневной „битвы на-родовъ“.

Историческій фактъ всегда является пріуроченнымъ къ опредѣленному мѣсту и къ опредѣленному моменту времени. Наполеонъ царствовалъ во Франціи и былъ императоромъ отъ 1804 до 1814 г. Главная его война съ Россіей велась въ предѣлахъ самой Россіи въ 1812 г. и притомъ на территоріи, границы которой можно точно обозначить. Самая кровопролитная битва въ этой войнѣ произошла при селѣ Бородинѣ 26 августа и длилась столько-то часовъ, отъ такого-то часа до такого-то. Именно, въ случаѣ событія, состоящаго изъ ряда моментовъ и, слѣдовательно, длительнаго, мы отмѣчаемъ (болѣе или

менѣе точно, когда можемъ, или лишь приблизительно) наступленіе и окончаніе событія, какъ это дѣлаютъ и натуралисты, когда имѣютъ дѣло съ солнечнымъ затменіемъ, землетрясеніемъ, проростаніемъ сѣмени и т. п. Всѣ даже кажущіяся намъ моментальными событія, напр., смерть въ сраженіи, отграничиваются, равнымъ образомъ, однѣ отъ другихъ хронологически, моментами начала и конца, и каждое разсматривается, какъ нѣкоторое отдѣльное цѣлое, но, собственно говоря, это мы сами объединяемъ отдѣльные моменты въ общее представленіе нѣкотораго событія. Историческій фактъ, какъ предметъ изученія, нельзя уподобить матеріальному предмету, точно отграниченному отъ другихъ предметовъ въ пространствѣ. Безъ нѣкоторой условности здѣсь дѣло не обходится, и потому столь часто историки спорятъ, что считать за начало и что за конецъ того или другаго событія или процесса.

VIII. Раздѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе и культурные.

Историческіе факты, это—все то, что было въ прошломъ какъ нынѣ существующихъ, такъ и когда-то существовавшихъ народовъ и о чемъ мы имѣемъ вѣрныя извѣстія. Присматриваясь ближе къ этимъ фактамъ, мы можемъ различить между ними двѣ категоріи, смотря по тому, можемъ ли мы говорить, что такой-то фактъ случился, произошелъ, совершился (или какъ-нибудь еще въ этомъ родѣ) или же должны пользоваться какими-либо другими глаголами, которыми обозначается существованіе. Въ древней Греціи существовала вѣра въ

Зевса; въ Римской имперіи существовалъ колонатъ (прикрѣпленное къ землѣ крестьянство); въ средневѣковой Германіи существовали вольные города; во Франціи передъ революціей существовала мелкая крестьянская собственность; въ допетровской Руси существовало мѣстничество и т. д. въ подобномъ родѣ, но нельзя сказать обо всѣхъ этихъ фактахъ, что они случились, совершились или произошли. Наоборотъ, мы всегда можемъ сказать, что произошла битва, отнюдь не существовала битва или совершилось паденіе государства. Факты первой категоріи мы называемъ событіями (происшествіями), — ибо именно событія совершаются, — и можемъ называть еще фактами „былевыми“. Тогда для фактовъ другой категоріи удобнымъ терминомъ будетъ быть, факты „бытовые“, ибо все это — явленія, входящія въ содержаніе понятія быта, въ частности быта религіознаго (вѣра въ Зевса въ нашемъ примѣрѣ), быта соціально-экономическаго (колонатъ въ Римской имперіи, крестьянская собственность въ дореволюціонной Франціи), быта государственнаго (средневѣковые вольные города) и т. п.

Первоначально исторія занималась, главнымъ образомъ, былевыми фактами, событіями, или происшествіями. Само нѣмецкое обозначеніе исторіи — „die Geschichte“ — стоитъ въ связи съ глаголомъ „geschehen“, т.-е. случаться, происходить ¹⁾. Если исключить событія, происшедшія вслѣдствіе дѣйствія силъ природы (разрушеніе Геркулана и Помпей изверженіемъ Везувія, лиссабонское землетрясеніе 1755 г., наводненіе 1824 г. въ Петербургѣ), всѣ остальные были дѣломъ рукъ человѣческихъ, — всѣ войны, революціи, государственные перевороты, возстанія, усмиренія возстаній, воцаренія новыхъ

¹⁾ Geschichte, это — то, что происходитъ (geschieht) или происходило (geschehen ist).

династій, паденія старыхъ или же паденія цѣлыхъ государствъ, реформы всякаго рода, открытія, изобрѣтенія, — всего и не перечислишь. Въ послѣднемъ анализѣ всѣ чисто историческія событія сводятся къ человѣческимъ дѣйствіямъ, будучи лишь суммами отдѣльныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей, будетъ ли то борьба, работа и т. п.; не даромъ по-латыни такіе историческіе факты могли получить названіе „res gestae“, а повѣствованіе о нихъ было обозначено, какъ „historia rerum gestarum“¹⁾. Въ старину и у насъ было въ ходу слово „дѣянія“, какъ своего рода синонимъ исторіи, а у западныхъ славянъ это и теперь еще въ ходу: такъ, поляки замѣняютъ слово „исторія“ словомъ „dzieje“, чему у чеховъ соотвѣствуютъ термины „děje“ и „dějiny“. Принимая это въ расчетъ, мы имѣемъ право назвать событія фактами прагматическими, отъ греческаго τὰ πρᾶγματα (дѣла) одного корня съ прилагательнымъ πρακτικός, откуда употребляющіяся у насъ слова „практика“, „практическій“.

Предлагая называть былевые факты прагматическими, я считаю нужнымъ оговориться, что въ примѣненіи къ исторіи терминъ „прагматизмъ“ уже давно былъ въ употребленіи²⁾. Прибавлю еще, что историческій прагматизмъ

¹⁾ Первоначально имѣлись въ виду лишь воинскіе подвиги.

²⁾ Греческое πρᾶγμα, одного корня съ глаголомъ πράσσω — дѣлаю, совершаю и съ существительнымъ πρᾶξις — дѣло, занятіе, поступокъ, имѣетъ довольно разнообразныя значенія, основнымъ изъ которыхъ является понятіе сдѣланнаго дѣла. Различныя значенія имѣетъ и прилагательное πρακτικός (занимающійся, дѣловой, опытный, свѣдущій и т. п.). Болѣе частное значеніе обоихъ словъ, это — „государственные дѣла“ и „занимающійся государственными дѣлами“. Что касается до сочетанія словъ „прагматическая исторія“ (ἡ πρακτικὴ ἱστορία), то оно впервые встрѣчается у греч. историка II в. до Р. Х. Полибія (кн. I, гл. 2) и обозначаетъ какъ-разъ то, что въ его исторіи рѣчь идетъ о государственныхъ дѣлахъ. Позднѣе этотъ терминъ стали понимать въ смыслѣ поучающей исторіи (ср. die lehrhafte Geschichte

въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ будетъ употребляться въ дальнѣйшемъ изложеніи, ничего общаго не имѣетъ съ новѣйшимъ философскимъ прагматизмомъ ¹⁾.

Прагматическая исторія была первою формою повѣствовательной литературы о прошломъ народовъ. Однако, уже у отца исторіи, Геродота, кромѣ разсказа о событіяхъ, мы находимъ описанія нравовъ, обычаевъ, образа жизни и т. п. видѣнныхъ имъ народовъ. Бытовая исторія, впрочемъ, долго стояла на заднемъ планѣ и въ лучшемъ случаѣ играла роль нѣкотораго придатка къ исторіи былевой, въ родѣ параграфовъ „о внутреннемъ состояніи“ въ старыхъ школьныхъ руководствахъ. Первый, кто сознательно противопоставилъ бытовую исторію былевой, былъ Вольтеръ, издавшій въ 1766 г. знаменитый „Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ“. То, для чего Вольтеръ не придумалъ лучшаго названія, какъ „нравы и духъ“, впо-

у Бернгейма), хотя Полибій, собственно, такую исторію называлъ иначе, а именно ἀποδεικτικὴ ἱστορία, „аподиктическая (доказывающая, высказывающая мнѣніе) исторія“. Повидимому, отождествленіе прагматизма съ наставительностью ведетъ начало отъ Köhler (De historia pragmatica, 1714): у него исторія, разсказывающей голые факты, противопоставляется такая, „которая научаетъ (instituit) читателя, чему полезному онъ долженъ слѣдовать и чего вреднаго избѣгать въ гражданской жизни“. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ родоначальникомъ прагматической (поучающей) исторіи стали считать Фукидида, но такъ какъ въ его изложеніи начали обращать особое вниманіе на заботу о нахожденіи причинъ событій, то иные прагматизмъ и усмотрѣли именно въ этомъ послѣднемъ приѣмѣ Фукидида. Пора вернуть термину значеніе, приближающееся къ первоначальному и тѣмъ устранить довольно-таки произвольное его употребленіе. (Вообще я могъ бы здѣсь привести цѣлый рядъ неодинаковаго толкованія выраженія „прагматическая исторія“).

¹⁾ Если бы слово „factum“ сохранило свое первоначальное значеніе содѣяннаго (къ-мъ-либо), прагматическую исторію можно было бы назвать фактической, но дѣло въ томъ, что слово „фактъ“ приобрѣло болѣе широкое значеніе бывшаго вообще; ср. прим. на стр. 138.

слѣдствіи стало обозначаться словомъ „цивилизация“, что въ близкомъ, но не совсѣмъ точномъ переводѣ можетъ быть по-русски передано словами: гражданственность“ или „образованность“. Въ первой половинѣ XIX в. Гизо написалъ свои „исторіи цивилизаціи“ во Франціи и въ Европѣ; въ серединѣ прошлаго столѣтія Бокль прославился своей „Исторіей цивилизаціи“ въ Англіи и т. п. То же самое понятіе нѣмецкіе ученые предпочли обозначать терминомъ „культура“¹⁾, хотя оба эти слова въ обычвомъ употребленіи и не вполне между собою совпадаютъ, да и самому термину „культура“ даются неодинаковыя толкованія²⁾. Это не помѣшало, однако, тому, что во французскомъ лексиконѣ недавно появилось новое прилагательное „culturel“, культурный. Наконецъ, первоначально въ обоихъ терминахъ заключался элементъ оцѣнки, когда, напр., цивилизованнымъ или культурнымъ народамъ противопоставались народы варварскіе или дикіе, — народы, такъ сказать, въ естественномъ состояніи (одни—Kulturvölker, другіе—Naturvölker). Въ дальнѣйшемъ у насъ культура будетъ употребляться въ смыслѣ быта вообще, безотносительно къ болѣе высокой гражданственности и образованности. Нѣтъ ни одного народа или племени на землѣ, у котораго не было бы извѣстныхъ вѣрованій, обычаевъ, общественныхъ порядковъ, т.-е. не было бы быта,

¹⁾ Извѣстный русскій соціологъ П. Л. Лавровъ предлагалъ называть культурою данное бытовое *состояніе*, а цивилизаціей *процессъ* развитія культуры, въ смыслѣ ея перехода съ однѣхъ ступеней на другія, но это предложеніе, къ сожалѣнію, не обратило на себя вниманія. См. его работу „Цивилизація и дикія племена“.

²⁾ Нельзя также не пожалѣть, что у насъ, особенно среди той части учащейся молодежи, которая спеціально исторіей не занимается, большою популярностью пользуется мысль о какой-то особой „исторіи культуры“, отличной отъ „простой“ или „обыкновенной“ исторіи, хотя подъ симпатичнымъ терминомъ обыкновенно понимаются очень разнообразныя вещи.

не было бы культуры, какъ бы некультурна (въ другомъ значеніи слова) ни была эта культура. Кровавая мечь, конечно, есть явленіе некультурное, но тѣмъ не менѣе оно есть явленіе, характеризующее раннія ступени культуры, взятой въ смыслъ быта вообще. При отождествленіи культуры съ бытомъ вообще бытовые факты исторіи могутъ называться культурными фактами, какъ бы ни были они, на нашъ взглядъ, некультурны. Откажемся здѣсь отъ всякой субъективной оцѣнки для того, чтобы строго держаться подведенія фактовъ подъ извѣстную общую категорію лишь на основаніи объективнаго признака, ихъ объединяющаго.

„Культура“ значитъ, какъ извѣстно, воздѣлываніе, обработка ¹⁾: дикій лѣсъ выращенъ самой природой, сады и огороды — продукты человѣческой культуры. Такое воздѣлываніе, такая обработка можетъ быть направлена на самоё природу, и мы тогда говоримъ о матеріальной культурѣ народа, низка ли она или высока, и по тѣмъ продуктамъ, которые получаютъ въ результатъ обработки матеріальныхъ предметовъ, мы судимъ о техникахъ разнаго рода производствъ у даннаго народа, о его прикладныхъ знаніяхъ, умѣніяхъ, навыкахъ, приёмахъ, при помощи которыхъ обезпечивается, прежде всего, его матеріальное существованіе. Другую категорію культурныхъ фактовъ представляютъ собою тѣ, въ которыхъ выражается происходящая въ жизни обработка самого человѣка, своего рода его воспитаніе не только въ приобрѣтеніи извѣстныхъ техническихъ умѣній, но и въ усвоеніи разныхъ представленій, понятій, идей, знаній, чувствованій, настроеній, стремленій, равно какъ въ развитіи духов-

¹⁾ Терминъ стойтъ еще въ связи со словомъ „cultus“ въ довольно различныхъ смыслахъ и богопочитанія (культы), и заботы о своемъ духовномъ развитіи (cultus animi) или объ удобствахъ жизни (cultus vitae).

ныхъ способностей, вложенныхъ въ челоѣка природою. Это — явленія культуры духовной, историческіе элементы которой составляютъ языкъ, миѳологія, фольклоръ, религія, филозофія, наука, литература, искусство. Наконецъ, постоянную обработку испытываетъ и само общество въ своихъ болѣе или менѣе прочно установившихся формахъ, и разныя проявленія общественной культуры мы подводимъ подъ такія понятія, какъ государство, право, народное хозяйство. Все это быть, все это культура: и то, какъ пашется земля, и то, какъ одѣваются люди, строятся дома, перевозятся товары, и то, въ какихъ боговъ вѣрятъ и какъ имъ молятся, или какъ представляютъ себѣ вселенную, какія поютъ пѣсни, что знаютъ о своемъ прошломъ, и то, наконецъ, кто стоитъ въ главѣ управленія и какъ управляетъ, какіе законы существуютъ для имущественныхъ отношеній, какъ производится судъ надъ преступниками, въ какомъ отношеніи находится населеніе къ землѣ, имъ воздѣлываемой, — всего здѣсь и не перечесть.

Вглядываясь въ культурные факты ближе, мы видимъ, что между ними можно установить нѣкоторыя разряды, даже цѣлую классификацію. Мы только-что сдѣлали различеніе между матеріальною, или техническою культурою, культурою духовною (образованностью) и культурою общественною (гражданственностью), но и въ каждой изъ этихъ категорій есть свои подотдѣлы съ спеціальнымъ характеромъ: религія не то же самое, что филозофія, а филозофія не то же самое, что наука, или, съ другой стороны, политическіе факты мы отличаемъ отъ юридическихъ, а юридическіе — отъ экономическихъ. Сколько бы, однако, мы, наблюдая дѣйствительную жизнь, ни создали такихъ спеціальныхъ категорій, каждая изъ нихъ, въ послѣднемъ анализѣ, сведется къ наиболѣе часто повторяющимся въ разныхъ сторонахъ народной жизни фор-

мамъ физической и психической дѣятельности людей, къ приемамъ воздѣлыванія земли, способамъ обработки металловъ, умѣніямъ передавать свои мысли на разстояніи, привычкамъ то или другое понимать извѣстнымъ образомъ, обычаямъ разнаго рода, тѣмъ или другимъ особенностямъ взаимныхъ отношеній между властвующими и подвластными, тѣмъ или другимъ нормамъ взаимнаго поведенія, установившимся порядкамъ владѣнія и пользованія землей и пр. Всѣ эти приемы, способы, умѣнія, навыки, привычки, обычаи, нравы, отношенія, порядки, нормы и какъ бы мы ихъ тамъ еще ни называли, все это — формы, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность людей, и эти формы въ каждомъ обществѣ повторяются безчисленное множество разъ. Если, въ концѣ концовъ, событія разлагаются на отдѣльныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, въ событіяхъ участвующихъ, то и культура разлагается на спеціальныя формы, объединяющія каждая большое количество случаевъ: землю одинаковымъ образомъ пашетъ множество крестьянъ какой-либо страны; въ Зевса и другихъ боговъ-олимпійцевъ одинаково вѣрили цѣлыя поколѣнія грековъ; Людовику XIV одинаково повиновалось не только за страхъ, но и за совѣсть подавляющее большинство французовъ второй половины XVII в.; переходъ наслѣдствъ совершается почти во всей Россіи, гдѣ только дѣйствуетъ X томъ Свода Законовъ, одинаковымъ образомъ и т. п. Каждое событіе индивидуально, каждая форма имѣетъ коллективный характеръ, но изъ этого отнюдь не должно слѣдовать, что культурныя формы не являются предметомъ идиографическаго изученія.

Итакъ, историческіе факты могутъ быть раздѣлены, съ одной стороны, на событія, факты былевые, прагматическіе, и съ другой — на формы быта, факты бытовые, культурныя ¹⁾. Придавая этому раздѣленію большое зна-

¹⁾ Это раздѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе и

ченіе не только въ теоріи историческаго знанія, но и въ теоріи историческаго процесса, я считаю себя здѣсь обязаннымъ разсмотрѣть одно возраженіе, которое недавно было сдѣлано по поводу такого раздѣленія.

Указываютъ ¹⁾, именно, будто въ „дѣленіи исторіи на прагматическую и культурную, или на исторію политическихъ дѣяній и исторію соціальныхъ состояній“ продолжается контовское раздѣленіе соціологіи на статику и динамику, съ которыми смѣшаны, съ одной стороны, анатомія общества, съ другой его фізіологія, какъ будто изученіе строенія и изученіе состоянія покоя — одно и то же, и одно и то же, равнымъ образомъ, изученіе отправления и изученіе пребыванія въ движеніи. Что Контъ смѣшалъ очень различныя вещи, это не подлежитъ сомнѣнію, но раздѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе

культурные мы найдемъ—съ другими только названіями—у разныхъ историцистовъ. Наприм., *Bourdeau* въ „L'histoire et les historiens“ (1888) первые называетъ событіями (événements), вторые—функціями (fonctions), въ смыслѣ „отправленій разума“. Другой французскій историцистъ, *Lacombe*, авторъ книги „Histoire considérée comme science“ (1894), переведенной по-русски подъ заглавіемъ „Соціологическія основы исторіи“ (1895), дѣлитъ историческіе факты на событія и учрежденія, или установленія (institutions), разумѣя подъ этою категоріей и явленія духовной культуры. *Bernheim*, внося въ свое опредѣленіе предмета исторіи слово „Bethätigung“, объясняетъ, что нарочно употребилъ его, вмѣсто такихъ словъ, какъ „Handlungen, Thaten“ (т.-е. дѣянія), дабы включить сюда и „болѣе пассивныя проявленія жизни“ (die stilleren, mehr passiven Lebensäusserungen) и такъ называемыя состоянія (Zustände). Lehrbuch, 12—13. Иногда подобныя противоположенія событій (Ereignisse) состояніямъ (Zustände) дѣлаются просто мимоходомъ. См., напр., *G. Simmel*. Die Probleme etc., 100. Всѣ болѣе или менѣе согласны называть факты первой категоріи событіями, а факты второй категоріи называютъ разное (fonctions, institutions, Zustände и т. п.)

¹⁾ Проф. *P. Винперъ*. Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія. См. въ его книгѣ „Двѣ интеллигенціи и другіе очерки“ (1912), стр. 51—52.

и культурные не имѣетъ ничего общаго ни съ анатомическимъ и фізіологическимъ „угломъ зрѣнія наблюдающаго организмъ“, ни со статическимъ и динамическимъ реальными отношеніями покоя (порядка) и движенія (прогресса). Культурные и прагматическіе факты различаются между собою совсѣмъ не съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя принимаются въ расчетъ, когда строеніе организма противопоставляютъ его отправленіямъ, а состояніе покоя находятъ въ движеніи, или еще когда Контъ дѣлитъ эпохи на органическія и критическія. Культура даннаго общества обнимаетъ и его строеніе, и его отправленія и можетъ быть, сверхъ того, находится и въ неподвижности, и въ движеніи, переживать въ данный моментъ органическую или критическую эпоху. Если уже искать сравненій для характеристики культуры и прагматики, то никакъ не такихъ сравненій изъ механики или біологіи ¹⁾. Притомъ нельзя прагматическую исторію отождествлять съ исторіей „политическихъ дѣяній“, а культурную съ исторіей „соціальныхъ состояній“: ибо и дѣянія, и состоянія одинаково возможны и въ политической сферѣ, и въ соціальной, и во всякой другой области общественной культуры или вообще культуры. Притомъ еще, тѣ, которые предлагаютъ критикуемое дѣленіе, имѣютъ въ виду, говоря о культурѣ, не столько состоянія, сколько формы, въ какихъ протекаетъ жизнь и дѣятельность общества.

Невѣрно, далѣе, будто лишь въ культурной исторіи съ критикуемой точки зрѣнія „допускается вліяніе массоваго фактора“, въ прагматической же предполагается „наличность или даже преобладаніе личнаго фактора, инициативы личности, вліянія крупныхъ людей“ ²⁾. Ничего подобнаго: и въ культурныхъ, и въ прагматиче-

¹⁾ Ср. ниже, стр. 164.

²⁾ См. стр. 53 названной статьи.

скихъ фактахъ одинаково можно обнаруживать и личные, и массовые элементы, какъ это и будетъ показано во второй части нашего труда.

Наконецъ, не по адресу дѣленія историческихъ фактовъ на прагматическіе и культурные направлено и еще такое обвиненіе, будто одни противопоставляются другимъ (событія состояніямъ) „не въ качествѣ двухъ нашихъ умственныхъ разрѣзовъ, а какъ противоположныя реальныя вещи или реальныя отношенія“¹⁾, и что многіе готовы представлять себѣ „два разныхъ ряда явленій, въ которыхъ господствуютъ два разныхъ закона“²⁾. Если и есть теоретики исторіи, такъ понимающіе дѣло, то это отнюдь не вытекаетъ изъ существа предлагаемаго дѣленія³⁾.

Остановимся еще на одномъ недоразумѣніи, связанномъ съ дѣленіемъ историческихъ фактовъ на двѣ указанныя категоріи.

Среди историковъ, такъ или иначе отличающихся

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

²⁾ Тамъ же, стр. 52.

³⁾ Самъ критикъ признаетъ важность нѣкоторыхъ „приемовъ“ въ качествѣ „извѣстныхъ толчковъ къ наблюденію, къ классификаціи“ или „способовъ совершать разрѣзы матеріала“, и самъ же къ такимъ приемамъ относитъ „обычное раздѣленіе матеріала на событія и состоянія“, находя притомъ, что „группировка эта весьма естественна“ (стр. 49). Это и для него „два возможныхъ способа наблюденія и классификаціи“: „разъ, говоритъ онъ, они заключаютъ въ себѣ для насъ извѣстное удобство, мы можемъ, конечно, далѣе распредѣлять весь матеріалъ явленій по двумъ группамъ, смѣняя по очереди примѣненіе двухъ способовъ“ (стр. 50). Впрочемъ, проф. Вишперъ, въ сущности, противопоставляетъ однѣ другимъ—состоянія „на протяженіи пространственномъ“ событіямъ „въ порядкѣ слѣдованія на протяженіи времени“ (стр. 49 — 50), но это не совпадаетъ съ нашимъ дѣленіемъ, по которому и культурные, и прагматическіе факты находятся въ совершенно одинаковомъ отношеніи къ обѣимъ категоріямъ (т.-е. и пространства, и времени), какъ могущіе и сосуществовать, и слѣдовать однѣ за другими.

культурные факты отъ прагматическихъ, есть такіе, которые готовы утверждать, что только первыя могутъ быть матеріаломъ науки вслѣдствіе ихъ повторяемости, забывая, что опредѣленныя бытовыя формы (и опредѣленное содержаніе духовной культуры) въ своей конкретности и въ данныхъ комбинаціяхъ всегда намъ даются въ исторіи только одинъ разъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленномъ періодѣ времени ¹⁾. Зачаща идиографическаго изученія историческихъ фактовъ одна, будутъ ли это факты прагматическіе или культурные, и для констатированія наличности и тѣхъ, и другихъ наука идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Научно описать какую-либо бытовую форму и научно рассказать какое-либо событіе, въ сущности, одна и та же задача, разрѣшаемая одними и тѣми же приѣмами. Если бы кто сталъ утверждать, что прагматическіе факты — достояніе исторіи, какъ искусства, а культурные — достояніе исторіи, какъ науки, то вѣдь, съ одной стороны, далеко не всѣ событія могутъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія, а съ другой, и въ области культурныхъ явленій найдется немало такихъ, которыя сами, такъ сказать, просятъ сдѣлаться предметомъ художественнаго описанія. Наконецъ, и по своей важности въ цѣломъ исторіи, — если уже стать на такую точку зрѣнія, — иное событіе, въ родѣ француз-

²⁾ Упомянутые выше Бурдо и Лакомбъ какъ-разъ стоятъ на такой точкѣ зрѣнія, исключая „событія“ изъ фактовъ, составляющихъ предметъ исторической науки, дабы оставить значеніе истиннаго предмета этой науки за однѣми „fonctions“ и „institutions“. Ихъ взгляды рассмотрѣны мною были во „Введеніи въ изученіе социологіи“ (глава IX). Ср. выше, стр. 74—75, гдѣ говорится, что и массовыя явленія, взятая въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, имѣютъ индивидуальный характеръ. Любопытно, что Бернгейму, наоборотъ, приходится защищать право „состояній“ быть предметомъ исторической науки противъ тѣхъ, которые ограничиваютъ ея компетенцію однѣми лишь „событіями“. Lehrbuch, 13.

ской революціи, въ гораздо большей степени заслуживаетъ изученія, нежели какая-либо бытовая форма, въ родѣ, на прим., способа жертвоприношеній богамъ у того или другого изъ древнихъ народовъ. Я хочу вообще сказать, что прагматическими фактами никакъ не подобаетъ пренебрегать, какъ будто бы недостойными исторической науки, и что нельзя думать, будто послѣдняя должна изучать только факты культурные, одни яко бы и достойные научнаго изслѣдованія.

Затѣмъ, такъ ли ужъ вѣрно, что въ культурной области исторіи мы познаемъ только нѣчто, постоянно и однообразно повторяющееся въ томъ или другомъ коллективѣ? Если, съ одной стороны, люди извѣстнаго времени и въ извѣстной странѣ одинаково пашутъ или одѣваются, вѣрятъ въ однихъ и тѣхъ же боговъ и почитаютъ ихъ одними и тѣми же обрядами, не различаются между собою и въ своихъ отношеніяхъ къ предержащей власти и въ подчиненіи общимъ законамъ и т. п., то, съ другой стороны, вездѣ и всегда возможны исключенія изъ общихъ правилъ, исключенія индивидуальныя, то находящія себѣ потомъ подражателей, что придаетъ и имъ характеръ коллективныхъ фактовъ по мѣрѣ накопленія этихъ подражаній, то остающіяся неподражаемыми, единственными въ своемъ родѣ, строго индивидуальными и именно своею оригинальностью привлекающія къ себѣ вниманіе историка. Въ областяхъ философскаго, научнаго и художественнаго творчества мы особенно часто встрѣчаемся съ подобными „униками“, и неужели для исторіи недостойно изучать съ своей точки зрѣнія „Критику чистаго разума“ Канта, „Происхожденіе видовъ“ Дарвина, „Преображеніе“ Рафаэля, ихъ происхожденіе, вліянія современности, подъ которыми эти произведенія сложились, ихъ значеніе въ исторіи философіи, науки, искусства, дѣйствія, которыя они произвели по отношенію къ со-

временникамъ и въ потомствѣ, т.-е. неужели непозволительно все это изучать только потому, что эти произведения строго индивидуальны?

IX. Установленіе связей между историческими фактами.

Констатированіе фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ, установленіе, что нѣчто произошло или нѣчто существовало, даетъ въ результатъ только извѣстное количество разрозненныхъ свѣдѣній. Сколько бы мы ни узнали, ни собрали, ни накопили достовѣрныхъ извѣстій о разныхъ событіяхъ и бытовыхъ явленіяхъ, это еще не составитъ содержанія исторической науки, а будетъ только матеріаломъ для дальнѣйшей обработки, не болѣе. Отдѣльные историческіе факты могутъ наполнить массу инвентарей, каталоговъ, словарей, пригодныхъ для справокъ, но не накопленіе матеріала — цѣль науки. Выше было сказано, что наукѣ нужно точное знаніе прежде всего, но ей нужно также знаніе связанное, не разрозненное нѣчто, не *disjecta membra dei*. Обладаніе самымъ громаднымъ количествомъ ничѣмъ не связанныхъ между собою свѣдѣній можно, пожалуй, назвать ученостью, но только въ смыслѣ эрудиціи, никакъ не въ значеніи научнаго знанія. Простой инвентарь фактовъ, повторяю, не наука, и начетчикъ еще не ученый.

Каждая наука должна быть системою, связывающею ея разрозненныя данныя въ одно цѣлое или, по крайней мѣрѣ, въ этому стремящуюся, — системою, въ которой отдѣльныя свѣдѣнія были бы размѣщены въ извѣстномъ порядкѣ, диктуемомъ логикой и реальными соотношеніями самихъ вещей. Разныя науки имѣютъ и разныя

систематизаціи. Элементарная геометрія, которую проходятъ въ средней школѣ, слѣдуетъ логическому порядку перехода отъ простѣйшаго (точки, линіи) къ болѣе сложному (плоскостямъ, тѣламъ), и въ ней теоремы какъ бы нанизываются на нѣкоторую руководящую нить, при чемъ въ общемъ ихъ порядкѣ онѣ доказываются на основаніи того, что было уже доказано въ другихъ. Въ ботаникѣ и зоологіи всѣ формы растительнаго и животнаго царствъ размѣщаются по семействамъ, разновидностямъ, подвидамъ, видамъ, родамъ, совокупность которыхъ составляетъ очень сложныя классификаціи съ подчиненіемъ и соподчиненіемъ однихъ таксономическихъ категорій другимъ. Животныя раздѣляются на безпозвоночныхъ и позвоночныхъ, послѣднія—на млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, гадовъ, млекопитающія — на такіе-то разряды и т. д. до такого, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предѣла, гдѣ дальнѣйшее подраздѣленіе болѣе невозможно. По признакамъ однородности, сходства могутъ такимъ же образомъ классифицироваться и предметы, представляющіе собою дѣло рукъ человѣческихъ, наприм., зданія по архитектурнымъ стилямъ, картины по школамъ живописи, равно какъ и вообще бытовыя формы, наприм., обычаи, учрежденія, разъ мы находимъ сходства между явленіями одной и той же категоріи въ разныхъ мѣстахъ и въ разные времена. Но въ подобнаго рода сопоставленіяхъ однороднаго, независимо отъ мѣста и времени, имѣются въ виду обобщенія, ведущія къ номологическому знанію, что составляетъ уже переходъ отъ исторіи къ соціологіи. Исторія, какъ наука идіографическая, связываетъ лишь факты, относящіеся къ извѣстному мѣсту и близкіе между собою по времени, особенно, какъ это здѣсь нужно подчеркнуть, по времени.

Имѣя данными намъ событія, совершившіяся въ какой-либо странѣ, мы первымъ дѣломъ должны знать или

узнать, какія изъ нихъ за какими слѣдовали во времени, датировать ихъ, что не всегда опредѣляется самими источниками. Имѣя готовыя свѣдѣнія о послѣдовательности событій или узнавая ее путемъ разсужденія о данныхъ намъ фактахъ, мы, впрочемъ, только хронологически ихъ извѣстнымъ образомъ размѣщаемъ, но это еще ничего не говоритъ о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ каждымъ поворотомъ трубки калейдоскопа фигура, которую въ немъ можно видѣть, будетъ другая, но между первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой фигурами не будетъ никакой внутренней связи. Нѣтъ никакой связи и между отдѣльными картинами и сценами, которыя слѣдуютъ однѣ за другими въ представленіи кинематографа: вамъ показываютъ путешествіе по норвежскимъ фіордамъ, потомъ комическія сцены, за которыми слѣдуетъ изображеніе слоновъ, идущихъ на водопой, и т. д. Точно также ничего вамъ не скажетъ и тотъ порядокъ, въ которомъ проходили мимо вашего окна разные люди, мужчины и женщины, старики и дѣти или проѣзжали экипажи, пробѣгали собаки. Не то, что за чѣмъ слѣдовало, важно знать въ исторіи, а то, что изъ чего вытекало, что чѣмъ обуславливалось, что къ чему приводило: историка интересуетъ именно причиненіе предыдущими событіями событій послѣдующихъ. Это было всегда, хотя бы историкъ пускалъ въ ходъ разный миѳологическій аппаратъ, когда ему не доставало знанія реальныхъ причинъ.

„Послѣ“ еще не значитъ „вслѣдствіе“, и обратная формула: „post hoc, ergo propter hoc“ глубоко ошибочна. Причина есть такой предыдущій фактъ, безъ котораго не было бы и послѣдующаго факта. Пожара не было бы, если бы не было неосторожнаго обращенія съ огнемъ, поджога, пожара въ сосѣднемъ домѣ, удара молніи. Стаканъ не разбился бы, если бы нечаянно его не столк-

нули со стола или онъ не былъ брошенъ на полъ. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ о происхожденіи самой идеи причинности и анализировать понятіе причины. Будемъ просто считаться съ существованіемъ этой отвлеченной категоріи вообще и въ частности съ тѣмъ, что историки всегда искали, да и теперь ищутъ каузальных¹⁾, или причинныхъ связей между изучаемыми событіями. Самое понятіе прагматизма отождествляется многими съ понятіемъ каузализма: не то выдвигается впередъ, что изучаются событія, а то, что между событіями отыскивается причинная связь²⁾. Въ этой научной работѣ каждый фактъ понимается, какъ слѣдствіе другого (или другихъ при множественности причинъ) и какъ причина третьяго (или тоже нѣсколькихъ) при множественности слѣдствій. Благодаря этому, событія однѣ за другими какъ бы нанизываются на нить причинности, и образуются каузальныя цѣпи, которыя мы можемъ тоже такъ или иначе комбинировать между собою, пользуясь тѣмъ же принципомъ. Общая причина можетъ породить рядъ параллельныхъ каузальныхъ цѣпей, и многія каузальныя цѣпи могутъ соединиться въ порожденіи одного общаго слѣдствія.

Идею причинности мы распространяемъ на всѣ явленія міра, доступнаго нашему познанію. Она приложима не только къ событіямъ, но и къ состояніямъ, къ бытовымъ формамъ: почему въ странѣ сложилось такое-то государственное устройство, такой-то аграрный строй, такое-то раздѣленіе на классы и пр.? Но по отношенію въ связи, въ какой находятся между собою бытовыя формы, мы имѣемъ дѣло и съ инымъ еще понятіемъ. Положимъ, намъ дано учрежденіе, напр., верхняя палата англійскаго парламента. Теперешній ея обликъ уже не тотъ, какой она имѣла, ну, хотя бы сто лѣтъ тому назадъ

¹⁾ Лат. „causalis“, причинный, отъ „causa“, причина.

²⁾ Ср. выше, стр. 143, прим.

и такъ далѣе, пока мы не дойдемъ до „великаго совѣта“ нормандской, эпохи изъ котораго возникла верхняя палата, а затѣмъ и до англо-саксонскаго витенагемота, предшествовавшаго „великому совѣту“. Скажемъ ли мы, имѣя передъ собою рядъ послѣдовательныхъ фактовъ-формъ, что витенагемотъ былъ причиной „великаго совѣта“, а „великій совѣтъ“ причиной палаты лордовъ и что вчерашняя палата лордовъ всегда бывала причиною сегодняшней, какъ сегодняшняя будетъ причиною завтрашней? Когда мы замѣчаемъ въ исторіи какого-либо явленія перемѣну формы, мы для этого факта, какъ имѣющаго, несомнѣнно, значеніе событія, будемъ искать каузальнаго объясненія, но самое превращеніе одной формы въ другую, процессъ трансформациі, будемъ мыслить не по принципу каузализма.

Всѣмъ хорошо извѣстны такъ называемыя метаморфозы насѣкомыхъ: мохнатый червячекъ превращается въ сѣрую куколку, которая въ свою очередь превращается въ пеструю бабочку. Метаморфоза и значитъ трансформациа, перемѣна формы, превращеніе ¹⁾. Нѣчто подобное мы видимъ, когда наблюдаемъ, какъ прорастаетъ горошина и какъ изъ ростка съ двумя листочками образуется растеніе, которое потомъ цвѣтетъ и т. д. Яйцо, птенецъ, взрослая птица—тоже примѣръ такого измѣненія формъ. Никому, однако, не придетъ въ голову, наблюдая эти зависящія одна отъ другой въ порядкѣ послѣдовательности стадіи, сказать, что яйцо было причиною цыпленка или куколка причиною бабочки. Это однѣ и тѣ же существа, но на разныхъ стадіяхъ своего развитія. Развитіе, эволюціа ²⁾—вотъ терминъ, вотъ понятіе, приложимые

¹⁾ Греч. *μορφή*, образъ, наружный видъ, откуда *μεταμόρφωσις*, обращеніе въ другой видъ. Ср. „forma“ и „transformatio“.

²⁾ Слова „эволюціа“ и „революціа“ одного корня, который лежитъ въ основѣ глагола „*volvete*“—катить, вертѣть. Въ то время, какъ

къ приведеннымъ примѣрамъ: предыдущее и послѣдующее здѣсь являются не причиною и слѣдствіемъ, а двумя преемственными фазами, стадіями, ступенями, этапами (дѣло не въ словѣ) эволюціи, развитія. вмѣстѣ съ каузальными связями и цѣпями, или рядами наука устанавливаетъ еще связи и ряды эволюціонные, нанизывая факты; слѣдовательно, на нити то причинности, то эволюціи. Каузализмъ старой исторіографіи современная историческая наука дополняетъ эволюціонизмомъ, но оба эти отношенія объединяются въ общей генетической точкѣ зрѣнія ¹⁾—какъ что произошло изъ того, что намъ фактически дано въ исторіи. Это—историческая точка зрѣнія по преимуществу, будемъ ли мы ее примѣнять къ природѣ, или къ жизни человѣчества ²⁾.

съ приставкою „ге“ мы имѣемъ понятіе возвращенія вспять, оборота, переворота; съ другою приставкою, обозначающею „изъ“, слово обозначаетъ развертываніе. Такой же смыслъ развертыванія, разворачиванія имѣетъ и французское „développement“, въ отличіе отъ „enveloppement“, т.-е. завертываніе, обвертываніе. Аналогичное образованіе имѣютъ также и нѣмецкое „Entwicklung“, равно какъ и наше „развитіе“, польское „rozwój“ и т. п. Общій смыслъ словъ тотъ, что нѣчто завернутое, скрытое развертывается, раскрывается, какъ бы себя обнаруживаетъ и т. п. Это примѣняется, кромѣ того, и къ раскрытію, т.-е. болѣе подробному изложенію или распространенію какой-либо мысли.

¹⁾ Отъ греч. γένεσις происхожденіе, начало.

²⁾ Говоря о законахъ послѣдовательности обыкновенно, не дѣлаютъ указаннаго различенія. Напр., „въ законахъ послѣдовательности, иначе преемства и чередованія явленій мыслится порядокъ или послѣдовательность, въ которой постоянно явленія смѣняются другъ друга или слѣдуютъ другъ за другомъ; напр., пріемъ хины вызываетъ пониженіе температуры крови... Другой примѣръ: за днемъ слѣдуетъ ночь и наоборотъ“. *А. И. Введенскій*. Логика, стр. 320. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что многіе изъ законовъ послѣдовательности не высказываютъ причинныхъ связей, стр. 321. Полное неразличеніе понятій причинности и развитія мы находимъ у *проф. Винтера*, когда онъ говоритъ: „діалектическій пріемъ при наблюденіи какого-

Въ сущности, принципы причинности и эволюціи при-
сущи всякой наукѣ, и исторію дѣлаетъ наукою именно то,
что она устанавливаетъ между отдѣльными конкретными
фактами тѣ же связи, какъ и другія науки. Положеніе,
что однѣ и тѣ же причины должны порождать однѣ и
тѣ же слѣдствія, является основною посылкою всякой
номологіи, а историкъ, имѣющій передъ собою идіогра-
фическую задачу, въ сущности, примѣняетъ идею каузаль-
ной закономерности, царящей въ мірѣ, лишь къ отдѣль-
нымъ конкретнымъ случаямъ. Общія формулы эволюціи,
распространяющіяся на всѣ однородные случаи гдѣ бы
то ни было и когда бы то ни было, тоже относятся къ
области номологіи, историкъ же, съ его идіографической
задачей, и здѣсь, объясняя генезисъ конкретныхъ куль-
турныхъ формъ, исходитъ изъ основной идеи эволюціон-
ной закономерности. Значитъ, исторія изображаетъ не
простую беспорядочную смѣну случайныхъ явленій, а
закономѣрную ихъ послѣдовательность, стараясь устано-
вить необходимость того, что было, какъ оно было.

Когда романистъ или драматургъ изображаетъ какія-
либо имъ самимъ придуманныя событія, отъ собственнаго
произвола автора — при извѣстномъ, конечно, умѣніи —
зависитъ, чтобы все въ фавулѣ было для читателя по-
нятнѣ, чтобы всѣ моменты послѣдовательно обусловлива-
лись одинъ другимъ. Историкъ находится въ другомъ по-
ложеніи, когда строить свои каузальныя цѣпи событій,
свои эволюціонныя ряды бытовыхъ формъ. Во всякой кау-
зальной цѣпи каждое событіе является отдѣльнымъ зве-
номъ, будучи слѣдствіемъ предыдущаго и причиной по-

либо цѣлаго выдѣляетъ извѣстные признаки и разставляетъ ихъ въ
перспективѣ; они кажутся тогда разновременными моментами, фа-
зами движенія; они кажутся равными и поздними состояніями, или,
что то же (sic!), причинами и слѣдствіями“. Очерки теории историче-
скаго познанія, стр. 201.

слѣдующаго, но уже отъ состоянія историческаго матеріала будетъ зависѣть, обо всѣхъ ли звеньяхъ данной цѣпи найдутся извѣстія въ нашихъ источникахъ, или же въ послѣднихъ обнаружатся болѣе или менѣе важные пробѣлы, если о цѣльныхъ промежуточныхъ между *A* и *F* звеньяхъ, т.-е. звеньяхъ *B*, *C*, *D* и *E* намъ наши источники ничего сказать не могутъ. Чѣмъ меньше сохранилось извѣстій изъ какой-либо эпохи, тѣмъ больше въ историческихъ ея источникахъ такихъ пробѣловъ, да и при большомъ количествѣ источниковъ во многихъ случаяхъ можетъ не хватать чего-нибудь существенно важнаго для того, чтобы историкъ могъ связать между собою два факта, непосредственно, такъ сказать, одинъ съ другимъ не соприкасающіеся. Часто историкъ знаетъ, что недостающія ему извѣстія есть, и даже гдѣ ихъ искать, но въ это же время ему бываетъ извѣстно, что до поры, до времени эти извѣстія находятся подъ спудомъ, въ какомъ-нибудь секретномъ фондѣ архива, какъ государственная тайна. Сами современники и не подозреваютъ многого такого, что впоследствии дѣлается извѣстнымъ потомству, благодаря ли случайнымъ находкамъ позабытаго матеріала, или обнародованію такихъ источниковъ, которые раньше за семью печатями оберегались отъ постороннихъ взоровъ. Звенья каузальныхъ цѣпей, не попавшія вмѣстѣ съ другими въ наши источники, это—тоже скрытые факты, о которыхъ рѣчь уже была выше. Иногда передъ такими исками, игреками и зетами историку приходится только разводитъ руками и, признаваясь въ своемъ незнаніи, даже и не обѣщать, чтобы когда-либо неизвѣстное стало извѣстнымъ. Въ другихъ случаяхъ, ухватываясь за извѣстные моменты, историкъ заключаетъ отъ нихъ въ неизвѣстнымъ, но чтобы это было возможно, нужна, конечно, наличность нѣкоторыхъ условій. Всякій, учившійся элементарной алгебрѣ, знаетъ, что сколько бы

ни было извѣстныхъ, хоть бы сто тысячъ, въ одномъ уравненіи съ двумя неизвѣстными x и y , задача найти величины этихъ x и y неразрѣшима: для опредѣленія двухъ неизвѣстныхъ величинъ нужно имѣть и два уравненія. Историкъ въ такомъ положеніи помогаетъ сужденіе по аналогіи съ однородными случаями, бывшими въ другихъ мѣстахъ и въ другія времена. Помогаетъ точно также логическое разсужденіе, общія соображенія, помогаетъ удачная догадка, то, что называютъ дивинаціей или интуиціей. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и историкъ слѣдуетъ оговариваться, что хотя бы имъ и было предложено свое объясненіе или принято чужое, все-таки проблема остается проблемой. И такими загадками усѣяно, — нужно въ этомъ признаться, — все необозримое поле прагматической исторіи.

Сказанное о послѣдней относится въ равной (а иногда и большей) мѣрѣ и къ исторіи культурной. Наши свѣдѣнія о бытовыхъ фактахъ бываютъ весьма часто и скудными, и отрывочными. Мы узнаёмъ случайно, что въ такой-то странѣ въ такомъ-то вѣкѣ существовали такія-то формы экономическихъ отношеній, а затѣмъ за цѣлый рядъ вѣковъ источники совершенно молчатъ объ этомъ предметѣ, и вдругъ опять изъ какой-нибудь эпохи, уже болѣе къ намъ близкой, какъ бы доходить до насъ лучъ свѣта, падающій на тогдашнія, измѣнившіяся въ сравненіи съ прежнимъ формы. Значитъ, весь промежутокъ остается „покрытымъ мракомъ неизвѣстности“: когда, какъ, почему произошло измѣненіе данныхъ формъ, — вотъ рядъ вопросовъ, которые наукѣ приходится рѣшать разными находящимися въ ея распоряженіи способами, пуская въ ходъ и интуитивныя догадки, и послѣдовательныя соображенія, и аналогіи съ болѣе извѣстными однородными явленіями.

Отъ индивидуальныхъ склонностей и способностей

историковъ, отъ личнаго вкуса и интереса, отъ особаго умѣнія и навыковъ зависитъ, будетъ ли историкъ болѣе направлять свою дѣятельность на каузальное или эволюціонное связываніе извѣстныхъ фактовъ, или на отысканіе корней и нитей въ области скрытыхъ фактовъ и во временахъ, покрытыхъ мракомъ неизвѣстности.

Со своими задачами каузальнаго и эволюціоннаго объясненія, т.-е. вообще объясненія генетическаго, историческая наука является по преимуществу наукою о происхожденіи явленій, пестрою чередою смѣняющихся въ жизни народовъ. Не только связываніе между собою разрозненныхъ фактовъ, какъ причинъ и слѣдствій или какъ разныхъ ступеней развитія, въ данномъ отношеніи является характернымъ для историческаго метода, примѣнимаго въ другихъ наукахъ въ гораздо меньшей мѣрѣ, но и стремленіе понять каждый отдѣльный фактъ путемъ изслѣдованія его генезиса особенно характеризуетъ историческую точку зрѣнія. Когда предметъ изучается для того, чтобы въ результатѣ получилось знаніе того, что такое онъ есть, каковы его свойства и каково его отношеніе къ другимъ сосуществующимъ предметамъ, мы стоимъ по отношенію къ нему на неисторической точкѣ зрѣнія, историческая же точка зрѣнія и заключается въ такомъ отношеніи къ предмету, въ которомъ главное— въ вопросѣ, какъ онъ произошелъ, въ чемъ заключаются его корни въ прошломъ и какое мѣсто онъ занимаетъ въ измѣнчивомъ потокѣ вещей. Неисторическое отношеніе къ явленію можетъ и должно брать изучаемое явленіе не только въ немъ самомъ, но и въ окружающей его обстановкѣ, историческое же, сверхъ того, беретъ его съ его antecedентами, только какъ своего рода временный этапъ въ непрерывно совершающемся процессѣ. Огюсть Контъ дѣлилъ соціологію на соціальную статику и соціальную динамику, заимствовавъ эти термины изъ

механики ¹⁾: одна открываетъ законы сосуществованія общественныхъ явленій, другая—законы ихъ послѣдовательности. Если мы примѣнимъ эту терминологию къ идиографическому изученію (которымъ и занимается исторія), то историческая точка зрѣнія и будетъ соответствовать именно динамической.

Кстати: Контъ не различалъ послѣдовательности каузальной и послѣдовательности эволюціонной. Дѣлая эти различенія между двумя видами связыванія между собою отдѣльныхъ фактовъ, даже между процессами каузальнаго и эволюціоннаго типовъ ²⁾, я, однако, далекъ отъ малѣйшаго намѣренія обособлять ихъ одинъ отъ другого. Однихъ историковъ болѣе интересуетъ прагматика съ ея каузализмомъ, другихъ—культура съ ея эволюціонизмомъ, третьи сочетаютъ интересъ къ обоимъ направленіямъ лишь съ болѣшимъ наклономъ въ одну какую-либо сторону или держа обѣ въ извѣстномъ равновѣсіи, но и тѣ, и другіе, и третьи изучаютъ, въ сущности, не два разныхъ историческихъ процесса, якобы не имѣющихъ ничего общаго между собою, а единый процессъ, такъ сказать, рассматриваемый съ разныхъ сторонъ. Забѣгая впередъ въ теорію историческаго про-

¹⁾ Выше (стр. 148) было отмѣчено, что Контъ смѣшивалъ со статикой, изучающей предметъ въ состояніи покоя, анатомію, изучающую строеніе организма, а съ динамикой, рассматривающей движеніе, съ физиологіей, изслѣдующею отправления организма, но, устранивъ это смѣшеніе, мы можемъ держаться данныхъ терминовъ (если только для второго не взять слова „кинематика“).

²⁾ О различіи между ними подробнѣе см. въ моей книгѣ „Сущность историческаго процесса“, стр. 414 и слѣд. Между прочимъ, здѣсь я говорю (стр. 419) объ одномъ изъ критиковъ моихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, который однимъ своимъ замѣчаніемъ далъ мнѣ поводъ подробно обосновать свое различеніе между каузальными и эволюціонными законами. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ я не могъ назвать имя критика: это былъ П. Л. Лавровъ.

цесса, можно сказать, что въ немъ прагматика и культура соединены между собою такъ же неразрывно, какъ въ ткани нити основы и нити утока или какъ лицо и изнанка ткани. На чемъ бы, т.-е. на прагматикѣ или на культурѣ ни сосредоточилъ свой интересъ и свое вниманіе историкъ, онъ не можетъ, занимаясь однимъ, совершенно игнорировать другое.

Возьмемъ для примѣра французскую революцію, какъ она обыкновенно рассказывается. Это рядъ событій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, одно изъ другого вытекавшихъ, однѣ вызывавшихъ другія. Третье сословіе объявляетъ себя національнымъ собраніемъ, отвѣтомъ на что со стороны двора является королевское засѣданіе, цѣлью котораго было аннулировать совершившійся фактъ. Неудача, постигшая дворъ, заставила его подумать о государственномъ переворотѣ при помощи военной силы, но извѣстіе о томъ, что къ Парижу стягиваются войска, вызвало возстаніе 12—14 іюля, приведшее къ взятію Бастиліи и сдѣлавшееся какъ бы сигналомъ къ возстаніямъ во всей Франціи, между прочимъ, и въ деревняхъ. Крестьянскія волненія заставили національное собраніе подумать о томъ, какъ бы успокоить сельское населеніе, и результатомъ было знаменитое ночное засѣданіе, въ которомъ была объявлена отмѣна прежнихъ привилегій. Такой шагъ не могъ быть принятъ при дворѣ равнодушно, но на первые признаки грозившей реакціи парижское населеніе отвѣтило походомъ на Версаль, послѣ котораго король и національное собраніе переселились въ Парижъ..... Вотъ краткая схема, голый скелетъ событій съ середины іюня до начала октября 1789 г. Каждый фактъ — событіе, объясняющееся изъ другого и, въ свою очередь, объясняющее третье. Эти событія рассказываются детально, съ картинными и драматическими подробностями, съ упоминаніями о побоч-

ныхъ слѣдствіяхъ, но, въ концѣ концовъ, и возникновеніе революціи, и все послѣдующее теченіе событій останутся не вполнѣ понятными, если не знать при этомъ состоянія Франціи въ 1789 г., ея быта, ея политическихъ, административныхъ, финансовыхъ, юридическихъ, социальныхъ, экономическихъ порядковъ, ея умственныхъ теченій и душевныхъ настроеній, распространенныхъ въ ней идей и оцѣнокъ положенія дѣлъ. Прагматическій процессъ исторіи совершается, такъ сказать, не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ извѣстной средѣ, этою же средою и является весь бытъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Нужно знать государственное устройство Франціи, тогдашнюю правительственную практику, систему казенныхъ доходовъ и расходовъ, состояніе права, сословный строй, организацію землевладѣнія, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности, матеріальное положеніе народныхъ массъ и т. п., и нужно знать ходячія идеи французовъ конца XVIII в. о политикѣ и экономикѣ, о религіи и морали и т. п., дабы съ успѣхомъ разбираться въ теченіи событій революціи. Одно прагматическое изученіе этой эпохи безъ культурнаго изученія, хотя бы и въ болѣе общихъ чертахъ и въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, можетъ дать только знаніе внѣшняго облика событій безъ той внутренней основы, которую онѣ имѣли.

И съ другой стороны—то же самое. Историкъ французской революціи Тэнъ хорошо сравнилъ эту самую исторію съ метаморфозой насѣкомаго. Франція въ 1789—1799 гг., дѣйствительно, испытала метаморфозу: послѣ 1799 г. она уже была не та, что до 1789 г. Въ жизни человѣческихъ обществъ постоянно совершается трансформация, но обыкновенно она происходитъ медленно и не одновременно въ разныхъ областяхъ жизни. Во Франціи конца XVIII в. перемѣна формъ политическаго, со-

ціального, економічного і т. д. быта произошла быстро и сразу охватила всѣ жизненныя отношенія страны. Представимъ себѣ историка, который хотѣлъ бы прослѣдить эволюцію всѣхъ бытовыхъ формъ французской націи въ XVIII и XIX вв. Конечно, онъ долженъ былъ бы отмѣтить ускореніе движенія въ концѣ XVIII столѣтія, и задача его заключалась бы въ томъ, чтобы отыскать въ прежнемъ зародыши, корни, прецеденты новаго, а въ новомъ—слѣды, пережитки и остатки стараго, но при детальныя объясненія того, какъ старое замѣнялось новымъ, какъ новое зарождалось еще въ старомъ или какъ старое вѣдрялось въ новое и почему это такъ происходило, онъ не въ состояніи былъ бы обходиться безъ ссылокъ на отдѣльныя событія, на общій ихъ ходъ, на всю прагматику французской революціи ¹⁾.

Въ каузальныхъ и эволюціонныхъ, а еще болѣе въ объединяющихъ оба метода построенія историковъ заключается синтетическая работа исторической науки. Историческій синтезъ долженъ слѣдовать, конечно, за историческимъ анализомъ, какъ правильно было сказано

¹⁾ И критикъ, о которомъ шла рѣчь выше (стр. 148) допускаетъ такія комбинаціи, когда „историческое изложеніе получаетъ приблизительно такой видъ: сначала идетъ характеристика извѣстнаго состоянія, напр., стараго режима; за нею слѣдуетъ изображеніе катастрофы, ряда событій, это—революція; потомъ составляется новая характеристика состоянія изъ элементовъ другой эпохи, доводящая насъ до изображенія новаго событія, новаго кризиса“. Онъ только не хочетъ, чтобы кто-либо подумалъ, будто никогда „во время катастрофы, событій не длилось извѣстныхъ состояній“ или „въ эпоху, захваченную нашей характеристикой состоянія, не совершалось событій или дѣйствій“. Двѣ интеллигенціи и пр., стр. 50—51. Но я и не знаю примѣровъ, чтобы кто-либо такъ думалъ. Событія происходятъ среди дѣющихся (и измѣняющихся) состояній, которыя сами дѣются (или измѣняются) во время совершающихся событій. Впрочемъ, эта тема можетъ быть вполне разработана только въ теоріи историческаго процесса.

однимъ изъ крупнѣйшихъ историковъ второй половины XIX в., Фюстель-де-Куланжемъ: „для одного дня синтеза нужны цѣлые годы анализа“¹⁾. Научный методъ вообще имѣетъ аналитическій характеръ въ отличіе отъ синтетическаго по существу характера художества. Было бы, однако, невѣрно это противоположеніе принимать въ томъ смыслѣ, будто синтезу совсѣмъ нѣтъ мѣста въ наукѣ или что его мѣсто въ ней незначительно. Нужно только имѣть въ виду, что научный синтезъ есть совсѣмъ не то, что синтезъ художественный. Въ наукѣ синтезъ всегда долженъ идти на поводѣ анализа, объединять лишь критически провѣренныя данныя и приводить въ результатъ къ болѣе или менѣе абстрактнымъ формуламъ, тогда какъ синтезъ въ искусствѣ не нуждается въ предварительномъ анализѣ, самъ создаетъ то, объединеніе чего совершаетъ, и даетъ въ итогѣ конкретные образы или символы.

Въ болѣе раннихъ теоріяхъ историческаго познания главное вниманіе обращалось преимущественно на критику источниковъ и констатированіе фактовъ, вопросъ же о группировкѣ фактовъ и о сведеніи ихъ къ болѣе или менѣе отвлеченнымъ формуламъ сталъ разрабатываться теоретиками исторіи сравнительно лишь недавно²⁾. Правда, и раньше въ трактатахъ по историкѣ заходила рѣчь о философіи исторіи, долженствующей объединять

¹⁾ Pour un jour de synthèse, il faut des années d'analyse.

²⁾ Эту работу въ исторической наукѣ можно подвести подъ общее понятіе научнаго построенія, которое нѣмецкіе историцисты обозначаютъ словомъ „Auffassung“, французскіе—терминомъ „synthèse“ (или „синтетическія операци“, какъ у Ланглуа и Сеньобоса). При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи понятій, обозначаемыхъ нѣмецкимъ и французскимъ терминами, мы найдемъ нѣкоторыя черты несходства между ними, но въ общемъ и главномъ понятія эти совпадаютъ. Говоря объ „opérations synthétiques“, *Bernheim* толкуетъ ихъ: „etwas was wir unter Auffassung verstehen“ (Lehrbuch, стр. 222), а *Berr*

единичные факты, но мы еще увидимъ, въ какихъ различныхъ смыслахъ понималась эта философія исторіи, теперь же отмѣтимъ только, что вопросъ объ историческомъ синтезѣ есть вопросъ чисто научный, а не философскій въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, разъ дѣло идетъ о методологіи такой специальной отрасли научнаго знанія, какъ исторія.

Какъ и всякая другая наука, исторія не можетъ успокаиваться на добытыхъ результатахъ: открываются новые факты, вырабатываются болѣе тонкіе приемы изслѣдованія, возникаютъ новыя точки зрѣнія, ставятся новые вопросы, и все это приводитъ въ движеніе историческую мысль, заставляетъ производить дослѣдованія и переизслѣдованія, подвергать добытое провѣркѣ и критикѣ, поднимающимъ новыя проблемы, возбуждающимъ новыя сомнѣнія, указывающимъ на новые пути для полученія болѣе удовлетворительныхъ отвѣтовъ, обращающимъ вниманіе на такія стороны дѣла, которыя раньше не принимались въ расчетъ. Съ другой стороны, конечно, историкъ, спеціально занимающійся какою-либо эпохою, какимъ-либо событіемъ и т. д., долженъ знать непосредственные источники, заключающіе въ себѣ нужныя ему извѣстія о фактахъ, но онъ долженъ знать равнымъ образомъ работы своихъ предшественниковъ объ этихъ источникахъ и работы своихъ предшественниковъ по интересующимъ его фактамъ. Въ отличіе отъ источниковъ или первоисточниковъ такія работы, въ которыхъ послѣдніе описываются, анализируются, крити-

приравниваетъ „Auffassung“ къ „synthèse“ или „construction des faits historiques“ (La synthèse en histoire, стр. 2). Только Бернгеймъ слишкомъ расширяетъ понятіе „Auffassung“, включая въ него и интерпретацію, и философію исторіи. Въ общемъ, историческое построеніе есть то самое, что еще Полибій называлъ ἡ τῶν πραγμάτων σύνταξις: „синтаксисъ“ и значитъ построеніе.

куются, и такія, которыя на ихъ основаніи заключаютъ въ себѣ изслѣдованія о самихъ фактахъ, принято, какъ было уже указано ¹⁾, называть пособіями. Только профаны и новички въ исторической наукѣ, повторяю еще разъ, готовы называть источниками безразлично всякія произведенія, изъ которыхъ они черпаютъ свои историческія свѣдѣнія, не дѣлая, напр., различія въ этомъ отношеніи между нашею первоначальною лѣтописью, съ одной стороны, и трудами Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевскаго, съ другой, или между Полнымъ Собраніемъ Законовъ и курсами такихъ-то и такихъ-то профессоровъ по исторіи русскаго права.

Х. Синтетическая работа въ исторической наукѣ и историческія обобщенія.

Занятіе наукой есть дѣло коллективное: каждый историкъ продолжаетъ дѣло другихъ, которые работали раньше, и долженъ идти дальше, опираясь на то, что уже было сдѣлано до него, а для этого ему нужно не только изучать первоисточники, но и пособія, знать то, что обыкновенно называется литературою предмета, какъ это, впрочемъ, дѣлается и въ другихъ наукахъ. Существованіе спеціальныхъ сочиненій по источниковѣдѣнію и по исторіографіи разныхъ странъ, эпохъ, событій, общественныхъ движеній облегчаетъ работу историковъ въ этомъ отношеніи. Разумѣется, занимаясь исторіей своего вопроса, изслѣдователь и здѣсь идетъ такимъ же путемъ анализа

¹⁾ Ср. выше, стр. 91.

и критики, какого слѣдуетъ держаться въ отношеніи первоисточниковъ, т.-е. онъ подвергаетъ разбору и своему суду мнѣнія и предположенія своихъ предшественниковъ, ихъ построенія и обобщенія, приемы ихъ критики источниковъ и ихъ способы разрѣшенія (или даже постановки) научныхъ вопросовъ. Въ теоріи историческаго познаванія не слѣдуетъ, такимъ образомъ, забывать что историки имѣютъ дѣло не съ одними источниками, но и съ изслѣдованіями, произведенными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ. На изучаемый предметъ историку приходится смотрѣть черезъ призму не только источниковъ, но и литературы предмета; это въ однихъ отношеніяхъ облегчаетъ его работу, но въ другихъ можетъ и ей помѣшать, если направить его, напр., на ложный слѣдъ.

Въ сущности, въ дѣлѣ каузальнаго или эволюціоннаго связыванія дознанныхъ историческихъ фактовъ, въ дѣлѣ объясненія ихъ генезиса и значенія для послѣдующихъ фактовъ, историки, разрабатывавшіе данную тему, производили одну и ту же работу, но извѣстно, что „если двое дѣлаютъ одно и то же, выходитъ не одно и то же“ (*si duo idem faciunt, non est idem*). Историкъ въ работѣ своихъ предшественниковъ можетъ считать одно окончательно сдѣланнымъ, не требующимъ пересмотра, другое и третье нуждающимся въ додѣльваніи или въ передѣльваніи: причины и слѣдствія не совсѣмъ вѣрно или совсѣмъ невѣрно указаны, а также одно выведено изъ другого не вполне такъ, или рѣшительно не такъ, какъ слѣдовало бы. Но и каждый историкъ въ теченіе своей работы надъ избранною темою можетъ, такъ сказать, быть своимъ собственнымъ предшественникомъ, когда на дальнѣйшихъ стадіяхъ этой работы дополняетъ или исправляетъ сдѣланныя ошибки, и все-таки и тутъ работа его не выходитъ за предѣлы

каузальныхъ и эволюціонныхъ или вмѣстѣ каузально-эволюціонныхъ построений.

Эта синтетическая работа, которой не только критика и анализъ должны предшествовать, но которая ими постоянно должна и сопровождаться на каждомъ ея шагу, сама можетъ имѣть различный характеръ и притомъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые новѣйшіе авторы различаютъ между „ученымъ синтезомъ“ (*synthèse érudite*) и „научнымъ синтезомъ“ (*synthèse scientifique*): первый направляетъ работу историка, указывая на то, что сдѣлано и что еще остается сдѣлать, второй еще лучше можетъ направлять работу, указывая, что важно знать и незнаніе чего, наоборотъ, безразлично ¹⁾. Отъ художественнаго синтеза и даже отъ общихъ историческихъ построений въ цѣляхъ популяризаціи нашихъ знаній о прошломъ ученый синтезъ отличается тѣмъ, что въ немъ всякое утвержденіе сопровождается доказательствами, о всякомъ пробѣлѣ въ нашемъ знаніи дѣлается отмѣтка, все сомнительное подчеркивается, какъ таковое, и всякое предположеніе не выдается за что-либо положительно дознанное. Но это только ступень къ синтезу научному, въ которомъ на частныхъ случаяхъ изучаются общіе процессы исторической жизни, конкретные факты объясняются дѣйствіемъ разныхъ категорій жизненныхъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи, и освѣщаются общими истинами, какъ-никакъ, а уже выработываемыми соціологіей.

Типическаго эрудита, который больше думаетъ о томъ, чтобы исчерпывать море источниковъ до дна, и полагаетъ, что это достигается перечисленіемъ до конца, обыкновенно подавляетъ его фактическій матеріалъ, надъ

¹⁾ *Henri Berr. La synthèse historique*, стр. 21 и 258 и слѣд. См. въ моей статьѣ объ этомъ трудѣ, указанномъ на стр. 39 подъ № 80.

которымъ онъ не считаетъ нужнымъ или скорѣе не можетъ, не умѣетъ возвыситься, и онъ боится тогда пропустить мелкую подробность только потому, что о ней говорится въ источникахъ, но не въ виду того, чтобы она имѣла значеніе въ рассказываемомъ событіи или характеризовала описываемое состояніе. Не разъ уже критики историческихъ книгъ, написанныхъ такими авторами, уподобляли послѣднихъ тому волшебнику, который зналъ заклинанія для вызова духовъ, но не зналъ другого заклинанія, какъ ихъ заставить уйти. Серьезно обосновывать въ исторіи не значитъ пересчитывать до конца (zu Ende zahlen), а значитъ доходить до самыхъ основаній (ergründen), чего историкъ не можетъ достигнуть безъ собственнаго разсужденія и общихъ соображеній и, между прочимъ, безъ выбора того, о чемъ можно и даже слѣдуетъ совсѣмъ не упоминать.

Я позволю себѣ прервать здѣсь нить своего изложенія, чтобы остановиться на одномъ примѣрѣ того, какъ не подобаетъ и какъ, наоборотъ, слѣдуетъ поступать съ ненужными подробностями. Среди спеціальныхъ отдѣловъ исторической литературы очень видное мѣсто занимаетъ литература по исторіи международныхъ отношеній, для которой обильный матеріалъ, въ видѣ дипломатической переписки, хранится въ архивахъ и издается въ цѣломъ рядѣ оффиціальныхъ и частныхъ сборниковъ. Въ одномъ архивѣ можно найти донесенія уполномоченныхъ одной державы о какихъ-либо переговорахъ съ уполномоченными другой и въ какомъ-либо архивѣ этой послѣдней — донесенія ея пословъ о тѣхъ же переговорахъ и, на основаніи этихъ двухъ взаимно-дополняющихся источниковъ съ прибавкою къ нимъ инструкцій, получавшихся делегатами обѣихъ сторонъ отъ своихъ правительствъ, возстановить весь ходъ и отдѣльныя перипетіи данныхъ переговоровъ. Такія работы пишутся часто, и въ боль-

шинствѣ случаевъ въ изложеніе вносится все, что говорили одни и что говорили другіе, хотя бы разговоръ имѣлъ лишь эпизодическій характеръ, ничего важнаго для сути дѣла въ себѣ не заключалъ или ни къ чему не приводилъ. Не такъ поступалъ Альбертъ Сорель, авторъ „Европы и французской революціи“, которому тоже очень много пришлось имѣть дѣла съ дипломатическими переговорами и не между двумя только государствами, а цѣлымъ ихъ рядомъ. Изъ біографіи Сореля извѣстно, что онъ предварительно составлялъ громадныя разграфленныя по странамъ таблицы, въ которыя постепенно заносилъ самыя подробныя данныя, заимствованныя изъ дипломатической переписки, отмѣчая, что къ чему относится, но потомъ внимательно пересматривалъ этотъ матеріалъ и безжалостно вычеркивалъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя ничего не объясняли, всѣ тѣ факты, которые не оказали никакого вліянія на общій ходъ дѣла¹⁾. Въ растущемъ деревѣ отъ ствола отдѣляется много вѣтвей, но инныя изъ нихъ отсыхаютъ или отсѣваются опытнымъ садоводомъ: значить, онѣ не нужны были или самому дереву, или садовнику, — многое и въ источникахъ оказывается лишнимъ. Историкъ, думающій, что нужно пересчитывать до конца, похожъ на огородника, дающаго полную волю сорнымъ травамъ расти рядомъ съ полезными растеніями.

Сравнительно съ такими историческими построеніями, въ составъ которыхъ входитъ мало переработанный матеріалъ, другія построенія, являющіяся результатомъ большой умственной работы, всегда будутъ отличаться большею абстрактностью. Синтезь, о которомъ говорилось выше, можетъ быть и болѣе конкретнымъ, и болѣе абстрактнымъ. На мой взглядъ, Контъ ошибался, когда

¹⁾ См. мою брошюру „Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи“, стр. 9.

науки, занимающіяся общими законами, назвалъ абстрактными, а другія, имѣющія дѣло съ отдѣльными явленіями, обозначилъ какъ конкретныя ¹⁾. Не всякая абстракція имѣетъ цѣлью или результатомъ выведеніе общихъ законовъ, ибо и объ единичномъ явленіи, а тѣмъ болѣе процессѣ можно говорить и въ болѣе конкретныхъ, и въ болѣе абстрактныхъ терминахъ, дать детальный рисунокъ или общую схему предмета. Чѣмъ конкретнѣе передача чего-либо въ исторіи, тѣмъ больше ею только воспроизводится прошлое, и исторія ближе подходитъ къ задачѣ искусства, какъ бы ни плохо было выполненіе въ художественномъ отношеніи; наоборотъ, чѣмъ абстрактнѣе историкъ понимаетъ изучаемое явленіе или процессъ, тѣмъ болѣе онъ выполняетъ научную функцію, рѣшая задачу пониманія, всегда требующаго, чтобы единичное, частное приводилось къ общему, родовому. Истинный историкъ въ наше время узнается по стремленію и умѣнію своимъ все разнообразіе фактовъ подводить подъ небольшое число обобщающихъ формулъ, которыя, конечно, будутъ отличаться абстрактнымъ характеромъ, хотя въ нихъ и не будетъ говоритья о томъ, что вездѣ и всегда бываетъ, а будетъ сказано о чемъ-то, бывшемъ только въ одномъ мѣстѣ и лишь въ данный промежутокъ времени.

Объ обобщеніяхъ въ исторіи можно говорить въ разныхъ смыслахъ. Съ одной стороны, обобщаться можетъ наше знаніе объ однородныхъ, но разрозненныхъ фактахъ, взятыхъ изъ прошлаго разныхъ странъ, народовъ, эпохъ, а съ другой, можетъ быть обобщаемо знаніе фактовъ, относящихся къ одному и тому же мѣсту и къ ограниченному періоду времени, притомъ причинно или эволюціонно связанныхъ между собою. Въ случаяхъ первой категоріи мы получаемъ нѣкоторыя общія формулы

¹⁾ См. выше, стр. 63—64.

номологическаго типа, быть можетъ, и не могущія считаться законами въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, но зато примѣнимыя къ однороднымъ явленіямъ въ исторіи разныхъ странъ и эпохъ. Наоборотъ, въ случаяхъ другого рода то, что является результатомъ обобщенія многихъ фактовъ, остается приложимымъ только къ совокупности фактовъ, данныхъ намъ какъ-разъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленный промежутокъ времени. Это и представляетъ собою историческія обобщенія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, тогда какъ обобщенія перваго рода имѣютъ уже болѣе соціологическій характеръ. Впрочемъ, мы еще увидимъ, что между обѣими категоріями мы вынуждены еще признать нѣкоторую промежуточную категорію, переходъ или рядъ переходовъ отъ одного рода обобщеній къ другому.

Типическою формою обобщеній первой категоріи является индукція, теорія которой такъ хорошо разработана въ общихъ трактатахъ логики. Индукція, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, въ которыхъ наблюдается какое-либо явленіе, мы выводимъ, что явленіе это совершается во всѣхъ случаяхъ, сходныхъ съ первыми въ обстоятельствахъ, признаваемыхъ существенными, — выводимъ на основаніи общаго принципа единообразія порядка природы, или существованія законовъ, управляющихъ явленіями. Разъ, однако, въ результатѣ получается нѣчто такое, за чѣмъ мы не имѣемъ права признать значенія естественнаго закона, рѣчь не можетъ идти о настоящей, или полной индукціи, а только о неполной индукціи, или о „наведеніи чрезъ простое перечисленіе, въ которомъ не встрѣчается противорѣчащаго примѣра, или случая“¹⁾. Но для насъ здѣсь безразлично, будетъ ли

¹⁾ Выраженіе Бэкона: „inductio par enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria“.

у насъ въ итогѣ настоящій законъ природы, или эмпирическое обобщеніе ряда однородныхъ случаевъ, среди которыхъ не нашлось ни одного исключенія.

Пока мы ограничимся здѣсь сказаннымъ объ индуктивныхъ обобщеніяхъ, чтобы вернуться къ этой темѣ, когда придетъ очередь для разсмотрѣнія такъ называемаго сравнительнаго или сравнительно-историческаго метода, при помощи котораго мы можемъ формулировать нѣкоторыя положенія общаго характера, примѣнимыя къ фактамъ изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ временъ и между собою реально (т.-е. ни каузально, ни эволюціонно) ничѣмъ не связанныхъ.

Отъ индукціи въ тѣсномъ смыслѣ нужно отличать „генерализацію“¹⁾, какъ я предложилъ бы называть всякое обобщеніе фактовъ, какъ-разъ объединенныхъ мѣстомъ и временемъ и реально между собою связанныхъ, причемъ цѣлью такого умственного процесса является не общее представленіе о томъ, что вездѣ и всегда бываетъ при извѣстныхъ условіяхъ, а о томъ, что было только разъ, въ одномъ мѣстѣ и въ опредѣленный промежутокъ времени, представленіе, въ которомъ, однако, давался бы общій итогъ цѣлаго ряда отдѣльных фактовъ.

Общій итогъ, — подъ этимъ словомъ я разумѣю именно подведеніе подъ рядомъ слагаемыхъ ихъ общей суммы, и здѣсь, значитъ, каждый отдѣльный фактъ является частью нѣкотораго создаваемаго нами цѣлаго, тогда

¹⁾ Ланглуа и Сеньобосъ различаютъ между образованіемъ общихъ формулъ (*construction des formules générales*) и обобщеніемъ, которое называютъ „*généralisation*“, признавая второе лишь однимъ изъ частныхъ видовъ перваго. *Introduction*, стр. 227 и слѣд. Я беру терминъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, причемъ имѣю въ виду общее и въ смыслѣ общей категоріи, подъ которую подводятся отдѣльные факты, и въ смыслѣ объединяющаго ихъ цѣлаго, по отношенію къ которому эти факты являются отдѣльными частями.

какъ этому подобію перваго ариѳметическаго дѣйствія я противопоставилъ бы индукцію, какъ то, что въ ариѳметикѣ называется нахожденіемъ общихъ дѣлителей, подводящее подъ одну категорію числа 2, 4, 6, 8, 10..., подъ другую—3, 6, 9, 12..., подъ третью—5, 10, 15, 20..., подъ четвертую—7, 14, 21, 28 и т. п.: здѣсь, именно, отдѣльныя данныя цифры не складываются между собою для нахожденія ихъ общей суммы, а сравниваются однѣ съ другими для нахожденія нѣкотораго общаго имъ признака дѣлимости на 2, на 3, на 5 и т. д. Т.-е. тутъ, въ послѣдней категоріи случаевъ, имѣется въ виду получить не нѣкоторое единое цѣлое изъ отдѣльныхъ слагаемыхъ, а извѣстную категорію частныхъ случаевъ одного общаго правила.

Впрочемъ, нужно оговориться, что обобщенія, результатами которыхъ являются не общія формулировки для извѣстныхъ совокупностей фактовъ, могущихъ быть часто и совершенно не похожими одинъ на другой, а, такъ сказать, общія правила, резюмирующія множество отдѣльныхъ фактовъ, между собою сходныхъ, могутъ преслѣдовать не исключительно номологическія цѣли, но и цѣли идиографическія. Всякое сужденіе о любой бытовой формѣ въ любой странѣ въ какую-либо эпоху есть формулировка общаго правила, подъ которое подводится масса отдѣльныхъ случаевъ. Но и здѣсь изслѣдователь интересуется какъ-разъ только данною совокупностью, а не безразлично всѣми, какіе бы только ни могли, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, представиться, случаями. Здѣсь интересуется изслѣдователя не общій ихъ итогъ, выраженный въ видѣ суммы подъ рядомъ слагаемыхъ, а общій ихъ характеръ, проявляющійся лишь въ данныхъ слагаемыхъ, входящихъ въ составъ только данной суммы, а не вообще во всѣхъ однородныхъ фактахъ, имъ же нѣтъ числа. Притомъ для настоящей индукціи

нужна наличность всѣхъ фактовъ, дабы мы могли судить о дѣйствительномъ отсутствіи того, что называется „instantia contradictoria“, въ историческихъ же обобщеніяхъ этого рода мы часто вынуждены судить о томъ, что было общимъ правиломъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, лишь на основаніи немногихъ частныхъ случаевъ или примѣровъ. Обобщеніе здѣсь получаетъ особый характеръ дѣланія заключеній отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фактовъ опредѣленной категоріи, намъ извѣстныхъ, ко всѣмъ остальнымъ фактамъ той же категоріи, оставшимся, наоборотъ, намъ неизвѣстными.

На этомъ приѣмѣ генерализаціи стоить остановиться подробнѣе въ виду того, что историки постоянно вынуждены къ нему прибѣгать. Въ настоящее время, когда производятся разныя планомѣрныя анкеты и статистическія обслѣдованія массовыхъ фактовъ, касающихся какой-либо мѣстности, какого-либо класса населенія и т. п., мы по отношенію къ общей характеристикѣ бытовыхъ явленій находимся въ неизмѣримо лучшемъ положеніи, для прежнихъ вообще эпохъ, когда такимъ путемъ свѣдѣнія не собирались, и по отношенію къ явленіямъ, которыя не были объектами планомѣрныхъ наблюденій. Въ чемъ, напр., заключалась обычная, т.-е. наиболѣе распространенная, преобладающая форма землевладѣнія въ странѣ, или форма, наиболѣе характерная для землевладѣнія вообще въ данной странѣ? Для современныхъ государствъ очень точные отвѣты на этотъ вопросъ можетъ дать статистика, но относительно всего историческаго прошлаго въ нашемъ распоряженіи бывають для отдѣльныхъ странъ и эпохъ лишь скудныя и отрывочныя данныя: иногда извѣстны два-три факта или десятокъ-другой фактовъ, всѣ же остальные факты той же категоріи относятся къ числу скрытыхъ ¹⁾. Тогда обо

¹⁾ О скрытыхъ фактахъ см. выше, стр. 134.

всѣхъ остальныхъ или объ ихъ преобладающемъ большинствѣ мы судимъ по извѣстнымъ намъ случаямъ, если, конечно, у насъ есть основанія считать эти случаи частными примѣрами нѣкотораго намъ неизвѣстнаго прямо правила, отдѣльными образцами того, что существовало въ массѣ случаевъ, быть можетъ, и не типическими, но во всякомъ разѣ дающими нѣкоторое понятіе объ общемъ характерѣ интересующихъ насъ отношеній. Понятно, что здѣсь также производится обобщеніе, но это не индукція, а генерализація въ смыслѣ распространенія на всѣ слагаемая опредѣленной суммы фактовъ (или на ихъ большинство) того, что мы знаемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ такихъ случаяхъ извѣстные намъ факты кладутся въ основу идиографическихъ обобщеній относительно всѣхъ (или большинства) фактовъ какой-либо категоріи въ опредѣленной странѣ во взятый нами періодъ времени. Чѣмъ большее количество фактовъ кладется въ основу такихъ генерализацій, тѣмъ, разумѣется, лучше, но часто историку приходится, къ сожалѣнію, довольствоваться очень немногимъ. Опасность такихъ генерализацій заключается въ томъ, что факты, о которыхъ мы знаемъ, могутъ быть исключительными или далеко не типичными, и тогда возможны очень грубыя ошибки въ нашихъ обобщающихъ формулахъ. Сколько такихъ генерализацій мирно покоится на кладбищѣ исторической науки, куда и поступаютъ за дознанною ихъ негодностью разные мертворожденные выводы и эфемерныя „последнія слова“ науки!

Разсматриваніе сингулярныхъ фактовъ въ качествѣ однородныхъ частныхъ случаевъ, могущихъ быть выраженными въ общихъ формулахъ, имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ бытовымъ фактамъ, но и по отношенію къ событіямъ. Нѣсколько послѣдовательныхъ событій, въ случаѣ ихъ однородности, могутъ намъ предста-

вляться въ видѣ частныхъ случаевъ, могущихъ быть подведенными подъ нѣкоторое общее, всѣ ихъ, вмѣстѣ взятыя, опредѣляющее обозначеніе, и вотъ въ исторіи возникаютъ такія названія цѣлыхъ процессовъ, какъ, напр., „собираніе Руси“ московскими великими князьями, нѣмецкій „напоръ на Востокъ“ (Drang nach Osten) и др. Только здѣсь важно не одно то, что совершались событія одного и того же рода, что происходили, напр., присоединенія къ Московскому государству новыхъ территорій, или что нѣмцы предпринимали отдѣльные походы на земли западныхъ славянъ и основывали тамъ свои колоніи, а важно еще и то, что одно такое событіе прибавлялось къ другому, къ самому ему еще одно такое же событіе, за нимъ второе, третье и т. д. Т.-е. тутъ мы имѣемъ дѣло не просто съ частными случаями одной и той же категоріи, но и съ отдѣльными слагаемыми одной и той же суммы, рассматриваемой, какъ единый процессъ, послѣдовательные моменты котораго и соответствуютъ отдѣльнымъ событіямъ. Послѣдовательный рядъ событій между 1859 и 1870 г. мы называемъ, напр., объединеніемъ Италіи, обобщая подъ этимъ отдѣльные факты присоединенія Ломбардіи, областей Средней Италіи и Неаполитанскаго королевства въ 1859—1860 гг., Венеціанской области съ 1866 г. и Рима съ его областью въ 1870 г. и различая въ этомъ единомъ процессѣ, такъ сказать, три хронологическихъ этапа.

Дабы сингулярныя событія могли рассматриваться, какъ отдѣльныя части процесса, который мы можемъ выразить въ обобщенной формулѣ, нѣтъ надобности, чтобы всѣ эти событія принадлежали къ одному разряду фактовъ или совершались одинаковымъ образомъ. Ломбардію и Венеціанскую область Италія получила послѣ двухъ войнъ съ Австріей, Тоскану, Парму, Модену, Романью, королевство Обѣихъ Сицилій—послѣ внутреннихъ революцій

въ этихъ земляхъ, Папскую область—въ силу ея занятія экспедиціоннымъ корпусомъ, но все это были лишь разные пути, приводившіе къ одному результату. Чтобы имѣть право придавать совокупности фактовъ нѣкоторое единство и обобщать ихъ въ одной формулѣ, необходимо, чтобы и въ дѣйствительности нѣчто ихъ объединяло и вносило въ нихъ нѣкоторую общность,—общность не въ смыслѣ общихъ родовыхъ или видовыхъ признаковъ, какая наблюдается и въ фактахъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, а общность въ смыслѣ реально связывающихъ ихъ между собою причинъ ли, результатовъ ли, или чего-нибудь еще иного. Общія черты мы можемъ найти у древнегреческой тираниі, наблюдаемой въ исторіи нѣсколькихъ городовыхъ республикъ, у императорской власти въ Римѣ въ ея началѣ, у итальянскаго принципата конца среднихъ вѣковъ, у цезаризма обоихъ Наполеоновъ во Франціи, но всѣ эти политическія формы реально не связаны между собою и частей одного цѣлаго собою поэтому не представляютъ. Наоборотъ, какъ одно цѣлое, мы можемъ представлять себѣ нѣкоторую совокупность фактовъ, самыхъ различныхъ, самыхъ разнородныхъ, лишь бы ихъ что-либо связывало между собою и, прежде всего, общій „театръ“ событій, единство страны, государства или провинціи, города, или общая среда, въ которой событія происходили, каковы нація, сословіе, классъ, партія и пр.

Каждый прагматическій процессъ, складывающійся изъ единичныхъ событій, которому мы приписываемъ извѣстную цѣльность, отграничивая его отъ другихъ современныхъ ему процессовъ, можетъ быть, какъ мы уже видѣли, представленъ историкомъ въ болѣе конкретномъ и детальномъ видѣ и, наоборотъ, въ видѣ болѣе абстрактномъ и общемъ. Изображая береговую линію такихъ странъ, какъ Греція, Далмація, Норвегія съ ихъ много-

численными заливами, бухтами, фіордами, мысами, полуостровами, перешейками, картографъ можетъ или занести все это на свои карты, для чего онѣ должны имѣть значительные размѣры, или, — когда карта должна быть небольшою либо должны быть отмѣченными лишь крупныя изгибы береговъ, — обозначить ихъ болѣе простыми кривыми, пренебрегая незначительными выступленіями суши въ море или изрѣзами суши моремъ. Въ горныхъ странахъ, подобныхъ Швейцаріи, отдѣльные хребты, вершины, равнины, долины, ущелья представляютъ собою довольно запутанную систему повышеній и пониженій земной поверхности, на подробныхъ картахъ, какъ-никакъ, все-таки воспроизводимую, но дѣлающуюся болѣе наглядною въ своихъ основныхъ направленіяхъ, когда мелкія подробности игнорируются, и на картѣ схематически изображаются лишь главныя линіи хребтовъ и наиболѣе высокія вершины. И въ случаѣ схематическаго изображенія изрѣзанной береговой линіи, и въ случаѣ схемы, передающей орографію горной страны, мы имѣемъ дѣло съ упрощеніями (симплификаціями), сводящими къ болѣе общимъ чертамъ то, что въ дѣйствительности дано въ болѣе сложномъ видѣ. Отступленія вправо и влево отъ проведенной картографомъ линіи берега, въ которой были приняты въ расчетъ лишь болѣе крупныя повороты и изгибы, рассматриваются имъ, какъ своего рода исключенія изъ общаго правила, въ существѣ дѣла его не нарушающія, или какъ незначительныя уклоненія въ ту или другую сторону отъ нѣкотораго средняго ариѳметическаго и частныя эпизоды, не заслуживающіе вниманія. То же можно было бы повторить и по отношенію къ любой орографической схемѣ.

Подобнаго же рода умственныя операціи производятъ и историки, слѣдя за общимъ ходомъ событій или

за общимъ направлениемъ перемѣнъ, совершающихся въ быту.

Причины событій бываютъ временныя, дѣйствіе которыхъ непродолжительно, случайныя, ничѣмъ не связанныя или мало связанныя между собою, и бываютъ постоянныя, которыя участвуютъ въ порожденіи цѣлаго ряда событій на протяженіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, причины общія, вызывающія не тѣ или другіе эпизоды съ ихъ скоро преходящимъ значеніемъ, но отражающіяся на самомъ главномъ и существенномъ. Въ процессахъ бытовыхъ измѣненій, составляющихъ предметъ культурной исторіи въ принятомъ нами смыслѣ, тоже приходится различать единичныя отклоненія отъ данной нормы, не оставляющія послѣ себя сколько-нибудь замѣтнаго слѣда, и отклоненія массовыя, посредствомъ которыхъ совершается переходъ къ новымъ формамъ; отклоненія временныя въ силу дѣйствія какихъ-либо причинъ, скоро потомъ исчезающія, и отклоненія длительныя, идущія въ одномъ и томъ же направленіи, характеризующія эпоху съ той или другой стороны и остающіяся, такъ сказать, прочнымъ пріобрѣтеніемъ исторіи (безотносительно къ тому, осуществляется ими благо или зло). Историки, стремящіеся понять, осмыслить изучаемые ими каузальные и эволюціонные процессы, ставятъ своею задачею сводить ихъ къ болѣе или менѣе отвлеченнымъ, обобщающимъ формуламъ или хода событій въ данномъ мѣстѣ и въ данный періодъ, или того направленія, въ какомъ совершались культурныя перемѣны въ данной странѣ.

Общій характеръ такихъ упрощающихъ обобщеній— ихъ схематичность, стирающая, конечно, живыя краски дѣйствительности, но зато помогающая понимать прошлое въ общихъ терминахъ науки. Помимо своего значенія для уясненія намъ наиболѣе общихъ чертъ какого-

либо историческаго процесса, подобныя абстрактныя формулы помогают намъ и въ соціологическомъ мышленіи, когда изученіе единичнаго процесса даетъ въ наши руки нѣкоторый общій критерій для пониманія другихъ аналогичныхъ процессовъ. Чѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ общѣе формула, тѣмъ способнѣе она сыграть такую роль въ наукѣ. Не нужно только думать, что общая формула, выведенная изъ изученія фактовъ, представляемыхъ прошлымъ одной страны, безъ всякихъ переменъ можетъ быть примѣняема ко всѣмъ остальнымъ.

Частный примѣръ лучше всего пояснить все сказанное выше. Мы имѣемъ передъ собою такъ называемый экономическій переворотъ, или „индустриальную революцію“ въ Англіи конца XVIII и начала XIX в. Она была, понятно, результатомъ массы мелкихъ бытовыхъ измѣненій, вся совокупность которыхъ и произвела данную „революцію“. Единичные случаи разставанія мелкихъ землевладѣльцевъ съ насиженными участками, случаи добровольной продажи послѣднихъ, продажи вынужденной, принудительной и единичные случаи „огораживанія“ помѣщиками земель, бывшихъ въ общемъ пользованіи приходовъ, мы обобщаемъ, какъ единый процессъ, который и называемъ обезземеленіемъ народной массы. Чтобы такой процессъ былъ возможенъ, нужны были кое-какія одинаковыя причины, дѣйствовавшія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пріобрѣтенія лендлордами новыхъ участковъ земли. Результатомъ обезземеленія сельскаго населенія было образованіе пролетаріата, многіе члены котораго, не будучи заняты въ сельскомъ хозяйствѣ, стали искать занятій въ обрабатывающей промышленности. Въ послѣдней происходило также измѣненіе бытовыхъ формъ. Единичные случаи возникновенія болѣе крупныхъ промышленныхъ заведеній внѣ городовъ, гдѣ прежніе законы поддерживали старый строй мелкихъ ремесленныхъ ма-

стерскихъ, единичные случаи утраты ремесленниками своей прежней самостоятельности въ пользу болѣе удачливаго меньшинства въ собственной своей средѣ, единичныя законодательныя мѣры, разрушавшія старый строй, мы, равнымъ образомъ, обобщаемъ въ понятіи вытѣсненія мелкаго производства болѣе крупнымъ, или концентраціи производства, также превращавшей множество ремесленниковъ въ простыхъ наемныхъ рабочихъ. У всего этого не могло не быть нѣкоторыхъ общихъ причинъ, хотя и осложнявшихся своеобразно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Наконецъ, въ тѣ же самыя годы, когда происходили оба указанные процесса, отдѣльные изобрѣтатели придумывали разные механизмы, облегчающіе и ускоряющіе пряденіе и тканье, а отдѣльные промышленники вводили ихъ въ свои предприятия, и всѣ случаи, когда на фабрикѣ начиналъ работать какой-нибудь механическій станокъ, мы обобщаемъ, какъ процессъ замѣны ручного труда машиннымъ, съ которымъ трудно было конкурировать мелкимъ производителямъ, начавшимъ тоже увеличивать собою число пролетаріевъ. Эти три процесса мы объединяемъ въ одномъ, стараясь обнаружить не только ихъ общіе результаты, но и указать на общія для всѣхъ трехъ причины, опредѣлить взаимныя отношенія этихъ процессовъ и изложить все въ нѣкоторой абстрактной формулѣ, которая, во-первыхъ освѣтила бы намъ сущность англійской индустриальной эволюціи, обратившей на себя вниманіе только много позднѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во-вторыхъ, помогла бы намъ при историческомъ изученіи аналогичныхъ процессовъ въ другихъ странахъ.

По самому существу дѣла, подобныя обобщающія формулы имѣютъ видъ логическихъ построеній, да и на самомъ дѣлѣ онѣ очень часто строятся не индуктивнымъ, а дедуктивнымъ путемъ, не на основаніи дѣйстви-

тельного обобщенія реальныхъ данныхъ, а на основаніи апріорныхъ соображеній и абстрактныхъ умозаключеній. Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что отъ научнаго знанія мы, прежде всего, требуемъ точности, но что вмѣстѣ съ тѣмъ дорожимъ и его полнотою ¹⁾: если, съ другой стороны, необходимымъ условіемъ науки, — чтобы она была наукой, а не простымъ каталогомъ фактовъ, — мы ставимъ связность знанія, то, равнымъ образомъ, мы цѣнимъ еще и стройность знанія, внутреннее его упорядоченіе, не простую координацію фактовъ, могущую быть и беспорядочною, но и субординацію ихъ, достижимую при помощи генерализаціи и схематизаціи.

Отвлеченно-обобщенное повиманіе прошлаго иногда называютъ историко-философскимъ, и, напр., въ такомъ смыслѣ говорятъ о философіи русской исторіи (одной у славянофиловъ, другой у западниковъ), о философіи исторіи французской революціи или о философіи исторіи вообще, т.-е. всей исторіи всѣхъ временъ и народовъ, всего человѣчества. О взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и философіи я буду говорить особо, здѣсь же идетъ рѣчь объ историко-философскомъ повиманіи для того, чтобы защитить его полную научность, когда оно является результатомъ дѣйствительнаго обобщенія достоверно установленныхъ фактовъ и болѣе или менѣе точно дознанныхъ реальныхъ отношеній между ними. Въ движеніи отъ конкретнаго къ абстрактному, въ процессѣ обобщенія частныхъ и созданія цѣльностей могутъ быть разныя степени — отъ детальнаго описанія единичнаго предмета до формулы-схемы, долженствующей охватывать массу фактовъ. Последнія ступени обобщающаго мышленія въ исторіи имѣютъ право называться историко-философскими, и лишь тогда историко-философскія построенія не научны, когда

¹⁾ См. выше, стр. 133.

покоятся не на прочномъ фундаментѣ фактовъ, а на чемъ-то въ родѣ не то логическихъ конструкцій, не то фантастическихъ схемъ.

ХІ. Сравнительно-историческій методъ.

Извѣстная сумма фактовъ можетъ изучаться вмѣстѣ или потому, что между ними существуетъ болѣе или менѣе прямая связь, или потому, что, внѣ какой бы то ни было реальной связи между ними, наблюдается сходство ихъ между собою, кромѣ случаевъ, когда и само сходство объясняется реальной связью. Особую разновидность историческаго метода представляетъ собою методъ сравнительно-историческій, или сравнительный просто, который примѣняется, главнымъ образомъ, при изученіи сходныхъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ разныхъ странахъ и въ очень отдаленные иногда одинъ отъ другого періоды времени ¹⁾.

Я начну съ нѣсколькихъ простыхъ примѣровъ. Извѣстно, что въ цѣломъ рядѣ языковъ, каковы въ Азіи древне-индійскій (санскритъ) съ современными нарѣчіями Индіи, древне-иранскій (зендъ), въ Европѣ греческій,

¹⁾ Важность сравнительнаго метода для соціологіи была указана еще Огюстомъ Контонъ, послѣ котораго этотъ методъ широко примѣнялся на практикѣ специалистами разныхъ отраслей знанія, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ интересахъ номологическаго, а не идіографическаго знанія, что отразилось и на теоретической разработкѣ этого метода въ литературѣ. Ср., напр., *М. М. Ковалевскій*. Сравнительно-историческій методъ въ юриспруденціи и приемы изученія права (1880) и др. Въ общихъ историческихъ методологіяхъ, наоборотъ, вопросъ о сравнительномъ методѣ въ идіографическихъ цѣляхъ остается неразработаннымъ.

латинскій съ разными романскими языками, готскій и другіе германскіе, равно какъ славянскіе съ церковно-славянскимъ во главѣ, имѣютъ массу очень схожихъ между собою словъ и грамматическихъ окончаній. Напр., сходны названія родства: отецъ — по-санскритски *pitar*, по-гречески *πατήρ*, по-латыни *pater*, по-нѣмецки *Vater* и т. п.; мать — санскр. *matar*, греч. *μητήρ*, латин. *mater*, нѣм. *Mutter* и т. д.; братъ — санскр. *b'ratar*, лат. *frater*, нѣм. *Bruder* и др. Сходны числительныя: два — санскр. *dva*, греч. *δύο*, лат. *duo*, готск. *twai* (нѣм. *zwei*) и пр.; три — санскр. *tri*, греч. *τρεις*, лат. *tres*, нѣм. *drei* и т. п. Замѣчается сходство въ спряженіяхъ и склоненіяхъ: есмь — санскр. *asmi*, греч. *εἰμι* (вм. *ἔσμι*), лат. *sum* (вм. *esm*); еси — санскр. *asi*, греч. *εἶσι*, лат. *es*; есть — санскр. *asti*, греч. *ἔστι*, лат. *est*. и т. п. Эти болѣе явныя и многія, такъ сказать, замаскированныя естественными измѣненіями звуковъ сходства объясняются тѣмъ, что всѣ указанные языки родственны между собою, происходятъ отъ общаго праязыка, арійскаго, откуда и ихъ названіе языковъ арійскихъ (индо-европейскихъ или индо-германскихъ, какъ ихъ иначе называютъ). Ими занимается сравнительная грамматика арійскихъ языковъ. Общее происхожденіе могутъ имѣть у разныхъ народовъ и сходныя представленія, напр., мифологическія, что служитъ основаніемъ для сравнительной мифологіи, и т. п.

Въ прежнія времена изъ общаго происхожденія языковъ дѣлали заключеніе и объ общемъ происхожденіи народовъ, которые говорили и говорятъ на этихъ языкахъ, но мы знаемъ, что, напр., общее происхожденіе романскихъ языковъ, т.-е. итальянскаго, французскаго, испанскаго, португальскаго, ладинскаго (на в. Швейцаріи), румынскаго изъ латинскаго отнюдь не доказательство, что народы, на нихъ говорящіе, одного корня: образованію этихъ націй предшествовала романизація

разныхъ племенъ, такъ сказать, чужихъ одно другому, т.-е. процессъ усвоенія ими одного и того же языка, заимствованія ими у римлянъ словъ и т. п. Объ общемъ происхожденіи сходныхъ формъ можно говорить поэтому и тогда, когда онѣ являются не общимъ наслѣдіемъ, напр., разныхъ языковъ, а заимствуются однимъ народомъ у другого. Если алфавиты, которыми пользуются европейскіе народы, въ общемъ между собою сходны, — алфавиты романскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ, равно какъ у финновъ, мадяровъ, грековъ, — то это объясняется ихъ общимъ происхожденіемъ или изъ древне-греческаго, или изъ латинскаго, которые сами имѣли свой корень въ финикійской азбукѣ, причемъ изъ славянъ одни заимствовали свою азбуку у грековъ, другіе — изъ романо-германскаго міра. Такимъ образомъ, сходство тѣхъ или другихъ формъ у разныхъ народовъ въ случаяхъ, подобныхъ указаннымъ, объясняется общимъ происхожденіемъ формъ или въ смыслѣ ихъ унаслѣдованія, или въ смыслѣ заимствованія ихъ одними народами у другихъ.

Въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ заимствованія одними народами у другихъ становятся предметомъ особаго сравнительнаго изученія. Въ видѣ примѣра я сошлюсь здѣсь на примѣненіе этого метода къ исторіи литературы, когда обнаруживается сходство образовъ, сюжетовъ, собственныхъ именъ и т. п. въ произведеніяхъ, принадлежащихъ разнымъ литературамъ. Известны такъ называемыя „странствующія сказанія“, переходившія изъ одной литературы въ другія, восходящія, наприм., къ отдаленнымъ временамъ индійской литературы, изъ которой разными, часто окольными путями онѣ заходили до крайнихъ предѣловъ европейскаго Запада ¹⁾.

¹⁾ Главнымъ представителемъ у насъ сравнительно-историческаго направленія въ изученіи литературы былъ *А-дръ Н. Веселовскій*, ко-

Заимствованія одними народами у другихъ всевозможныхъ бытовыхъ формъ, служащія могучимъ орудіемъ ихъ распространенія по лицу земли, играютъ громадную роль въ исторіи. Подъ эту категорію явленій мы должны подвести и распространеніе, напр., міровыхъ религій (христіанства, магометанства, буддизма) или разныхъ, положимъ, общественныхъ идей (въ наше время, напр., социализмъ), и заимствованія въ области законодательства (въ родѣ знаменитой рецепціи римскаго права въ Западной Европѣ со второй половины среднихъ вѣковъ) или въ области государственныхъ учрежденій (рецепція представительнаго образа правленія изъ Англіи со времени великой французской революціи)¹⁾, равно какъ всѣ случаи усвоенія извнѣ техническихъ или художественныхъ приемовъ и очень еще многого другого.

Во всѣхъ случаяхъ, когда сходство того и другого у отдѣльныхъ народовъ объясняется либо тѣмъ, что они нѣчто сообща унаслѣдовали, либо тѣмъ, что нѣчто одни у другихъ заимствовали, между сходными фактами устанавливается прямая генетическая связь, подобная той, которая существуетъ между кровными родными или лицами, находящимися въ свойствѣ. Иногда даже трудно разграничить, что есть общее наслѣдіе, и что—заимствованіе. Нѣчто, заимствованное однимъ поколѣніемъ, такъ сказать, благопріобрѣтенное имъ, для слѣдующихъ является уже унаслѣдованнымъ. Христіанство составляетъ общее наслѣдіе европейскихъ народовъ отъ греко-римскаго міра, но одни народы (романскіе и греки) являются прямыми его наслѣдниками, другіе же (германцы, славяне, литовцы, мадьяры, финны) его заимствовали у первыхъ. Во

торый сочеталъ сравнительный методъ съ историческимъ (о послѣднемъ см. ниже, въ слѣд. главѣ).

¹⁾ Наприм., японская конституція была прямо составлена по образцу прусской.

всякомъ случаѣ, важно то, что сходные факты здѣсь такъ или иначе имѣютъ общіе корни, и путемъ установленія заимствованій или общности происхожденія можно узнавать о разныхъ историческихъ отношеніяхъ изъ такихъ временъ, изъ коихъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

Всегда ли, однако, бываетъ такъ?

Существуетъ еще масса примѣровъ поразительственнаго сходства, иногда доходящаго почти до тождественности, между бытовыми формами у народовъ, не имѣющихъ общаго происхожденія и не находившихся въ какомъ-либо соприкосновеніи между собою. Особенно много такихъ фактовъ было предметомъ наблюденій этнографовъ. Обычай кровной мести, столь широко распространенный у народовъ разныхъ расъ и подъ разными широтами, но находящихся (или находившихся) на одной ступени развитія, представляетъ собою одно изъ такихъ явленій, для объясненія котораго нѣтъ надобности, а иногда и возможности прибѣгать къ предположеніямъ объ общемъ происхожденіи обычая или о заимствованіи его одними народами у другихъ. То же самое можно сказать о замѣнѣ кровавой мести такъ называемою вирою и т. п. Или взять еще хотя бы знаменитую „вуваду“, встрѣчающуюся во многихъ мѣстахъ обычай, заставляющій отца новорожденнаго ребенка, подобно роженицѣ, ложиться въ постель, стонать и т. п.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ сходство не объясняется ни существованіемъ общаго наслѣдія, ни заимствованіями, остается возможнымъ допустить или чистую случайность совпаденія, или дѣйствіе одинаковыхъ причинъ, приводящихъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Случайныя совпаденія, безъ сомнѣнія, возможны, но изъ того, что одинъ предметъ напоминаетъ своимъ видомъ другой (напр., рыба морской конекъ—лошадь, очертанія вершины горы — лежащаго человѣка) ничего не слѣ-

дуетъ. Притомъ дѣло не во внѣшнемъ подобіи, могущемъ внушить мысль, что китъ есть рыба, а летучая мышь — птица, а въ сходствѣ по существу, хотя бы и не было большого внѣшняго подобія. Одна и та же причина не можетъ приводить сегодня къ одному слѣдствію, завтра къ другому, чтобы, наприм., кипяченіе воды одинъ разъ превратило ее въ паръ, въ другой разъ — въ ледъ, въ третій совсѣмъ не измѣнило ея температуру, въ четвертый разложило ее на ея элементы, а въ пятый сдѣлало изъ нея масло и мало ли еще что. Одинаковыя причины не могутъ не породить одинаковыхъ слѣдствій, сходныя условія — не содѣйствовать возникновенію сходныхъ явленій. Сравнительное изученіе сходныхъ фактовъ въ жизни разныхъ народовъ можетъ руководствоваться и такимъ общимъ соображеніемъ, но тогда ставятся уже и разрѣшаются задачи не чисто историческія, а входящія въ компетенцію соціологіи. Слѣдуетъ поэтому въ сравнительномъ изученіи различать сравнительно-историческое и сравнительно-соціологическое: оба пользуются для сравненія историческими (или этнографическими) фактами, но историка интересуютъ лишь факты, между которыми можно установить генетическую связь, соціолога же преимущественно факты, свидѣтельствующіе о наличности въ каждомъ примѣрѣ одинаковой причины, приводящей къ одинаковому слѣдствію¹⁾. Два человѣка, разрѣшающіе одну и ту же практическую задачу, могутъ поступить одинаково или потому, что обоихъ кто-либо такъ научилъ поступать, или потому что изъ нихъ одинъ перенялъ это у другого, или потому, что, будучи поставлены въ одинаковыя условія, они должны были посту-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи, напр., сравнительно-соціологическій методъ М. М. Ковалевскаго отличается отъ сравнительно-историческаго метода А. Н. Веселовскаго. Ср. примѣчанія на стр. 187 и 189—190.

пить именно такимъ образомъ, а не иначе. Конечно, для познанія человѣческой психики вообще третій случай важнѣе двухъ первыхъ: такъ дѣло и обстоитъ въ социологіи по отношенію къ социальнымъ фактамъ вообще.

Сравнительное изученіе историческихъ фактовъ представляетъ собою мостъ, перекинутый съ берега исторіи на берегъ социологіи. Оно можетъ служить и задачамъ историческаго (идіографическаго) знанія и цѣлямъ знанія социологическаго (номологическаго). Здѣсь насъ интересуетъ только первое.

При помощи сравнительно-историческаго метода мы можемъ судить, въ случаѣ наличности общаго наслѣдія у разныхъ народовъ, о тѣхъ временахъ, о которыхъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ. Сравнительное изученіе языковъ, вѣрованій, обычаевъ и т. д. арійскихъ народовъ позволяетъ намъ пролить свѣтъ на праарійскую старину. Существованіе сходныхъ словъ въ столь отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, какъ Индія и Ирландія (кельтскій языкъ—тоже арійскаго корня), свидѣтельствуешь о томъ, что эти слова существовали въ арійской прародинѣ, и, слѣдовательно, существовали понятія, ими обозначаемыя, были извѣстны предметы, такъ называвшіеся. Уже давно дѣлаются попытки установленія праарійскаго словаря, при помощи котораго можно было бы узнать главное о бытѣ физическихъ и духовныхъ предковъ этихъ народовъ—какія, на примѣръ, были у нихъ религіозныя вѣрованія, была ли у нихъ опредѣленная форма семьи, чѣмъ они занимались, какія домашнія животныя были имъ извѣстны и т. д. Конечно, въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ многое остается довольно-таки проблематичнымъ, какъ и въ другихъ случаяхъ изслѣдованія скрытыхъ фактовъ. Изъ этой же лингвистической палеонтологіи, въ основѣ которой лежитъ сравнительное изученіе языковъ, ученые спеціалисты дѣ-

лаютъ также выводы о мѣстонахожденіи арійской пра-
родины, о той послѣдовательности, въ какой происходило
раздѣленіе пранарода на отдѣльныя вѣтви. И здѣсь, опять-
таки, много гипотетическаго и спорнаго, но кое-что уже
и внѣ спора. Такимъ же методомъ создаются заключенія
о старинѣ прагерманской или праславянской, т.-е. пу-
темъ сравнительнаго изученія языковъ, обычаевъ, обря-
довъ, повѣрій и т. д. разныхъ германскихъ или разныхъ
славянскихъ народовъ.

Результаты сравнительнаго изученія заимствованій
также весьма цѣнны для историка, ибо часто обнаружи-
ваютъ такія реальныя связи, о которыхъ не имѣется
прямыхъ свидѣтельствъ. Японская конституція, какъ
извѣстно, была составлена по образцу прусской, но такъ
какъ это случилось при полномъ свѣтѣ исторіи, то, во-
первыхъ, доказать это очень просто, а во-вторыхъ, и на-
добности нѣтъ ссылаться на этотъ фактъ для доказательства
того, что японцы въ концѣ XIX в. находились въ сно-
шеніяхъ съ Европой и могли быть знакомы съ Пруссіей.
Другое дѣло—времена отдаленныя, которыя для насъ „по-
крыты мракомъ неизвѣстности“. Находка гдѣ-нибудь въ
землѣ, при археологическихъ раскопкахъ, монеты, ста-
туетки, вазы, надписи иноземнаго происхожденія дока-
зываетъ, что нѣкогда—и именно въ такихъ-то вѣкахъ—
между обѣими странами существовали связи, наприм.,
торговья сношенія, а при бѣльшемъ количествѣ такихъ
находокъ можно опредѣлить, на какую территорію эти связи
распространялись и даже какъ постепенно расширялись
съ теченіемъ времени ея предѣлы. Совершенно такое
же значеніе для установленія существованія сношеній
между разными странами въ древнія времена имѣетъ
изученіе заимствованій, открываемыхъ изслѣдованіемъ
сходныхъ чертъ въ ихъ быту, буде послѣднія имѣютъ
не иное происхожденіе. Какъ это особенно часто бываетъ

при сравнительномъ изученіи „странствующихъ сказаній“, такимъ именно способомъ опредѣляются общіе пути распространенія культурныхъ вліяній.

Нерѣдко сравнительно-аналитическимъ путемъ устанавливается заимствованіе тамъ, гдѣ раньше видѣли нѣчто исконное и самобытное. Изслѣдованіе генезиса даннаго явленія, наприм., бытовой формы вообще или въ частности какого-либо учрежденія—одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ исторіи, но въ жизни каждаго народа далеко не все, чѣмъ и какъ онъ живетъ, бываетъ найдено и сдѣлано имъ самимъ. Въ однихъ случаяхъ мы хорошо знаемъ, что кѣмъ и у кого было заимствовано, чему у кого кто подражалъ, но въ другихъ заимствованія открываются только послѣ кропотливаго сравнительнаго изслѣдованія, доказывающаго, что въ данномъ случаѣ было заимствованіе. Этимъ устанавливаются факты культурнаго вліянія однѣхъ странъ на другія. Въ видѣ примѣра можно сослаться на послѣднія историческія работы, указывающія, насколько египетскіе образцы птолемеевой эпохи оказывали вліяніе на политическую организацію первыхъ временъ Римской имперіи ¹⁾.

До сихъ поръ рѣчь у насъ шла о сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ сходныхъ фактовъ, будутъ ли то слова или грамматическія формы разныхъ языковъ, начертанія буквъ или послѣдовательность ихъ расположенія въ азбукахъ, какіе-либо обычаи, повѣрья, установленія и т. п., но вѣдь, кромѣ того, могутъ сравниваться между собою и цѣлые историческіе процессы въ ихъ обобщенныхъ и отвлеченныхъ формулировкахъ. Многія вещи лучше познаются по сравненію съ другими, имъ однородными: иная черта не такъ ярко выражена въ вещи А, какъ въ

¹⁾ Кое-что указано въ моихъ „Монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра“, стр. 242—243, 278—281 и др.

вещи *B*, или, наоборотъ, въ вещи *A* есть черта, отсутствующая въ вещи *B* и тѣмъ лучше первую оттъвняющая. Можно, конечно, и сразу сравнивать нѣсколько предметовъ, опять-таки находя между ними, при всемъ ихъ сходствѣ, и черты различія и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Предпринимая такое сравненіе, соціологъ будетъ интересоваться установленіемъ общей истины, касающейся всѣхъ однородныхъ предметовъ распространительно и внѣ тѣхъ, которые были взяты въ расчетъ, тогда какъ историкъ, кромѣ того общаго, что можно сказать о данномъ кругѣ сравниваемыхъ процессовъ, будетъ имѣть въ виду и то еще, что характеризуетъ и каждый данный предметъ въ отдѣльности. Возможно и вполнѣ позволительно сосредоточить свое вниманіе лишь на единичномъ процессѣ, а остальные привлечь къ сравненію не только не ради какой-нибудь общей истины, но даже и не для самихъ привлеченныхъ примѣровъ, а лишь ради именно одного, индивидуальныя особенности котораго лучше всего оттъвняются сравненіемъ съ другими однородными процессами.

Историческія параллели нерѣдко бываютъ очень поверхностными, не заходящими въ глубину вещей. Таково было знаменитое сравненіе французской исторіи съ англійскою, бывшее въ ходу во Франціи въ эпоху реставраціи: въ Англии была революція, во Франціи тоже; въ Англии былъ казненъ король, во Франціи тоже; въ Англии на время установилась республика, во Франціи тоже; въ Англии главою государства сдѣлался военный вождь, во Франціи тоже; въ Англии произошла реставрація старой династіи, во Франціи тоже,—а нѣкоторые затѣмъ пророчествовали: какъ въ Англии произошла вторая революція, замѣнившая прежнюю династію новою, такъ должна и во Франціи произойти новая революція. Переворотъ 1830 г., бывшій какъ бы французскимъ

повтореніємъ второй англійской революціи, даже подтвердилъ лишнимъ фактомъ найденную аналогію, и все-таки она не имѣетъ научнаго значенія: двухъ сходныхъ послѣдовательностей фактовъ слишкомъ мало для вывода такого-либо общаго закона для всѣхъ революцій, да и въ исторіи самой Франціи англійская параллель ничего не объясняетъ, ибо во всемъ, что здѣсь было сопоставлено, столько пунктовъ различія, что обѣ великія революціи, англійская середины XVII в. и французская конца XVIII столѣтія, при внимательномъ изученіи окажутся очень непохожими одна на другую, не смотря на сходство нѣкоторыхъ частныхъ (политическій фанатизмъ индепендентовъ и якобинцевъ, разгонъ Кромвелемъ долгаго парламента и 18 брюмера и др.). Внешнее сходство можетъ быть совершенно случайнымъ, какъ, напр., то, что во время реставрацій въ Англии и во Франціи было по два короля, что это были не отецъ и сынъ, а старшій и младшій братья, что оба короля, лишившіеся престола бѣжали, или то, что въ самой Франціи сыновья королей, низложенныхъ революціями въ 1830 и въ 1848 г., умерли раньше этихъ переворотовъ и не отъ болѣзни, и что наследниками обоихъ изгнанныхъ королей были ихъ малолѣтніе внуки.

Сравнительное изученіе однородныхъ историческихъ процессовъ въ двухъ или нѣсколькихъ странахъ можетъ служить не только цѣлямъ исторической генерализаціи, но и цѣлямъ лучшаго пониманія отдѣльныхъ разновидностей одного и того же общаго историческаго явленія. Рядъ сосѣднихъ странъ, находящихся во взаимодействіи и объединенныхъ нѣкоторыми общими имъ всѣмъ (или части ихъ) бытовыми условіями, чаще всего можетъ оказываться переживающимъ одинаковыя движенія и перемѣны, но каждая страна переживаетъ одно и то же не такъ, какъ другая, а по-свѣдому, въ зависимости отъ

мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Историка могутъ интересовать одинаково и сходства, и различія, и если въ первомъ отношеніи онъ пользуется приемами сравнительнаго изученія для обобщеній въ смыслѣ подведенія частныхъ случаевъ подъ общія формулы, то во второмъ отношеніи онъ будетъ сравнивать между собою эти случаи, какъ мѣстные варианты одного и того же процесса, въ видахъ лучшаго уразумѣнія самобытныхъ чертъ каждаго въ отдѣльности. Представленіе о сравнительномъ методѣ, какъ объ исключительномъ изученіи сходствъ въ цѣляхъ обобщенія, — представленіе, существующее, кстати сказать, у многихъ, — ошибочно, и какъ-разъ сравненіе пунктовъ различія помогаетъ схватывать все своеобразіе отдѣльныхъ частныхъ случаевъ и тѣмъ лучше понимать мѣстные, индивидуализирующія причины, условія, обстоятельства.

Сравнительная исторія ¹⁾ особенно умѣстна въ такихъ случаяхъ, какой представляетъ собою прошлое народовъ Западной Европы. Это или народы, исторія которыхъ составляетъ продолженіе исторіи Западной Римской имперіи, распавшейся на отдѣльныя государства, или народы, позднѣе примкнувшіе къ романскому міру, подчинившіеся его политическому и экономическому вліянію, воспринявшіе изъ него начала своей гражданственности и образованности, усвоившіе его религіозныя вѣрованія и вошедшіе въ составъ его церковной организаціи. Въ отдѣльныхъ частяхъ этого историческаго міра происходили параллельные процессы: и взаимодействія римскихъ и германскихъ началъ, и феодальнаго разложенія государства, и возрожденія городского быта, и возникновенія сословно-

¹⁾ Это выраженіе не мною выдуманно: я довольно часто встрѣчалъ его, преимущественно во французской литературѣ (*histoire comparée*).

представительныхъ собраній и т. д. Общими же движеніями являются здѣсь потомъ гуманизмъ, религіозная реформація, католическая реакція, установленіе королевскаго абсолютизма, раціоналистическое „просвѣщеніе“, такъ называемый „просвѣщенный абсолютизмъ“, революціи во имя политической свободы, а въ наше время и социализмъ. Общія бытовія начала, унаслѣдованныя отъ Западной Римской имперіи, и взаимодѣйствія отдѣльныхъ народовъ, заимствовавшихъ другъ у друга бытовія формы, при близкомъ своемъ сосѣдствѣ, постоянныхъ связяхъ и общности нѣкоторыхъ условій географическихъ, экономическихъ и т. п., позволяютъ намъ разсматривать этотъ историческій міръ, какъ одно цѣлое съ общею для всѣхъ исторіей. И въ то же время мы видимъ, что исторія каждой страны, исторія Франціи, Италіи, Германіи, Англии и пр. строго индивидуальна, и что общія для всѣхъ явленія варьируются по мѣстамъ самыми различными способами. Религіозная реформація происходила въ большей части государствъ Западной Европы въ XVI в., и вездѣ ея причины, силы, въ ней участвовавшія, ея руководящіе принципы, имѣли много общаго, но эти общіе факторы дѣйствовали въ неодинаковыхъ сочетаніяхъ и вмѣстѣ съ факторами чисто мѣстнаго значенія. Сравнительная исторія реформаціи въ разныхъ странахъ и подчеркиваетъ эти различія, рельефнѣе выступающія при сопоставленіи съ другими направленіями, какія принимало одно и то же движеніе. Вся западно-европейская исторія, повторяю, отъ образованія варварскихъ королевствъ до новѣйшаго социальнаго движенія представляетъ собою широкое поле для примѣненія пріемовъ сравнительной исторіи ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробно о возможности обобщеннаго и въ то же время сравнительнаго изученія исторіи западно-европейскихъ народовъ см. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, особенно въ I главѣ перваго тома (объ общинномъ

Такимъ же субъектомъ для сравнительной исторіи является міръ греческихъ государствъ-городовъ со всѣми этими Милетами, Афинами, Коринѳами, Сиракузами и т. п. Уже въ древности Аристотель и Полибій обобщали переходы греческихъ государствъ-городовъ отъ однѣхъ политическихъ формъ къ другимъ, но это—общія схемы, отклоненія отъ которыхъ лучше всего познаются изъ детального сравненія отдѣльныхъ примѣровъ.

Во всѣхъ случаяхъ сравнительнаго изученія такихъ коллективностей, какъ греческій міръ, Западная Европа и пр., будетъ ли сравненіе направлено на выработку обобщающихъ формулъ или на индивидуализацію мѣстныхъ варіацій, изученіе остается идиографическимъ, поскольку и греческій міръ въ его цѣломъ, и Западная Европа въ ея цѣломъ даны намъ въ исторіи лишь по одному разу.

Изучая историческую литературу, мы часто наблюдаемъ, что историки, случается, прибѣгаютъ къ сравненіямъ прошлаго одной страны съ прошлымъ другихъ то въ цѣляхъ обобщенія, то, наоборотъ, въ цѣляхъ обособленія. Одною изъ традицій русской національной исторіографіи сдѣлалось противопоставлять наше прошлое прошлому западно-европейскому, подчеркивать своеобразие путей нашего историческаго развитія. При этомъ не принималось въ расчетъ ни то, во-первыхъ, что европейскій Западъ отнюдь не представляетъ собою чего-либо однороднаго, ни то, во-вторыхъ, что вообще исторія всякой страны складывается своеобразно, что французскіе историки также имѣютъ право противопоставлять исторію своей родины исторіи Англіи или Германіи, какъ поступаютъ и англійскіе историки, и нѣмецкіе по отношенію къ

разсмотрѣнн), въ 1 главѣ второго тома (о сравнительномъ изученіи исторіи реформаціи въ разныхъ странахъ) и др.

своимъ отечествамъ. Пункты сходства и пункты различія въ сравниваемыхъ исторіяхъ бываютъ распределены крайне неравномѣрно, могутъ имѣть весьма неодинаковую важность, встрѣчаются въ самыхъ пестрыхъ комбинаціяхъ, и предвзятая мысли въ ту или другую сторону бываютъ чрезвычайно вредны, когда въ погонѣ за обобщеніями или, наоборотъ, въ стремленіи во всемъ находить одну самобытность изслѣдователи закрываютъ глаза на неудобные имъ факты.

У насъ давно было рѣшено, что на Руси не было ничего подобнаго западному феодализму, и даже говорить въ иномъ смыслѣ считалось признакомъ дурного вкуса. Такое отрицательное рѣшеніе вопроса было основано больше на общихъ соображеніяхъ, нежели на детальномъ сравненіи русскихъ бытовыхъ формъ извѣстнаго періода съ составными элементами западнаго феодализма, который самъ тоже былъ одинъ во Франціи, другой въ Германіи, третій въ Англии и т. д., а иногда отличался и по областямъ одной и той же страны. Когда палка согнута въ одну сторону, ее часто, желая выпрямить, перегибаютъ въ другую сторону, и, конечно, было бы ошибкою стараться доказать, что у насъ былъ такой же феодализмъ, какъ на Западѣ, со всѣми его атрибутами. Сравнительная исторія должна соблюдать мѣру, если хочетъ не сходить съ научной почвы¹⁾. Нужно ожидать, что сравнительное изученіе русскаго прошлаго съ прошлымъ западныхъ народовъ принесетъ пользу и самому пониманію того, что въ этомъ прошломъ было, дѣйствительно, своеобразнымъ.

¹⁾ См. мою книгу „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи“? (1910), написанную по поводу работы Павлова-Сильванскаго въ этой области. Имѣю въ виду въ своей ссылкѣ не столько, конечно, существо вопроса, сколько разныя методологическія соображенія, которыя вызываются сравненіями Павлова-Сильванскаго.

Сравнительный методъ въ цѣляхъ историческихъ обобщеній въ одной категоріи случаевъ можетъ быть названъ типологическимъ, когда примѣняется къ изученію отдѣльныхъ типовъ, подъ которые могутъ быть подведены отдѣльныя человѣческія общества. Кромѣ анатоміи человѣка, лошади, воробья, осетра, лягушки и т. п., есть еще сравнительная анатомія, объединяющая отдѣльные виды животнаго царства въ разные классы. Можно говорить объ анатоміи млекопитающихъ вообще и дать общую схему ихъ скелета, подъ которую одинаково должны будутъ подойти и китъ, и летучая мышь, но которой вполнѣ не будетъ соответствовать ни одинъ изъ этихъ видовъ. Такая же общая схема можетъ быть дана и для типа всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, но и эта схема, еще болѣе общая, равнымъ образомъ, будетъ охватывать всю совокупность животныхъ позвоночныхъ, и конечно, не будетъ точно соответствовать ни одному отдѣльному ихъ виду.

Подобные типы можно установить, наприм., по отношенію къ политическимъ организаціямъ человѣческихъ обществъ въ связи съ ихъ социальнымъ строемъ. Такими типами были деспотіи древняго Востока, государства-города античнаго міра съ ихъ гегемоническими федераціями, средневѣковыя помѣстья-государства и сословныя монархіи и т. д. вплоть до современныхъ конституціонныхъ государствъ ¹⁾. Типологическое изученіе, конечно,

¹⁾ Въ духѣ того, что говорится въ текстѣ, мною было прочитано, въ 1902 и слѣд. годахъ, въ Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ, и издано пять „типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта“ подъ заглавіями: „Государство-городъ античнаго міра“, „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра“, „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“, „Западно-европейская абсолютная монархія XVI—XVIII вѣковъ“ и „Происхожденіе современнаго народно-правового государства“. Въ этихъ

является не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ способовъ примѣненія къ историческимъ фактамъ сравнительнаго метода, который вообще отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ какого-нибудь ограниченнаго шаблона.

XII. Историзмъ въ гуманитарныхъ и соціальныхъ наукахъ.

Пользованіе въ научныхъ цѣляхъ историческою точкою зрѣнія, историческимъ матеріаломъ и историческимъ методомъ можно вообще называть „историзмомъ“. Историческая точка зрѣнія заключается во взглядѣ на явленія жизни, какъ на нѣчто, находящееся въ постоянномъ процессѣ становленія (*im Werden*, какъ выражаются нѣмцы) и измѣненій, а не какъ на нѣчто неподвижное и всегда себѣ равное, въ желаніи понимать жизненные отношенія путемъ изслѣдованія ихъ происхожденія и прослѣживанія ихъ развитія. Историческая точка зрѣнія есть, такимъ образомъ, по существу своему точка зрѣнія генетическая и эволюціонная, и тотъ, кто на нее становится, тѣмъ самымъ показываетъ, что его не удовлетворяютъ знаніе вещей, взятыхъ въ неподвижности отдѣльныхъ моментовъ ихъ бытія, и подведеніе ихъ подъ неизмѣнныя отъ вѣка и до вѣка категоріи. Становясь на историческую точку зрѣнія, ученые, теоретически изучающіе языки или литературы, государственныя устройства или факты законодательства, конечно, нуждаются, прежде всего, въ историческомъ матеріалѣ, т.-е. въ ма-

курсахъ имѣются и общія соображенія о типологическомъ изученіи, имѣющемъ характеръ переходнаго отъ историческаго къ соціологическому, но кромѣ того, этому предмету я посвятилъ особую статью; названную выше (стр. 38) подъ № 76.

теріалъ фактическомъ, безъ котораго ни одна наука не можетъ ступить и шага, и притомъ не столько въ фактахъ, даваемыхъ современностью, сколько въ фактахъ прошлаго, относящихся къ другимъ временамъ, существовавшихъ въ иныхъ условіяхъ, характеризующихъ разныя ступени развитія. Разъ лингвистъ или теоретикъ литературы, государствовѣдъ или юристъ обладаютъ такимъ матеріаломъ, они, понятное дѣло, и обрабатывать его должны не иначе, какъ историческимъ методомъ, устанавливая каузальныя и эволюціонныя связи, сравнивая и обобщая въ интересахъ болѣе глубокаго теоретическаго пониманія.

Историзмъ и по своей основной точкѣ зрѣнія, и по особенностямъ своего матеріала, и по методу своему, можно сказать, имѣетъ своего антипода въ раціоналистическомъ теоретизмѣ, стоящемъ на точкѣ зрѣнія неподвижнаго бытія и неизмѣнныя категорій, болѣе опирающагося на общія соображенія, нежели на факты, и потому имѣющаго характерную склонность къ пользованію преимущественно дедуктивнымъ методомъ.

Особенною анти-историчностью, какъ извѣстно, отличалось мышленіе XVII и XVIII вв. Это было время вѣры въ существованіе незыблемыхъ началъ, лежащихъ въ основѣ разныхъ явленій жизни,—началъ, которыми объясняли существующее и въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматривали нормы должнаго. Въ первомъ отношеніи это были начала, по тогдашней терминологіи, „естественныя“, во второмъ — начала „разумныя“. Выраженія „естественная религія“, „естественная мораль“, „естественное право“, „естественный порядокъ“ экономистовъ, называвшихъ себя фізіократами (фізіократія значитъ господство природы, т.-е. естественныхъ отношеній), „естественный законъ“ (въ особомъ смыслѣ слова),—все это термины тогдашняго раціоналистическаго мышленія,

видѣвшаго существенный атрибутъ естественности въ разумности, т.-е. въ соотвѣтствіи съ идеями разума. На почвѣ понятій такого рода сложилось и столь популярное въ тѣ времена представленіе объ „естественномъ состояніи“, бывшее продуктомъ чисто абстрактнаго конструирования первобытнаго состоянія человѣчества.

Раціоналистическіе мыслители оперировали или исключительно надъ отвлеченными понятіями, всюду и вездѣ приложимыми, или надъ ограниченнымъ фактическимъ и идейнымъ матеріаломъ. Общая философская грамматика, искавшая основныхъ законовъ грамматическаго строя языковъ, обобщала и возводила на степень принциповъ данныя латинской и французской грамматикъ. Ложно-классическая поэтика устанавливала общія правила красоты и вкуса на примѣрахъ античности, а общая эстетика строилась на чисто отвлеченныхъ разсужденіяхъ, какъ будто въ области литературы и искусствъ возможны были неизмѣнныя нормы, и „правильный“ вкусъ всегда былъ подчиненъ однимъ и тѣмъ же предписаніямъ. Естественное ученіе о правѣ строилось на римской юриспруденціи, причемъ римское право принималось какъ бы за „писанный разумъ“ (*ratio scripta*). По образцу естественнаго права фізіократы стремились открыть свой „естественный порядокъ человѣческихъ обществъ“, пригодный, такъ сказать, для всѣхъ странъ и временъ. Лучшимъ способомъ открытія „естественнаго“ въ разныхъ областяхъ жизни считалось дедуктивное разсужденіе, при помощи котораго и построилъ, наприм., свою систему родоначальникъ политической экономіи Адамъ Смитъ. Такъ какъ, однако, разсуждать о реальныхъ отношеніяхъ безъ знанія какихъ-либо конкретныхъ формъ, невозможно, то во многихъ отношеніяхъ Адамъ Смитъ исходилъ изъ наблюденій надъ экономическими явленіями современной ему Англіи: послѣднія сослужили ему такую же службу,

какую для философствовавшихъ грамматистовъ—данныя латинскаго или французскаго языковъ, для теоретиковъ естественнаго права—римское право, для литературныхъ критиковъ античная поэзія и т. п.

Точка зрѣнія всѣхъ такихъ теоретическихъ конструкцій была уже по одному тому анти-историчной, что цѣлью ихъ было формулированіе абсолютныхъ истинъ, тогда какъ историческая точка зрѣнія есть точка зрѣнія относительности явленій, обусловленности ихъ мѣстомъ и временемъ. Абсолютность—синонимъ неизмѣнности, а исторія вся въ перемѣнахъ. Если даже раціоналисты, вынужденные зрѣлищемъ историческихъ перемѣнъ, и пытались давать формулы извѣстныхъ процессовъ, то опять-таки считали возможнымъ строить ихъ чисто умозрительнымъ методомъ, не чувствуя потребности въ историческомъ матеріалѣ или привлекая историческіе факты лишь въ видѣ конкретныхъ примѣровъ для отдѣльныхъ положеній своихъ конструкцій. Т.-е. и самое пользованіе историческими фактами было неисторическимъ: мысль шла не отъ фактовъ къ выводамъ, а отъ общихъ положеній къ фактамъ, которые должны были не столько доказывать правильность выводовъ, сколько иллюстрировать разныя апріорныя положенія въ качествѣ конкретныхъ примѣровъ.

Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать вопросъ о томъ, какъ въ XIX в. историзмъ овладѣлъ изученіемъ языковъ, литературъ, художествъ, религій, права, народнаго хозяйства и т. п., а именно лишь въ XIX в. произошло проникновеніе исторической точки зрѣнія, историческаго матеріала и историческаго метода въ такія спеціальныя отрасли научнаго знанія, которыя прежде какъ бы даже чуждались всего историческаго. Если въ дальнѣйшемъ будутъ приведены примѣры историзма въ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинахъ нашего времени, то, главнымъ

образомъ, потому, что историзированіе этихъ дисциплинъ не могло, какъ увидимъ ниже, не отразиться на расширеніи задачи самой исторической науки.

Въ наше время уже невозможна всеобщая грамматика. Ее замѣнила лингвистика, опирающаяся на громадный фактическій матеріаль, получаемый путемъ историческаго и сравнительнаго изученія языковъ (а за послѣднее время и путемъ непосредственныхъ наблюденій, даже при помощи особыхъ приборовъ). Современные ученые отказались отъ взгляда на грамматическія понятія, какъ на переведенныя въ область языка логическія категоріи. Каждый языкъ есть сложная культурная форма очень различнаго, тамъ и здѣсь, происхожденія и измѣняющаяся во времени параллельно съ другими бытовыми формами. Къ языку даже была примѣнена—и очень при этомъ рано—идея органическаго развитія.

Теорія словесности и въ частности поэтика перестали быть ученіями о неизмѣнныхъ родахъ и видахъ и канонами вкуса, изящества и красоты. Современная наука давнымъ-давно оставила такую точку зрѣнія и самую задачу, наприм., общей теоріи поэзіи поняла, какъ совокупность итоговъ, получаемыхъ въ результатѣ только историческихъ изученій ¹⁾).

¹⁾ Самымъ виднымъ представителемъ въ русской наукѣ идеи историзма въ теоріи литературы былъ покойный *Ан-дръ Н. Веселовскій*, высказавшій основную свою мысль еще въ 1870 г. (въ своей первой лекціи), хотя онъ и не далъ ей полного методологическаго развитія, т.-е. только попутно дѣлалъ въ этомъ смыслѣ замѣчанія, главнымъ образомъ, примѣняя свой методъ на практикѣ. Цѣлью своихъ изслѣдованій онъ ставилъ, именно, „собрать матеріаль для индуктивной поэтики, которая устранила бы ея умозрительныя построенія, для выясненія сущности поэзіи изъ ея исторіи“. Изъ введенія въ историческую поэтику (*Ж. М. Нар. Пр.* 1894, V, 221). Ср. также хотя бы только одно заглавіе статьи его: „Исторія или теорія романа“ (въ книгѣ „Изъ исторіи романа и повѣсти“). Мнѣ неразъ

Въ области юриспруденціи уже около ста лѣтъ тому назадъ въ видѣ реакціи противъ отвлеченной и абсолютной естественно-правовой теоріи возникла историческая школа права, указавшая и на своеобразіе отдѣльных національных законодательствъ, и на измѣнчивость каждаго изъ нихъ во времени, съ примѣненіемъ къ праву идеи развитія, даже „органическаго“ развитія по образцу языка. Къ этому эволюціонному пониманію права присоединилось и сравнительно-историческое его изученіе, пользующееся, кромѣ историческаго матеріала, равнымъ образомъ и этнографическимъ.

Аналогичное историческое направленіе возникло и въ области экономической науки. Здѣсь уместно упомянуть, что начало ему было положено нѣмецкими политико-экономами около 1840 г., когда ими было обнаружено, что теоремы „классической школы“ Адама Смита, формулированныя въ Англии съ ея болѣе развитымъ хозяйственнымъ строемъ, непримѣнимы къ экономическимъ отношеніямъ Германіи, находившейся тогда на болѣе низкой ступени развитія. Нѣмецкіе экономисты, такимъ

приходилось высказываться въ печати объ историко-теоретическихъ взглядахъ Веселовскаго (см. особенно, стр. 59 и слѣд. „Литературной эволюціи на Западѣ“ и стр. 576 и слѣд. и 591 и слѣд. „Сущности историческаго процесса“), такъ какъ я вообще интересовался вопросомъ объ историзмѣ въ изученіи литературы (см. мои статьи, указанныя выше, на стр. 33 и 34 подъ №№ 9 и 23, во второй изъ которыхъ тоже идетъ рѣчь о Веселовскомъ). Недавно (1910) г. *Евлаховъ* выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Введеніе въ философію художественнаго творчества“ свой „опытъ историко-литературной методологіи“, въ которомъ находитъ, что научное изученіе литературы „идетъ по ложному пути“, что въ немъ „слишкомъ много исторіи и слишкомъ мало философіи“. Между прочимъ, въ этой книгѣ есть (глава 198—216), гдѣ взгляды Веселовскаго сопоставляются съ моими. Книга, посвященная тѣмъ не менѣе памяти Веселовскаго, стремится, главнымъ образомъ, отграничить исторію литературы отъ исторіи культуры, съ которою ее многіе сливаютъ.

образомъ, ставили экономическія явленія въ зависимость отъ условій времени, а съ этимъ и мѣста, откуда — утвердившееся въ Германіи наименованіе данной науки „національною“ экономіей, — наименованіе, указывающее на обусловленность экономическихъ явленій мѣстными обстоятельствами ¹⁾).

Итакъ, мы видимъ, что въ изученіи и языка, и литературнаго творчества, и права, и экономическихъ явленій старое абстрактно-теоретическое отношеніе замѣнилось или, по крайней мѣрѣ, дополнилось отношеніемъ историческимъ, въ концѣ концовъ, преобразовавшимъ лингвистику, поэтику, юриспруденцію и политическую экономію. Исслѣдованія въ области другихъ культурныхъ категорій испытали на себѣ, равнымъ образомъ, вліяніе историзма.

Примѣромъ этого можетъ еще служить историзмъ въ изученіи того сложнаго элемента духовной культуры, который называется религіей. Теоретическое отношеніе къ религіи прежде было исключительно богословскимъ, т.-е. такимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ истинности или ложности разсматриваемыхъ религіозныхъ представленій и формулъ съ точки зрѣнія опредѣленныхъ догматовъ. Такъ называемая философія религіи стояла, въ сущности, на той же точкѣ зрѣнія. Въ современной наукѣ религія начала разсматриваться, какъ одно изъ душевныхъ переживаній (психологическая точка зрѣнія) и какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ культуры, имѣвшихъ весьма разнообразныя историческія формы, познаніе которыхъ является наилучшимъ путемъ для объективнаго пониманія религіи въ ка-

¹⁾ См. выше (стр. 35) статьи подъ №№ 38, 39 и 44, въ которыхъ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и политической экономіи.

чествѣ важнаго общественнаго явленія. Старая философія религіи все болѣе и болѣе переходитъ въ историко-теоретическое изслѣдованіе разнообразныхъ формъ религіи и ихъ эволюціи.

Историзмъ не признаётъ неподвижнаго бытія и всякую замѣчаемую нами неподвижность принимаетъ лишь, какъ моментъ, какъ временное состояніе при переходѣ отъ прежняго къ новому, откуда и относительность теоретическихъ построеній, касающихся разныхъ элементовъ культуры. Эта точка зрѣнія съ конца XVIII в. стала проникать и въ естественныя науки, начавшія разсматривать свои объекты не *sub specie aeternitatis*, т.-е. не какъ нѣчто вѣчное въ своемъ постоянствѣ. Канто-лапласовская гипотеза генезиса солнечной системы изъ первобытной „туманности“ была первымъ шагомъ по пути къ разсмотрѣнію вселенной съ точки зрѣнія эволюціи. Второй шагъ сдѣланъ былъ въ первой половинѣ XIX в. Ляйлемъ, взглянувшемъ глазами историка-эволюціониста на прошлое земной коры и тѣмъ произведшаго цѣлый переворотъ въ геологіи. Наконецъ, третій шагъ, въ самой серединѣ прошлаго столѣтія, сдѣлалъ Дарвинъ, указавшій на измѣнчивость животныхъ и растительныхъ видовъ и основавшій ученіе о трансформизмѣ въ органической природѣ.

Для лучшаго уразумѣнія разницы между историзмомъ и умонастроеніемъ, которое стало имъ вытѣсняться, можно сравнить послѣднее съ метафизикой Платона, берущей міръ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ представляется въ системахъ двухъ философовъ XIX в., Гегеля и Спенсера, какъ ни различны обѣ эти системы въ другихъ отношеніяхъ. Для Платона міръ окружающихъ насъ явленій былъ отображеніемъ міра истинно сущаго, и всѣ, видимые нами предметы лишь несовершенными копіями ихъ сверхчувственныхъ первообразовъ, идей,

какъ неизмѣнныхъ, всегда себѣ равныхъ сущностей. Другими словами, Платонъ мыслилъ міръ въ самомъ его существѣ, какъ неподвижное бытіе. Наоборотъ, то, что Гегель прозрѣвалъ за внѣшнею видимостью вещей, онъ понималъ, какъ нѣкоторый процессъ, какъ постоянное движеніе впередъ и переходъ стараго въ новое. Спенсеръ изъ эволюціи, равнымъ образомъ, сдѣлалъ основной законъ всего сущаго.

Старыя теоріи были неисторическими и даже анти-историческими, новыя теоріи характеризуются именно своею историчностью. На самомъ дѣлѣ, теорія и исторія не суть двѣ непримиримыя вещи: наоборотъ, отсутствіе въ теоріи историчности, — разъ теорія объясняетъ вещи, имѣющія исторію, — можно разсматривать, какъ существенный недостатокъ теоріи, лишающій ее научнаго значенія, тогда какъ историзмъ теоріи, — разъ ему въ ней есть мѣсто, — является одною изъ гарантій того, что теорія стоитъ на вѣрномъ научномъ пути. Съ другой стороны, и историческое изученіе бываетъ и совсѣмъ лишеннымъ всякой теоретичности въ смыслѣ пользованія общими понятіями и обобщающими формулами, и, напротивъ, сильно проникнуто теоретическимъ духомъ. Нѣтъ надобности пояснять, въ какомъ изъ этихъ двухъ случаевъ исторія имѣетъ болѣе научный характеръ. Конечно, у исторіи и у теоріи разныя задачи: у первой идиографическая, у второй номологическая, но онѣ обѣ должны идти рядомъ къ одной цѣли — научному знанію. Историзмъ — врагъ только такихъ теорій, которыя имѣютъ апріорныя основы и отворачиваются отъ фактовъ; думаютъ поэтому, что историческимъ изученіемъ совершенно устраняется всякое теоретическое мышленіе, очень неосновательно. Между тѣмъ, — нельзя не отмѣтить это мимоходомъ, — выводы въ этомъ направленіи дѣлались неразъ.

Исторія имѣетъ дѣло либо съ объединенными кол-

лективностями, каковы народы, государства, а также съ отдѣльными ихъ частями, какъ-то провинціями, городами, сословіями, общественными классами и т. п., съ одной стороны, и такими соединеніями странъ и народовъ, какъ античный міръ, Западная Европа, славянство и пр., либо съ разными сторонами ихъ культуры, наприм., религіей, поэзіей, искусствомъ, философіей, государственнымъ строемъ, правомъ, хозяйственнымъ бытомъ, съ другой стороны.

Оставляя пока коллективности въ сторонѣ, рассмотримъ отношенія, существующія въ сферѣ всѣхъ этихъ специфическихъ исторій религіи, философіи, права и т. п.

Въ такихъ специальныхъ штудіяхъ, прежде всего, нужно провести демаркаціонную линію между историками, занимающихся чѣмъ-либо изъ подобныхъ предметовъ, и теологами, философами, юристами, экономистами, вносящими въ свои занятія историческую точку зрѣнія, историческій матеріаль и историческій методъ. Конечно, историку, который занимается вопросами, входящими въ область исторіи религіи, или исторіи конституціоннаго строя, права, хозяйственнаго быта и пр., нужно обладать соотвѣтственными теоретическими знаніями, т.-е. въ данныхъ случаяхъ теологическими, политическими, юридическими, экономическими, какъ и теологи, государствовѣды, юристы и экономисты не могутъ обходиться безъ общаго историческаго образованія. Случается и такъ, что объ иномъ ученомъ специалистѣ трудно бываетъ сказать, кто онъ—историкъ или юристъ, напримѣръ,—до такой степени онъ и то, и другое въ одно и то же время. О несовсѣмъ удачныхъ представителяхъ такого двойственнаго положенія злые языки даже говорятъ такъ, что историки-де считаютъ его за экономиста, а экономисты, наоборотъ, за историка. Какія бы, однако, въ этомъ отношеніи ни возникали комбинаціи, мы все-

таки, какъ-никакъ, отличаемо экономическое направленіе въ исторіи отъ историческаго направленія въ политической экономіи.

Экономистъ, юристъ, государствовѣдъ, философъ и т. д., прежде всего, теоретики народнаго хозяйства, права, государства, вопросовъ гносеологіи, метафизики, этики и т. д., а потому, какъ таковые, должны и въ исторіи того, что составляетъ предметъ ихъ спеціального изученія, больше интересоваться значеніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ для общихъ теорій права, народнаго хозяйства и т. п. Для юриста-теоретика отдѣльные факты въ исторіи права являются частными случаями и примѣрами какихъ-либо общихъ формулъ, и даже тогда, когда общая формула заключаетъ въ себѣ, наприм., историческую схему развитія какого-либо института, въ глазахъ юриста-теоретика она будетъ имѣть номологическую, а не идіографическую цѣну. Историзмъ является для юриста вообще лишь средствомъ по отношенію къ чему-то другому, какъ цѣли, а таковою цѣлью здѣсь будетъ познаніе общей природы права, его значенія въ жизни, путей его развитія. Чѣмъ менѣе, наоборотъ, все это будетъ интересоваться юриста, и его вниманіе будетъ больше привлекаться совокупностью правовыхъ явленій въ данной странѣ, какъ характеризующихъ эту страну культурныхъ формъ правового содержанія, возникновеніемъ ихъ въ данной соціальной средѣ, ихъ развитіемъ въ данныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе юристъ будетъ становиться историкомъ права, и тѣмъ труднѣе будетъ дѣлать различіе между юристомъ по спеціальности, работающимъ исторически, и историкомъ по спеціальности, работающимъ въ области права. Юриспруденція-теорія и юриспруденція-исторія, это двѣ полярности, и между ними мы проводимъ демаркаціонную черту, которую приходится передвигать въ зависимости отъ степени преобладанія въ работѣ спеціа-

листовъ чисто-теоретическаго или чисто-историческаго интереса. Такое же различіе существуетъ между экономической теоріей и экономической исторіей, между теоріей разныхъ искусствъ (музыки, архитектуры, живописи, скульптуры) и ихъ исторіей и т. п. (кромѣ, конечно, еще одного различія между теоріей и практикой, какое существуетъ между самою живописью и ея теоріей, между практическою дѣятельностью судьи, адвоката и т. п. и кабинетнаго изслѣдователя).

Дѣлаясь историкомъ, юристъ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ даже превращаться въ филолога, когда изучаемый имъ памятникъ законодательства, состояніе, въ какомъ до насъ дошелъ текстъ памятника, лексическая его сторона, другія особенности и проч. требуютъ примѣненія особыхъ приѣмовъ изслѣдованія и спеціальныхъ, не юридическихъ знаній. Такъ и историкъ искусства становится археологомъ, когда изучаемое имъ произведеніе искусства является и объектомъ археологіи.

Каждая спеціальная отрасль исторіи можетъ имѣть свою особую методологію, но чисто техническаго свойства, въ зависимости отъ несходствъ между такими предметами изслѣдованія, какъ языкъ и государство, музыка и право, философія и народное хозяйство. Принципіально задачи спеціальныхъ исторій однѣ и тѣ же: констатированіе фактовъ, установленіе между ними генетическихъ связей и, наконецъ, обобщеніе ихъ въ видѣ объединяющихъ формулъ. Различеніе между событіями (прагматическими фактами) и бытовыми (культурными) формами примѣнимо и къ этимъ спеціальнымъ исторіямъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, которые нарочно привожу въ большемъ количествѣ въ виду того, что многими теоретиками исторической науки это различіе ясно не сознается.

Въ исторіяхъ разныхъ сторонъ духовной культуры,

каковы религія, філософія, наука, поезія, отдѣльныя искусства, мы имѣемъ дѣло съ разными школами, направленіями, теченіями, различаемыми по основнымъ чертамъ, ихъ характеризующимъ и тѣмъ самымъ отличающимъ ихъ однѣ отъ другихъ. Религіей народа, является, на примѣръ, или христіанство, или магометанство, или буддизмъ, а въ самомъ христіанствѣ мы различаемъ православіе, католицизмъ, протестантизмъ и т. д. Для историка все это — обособленныя бытскія формы религіи съ отличными одни отъ другихъ догматами, обрядами, учрежденіями. Въ исторіи філософіи мы имѣемъ дѣло съ разными направленіями и школами, которыя называемъ идеализмомъ, матеріализмомъ, позитивизмомъ, платонизмомъ, кантіанствомъ и пр. Совершенно также историки живописи говорятъ о школахъ итальянской, фламандской, французской и т. п., а историки литературы — о классицизмѣ, романтизмѣ, реализмѣ и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ многообразіемъ культурныхъ формъ, варьирующихся отъ народа къ народу и отъ эпохи къ эпохѣ, различныхъ въ отдѣльныхъ вѣроисповѣданіяхъ, философскихъ, литературныхъ, научныхъ и т. д. школахъ. Всѣ эти культурныя особенности характеризуются не только чисто формальными особенностями обрядовъ религіознаго культа, приемовъ художественнаго творчества, способовъ разрѣшенія проблемъ философскаго мышленія, методовъ научнаго познанія и т. п., но и реальнымъ содержаніемъ образовъ, представленій, понятій, формулъ искусства, литературы, філософіи, религіи, да и эти послѣдніе, какъ и чисто формальныя особенности, составляя содержаніе сознанія бдльшаго или меньшаго количества лицъ, объединенныхъ принадлежностью къ одной и той же вѣрѣ или къ одному и тому же направленію въ искусствѣ, въ наукѣ, въ філософіи, являются

отличительными признаками отдѣльныхъ народовъ или группъ художниковъ, писателей мыслителей, ученыхъ.

Задачи историка всѣхъ этихъ формъ съ ихъ содержаниемъ — найти ихъ происхожденіе, прослѣдить ихъ измѣненія, опредѣлить причины послѣднихъ, будутъ ли эти измѣненія происходить незамѣтно и постепенно, или на дальнѣйшее существованіе изучаемыхъ явленій окажетъ вліяніе какое-либо событіе. Религіозная исторія полна такими событіями, въ родѣ выступленій проповѣдниковъ, Магометовъ и Лютеровъ, въ родѣ случаевъ принятія новой вѣры и т. п. Въ исторіи философіи и науки совершаются свои событія, каковыми являются, наприм., — чтобы называть только особенно крупные факты, — обнаруженія трактатовъ Коперника, Декарта или Бэкона, Канта, Дарвина. Каждое научное открытіе есть событіе въ исторіи духовной культуры, и поскольку однимъ открытіемъ обуславливается другое, между этими событіями устанавливается историкомъ генетическая связь.

Въ исторіи государства, права, народнаго хозяйства — то же раздѣленіе. Образъ правленія, реальная совокупность способовъ проявленія власти, писанная конституція, соблюдается ли она или нѣтъ, входятъ въ область бытовыхъ отношеній, т.-е. культуры, въ данномъ случаѣ политической культуры, а революціи, государственные перевороты, это уже — политическіе событія, политическая прагматика. Отъ юридическаго быта въ его реальныхъ и нормативныхъ проявленіяхъ мы такъ же должны отличать событія въ правовой жизни страны, наприм., изданіе гражданскаго кодекса во Франціи въ началѣ XIX в. или введеніе общаго гражданскаго права въ Германіи на нашихъ глазахъ. И экономическая исторія занимается не только хозяйственнымъ бытомъ, но и событіями въ хозяйственной жизни: такими событіями были, наприм., изобрѣтеніе паровой машины и примѣненіе ея къ про-

изводству, законодательная отмѣна цехового строя, тотъ или другой промышленный кризисъ, крупный неурожай и т. д.

XIII. Спеціальныя исторіи и исторія общая.

Существованіе спеціальныхъ исторій философіи, права, литературы, искусствъ объясняется тѣмъ, что есть люди, особенно интересующіеся и занимающіеся этими предметами. Спеціальное дробленіе при этомъ можетъ идти очень далеко, ибо пишутся еще всякія исторіи дипломатіи, областного управленія, прямого обложенія, судоустройства, сельскаго хозяйства, торговли, военнаго дѣла, публицистики, почтовыхъ сношеній, декоративнаго искусства, модъ, промышленной техники и пр. и пр. до безконечности. Такою историческою спеціализаціей осуществляется необходимое въ каждой наукѣ раздѣленіе труда, причемъ отдѣльныя спеціальныя исторіи то близко соприкасаются однѣ съ другими, то наоборотъ, имѣютъ весьма мало между собою общаго, какъ, напр., исторіи языка и литературы или исторіи права и государства, исторіи точныхъ наукъ и техники, съ одной стороны, или исторіи судопроизводства и музыки, исторіи живописи и вексельнаго права и т. п., съ другой.

Въ то же время эти спеціальныя предметы историческаго изученія, рассматриваемыя въ ихъ генезисѣ и эволюціи, не имѣютъ самостоятельнаго существованія, какимъ обладаютъ вещественные предметы. Все это—наши умственныя категоріи, отвлекаемыя нами отъ единства реальной жизни того или другого человѣческаго коллектива. Государство, право, народное хозяйство, религія,

литература, искусство, наука, философія, это—лишь разные стороны исторической жизни, разные категоріи общественнаго быта. Послѣдній, взятый въ его цѣломъ, долженъ быть также предметомъ исторіи, именно общей исторіи нѣкотораго соединенія людей, представляющаго собою извѣстное единство, прежде всего націи или государства, — соединенія, въ которомъ наблюдаются тѣ или другія бытовья формы политическаго, юридическаго, экомическаго и духовно-культурнаго значенія. Каждый народъ, — что весьма естественно, — желаетъ знать свое собственное прошлое, и національная исторіографія у всѣхъ народовъ стоитъ поэтому на первомъ планѣ.

Общая исторія національнаго или политическаго коллектива, понятное дѣло, не можетъ быть простою суммою всѣхъ, какія только имѣются въ наличности въ данный моментъ, специальныхъ исторій, среди которыхъ найдутся и исторіи чего-нибудь въ родѣ народнаго орнамента или государственнаго коннозаводства. Съ точки зрѣнія общей исторіи отечественнаго ли прошлаго или прошлаго любой страны, насъ почему-либо заинтересовавшей, не все для насъ въ этомъ прошломъ одинаково существенно и важно, да и прежде почиталось таковымъ. Весьма интереснымъ было бы прослѣдить, какъ въ разные времена производился выборъ существеннаго въ исторіи ¹⁾. Въ общемъ, на первыхъ порахъ прагматика преобладала надъ культурою, и интересъ сосредоточивался на политическихъ событіяхъ и часто больше на внѣшнихъ, нежели на внутреннихъ. Культура лишь постепенно входила въ содержаніе общихъ исторій, притомъ лишь по частямъ, и, наприм., хозяйственный бытъ былъ одною изъ послѣднихъ темъ, занявшихъ подобающее мѣсто въ общихъ построеніяхъ исторіи отдѣльныхъ

¹⁾ О. В. И. Ф., кн. II, гл. (гл. 5 по 3 изд.).

странъ. Между историками происходитъ нѣчто въ родѣ молчаливаго соглашенія относительно существеннаго и несущественнаго, важнаго и неважнаго, характернаго и нехарактернаго въ событіяхъ и въ бытѣ, составляющихъ историческое прошлое отдѣльныхъ народовъ. Но помимо такого „consensus omnium“ надъ вопросомъ о существѣ или ядрѣ исторической жизни работала и теорія исторической науки, равно какъ соціологія.

Въ отличіе отъ спеціальныхъ историковъ, изолирующихъ предметы своего изученія, общій историкъ долженъ разсматривать главныя стороны историческаго бытія народа не только въ ихъ совокупности, но и въ ихъ взаимоотношеніяхъ: во взаимоотношеніяхъ государства и права, права и народнаго хозяйства, экономики и политики, политики и религіи (государства и церкви), религіи и философіи, философіи и науки, науки и политики (просвѣщенія и власти), ибо въ реальной жизни все это переплетается одно съ другимъ и представляется намъ въ видѣ сложной системы взаимодействій, какъ въ организмѣ. Задачи историка по отношенію къ каждой отдѣльной странѣ и къ каждой отдѣльной эпохѣ состоитъ въ томъ, чтобы разобратся въ этой путаницѣ и пестротѣ жизни, какъ географъ разбирается въ причудливо пересѣкающихся горныхъ кряжахъ, ущельяхъ и долинахъ, сводя все къ немногимъ главнымъ направленіямъ. Отдѣльныя общественныя науки не занимаются изученіемъ взаимоотношеній и взаимодействій политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и духовно-культурныхъ сторонъ народной жизни. Идіографически, по отношенію къ отдѣльнымъ странамъ, этимъ занимается исторія, а номологически, т.-е. въ формѣ общей теоріи должна заниматься этимъ соціологія, отъ которой теорія исторіи уже теперь получаетъ не мало руководящихъ началъ методологическаго характера.

Тому, что такое социология, какой ея предметъ, какая задача, какой методъ и какія въ ней существуютъ направленія, мною посвящена особая книга ¹⁾. Основной взглядъ на социологию, изложенный въ этой книгѣ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Во-первыхъ, социология есть общая наука объ общественныхъ явленіяхъ, которой, какъ спеціальныя науки, соотвѣтствуютъ, главнымъ образомъ, государствовѣдѣніе, юриспруденція, политическая экономія. Одна изъ задачъ социологии—изучать взаимоотношенія между разными категориями общественныхъ явленій, т.-е. явленіями политическаго, юридическаго, экономическаго и духовно-культурнаго характера ²⁾.

Во-вторыхъ, отъ частныхъ социальныхъ наукъ социология отличается и тѣмъ, что является наукою, лишенною прикладнаго характера: это одна изъ чистыхъ наукъ. Именно, государствовѣды, юристы, политико-экономы заняты не только изслѣдованіемъ природы государства, права, народнаго хозяйства и законовъ, управляющихъ явленіями данныхъ категорій, но и вопросами о томъ, къ чему нужно стремиться и какъ дѣйствовать для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей, напр., вопросами о правильномъ государственномъ устройствѣ, о справедливости правовыхъ нормъ, о выгодности или невыгодности чего-либо для цѣлей хозяйственной дѣятель-

¹⁾ Введеніе въ изученіи социологии.

²⁾ Общую связь между общественными явленіями разныхъ категорій Контъ обозначилъ латинскимъ словомъ „consensus“ (согласіе), для котораго въ данномъ случаѣ трудно найти вполне подходящій переводъ, потому что, наприм., слово „согласованность“ предполагаетъ нѣкоторую преднамѣренность, которой въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Въ общемъ, наприм., въ полномъ „консенсусѣ“ находятся зимой шубы, теплыя шапки, шерстяныя рукавицы, валенки, а между соломенной шляпой и мѣховымъ пальто уже нѣтъ „консенсуса“.

ности. Исторія тоже—чистая наука, но она, какъ мы видѣли, не совпадаетъ съ соціологіей въ другомъ отношеніи.

Въ-третьихъ, соціологія есть наука номологическая, идіографическими соотвѣтствіями которой является исторія, а съ нею этнографія и статистика, равно какъ описательныя части государствовѣдѣнія, юриспруденціи, политической экономіи.

Въ-четвертыхъ эта общая, чистая и номологическая наука должна въ своихъ исходной точкѣ зрѣнія и основной задачѣ, а главное въ методѣ стоять вообщѣ на почвѣ позитивнаго знанія, т.-е. изучать общество, какъ реальность, безъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ о чемъ-либо внѣопытномъ и сверхчувственномъ, искать въ представляемыхъ имъ явленіяхъ законосообразности, какъ это дѣлаютъ естественныя науки, и пользоваться при этомъ методами, устраняющими всякій произволь изслѣдователя.

Въ-пятыхъ, свой матеріаль соціологія должна брать изъ того, что вырабатываетъ научное мышленіе историковъ, этнографовъ, статистиковъ, государствовѣдovъ, правовѣдovъ и экономистовъ, а также психологовъ, поскольку послѣдніе касаются общественной стороны чело-вѣческой психики.

Въ-шестыхъ, подобно тому, какъ біологія опирается на физику и химію, а на біологію психологія, сама соціологія должна опираться на психологію, которая можетъ изучать не только процессы, совершающіеся въ индивидуальной психикѣ (интраментальныя явленія), но и процессы психическаго взаимодействія между членами общества (интерментальныя явленія). Ближайшій предметъ соціологіи не это взаимодействіе, а вырастающая на его почвѣ соціальная организація ¹⁾.

¹⁾ Ср., между прочимъ, не успѣвшую попасть въ списокъ моихъ

Въ-седьмыхъ, соціологическіе законы могутъ быть законами сосуществованія явленій (соціальная статика) и законами ихъ послѣдовательности, какъ каузальной, такъ и эволюціонной (соціальная динамика).

Въ такомъ пониманіи ¹⁾ соціологія призвана быть общей теоріей исторіи, направляющей мысль историка, но отнюдь не дающей ему готовыхъ отвѣтовъ на его, всегда идиографическіе, вопросы. Лишь при помощи соціологическаго мышленія историкъ можетъ разобраться въ теоретическомъ вопросѣ объ относительномъ значеніи въ жизни — факторовъ экономическихъ, политическихъ, умственныхъ, эмоціональныхъ, волевыхъ, причемъ будетъ хорошо понимать, что въ данномъ случаѣ личное предрасположеніе выдвигать впередъ тотъ или другой факторъ или разныя постороннія чистому знанію соображенія ²⁾ должны уступать мѣсто логическимъ обобще-

работъ статью „О значеніи психологіи для общественныхъ наукъ“ („Вѣстникъ психологіи“ за 1912 г.), гдѣ получила послѣднюю формулировку мысль о взаимныхъ отношеніяхъ психологіи и соціологіи, высказанная мною еще въ О. В. Ф. И.—Термины „интраментальный“ и „интерментальный“ образованы изъ лат. „mens“ (умъ, душа) съ предлогами „intra“ (внутри) и „inter“ (между).

¹⁾ Есть и другія пониманія въ родѣ отождествленія соціологіи съ изученіемъ первобытной культуры, соціальнаго строя въ отличіе отъ политическаго и т. п. Совершенно не соглашаюсь со взглядомъ акад. *Лаппо-Данилевскаго* въ выпускѣ I его „Методологіи исторіи“ (стр. 66—67). Именно, онъ находитъ, что „съ точки зрѣнія научно-обобщеннаго знанія между соціологіей и исторіей не должно быть принципиальнаго различія: обѣ стремятся къ обобщенію и развѣтятся только по ближайшимъ объектамъ изслѣдованія: соціологія обобщаетъ преимущественно (?) явленія, постоянно повторяющіяся, а исторія—явленія развитія; въ такомъ случаѣ легко свести соціологію—къ соціальной статикѣ, а исторію къ соціальной динамикѣ“. Впрочемъ, это—съ точки зрѣнія „научно-обобщеннаго“ знанія, съ точки же зрѣнія „научно-обоснованнаго“ знанія, авторъ признаётъ между обѣими науками (и правильно) принципиальное различіе.

²⁾ Вѣроисповѣдныя, національныя, классовыя и т. п., о чемъ ниже

ніямъ фактичнихъ данныхъ. Соціологическое же мышленіе поможетъ историку провидѣть законосообразность совершающагося и выдѣлять существенное и необходимое въ каждомъ процессѣ изъ массы осложняющихъ его подробностей и случайностей. Лишь при условіи, далѣе, соблюденія требованій соціологической логики историкъ, помимо прямой своей задачи, будетъ въ состояніи обрабатывать свой матеріаль такимъ образомъ, что его выводы будутъ важны и для соціолога. Особенно важны съ этой точки зрѣнія сравнительно-историческія изслѣдованія и историко-типологическія построенія.

Историческія изслѣдованія и построенія съ указаннымъ характеромъ не только готовятъ матеріаль для дальнѣйшей соціологической обработки, но могутъ сверхъ того имѣть большое значеніе при провѣркѣ общихъ соціологическихъ формулъ, въ которыхъ многое бываетъ только гипотетическимъ. Теорія, не объясняющая тѣхъ фактовъ, на объясненіе которыхъ рассчитана, а еще того болѣе противорѣчающая этимъ фактамъ, тѣмъ самымъ доказываетъ свою непригодность и во всякомъ случаѣ требуетъ поправокъ, оговорокъ, ограниченій. Исторія и соціологія должна поэтому, конечно идти рука объ руку, взаимно одна другой помогая, одна другую контролируя, соціологія—со стороны общихъ научныхъ идей, исторія—со стороны научно установленныхъ фактовъ.

Указанными отношеніями между исторіей и соціологіей разрѣшается вопросъ о правильности выраженія „историческіе законы“. Въ настоящее время, когда лучше, чѣмъ прежде, понимается различіе между исторіей и соціологіей (или вообще идиографіей и номологіей), все чаще раздаются протесты противъ выраженія „историческіе законы“, какъ заключающаго въ себѣ внутреннее противорѣчіе (*contradictionem in adjecto*), но когда, три-

дцать лѣтъ тому назадъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ я посвятилъ цѣлую главу ¹⁾ изложенію мотивовъ, заставившихъ меня отнестись отрицательно къ спеціально „историческимъ законамъ“ при безусловномъ, однако, признаніи психологической и соціологической законосообразности въ исторіи, въ этомъ мои критики усмотрѣли величайшую ересь. Къ болѣе подробному обоснованію даннаго своего взгляда я вернусь еще въ началѣ второй части настоящаго труда, гдѣ будетъ идти рѣчь о законосообразности въ историческомъ процесѣ. Здѣсь довольно одного указанія на то, что разъ существуютъ психологическіе и соціологическіе законы, никакихъ еще, кромѣ нихъ, законовъ спеціально историческихъ быть не можетъ.

Исторію можно назвать біографіей народовъ и всего человѣчества, но историческіе законы столь же мало возможны, какъ и законы біографическіе, изъ чего, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что жизнь отдѣльныхъ людей не подчинена дѣйствию законовъ, только это — законы біологіи и психологіи, а не біографіи. Общая исторія народа или государства и есть его біографія, въ которой общіе законы психологіи и соціологіи дѣйствовали въ такой, собственно, комбинаціи, которая была вполне индивидуальна.

Признавая психологическую и соціологическую законосообразность въ исторіи и даже обладая нѣкоторыми общими эволюціонными формулами, мы должны еще спросить себя о томъ, слѣдуетъ ли примѣнять эти формулы въ исторіи отдѣльныхъ народовъ или къ исторіи человѣчества, какъ единого цѣлаго.

¹⁾ Кн. I, гл. 2.

XIV. Частныя історіі і все- мірная історія.

Свою історію імѣеть каждый человѣческій коллективъ, представляющій собою нѣчто цѣлое, такъ или иначе объединенное. У каждыхъ деревни, села, города, области есть своя історія, но, въ сущности, такія общественныя единицы являются только частями болѣе самостоятельныхъ цѣлыхъ, каковыя суть или народности, или государства, постоянныя соединенія людей—въ первомъ случаѣ на почвѣ общей культуры, во второмъ—подъ властью общихъ учрежденій и законовъ. Совпаденіе національности и государства наблюдается, какъ извѣстно, далеко не всегда, и історіи, то и дѣло, приходится имѣть передъ собою, съ одной стороны, отдѣльныя національности, раздѣленныя на нѣсколько, даже на множество государствъ (примѣръ—древніе греки) или частично входящія въ составъ разныхъ государствъ (примѣръ—современные поляки), съ другой—государства съ разноплеменнымъ населеніемъ. Въ виду того, что национальное единство обуславливается, главнымъ образомъ, общностью духовной культуры и преимущественно на почвѣ психическаго взаимодействія, государственное же единство заключается въ извѣстной объединяющей организованности практическихъ взаимоотношеній между людьми, історія государства сдѣлалась типичною формою историческаго изображенія внѣшнихъ судебъ и внутренней жизни человѣческихъ коллективовъ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ всякое государство болѣе или менѣе строго-національно. Тѣмъ не менѣе и національно-культурная точка зрѣнія продолжаетъ играть роль въ істориографіи отдѣльныхъ странъ.

Россія, наприм., давно уже перестала быть, по составу своего населенія, государствомъ единой народности, но всѣ историки русскаго народа, изучающіе его прошлое, слѣдятъ исключительно за его политическимъ, экономическимъ, умственнымъ развитіемъ, оставляя въ сторонѣ исторію и татаръ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства при Иванѣ Грозномъ или при Екатеринѣ II, и инородцевъ Прибалтійскаго края, подчиненныхъ Россіи Петромъ Великимъ, и поляковъ, сдѣлавшихся подданными русскихъ государей при Екатеринѣ II и Александрѣ I и т. д. Слѣдовательно, въ исторіи Россіи, — которая въ настоящее время заключаетъ въ своемъ населеніи самые разнородные элементы, — мы видимъ продолженіе прежняго національно-русскаго государства, а не Казанскаго и Астраханскаго царствъ, не Ливонскаго ордена, не польско-литовской Рѣчи Посполитой и т. п. Исторія послѣднихъ продолжается уже въ видѣ исторій отдѣльныхъ областей, т.-е. частей государства, включившаго ихъ въ свой составъ.

Утрата націей самостоятельнаго политическаго существованія, съ другой стороны, не мѣшаетъ историкамъ такой націи слѣдить за ея внѣшними судьбами и внутренними отношеніями и послѣ того, какъ она лишилась своей государственности. Старое польское государство, бывшее сначала одноплеменнымъ, а потомъ распространившее свою власть на иноплеменные области, было раздѣлено во второй половинѣ XVIII в. между тремя государствами, а въ началѣ XIX в. въ этотъ дѣлежъ были внесены существенныя измѣненія, послѣ чего судьба польской національности въ каждомъ „заборѣ“ была разная, но это не препятствуетъ польскимъ историкамъ изучать прошлое и „поразборовой“ (porozbiorowej) Польши, какъ единого національнаго цѣлаго, хотя бы политически и разъединеннаго.

Возможны и исторіи народностей, никогда или, по крайней мѣрѣ, на протяженіи почти всего своего существованія не бывшихъ политически самостоятельными, но объединенныхъ общими этнографическими признаками, какъ мы это видимъ на примѣрѣ малороссовъ, или украинцевъ. Ихъ исторіи начинаютъ изложеніе своей національной исторіи такъ же, какъ и наши: кievскій періодъ у обѣихъ версій общій, — но дальнѣйшее построение съ извѣстнаго момента расходится, и одно продолжение этой общей исторіи рассматривается на сѣверо-востокѣ, другое — на юго-западѣ. Такъ, впрочемъ, дѣло обстоитъ и съ исторіями Франціи и Германіи, которыя обѣ берутся, какъ два продолженія одной и той же исторіи Франкскаго королевства и монархіи Карла Великаго. Однако, послѣ бифуркаціи русской исторіи одна вѣтвь русскаго племени организовалась въ государство, другая стала входить въ составъ другихъ государствъ. И это обстоятельство тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ существованію особой національно-украинской исторіографіи.

Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы видѣть, какъ многообразно могутъ комбинироваться между собою двѣ указанныя точки зрѣнія, національная и политическая, въ построеніи исторіи крупныхъ политическихъ коллективовъ, которые для историковъ являются отдѣльными народами. Въ греческой исторіи мы имѣемъ дѣло съ фактомъ политическаго раздробленія крупнаго національнаго коллектива, въ римской исторіи, наоборотъ, съ фактомъ политическаго объединенія многихъ національностей. Вся исторія полна процессами сложений и разложений, и какъ націи, такъ и государства находятся въ постоянномъ процессѣ измѣненій и новообразований, сказывающихся какъ на ихъ внѣшнемъ положеніи, такъ и на внутреннихъ ихъ отношеніяхъ.

Существованіе національной исторіографіи, т.-е. исто-

рій отдѣльныхъ народовъ и государствъ объясняется, разумѣется, тѣмъ, что человѣку, принадлежащему къ данной націи, или гражданину даннаго государства прежде всего интересно знать и понимать прошлое своего отечества. Не даромъ еще очень недавно исторію опредѣляли, какъ народное самосознаніе, и въ занятіи отечественнымъ прошлымъ видѣли исполненіе совѣта дельфійскаго прорицалища: γυνῶθι σεαυτῶν („познай самого себя!“). Интересоваться близкимъ, роднымъ, своимъ—явленіе, какъ нельзя болѣе, естественное. Человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной народности или государству, какъ бы выдѣляетъ ихъ въ качествѣ особыхъ цѣльныхъ, достойныхъ преимущественнаго или исключительнаго интереса, причемъ основаніями для этого выдѣленія служатъ чисто объективныя данныя общности быта и единства судебъ. Націи и государства, это — реальныя единицы исторіи, по отношенію къ которымъ сословія, соціальные классы, культурные слои, профессиональныя группы или области, города, села, деревни являются не имѣющими самостоятельнаго значенія, подобіями органовъ живого существа или частями единого цѣлаго. Разъ объективно существуютъ такія отграниченные одни отъ другихъ человѣческіе коллективы, тѣми или другими изъ нихъ можно, однако, исторически интересоваться, и не принадлежа къ нимъ; напр., русскій можетъ спеціально заниматься и прошлымъ Франціи или Германіи, а французъ или нѣмецъ — прошлымъ Россіи. Кромѣ интереса патріотическаго, есть еще интересъ чисто научный, безъ котораго въ настоящее время не было бы историческаго изученія ни древняго Египта, ни Вавилона, ни Финикіи и другихъ подобныхъ странъ.

Культурныя и политическія объединенія всегда начинаются въ опредѣленныхъ центрахъ, откуда распространяются въ разныя стороны, постепенно охватывая большія

или меньшія території. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ географическія условія страны, топографическія условія мѣстности, ея орографія и гидрографія, однообразіе или разнообразіе вида, климатъ и качества почвы, флора фауна, опредѣляютъ собою бытъ и судьбы народа. Самыя свойства населенія, т. е. раса съ врожденными своими особенностями, тоже входятъ въ число условій, опредѣляющихъ исторію страны. Это давно сдѣлалось избитымъ мѣстомъ исторической науки и даже дало поводъ къ возникновенію особыхъ теорій климата (у Монтескьё и въ болѣе широкомъ пониманіи у Бюкля) и расы (у Ренана). Недаромъ то, что мы называемъ началомъ исторической жизни, возможно было здѣсь и невозможно тамъ, и недаромъ историческою жизнью жили только народы нѣкоторыхъ „высшихъ“ расъ ¹⁾.

Въ природѣ страны и въ свойствахъ племени историку даны первичныя условія существованія и эволюціи народовъ. Тенденція современной исторической науки объясняютъ всякое національно-государственное развитіе изъ мѣстныхъ условій и внутреннихъ причинъ заслуживаетъ, конечно, величайшей похвалы: это — условія наиболѣе постоянныя, т.-е. наименѣе измѣняющіяся, условія, охватывающія всѣ стороны народнаго бытія, опредѣляющія образъ жизни, занятія, взаимныя отношенія жителей и порождающія, въ свою очередь, рядъ явленій, которыя становятся причинами измѣненій въ разныхъ областяхъ народнаго быта и пр. Искусство историка даже прямо въ томъ и полагается, чтобы главныя особенности даннаго комплекса техническихъ, экономическихъ, соціальныхъ,

¹⁾ Въ О. В. Ф. И. (кн. III, гл. 4 или по 3 изд. гл. 14) есть цѣлый отдѣлъ о вліяніи внѣшней природы и врожденныхъ свойствъ племени на исторію. Тема эта должна насъ занять и во второй части общей теоріи исторіи, предметъ которой составляетъ и вопросъ о томъ, какъ, подъ какими вліяніями совершается историческій процессъ.

юридическихъ, политическихъ формъ и традицій, съ какими народъ дѣлается извѣстнымъ наукѣ, умѣть объяснить изъ условій страны, и каждый послѣдующій моментъ въ этомъ „консенсусѣ“¹⁾ быта умѣть вывести изъ моментовъ предыдущихъ безъ помощи какого бы то ни было *deus ex machina*.

Но и въ этомъ законномъ стремленіи должно соблюдать мѣру, т.-е. не отрицать того, что многое въ жизни народовъ является результатомъ вліяній, испытывавшихся ими со стороны другихъ народовъ. Изученіе направленій, которыя принимаетъ теченіе Волги, привело къ тому общему выводу, что какъ-только эта рѣка принимаетъ сколько-нибудь значительный притокъ, то измѣняетъ принятое ею направленіе и течетъ какъ-разъ въ направленіи даннаго своего притока. Эта особенность теченія Волги можетъ служить образной иллюстраціей того, какъ и въ исторіи принятыя въ силу внутреннихъ причинъ направленія могутъ отклоняться въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ.

Народы не живутъ на изолированныхъ островахъ внѣ всякаго между собою общенія. У каждаго народа есть сосѣди, и пограничныя территоріи часто бываютъ предметомъ военныхъ столкновеній, переходятъ то въ однѣ руки, то въ другія, и между самими народами возникаютъ весьма разнообразныя отношенія, вплоть до подчиненія себѣ одними народами другихъ. То или другое сосѣдство также вѣдь есть одно изъ географическихъ условій, и для народа, напр., не безразлично, каковы его сосѣди, и въ какихъ отношеніяхъ ему приходится стоять къ этимъ сосѣдямъ. Если государственное объединеніе болѣе мелкихъ политическихъ организмовъ можно назвать политической интеграціей, то установленіе эконо-

¹⁾ См. выше, стр. 220, прим.

мическаго обмѣна на извѣстной территоріи между первоначально изолированными коллективами, позволительно обозначить, какъ интеграцію экономическую, причемъ обѣ интеграціи могутъ между собою и не совпадать, т.-е. одна опережать другую. Историческая роль торговли хорошо извѣстна: торговля еще болѣе, нежели война, приводила народы въ соприкосновеніе, вызывая въ то же время и измѣненія во внутреннемъ ихъ быту. Люди разныхъ странъ обмѣнивались притомъ не только товарами, но и изобрѣтеніями, умѣніями, вѣрованіями, знаніями и пр., что входитъ въ обширную, нами уже разсмотрѣнную область заимствованій, въ то самое время, какъ колонизація, завоеванія, союзы тоже сближали отдѣльныя страны и вносили извнѣ измѣненія въ ихъ бытовыя формы.

Собственно говоря, изолированныхъ исторій народовъ даже и нѣтъ совсѣмъ. Уже древнѣйшіе памятники исторической литературы, извѣстныя части Библии и твореніе Геродота, рассказывая прошлое еврейскаго или греческаго народовъ, берутъ его въ связи съ событіями, происходившими въ другихъ странахъ. Греческій историкъ Полибій, современникъ великихъ римскихъ завоеваній, прекрасно говоритъ въ своемъ трудѣ, что къ его времени дѣла Италиі и Африки переплелись съ дѣлами Азіи и Греціи и всѣ вмѣстѣ какъ бы направились къ общей цѣли. Отдѣльныя исторіи, выводилъ онъ отсюда, какъ разрозненные члены тѣла не могутъ дать представленія о цѣломъ, и только общая исторія сообщаетъ намъ, прибавляетъ Полибій, знаніе событій, ихъ причинъ, слѣдствій и сопровождающихъ обстоятельствъ. Греческая культура и римская государственность объединили въ одинъ историческій міръ цѣлый рядъ странъ вокругъ Средиземнаго моря, завершивъ процессъ, начатый финикійскими мореплавателями и царями-завоевателями Востока. Христіанство дало этому міру религіозное единство, къ которому

(а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ наслѣдію античной цивилизаціи) примкнули болѣе новые европейскіе народы, впоследствии колонизовавшіе и подчинившіе себѣ другія страны свѣта. Міровая сцена исторіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась, пока прагматическимъ и культурнымъ процессомъ, главною ареною котораго была Европа, не были захвачены и наиболѣе отдаленныя и отсталыя страны въ родѣ Японіи и Китая, начавшихъ недавно усваивать результаты европейской цивилизаціи. Параллельно съ греко-римскимъ, христіанскимъ, европейскимъ объединеніемъ шло другое, въ Азіи и Африкѣ, магометанское, обязанное очень многимъ, во эпоху Арабскаго калифата, заимствованіямъ изъ греческой и древневосточной культуры. Историческое взаимодействіе двухъ міровъ, европейско-христіанскаго и азіатско-магометанскаго тоже представляетъ собою важное явленіе въ исторіи Стараго Свѣта. Съ другой стороны, магометанство проникло въ Индію, родину буддизма, сыгравшаго роль міровой религіи въ другой половинѣ Азіи, и въ Китай, т.-е. въ два большихъ историческихъ міра, потомъ испытавшихъ на себѣ и разнообразныя вліянія со стороны европейскихъ народовъ. Теперь мы имѣемъ полное право говорить о міровыхъ державахъ, о міровой политикѣ, о міровой торговлѣ и тому подобныхъ результатахъ исторіи, принявшей міровой характеръ ¹⁾.

¹⁾ Не такъ давно мнѣ пришлось полемизировать противъ взгляда, по которому за единственно научное отношеніе къ исторіи нужно признавать стремленіе все въ исторіи каждаго народа выводить исключительно изъ ея антецедентовъ. См. въ списокѣ моихъ работъ (стр. 38) №№ 71, 75, 76 и 77. Подъ послѣднимъ № значится брошюра „Типологическая и всемірно-историческая точка зрѣнія въ изученіи исторіи“. По поводу первой изъ этихъ точекъ зрѣнія я уже назвалъ (выше, стр. 202) свои типологическіе курсы, изъ которыхъ въ одномъ („Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра“) особенно про-

Кромѣ національныхъ исторій есть, слѣдовательно, исторія міровая, или всемірная, *Weltgeschichte*, *histoire mondiale*, исторія международныхъ прагматическихъ и культурныхъ отношеній, вліяній, взаимодействій, исторія смѣны и преемственности странъ и народовъ во главѣ цивилизаціи, исторія расширенія исторической сцены въ міровую. Это не только позволяетъ, но и прямо обязываетъ смотрѣть на цѣлый рядъ историческихъ событій и бытовыхъ формъ не съ одной точки зрѣнія ихъ мѣста и роли въ прошломъ того или другого народа, но и съ точки зрѣнія ихъ значенія въ исторіи человѣчества, взятой въ цѣломъ, въ исторіи міровой, съ точки зрѣнія, какъ у насъ прежде было принято выражаться, всемірно-исторической, универсальной.

То, что заслуживаетъ имени всемірной исторіи, не должно быть простою суммою исторій отдѣльныхъ странъ, народовъ, государствъ, какую мы находимъ въ такъ называемыхъ малыхъ и большихъ всеобщихъ исторіяхъ (*histoires générales*, *allgemeine Geschichten*). Это должна быть исторія прагматическаго и культурнаго объединенія разныхъ странъ міра, его условій и результатовъ въ отдѣльные періоды, его путей, средствъ, способовъ, успѣховъ, неудачъ, роли въ этомъ процессѣ отдѣльныхъ народовъ, ихъ вкладовъ въ общую цивилизацію или производившихся ими разрушеній, ихъ взаимодействій, исторія идей и учрежденій съ міровымъ значеніемъ и вообще происходящаго въ жизни человѣческихъ обществъ движенія впередъ, прогресса. Однимъ словомъ, это должно быть объединеннымъ, обобщеннымъ и поднятымъ на высоту отвлеченнаго созерцанія построеніемъ всей прошлой

водится и вторая, всемірно-историческая точка зрѣнія и имѣются нѣкоторыя общія соображенія о политической, экономической и духовно-культурной эволюціи народовъ древности.

жизни человечества, т.-е. тѣмъ, что въ свое время было очень популярно подъ названіемъ „философіи исторіи“.

XV. Философія исторіи ¹⁾.

Главнѣйшія попытки созданія философіи исторіи были сдѣланы въ эпоху господства метафизическаго мышленія, когда нѣкоторые мыслители считали возможнымъ конструировать весь ходъ всемірной исторіи на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Самымъ замѣчательнымъ метафизическимъ построеніемъ философіи исторіи были, какъ извѣстно, лекціи Гегеля, подъ этимъ заглавіемъ изданныя въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Связь философіи исторіи съ метафизическими системами до такой степени дискредитировала самую мысль о ней въ глазахъ историковъ, что одно имя философіи исторіи способно было вызывать ироническія улыбки и колкія замѣчанія. Но изъ того, что прежде построили философію исторіи не такъ, какъ слѣдуетъ, еще отнюдь не вытекаетъ, чтобы нельзя было рѣшать задачу другимъ, уже совершенно научнымъ способомъ, не путемъ выведенія историко-философскихъ формулъ изъ апріорныхъ положеній, а путемъ все большаго и большаго обобщенія дѣйствительнаго хода всемірной исторіи и его результатовъ, между прочимъ, и для дальнѣйшихъ судебъ и развитія человечества. Свою философію, въ смыслѣ самаго отвлеченнаго и углубленнаго обобщенія на осно-

¹⁾ Выставленныя въ этой главѣ положенія подробно развиты въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, гдѣ см. особенно главы 1—4 первой книги и главу 2 второй книги (гл. 7 по 3 изд.). Кромѣ того, ср. статьи, указанныя выше (стр. 33 и слѣд.) подъ №№ 11, 34 и 56.

ваніи научныхъ данныхъ и при помощи научнаго же метода, можетъ имѣть исторія и отдѣльнаго народа и даже одного изъ проявленій его культурной жизни (напр., возможна философія исторіи русской литературы), но названіе „философія исторіи“ безъ дальнѣйшихъ опредѣленій пріурочивается, главнымъ образомъ, къ цѣлому исторіи человечества.

Къ сожалѣнію, термину придавались и придаются до сихъ поръ очень различныя значенія, и часто, говоря о философіи исторіи, разумѣютъ подъ нею весьма неодинаковыя вещи. Нерѣдко подъ этимъ названіемъ понимаютъ общую теорію историческаго процесса, такъ сказать, съ наклономъ въ сторону рѣшенія въ связи съ нею и нѣкоторыхъ чисто философскихъ проблемъ: для обозначенія такой философской исторіологіи даже предлагался особый терминъ „исторіософія“, которому, однако, у насъ не посчастливилось. При такомъ пониманіи философіи исторіи, какъ философской теоріи историческаго процесса, очень легко было придти къ тому выводу, что возникновеніе соціологіи упразднило прежнюю философію исторіи, т.-е. что соціологія и есть то самое, что имѣлось въ виду, когда создавалась философія исторіи¹⁾, и это, пожалуй, вѣрно, но лишь постольку, поскольку соціологія можетъ заниматься историческимъ процессомъ, отвлеченно взятымъ, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Другое дѣло—замѣна соціологіей, наукою но-

¹⁾ „Соціологія, говоритъ, напр., проф. Випперъ, — преемница философіи исторіи; соціологія, это — новыя общія требованія, предъявляемыя исторіи“. Очерки теоріи историческаго знанія, стр. 47. Это—довольно распространенный взглядъ, но только здѣсь не принимается въ расчетъ, что главное русло философіи исторіи всегда составляли общіе обзоры всего хода исторіи, а не теоріи историческаго процесса внѣ времени и пространства. Ср. различеніе Бернгеймомъ двухъ разныхъ сторонъ въ „Geschichtsphilosophie“. Lehrbuch, стр. 689.

мологическою, філософскаго рэзсмотрѣнія единожды намъ въ дѣйствительности даннаго процесса історіі челоуѣчества, — рэзсмотрѣнія, которое по самому существу своему должно быть ідіографическимъ. Существованіе соціологіі поэтому отнюдь не упраздняетъ філософіі історіі: тамъ номологія всякой історіі, здѣсь ідіографія только единичной, лишь одинъ разъ намъ данной історіі — історіі челоуѣчества.

Признавая полную законность основнаго вопроса філософіі історіі о томъ, какъ совершалась и въ чемъ заключалась історія челоуѣчества, въ смыслѣ совокупности народовъ, постепенно объединявшихся въ одно цѣлое, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая возможность научнаго отвѣта на этотъ вопросъ на основаніи тщательнаго изученія историческихъ взаимоотношеній между народами, мы, конечно, не должны дѣлать отсюда вывода о какомъ-то единомъ законѣ, объясняющемъ весь ходъ всемірной історіі. Представленіе о такомъ основномъ законѣ історіі, взятой въ ея цѣломъ, есть не что иное, какъ наслѣдіе прежнихъ, до-научныхъ способовъ рѣшенія историко-філософской проблемы. Раньше всего філософствующіе историки стояли на точкѣ зрѣнія провиденціализма, считая для себя возможнымъ доподлинно узнать общій планъ божественнаго Промысла, ведущаго челоуѣчество къ высшему совершенству. Потомъ авторы метафизическихъ філософій історіі замѣнили провиденціалистическій планъ планомъ, такъ сказать, уже чисто логическимъ — въ какомъ, именно, порядкѣ должна была совершаться історія по самой своей „идеѣ“, понимавшейся отдѣльными філософами очень различно. Наконецъ, когда родоначальникъ соціологіі, Огюсть Контъ, ставшій на точку зрѣнія позитивной науки, тоже задумался надъ историко-філософской проблемой, то первымъ его дѣломъ было установить основной законъ історіі,

затѣмъ и примѣненный имъ ко всему человѣчеству, взятому въ цѣломъ.

Этого краткаго напоминанія о томъ, какъ мѣнялось пониманіе общаго плана всемірной исторіи или ея основнаго закона, можно было бы здѣсь совершенно не дѣлать, какъ напоминанія о чемъ-то такомъ, въ чемъ современная историческая наука совсѣмъ не заинтересована, если бы не одно недавнее обстоятельство, имѣющее извѣстное значеніе и для настоящаго времени.

Я имѣю въ виду нѣкоторыя нападки на самую идею философіи исторіи въ нашей литературѣ, въ сущности, основанныя на томъ предположеніи, что кто ставитъ задачу философіи исторіи, тотъ волей-неволей и предначертываетъ способъ ея разрѣшенія на путяхъ, по которымъ шли провиденціалисты и метафизики. Именно, на этихъ путяхъ, прежде всего, встрѣчалось представленіе о нѣкоторой объективной цѣли, которая поставлена исторіи Божествомъ ли, природою ли, или еще тамъ чѣмъ-нибудь. При такомъ телеологическомъ пониманіи исторіи въ философское изображеніе общаго ея хода вносится идея плана, по которому она совершается или который ею выполняется, идея основнаго закона, ею управляющаго и направляющаго ея теченіе къ ея конечной цѣли. Эти представленія о конечной цѣли исторіи и о планомѣрности ея хода постулируютъ признаніе за нею внутренняго единства, каковое ей, наприм., и навязывалъ Гегель. Конечно, всѣ идеи конечной цѣли исторіи, планомѣрнаго ея теченія и внутренняго единства выросли на почвѣ не того міросозерцанія, которое создается положительнымъ знаніемъ, но философія исторіи можетъ быть и вполне свободною отъ подобныхъ предпосылокъ, т.-е., вмѣсто телеологической точки зрѣнія, стоять на точкѣ зрѣнія генетической, не искать въ исторіи какаго-либо сокровеннаго плана, замѣняя его подведеніемъ итоговъ

подъ фактически даннымъ, и прямо отрицать какое-либо внутреннее ея единство, наблюдая, наоборотъ, лишь постепенное объединеніе даннаго намъ первоначально разрозненнымъ ¹⁾).

XVI. Историческій объективизмъ ²⁾.

Все предыдущее имѣло цѣлью выяснить, при какихъ условіяхъ историческое знаніе можетъ быть научнымъ, и, слѣдовательно, при какихъ условіяхъ исторія заслуживаетъ названія науки. Все, что въ историческомъ представленіи и пониманіи несогласно съ фактами и противорѣчитъ логикѣ, не можетъ считаться научнымъ, какъ продиктованное чѣмъ-нибудь инымъ, а не однимъ чистымъ и безкорыстнымъ желаніемъ знать то, что было и какъ бывшее было, безотносительно къ тому, пріятно намъ или непріятно было бы узнать это, выгодно или невыгодно, чтобы это знали и другіе. Основная добродѣтель настоящаго историка—безпристрастіе во имя объективной научной истины, которую историкъ долженъ признавать за таковую, разъ она установлена фактами

¹⁾ Отсюдаю къ своимъ статьямъ подъ №№ 71, 75, 76 и 77, гдѣ между прочимъ, рассматриваются взгляды критиковъ всемірно-исторической точки зрѣнія, какъ историко-философской обязательно будто бы въ ненаучномъ ея пониманіи.

²⁾ Вопросъ объ объективизмѣ и субъективизмѣ, нѣкоторое время бывшій предметомъ большого спора въ русской соціологической литературѣ (см. выше, стр. 20 и слѣд.), былъ мною особенно подробно рассмотрѣнъ въ главахъ 3, 4 и 5 второй книги „Основныхъ вопросовъ“ (гл. 8, 9 и 10 по 3 изд.), равно какъ въ статьяхъ, указанныхъ въ своемъ мѣстѣ подъ №№ 6, 13, 18, 20, 67 и 68.

и логикой, въ какомъ бы конфликтѣ она ни оказалась съ симпатіями и интересами самого историка.

Обязанность быть объективнымъ должна сопровождать всю дѣятельность историка отъ критики источниковъ до самыхъ отвлеченныхъ обобщеній. Историкъ отвергнетъ, наприм., подлинность какого-либо документа, когда его въ этому приведутъ научныя соображенія, хотя бы этимъ разрушалась какая-нибудь дорогая иллюзія или нарушался какой-либо важный интересъ. Съ такимъ же безпристрастіемъ онъ будетъ отвергать достовѣрность того или другого извѣстія, разъ вполне очевидна его невѣрность, хотя бы оно почему-нибудь нравилось или изъ него можно было сдѣлать выгодное употребленіе. Наконецъ, связывать между собою факты, сравнивать ихъ одни съ другими, дѣлать обобщенія историкъ также обязанъ, строго придерживаясь логическихъ приемовъ мысли и научнаго метода, отнюдь не подгоняя факты къ извѣстнымъ желательнымъ выводамъ, въ угоду какимъ бы то ни было эмоціональнымъ нашимъ переживаніямъ или утилитарнымъ расчетамъ. Если въ повседневной жизни „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“, то въ наукѣ, наоборотъ, одна маленькая истина, какъ бы она „низка“ ни была, цѣнится гораздо дороже всякихъ „красныхъ вымысловъ“, съ которыми наукѣ совершенно нечего дѣлать, если только не уничтожать ихъ своею критикою.

Между естествознаніемъ и гуманитарными науками существуетъ большая разница въ томъ отношеніи, что въ первомъ люди могутъ быть безпристрастными съ неизмѣримо меньшимъ трудомъ, нежели во вторыхъ. Человѣческія дѣла и отношенія, составляющія содержаніе гуманитарныхъ наукъ, слишкомъ близко касаются разныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, симпатій и антипатій, интересовъ, стремленій, раздѣляющихъ людей на

отдѣльные, часто другъ другу враждебные народы, государства, вѣроисповѣданія, сословія, классы, партіи и т. п. и такъ или иначе вліяющихъ на сужденія людей объ одномъ и томъ же въ далеко не сходныхъ между собою направленіяхъ. Если бы, какъ говорится, та истина, что $2 \times 2 = 4$, вообще сколько-нибудь затрогивала людскіе интересы, нашлось бы не мало такихъ людей, которые подвергли бы ее, по крайней мѣрѣ, сильному сомнѣнію. Въ каждой націи, въ каждомъ вѣроисповѣданіи, въ каждомъ сословіи и т. д. есть свои установившіяся традиціи и ходячія идеологіи, свои особые групповые предрасудки относительно своего, соединенные съ предубѣжденіями по отношенію къ чужому. Споры и борьба, происходящіе въ жизни между народностями, государствами, церквями и т. п., переносятся и въ историческое изображеніе или пониманіе этой сáмой жизни. Очень часто, — чтобы не сказать въ большинствѣ случаевъ, — сами извѣстія о фактахъ, служащія матеріаломъ для историка, имѣютъ субъективную окраску, изобличающую принадлежность авторовъ, которые оставили намъ эти извѣстія, къ такимъ-то и такимъ-то національнымъ, политическимъ, вѣроисповѣднымъ, партійнымъ и т. п. группамъ, въ интересѣ или, по крайней мѣрѣ, въ духѣ которыхъ въ источникахъ разсказываются событія, объясняются ихъ причины, указываются ихъ слѣдствія, приводятся тѣ другія или ихъ подробности. Тому, что кому-либо нравится или изъ чего онъ рассчитываетъ извлечь для себя выгоду, обыкновенно охотно и вѣрятъ, да и больше довѣрятъ показаніямъ своихъ единомышленниковъ и соучастниковъ въ общемъ дѣлѣ, нежели тому, что говорится подозрительно или враждебно настроенными людьми, также въ порядкѣ вещей. Вотъ все это, вмѣстѣ взятое, и должно заставлятъ историка, дорожащаго правдою и одною только правдою, тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы какія бы то ни было посто-

роннія научнымъ требованіямъ соображенія не дивтовали ему приговоръ о событіяхъ и отношеніяхъ, о людяхъ, о мотивахъ ихъ поступковъ, о результатахъ ихъ дѣятельности и пр., въ своей ли, въ чужой ли исторіи, не взирая на то, будетъ ли этотъ приговоръ пріятенъ или непріятенъ, выгоденъ или невыгоденъ для націи, къ которой принадлежитъ историкъ, для его сословія, для его партіи.

Нѣкоторые виды, незаконнаго, какъ я охотно его называю, субъективизма столь часто встрѣчаются въ исторической литературѣ, что на каждомъ изъ нихъ стоить здѣсь остановиться въ отдѣльности. Это, главнымъ образомъ, субъективизмы національный (часто совпадающій съ государственнымъ), конфессіональный и партійный (нерѣдко тождественный съ сословнымъ или классовымъ). Возможны и другіе виды незаконнаго субъективизма, — когда, напр., представитель одного литературнаго направленія держится разныхъ мѣрокъ въ оцѣнѣхъ своего и чужого, — но разсмотрѣніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

XVIII. Націонализмъ въ исторіи ¹⁾.

То, что у каждаго народа развита любознательность преимущественно по отношенію къ своему прошлому, къ родной старинѣ, весьма естественно и понятно, но въ то же время это обстоятельство указываетъ на патриотическій источникъ такой любознательности, источникъ эмоціональный и лишь отчасти теоретическій въ смыслѣ чисто созерцательнаго и умозрительнаго отношенія къ

¹⁾ Ср. не вошедшую въ списокъ на стр. 32—39 мою статью „Мечта и правда о русской наукѣ“ (Рус. Мысль, 1884) и брошюру „Лекція о духѣ русской науки“ (1885).

истинѣ. Историческіе взгляды относительно родного прошлаго складываются на почвѣ національной традиціи и идеологіи, въ созданіи которыхъ участвуютъ легенды, пріятныя національному самолюбію, романтическая идеализація родной старины, оффиціальныя заявленія, принятыя за чистую монету общественною средою, непробѣренныя слухи, переходившіе изъ устъ въ уста и обраставшіе при этомъ новыми чертами, легковѣріе и невѣжество, да и мало ли еще что, менѣе же всего что-либо, похожее на критику и изслѣдованіе. Ко всему прибавлялись еще „ученые“ домыслы и прямое сочинительство въ цѣляхъ наивящшаго обоснованія націоналистической догматики или ея раціонализированія. Некритическое отношеніе ко всякому историческому баснословію, къ „народнымъ“ преданіямъ, къ оффиціальной фразеологіи, къ настроеніямъ патріотическихъ грамотѣевъ и начетчиковъ предшествуетъ настоящей научной работѣ, которая не можетъ не разрушать традиціонную историко-догматическую конструкцію, къ великой обидѣ всѣхъ, кто искренне вѣрилъ въ непреложную истину преданія, и къ великому негодованію тѣхъ, для кого было выгодно поддерживать такую вѣру. Можно даже сказать, что научная работа историковъ по самому своему существу находится въ постоянномъ конфликтѣ съ націоналистической традиціей. Съ провѣрки источниковъ послѣдней, съ анализа ея генезиса, съ критики ея выводовъ и должно начинаться настоящее научное изслѣдованіе дѣйствительно бывшаго прошлаго.

Чѣмъ была бы, напр., наша національная исторіографія, если бы она продолжала питаться формулами и построеніями XVI—XVII вѣковъ съ Москвою, какъ третьимъ Римомъ, и другими подобными вошедшими „въ національное самознаніе“ представленіями? Развѣ все развитіе науки русской исторіи не заключалось въ исканіи на-

стоящихъ научныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые принято было разрѣшать на почвѣ патріотическихъ соображеній? Не заключается ли самое развитіе исторіографіи въ постоянномъ пересмотрѣ всѣхъ прежнихъ рѣшеній историческихъ проблемъ,—рѣшеній, и въ болѣе близкія намъ времена диктовавшихся желаніемъ не столько нѣчто узнать, сколько нѣчто доказать.

Scribitur historia ad narrandum, non ad probandum, т.-е. „пишется исторія для рассказыванія, а не для доказыванія“,—вотъ старинное правило, которое и теперь имѣетъ силу, когда задача исторіи полагается не въ одномъ только рассказываніи. Доказывать какой-нибудь историческій тезисъ не потому, что извѣстные выводы вытекаютъ изъ самаго существа фактовъ, а потому, что этого требуютъ — хорошо ли, дурно ли — понятые интересы національности, государства значитъ заниматься не исторіей, а публицистикой, и чѣмъ менѣе сама публицистика церемонится съ фактами и съ логикой, тѣмъ дальше отстоитъ она отъ научнаго пониманія и отъ дѣйствительно исторической истины.

Историческая истина, какъ и всякая другая научная истина, можетъ быть только одна для людей всѣхъ національностей, т.-е. относительно одного и того же факта не можетъ быть двухъ или еще болѣе истинъ, одна съ другою несогласныхъ,—истины французской и истины нѣмецкой, истины русской и истины польской. Вольтеръ, самъ не отличавшійся безпристрастіемъ, совершенно вѣрно, однако, понималъ сущность историческаго объективизма, когда говорилъ о необходимости такой исторіи пуническихъ войнъ, которая была бы написана ни въ пользу римлянъ, ни въ пользу карфагенянъ,—требованіе, къ сожалѣнію, рѣдко исполняющееся, когда рѣчь заходитъ объ историческихъ тяжбахъ двухъ народовъ или двухъ государствъ.

Особенно въ исторіи международныхъ отношеній сказываются націоналистическія точки зрѣнія, причемъ наиболее рѣзкій оборотъ принимаютъ сужденія объ этихъ отношеніяхъ, когда, наприм., два сосѣднихъ народа находились въ постоянномъ антагонизмѣ. Таковы, между прочимъ, русско-польскія отношенія, различнымъ образомъ освѣщаемыя, съ одной стороны, въ русской, съ другой, въ польской исторической литературѣ¹⁾. На почвѣ традиціонной непріязни подобнаго рода создается понятіе о „наслѣдственномъ врагѣ“, по отношенію къ которому иными представителями націонализма въ исторіографіи все считается дозволеннымъ въ ущербъ достоинству науки и вопреки элементарнымъ требованіямъ чувства справедливости. Въ подобнаго рода случаяхъ историческую критику замѣняетъ публицистическая полемика, и, вмѣсто научныхъ изслѣдованій, въ результатѣ получаютъ памфлеты, въ которыхъ исторія искажается до полнаго несоотвѣтствія съ фактами для обоснованія тѣхъ или иныхъ притязаній, возводимыхъ на степень такъ называемыхъ „историческихъ правъ“.

Вообще націоналистическія точки зрѣнія въ исторіографіи отличаются консерватизмомъ и даже архаизмомъ какъ въ вопросахъ о международныхъ или междуплеменныхъ отношеніяхъ, такъ и въ вопросахъ внутренней политики. Въ данномъ случаѣ можно говорить даже о нѣкоторомъ практическомъ историзмѣ, видящемъ во всемъ, что только пахнетъ національною стариною, историческое освященіе существующаго порядка вещей. Впрочемъ, это—особая тема, къ которой мы еще вернемся дальше.

¹⁾ См. мою книгу „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“, которую я старался написать въ духѣ историческаго безпристрастія, и которая потому вызвала непріязненные замѣчанія въ обоихъ лагеряхъ. Конечно, въ случаяхъ подобнаго рода стремленіе къ безпристрастію не есть желаніе „сѣсть между двухъ стульевъ“, а является желаніемъ занять болѣе независимую и прочную позицію.

Менше всего съ націоналистическимъ субъективизмомъ можетъ мириться разсмотрѣніе чего бы то ни было, имѣющаго универсальное значеніе, въ родѣ такихъ событій, какъ великая французская революція. Извѣстно, что она не была событіемъ, имѣвшимъ только мѣстное значеніе, потому что, съ одной стороны, революціонныя войны потрясли всю Европу и отразились такъ или иначе на исторіи многихъ ея странъ, а съ другой, начатая во Франціи перестройка всѣхъ внутреннихъ отношеній оказала большое вліяніе на внутреннюю жизнь и другихъ народовъ. Общевропейское значеніе французской революціи—очень интересная историческая тема, но для правильнаго рѣшенія этого вопроса требуется безусловное отрѣшеніе отъ какихъ бы то ни было чисто мѣстныхъ точекъ зрѣнія. Этого условія научнаго объективизма не соблюлъ, наприм., нѣмецкій историкъ Генрихъ Зибель, написавшій большой трудъ по исторіи революціонной эпохи. Онъ правильно указалъ на то, что французскую революцію слѣдуетъ разсматривать въ связи съ двумя другими крупными перемѣнами, совершившимися въ эту эпоху, а именно съ паденіемъ Польши, какъ самостоятельнаго государства, и съ прекращеніемъ средневѣковой Священной Римской имперіи германской націи, но въ то же время онъ на всѣ эти событія взглянулъ преимущественно съ точки зрѣнія ихъ выгоды или удобства, т. е. ихъ значенія и притомъ не для нѣмецкой націи вообще, а для Пруссіи, сторонникомъ коей онъ былъ въ эпоху подготовлявшагося объединенія Германіи. Гораздо шире понялъ тему объ общевропейскомъ значеніи французской революціи Альбертъ Сорель, хотя и ему не чуждъ нѣкоторый патріотическій субъективизмъ ¹⁾.

¹⁾ См. мою брошюру „Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи“.

Націоналістическія тенденціи нерѣдко окрашивали въ XIX вѣкѣ и самое „философію исторіи“. Фихте, стоявшій въ концѣ XVIII в. на модной въ то время космополитической точкѣ зрѣнія, въ началѣ XIX столѣтія сдѣлался родоначальникомъ націоналістическихъ историко-философическихъ построеній, и не у однихъ нѣмцевъ. Въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ онъ заявилъ, что только народы германскаго корня способны духовно понимать религію, философію и государство, а Гегель въ своей „Философіи исторіи“ усмотрѣлъ въ германскомъ мірѣ высшее и послѣднее проявленіе Мірового Духа, процессъ самопознанія котораго составлялъ для него настоящее содержаніе всемірной исторіи. Русское славянофильство и польскій мессіанизмъ середины XIX в. представляютъ собою такое же превознесеніе опредѣленныхъ племенъ, какъ имѣющихъ особія и притомъ, пожалуй, наиболее важныя миссіи во всемірной исторіи. Во всѣхъ направленіяхъ подобнаго рода даже всемірно-историческая точка зрѣнія, наименѣе пригодная для обоснованія націоналістической исключительности, съ большою тѣмъ не менѣе охотою эксплуатировалась въ интересахъ того или другаго романтическаго или мистическаго націоналізма. Націоналістическій субъективизмъ сказался даже на такихъ трезвыхъ историкахъ, какъ Гизо во Франціи и Бокль въ Англіи. Первый изъ нихъ, написавшій двѣ исторіи цивилизаціи, одну—въ Европѣ, другую—во Франціи, утверждалъ, что французская цивилизація наиболее осуществляетъ или воплощаетъ въ себѣ самую идею цивилизаціи, тогда какъ второй находилъ въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“, что именно исторія его родины одна шла наиболее нормальнымъ путемъ ¹⁾.

¹⁾ Всѣ признаки рѣзко націоналістической идеологіи мы нахо-

Національное чувство, диктующее историкамъ много такого, что не только научно не можетъ быть обосновано, но что даже настоящею наукою легко опровергается, въ самой исторической жизни представляетъ собою такую громадную силу, съ которою не считается историкъ, конечно, нельзя. XVIII вѣкъ, какъ извѣстно, отличался космополитизмомъ, въ многихъ своихъ проявленіяхъ заслужившимъ названіе беспочвеннаго. Въ прошломъ столѣтіи люди, наоборотъ, очень часто впадали въ противоположную крайность, но изъ того, что національныя стремленія способны принимать уродливыя формы, далеко, разумѣется, не слѣдуетъ дѣлать вывода противъ научнаго интереса къ національному элементу въ исторіи.

Каждая нація есть своего рода коллективная духовная личность, и національныя особенности играютъ очень видную роль въ исторіи отдѣльныхъ народовъ. Культура каждаго народа имѣетъ свой особый характеръ, и даже общія теченія исторіи получаютъ въ отдѣльныхъ странахъ мѣстную окраску, будемъ ли мы говорить, положимъ, о христіанствѣ, о гуманизмѣ, о реформаціи, о просвѣщеніи XVIII в., о романтизмѣ, о либерализмѣ и о социализмѣ въ разныхъ странахъ Западной Европы. Духовное творчество народовъ въ областяхъ литературы, искусства, философіи, не исключая науки, равнымъ образомъ, отличается своеобразнымъ для каждой отдѣльной націи характеромъ. Историческая наука не имѣетъ права все это игнорировать. Мало того, одна изъ ея задачъ — исследовать, какъ и подъ какими вліяніями складывалась та или другая національная культура, что въ ней было наиболѣе оригинальнымъ, какой владѣ та или другая

димъ въ знаменитой „Россіи и Европѣ“ Данилевскаго, о которой см. мою статью, указанную выше (стр. 34) подъ № 29.

нація сдѣлала въ общую сокровищницу міровой цивилизаціи и проч. Далѣе, въ числѣ практическихъ вопросовъ, которые приходится разрѣшать исторической жизни отдѣльныхъ народовъ, далеко не послѣднее мѣсто, а иногда прямо первое занимаетъ вопросъ національный. За примѣрами ходить далеко нечего. Въ религіозной реформаціи ХVІ в., разрѣшавшей, какъ извѣстно, массу вопросовъ не только въ области духа, — вопросовъ религіозной догматики, этики и т. п., — но и въ области политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ отношеній, проявлялось и національное самосознаніе въ видѣ требованій касательно перевода священнаго писанія на народный языкъ, введенія послѣдняго въ богослуженіе, націонализаціи всей церковной жизни, освобожденія ея отъ Рима. Особенно даютъ себя знать національныя движенія, происходившія въ Европѣ ХІХ в., всѣ эти „славянскія возрожденія“, національныя объединенія Италіи и Германіи, успѣшныя и неуспѣшныя попытки поработенныхъ народовъ освободиться отъ чужеземной власти. Въ перечисленныхъ случаяхъ „национальный вопросъ“, въ смыслѣ ли приобщенія отсталыхъ народностей къ высшимъ формамъ культурной жизни, или въ смыслѣ образованія большихъ національныхъ государствъ изъ раздробленныхъ политическихъ организмовъ, или, наконецъ, въ смыслѣ борьбы за освобожденіе отъ подчиненія чужому государству, настолько по временамъ обострялся, что выдвигался положительно на первый планъ и отодвигалъ въ сторону до поры, до времени всѣ остальные вопросы. Въ такихъ національныхъ движеніяхъ вырабатывалась и своя идеологія, очень часто заключающая въ себѣ много наивнаго, сентиментальнаго, романтическаго, мистическаго, а иной разъ и прямо реакціоннаго, но это отнюдь не можетъ служить резонномъ для огульно-отрицательнаго отношенія къ національнымъ движеніямъ, будто бы не заслуживающимъ

серьезнаго вниманія по сравненію, на прим., съ вопросомъ соціальнымъ, какъ-будто обреченнымъ самою исторіей на вымираніе, заодно со всѣмъ отсталымъ, со всѣми пережитками старины, мало-по-малу сдаваемыми развитіемъ жизни въ архивъ. Относится такъ къ національному элементу въ исторіи и къ національнымъ движеніямъ тоже значитъ проявлять особаго рода незаконный субъективизмъ, аналогичный беспочвенному космополитизму XVIII вѣка, не понимавшему, что въ дѣйствительности „людей вообще“ нѣтъ, а есть только французы, нѣмцы, англичане, русскіе, турки, китайцы. Противники всякаго исключительнаго націонализма въ наше время противоплагаютъ ему не космополитизмъ, а интернационализмъ, признающій законность національныхъ различій и стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ признающій необходимость солидарности отдѣльныхъ народовъ въ общемъ человѣческомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, передъ лицомъ научной исторіи одинаково неправы какъ націоналистическій субъективизмъ неразумныхъ „патріотовъ“, такъ и а-национальный субъективизмъ людей, не хотящихъ считаться съ національнымъ самосознаніемъ, съ національнымъ чувствомъ, съ національными стремленіями и движеніями, какъ съ историческими явленіями, имѣющими реальное существованіе и играющими большую роль и въ культурной, и въ прагматической исторіи народовъ.

Любовь къ родинѣ, истинная любовь, а не фальшивая и не показная только,—если ужъ и этого вопроса приходится касаться при обсужденіи темы о національномъ элементѣ въ исторіографіи,—то, что называется патріотизмомъ, въ неискаженномъ значеніи слова, не должна ослаблять въ историкѣ любви къ правдѣ, и именно стремленіемъ раскрыть передъ народомъ всю историческую о немъ правду онъ лучше всего служить

родинѣ. Тѣ, которые находятъ непатріотичнымъ, если историкъ разрушаетъ національныя легенды, когда-то бывшія, можетъ быть, полезными или и до сихъ поръ остающіяся для кого-нибудь выгодными, не имѣютъ понятія ни о настоящемъ патріотизмѣ, ни о настоящей исторической наукѣ. Вовсе не является признакомъ дѣйствительнаго патріотизма интересоваться только отечественнымъ прошлымъ, а для историка—только этимъ однимъ и заниматься, т.-е. не дѣлать предметами своихъ изслѣдованій вопросы изъ исторіи другихъ народовъ.

Что историки, принадлежащіе къ той или другой національности, прежде всего и больше всего научно работаютъ надъ отечественнымъ прошлымъ, это столь же естественно и понятно, какъ и то, что въ школахъ отечественная исторія проходится подробнѣе, нежели иностранная, и что читающая публика интересуется исторіей родины больше, нежели чужою. Было бы, однако, неправильнымъ требовать, чтобы разъ, наприм., ты—русскій, такъ и долженъ работать только надъ русской исторіей. Не только въ обществѣ, но и въ печати у насъ довольно часто высказывается недоумѣніе и прямое негодованіе по поводу того, что русскіе ученые разрабатываютъ темы, взятая изъ исторіи другихъ странъ. Люди, высказывающіеся въ такомъ смыслѣ, не принимаютъ въ расчетъ, что, прежде всего, иностранными исторіями занимаются у насъ преимущественно преподаватели высшей школы, которые не могутъ не быть въ той или другой мѣрѣ специалистами по исторіи Франціи, Англіи и т. п. Этимъ критикамъ, далѣе, не мѣшало бы принимать въ соображеніе и то, что чѣмъ разнообразнѣе, богаче и шире научное содержаніе, входящее въ составъ національной культуры, чѣмъ бдльшую самостоятельность проявляетъ нація въ усвоеніи и особенно въ выработкѣ этого содержанія, тѣмъ вообще выше уровень ея цивили-

лизації. Существуетъ нѣкоторая общеевропейская наука, и чѣмъ значительнѣе участіе ученыхъ той или другой націи въ ея движеніи, тѣмъ больше чести среди другихъ народовъ они пріобрѣтаютъ для своей страны.

Съ другой стороны, для каждаго занимающагося научно исторіей своего отечества, необходимо широкое историческое образованіе, требующее, чтобы онъ часть своего вниманія и интереса удѣлялъ также исторіи другихъ странъ. Наконецъ, и для самой исторической науки очень важно, чтобы за темы изъ исторіи какой-либо страны брались не одни мѣстные ученые, но и ученые изъ другихъ странъ.

Національные историки въ каждомъ народѣ имѣютъ то важное преимущество передъ иностранцами, что, такъ сказать, ближе стоятъ къ предмету своего изученія. Во-первыхъ, это касается языка источниковъ и пособій. Чтобы русскому спеціально заниматься чѣмъ-либо изъ исторіи Венгріи или Португаліи, ему нужно обучиться по-мадьярски или по-португальски, и во всякомъ случаѣ венгерскіе или португальскіе историки въ знаніи своихъ языковъ будутъ превосходить иностранца. Во-вторыхъ, если правильно, что для пониманія поэта нужно отправиться въ его страну (*wer den Dichter will verstehen, muss im Lande Dichters gehen*), то столь же несомнѣнна и необходимость для историка-иностранца окунуться въ культурную среду страны, прошлое которой онъ хочетъ изучать. И въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ національнаго историка сравнительно съ иностранцемъ: онъ, національный историкъ, въ данной культурной средѣ родился и воспитался, жилъ, работалъ и съ дѣтскихъ лѣтъ узнавалъ, схватывалъ на лету многое такое, что иностранецъ только позднѣе могъ бы пріобрѣсти путемъ чтенія книгъ. Конечно, онъ можетъ пріѣхать въ страну и даже часто въ нее наѣзжать,

но это не то, что въ ней родиться и въ ней провести всю жизнь. Въ-третьихъ, необходимые для серьезныхъ занятій спеціальными историческими вопросами источники, въ особенности архивные, равно какъ всѣ нужныя пособія, въ томъ числѣ разныя рѣдкія брошюры, статьи и пр. можно находить только на мѣстѣ, гдѣ точно такъ-же только и можно встрѣтить всякихъ свѣдущихъ лицъ, которые могли бы дать разныя справки, сдѣлать тѣ или другія указанія, разъяснить недоумѣнія, вообще помочь своими совѣтами. Конечно, туземцу и это все доступнѣе, нежели иностранцу, если только онъ самъ не поселился навсегда въ чужой странѣ.

Все это такъ, но нерѣдко „со стороны бываетъ виднѣе“, и посторонній изслѣдователь вноситъ въ историческую работу иногда нѣчто новое—точку зрѣнія, общій отправный пунктъ, методологическое соображеніе, которыя, кромѣ личной работы мысли, обязаны своимъ происхожденіемъ иной соціальной почвѣ, иной культурной средѣ. Въ каждой національности научная дѣятельность пріобрѣтаетъ нѣкоторый общій характеръ, благодаря болѣе или менѣе устанавливающимся во всѣхъ человѣческихъ дѣятельностяхъ рутинѣ и шаблону, входящимъ въ составъ мѣстной научной традиціи, опредѣляющей, такъ сказать, любимыя темы историческихъ изслѣдованій, предпочтительно выбираемые методы рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. Ученый, воспитавшійся въ традиціяхъ другой національной школы, можетъ внести въ чужую исторіографію что-либо свѣжее и по части сюжета, и по части его обработки. Важное преимущество бываетъ подчасъ на его сторонѣ и потому, что въ своихъ сужденіяхъ онъ можетъ быть гораздо свободнѣе, нежели національный историкъ, по отношенію къ патріотическимъ традиціямъ, соображеніямъ и увлеченіямъ, а также по отношенію къ партійнымъ счетамъ, разъ и таковыя игра-

ють роль въ рѣшеніи чисто историческихъ вопросовъ. Примѣровъ того, что иностранцы обращали вниманіе на вещи, мимо которыхъ національные ученые проходили съ совершеннѣйшимъ равнодушіемъ, можно было бы привести немало. Ограничимся однимъ.

Историческая литература на французскомъ языкѣ, посвященная великой революціи, поражаетъ своею громадностью, но въ ней всегда преобладалъ да и продолжаетъ преобладать интересъ къ тому, что составляетъ ея политическую сторону. Соціальная и экономическая сторона революціи разработана гораздо меньше, да и то лишь позднѣе обратились къ ней французскіе изслѣдователи. Въ данной области, однако, съ ними успѣшно конкурируютъ русскіе изслѣдователи, даже иногда въ исторіи аграрныхъ отношеній, крестьянскаго вопроса и вопроса рабочаго шедшіе прямо впереди. Видѣть въ великой революціи преимущественно „политику“ — старая традиція французской исторіографіи, сравнительно мало соблазнявшая русскихъ историковъ, специализировавшихся на эпохѣ, ибо ихъ самымъ условія русской жизни послѣ освобожденія крестьянъ и зарожденія рабочаго вопроса въ Россіи особенно заинтересовались соціально-экономическою стороною революціи, представлявшею собою въ наукѣ, какъ говорится, непочатый уголь ¹⁾.

Историческая наука въ каждой странѣ имѣетъ свой особый характеръ, свои сильныя и свои слабыя стороны. Первымъ нужно учиться, вторыхъ избѣгать, а

¹⁾ См. мои брошюры „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи“ (1904) и „Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ“ (1912), гдѣ указано то новое, чѣмъ русскіе изслѣдователи обогатили исторіографію французской революціи. Важность русскихъ работъ признали и сами французскіе историки, среди которыхъ даже стало употребляться выраженіе „русская школа“.

къ числу послѣднихъ относятся націоналистическій субъективизмъ, соединенный съ нежеланіемъ учиться у другихъ въ дѣлѣ историческаго изслѣдованія и мышленія. Сильныя стороны исторической науки въ разныхъ странахъ тоже разные, и тѣмъ болѣе историческая наука, гдѣ-либо отрѣшается отъ подчиненія чисто научнаго изслѣдованія и мышленія національнымъ предрасудкамъ, предубежденіямъ, симпатіямъ, антипатіямъ, легендамъ, традиціямъ и лозунгамъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ она названіе настоящей науки.

XVIII. Конфессіональный субъективизмъ въ исторіи.

Конфессіональный субъективизмъ въ историческихъ занятіяхъ имѣетъ такой же характеръ, какъ и національный. Религія играетъ слишкомъ большую роль въ исторической жизни, чтобы не оказывать своего вліянія и на историческую литературу. Каждое вѣроисповѣданіе имѣетъ свои догматы, свою этику, свой культъ, свои учрежденія, признаваемые имъ за единственно истинныя, и на всякія отклоненія отъ основныхъ своихъ положеній смотритъ, какъ на ересь, какъ на ложь и заблужденіе, иногда какъ на преступленіе противъ Бога. Понятно, что одни и тѣ же событія и явленія религіозной исторіи человѣчества получаютъ разное толкованіе и освѣщеніе,—уже не говоря о худшемъ еще отношеніи,—смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ авторъ того или другого сочиненія. Въ одномъ христіанскомъ мірѣ такія событія, какъ раздѣленіе вселенской церкви на восточную и западную, религіозная реформація на Западѣ или расколъ старо-

обрядчества у насъ, вызываютъ къ себѣ различное отношеніе, въ первомъ случаѣ со стороны писателей православныхъ и католическихъ, во второмъ — историковъ католическихъ и протестантскихъ, въ третьемъ — представителей господствующей церкви и „старой вѣры“. Историки, стоящіе на конфессіональной точкѣ зрѣнія, очень часто задаются больше апологетическими и полемическими цѣлями, нежели цѣлями научно-историческими, скрываютъ относительно своего все, могущее его компрометировать, и готовы вѣрить всякимъ сплетнямъ о чужомъ, лишь бы побольше повредить или, по меньшей мѣрѣ, досадить „непріятелю“. Къ неблагоприятнымъ для добыванія исторической истины условіямъ присоединяется еще гнетъ оффиціальной и неоффиціальной цензуры, гораздо болѣе тяжелый, тѣмъ тотъ, который въ тѣхъ или другихъ странахъ, въ тѣ или другія времена испытывали и испытываютъ „свѣтскіе“ историки.

Въ послѣднемъ отношеніи протестантскіе историки пользуются, какъ извѣстно, неизмѣримо большею свободою изслѣдованія, нежели историки католическіе. Католическая церковь, еще въ средніе вѣка объявившая философію служанкой богословія (*philosophia est ancilla theologiae*), и теперь не отказывается отъ подчиненія своему авторитету науки вообще и въ частности исторіи, поскольку она касается догматовъ вѣры или событій и явленій, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ церкви. Исторія въ качествѣ науки, свободно ищущей истины, столь же мало можетъ находиться въ подчиненіи у религіи, какъ и у политики: наука служитъ истинѣ, а не той или другой церкви, не тому или другому государству. Религіозныя убѣжденія историка; каковы бы они ни были, не должны вліять на то, что можетъ быть основано лишь на научно установленнымъ фактамъ и добыто при помощи правильныхъ прие-

мовъ научной мысли. Это справедливо по отношенію не только къ лицамъ, принадлежащимъ къ разнымъ положительнымъ вѣроисповѣданіямъ, но и къ такимъ, которыя являются въ религіозномъ вопросѣ свободными мыслителями. Антирелигіозный субъективизмъ, готовый видѣть въ каждомъ культѣ только одно заблужденіе, представляетъ собою, въ сущности, обратную сторону одной и той же медали вмѣстѣ со всякимъ исключительнымъ вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ.

Наукѣ вообще и въ частности исторіи нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла до того, кто правильнѣе вѣритъ и что имѣетъ больше основаній—вѣра или невѣріе. Исторія вмѣшательствомъ своимъ въ вопросы подобнаго рода сама лишила бы себя научнаго значенія, ибо задача науки вся въ области знанія, и вопросы вѣры ей не подвѣдомственны. Принципіально отрицательное отношеніе къ религіи, столь часто встрѣчающееся въ современной литературѣ, равнымъ образомъ, не должно вліять на отношеніе къ религіи, какъ къ историческому явленію: невѣрующій историкъ можетъ и долженъ изучать прошлое религіи совершенно такъ же безпристрастно, какъ если бы у него не сложилось отрицательнаго отношенія ко всякой вѣрѣ.

Одинъ изъ корифеевъ философіи XVIII в., съ особою настойчивостью проповѣдывавшій гражданскую вѣротерпимость, Вольтеръ, самъ, какъ извѣстно, не отличался терпимостью философскою, разъ рѣчь у него заходила о католицизмѣ, о христіанствѣ, и общей его тенденціей въ этомъ отношеніи было искать не столько объясненія историческихъ явленій, сколько основаній для осужденія всего, что находилось въ родствѣ съ предметомъ его ненависти. Напр., изъ двухъ объясненій факта онъ выбиралъ не то, которое должно было быть признано болѣе вѣроятнымъ, если не прямо достовѣрнымъ,

а то, которое было болѣе пригоднымъ въ качествѣ полемическаго орудія: для него превращеніе Савла въ Павла было результатомъ не внутренняго психическаго процесса, приведшаго апостола къ вѣрѣ въ Іисуса, а обиженнаго самолюбія человѣка, которому раввинъ Гамаліиль отказалъ въ рукѣ дочери. Отъ такого тенденціознаго отношенія, конечно, очень далеки самые свободомыслящіе историки новѣйшаго времени.

XIX. Политическая партійность въ исторіи и выводы изъ предыдущаго.

Перехожу къ третьему изъ намѣченныхъ выше видовъ незаконнаго субъективизма въ исторіи, къ субъективизму партійному.

По-французски и по-нѣмецки безпристрастіе называется „непартійностью“ (*impartialité*, *Unparteilichkeit*), и это выраженіе одинаково примѣнимо какъ къ безпристрастію въ разсмотрѣнныхъ нами національномъ и конфессіональномъ отношеніяхъ, такъ и къ непартійности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ историческая жизнь, существуетъ въ ней и партійность, раздѣленіе общества на партіи (конечно, не въ современномъ, парламентскомъ смыслѣ слова), первую основу которыхъ составляютъ противоположные интересы сословіи и классовъ. Классовая борьба вообще играетъ, какъ извѣстно, громадную роль въ исторической жизни, и, конечно, она, эта борьба, не могла не отражаться на самомъ содержаніи тѣхъ извѣстій о прошломъ, на основаніи которыхъ наука это прошлое изучаетъ и

объясняетъ, а также на сужденіяхъ о прошломъ историковъ, часто примѣшивающихъ къ своимъ приговорамъ соображенія, навѣянные партійною борьбою и своего времени. Одна изъ задачъ критики источниковъ заключается въ элиминированіи изъ извѣстій о прошломъ всего того, что можно поставить на счетъ партійности тѣхъ авторовъ, отъ которыхъ мы имѣемъ интересующія насъ извѣстія, но и на всѣхъ слѣдующихъ ступеняхъ работы историка какая бы то ни было партійность должна быть устраняема самымъ тщательнымъ образомъ. Фактическія истины и логическіе методы не могутъ быть одними у такой-то партіи или въ такомъ-то сословіи, классѣ, другими—въ другомъ, третьими—въ третьемъ, и кто правъ или неправъ, больше правъ или меньше правъ въ партійныхъ разногласіяхъ относительно прошлаго, это можетъ рѣшать только безпристрастная исторія, которая и тутъ должна идти путемъ анализа и критики.

Одна изъ весьма распространенныхъ въ настоящее время доктринъ утверждаетъ, будто всякая „идеологія“, слѣдовательно, и наука представляетъ собою не что иное, какъ отраженіе въ мысли—фактическихъ соціальныхъ отношеній, а потому всякая идеологія имѣетъ классовой характеръ¹⁾. Въ этомъ взглядѣ, конечно, вѣрно то, что міросозерцаніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ опредѣляется въ значительной мѣрѣ интересами, и я придавалъ бы еще: и традиціями и предрасудками этихъ группъ, но невѣрно, что иначе не только быть не можетъ, но и не должно быть по отношенію и къ наукѣ, объективное содержаніе которой опредѣляется вѣдь не

¹⁾ Это, какъ извѣстно, одно изъ положеній, защищаемыхъ послѣдователями „экономическаго матеріализма“, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ разныхъ мѣстъ моихъ „Старыхъ и новыхъ этюдовъ объ экономическомъ матеріализмѣ“.

интересами, стремленіями, преданіями какихъ бы то ни было человѣческихъ коллективовъ, націй ли и церквей, или сословій, классовъ, партій, а, какъ уже неразъ было сказано, объективными фактами, для всѣхъ по существу дѣла одинаковыми, и требованіями научной логики, для всѣхъ одинаково обязательными. Думать такъ, какъ это дѣлаютъ многіе сторонники доктрины, о которой идетъ рѣчь, значитъ не признавать возможности научнаго знанія, разъ содержаніе всякой идеологіи, въ сущности, партійно. Конечно, сами партіи могутъ стоять въ различныхъ отношеніяхъ къ истинѣ, однѣ быть болѣе заинтересованными въ ея скрываніи и затемненіи, другія, наоборотъ, имѣть интересъ въ томъ, чтобы правда всплывала на свѣтъ божій и во всемъ своемъ объемѣ дѣлалась доступною взорамъ всѣхъ, но судить о томъ, гдѣ правда и гдѣ ложь, призвана опять-таки сама наука, получающая свои директивы не отъ тѣхъ или другихъ человѣческихъ коллективовъ, объединенныхъ общими интересами, стремленіями, преданіями. Извѣстное положеніе данной партійной идеологіи, объявляющей себя классовою идеологіей пролетаріата, можетъ имѣть дѣйствительно научную цѣнность, но такая можетъ быть за нимъ признана не потому, что она находитъ мѣсто въ общемъ пролетарскомъ міросозерцаніи (притомъ только предполагаемомъ таковымъ, на дѣлѣ же не существующемъ), а потому, что имѣетъ фактическія и логическія основанія, которыя обязательны для всякаго, кто способенъ убѣждаться въ истинѣ чего-либо по мотивамъ исключительно научнаго свойства.

Отдѣльныя вѣроисповѣданія, въ силу присущаго ихъ идеологіямъ догматизма, вполне естественно считаютъ себя каждое исключительнымъ обладателемъ истины, но думать, что вся научная истина содержится въ данной партійной доктринѣ, значитъ смѣшивать задачи полити-

ческой дѣятельности и научнаго изслѣдованія. По отношенію къ послѣднему партійныя директивы не обладаютъ никакимъ преимуществомъ сравнительно съ директивами національными и конфессіональными. Въ тактическихъ видахъ вожди партій могутъ желать что-либо скрывать, чему-либо приписывать не то значеніе, какое оно имѣетъ на дѣлѣ, не опровергать, пожалуй, выгодной для партіи легенды, но во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, не забота объ истинѣ, разъ признаётся, что ея раскрытіе можетъ служить помѣхою чему-нибудь и въ какомъ-либо отношеніи быть невыгоднымъ или, по крайней мѣрѣ, непріятнымъ. Однѣ партіи могутъ больше бояться, другія бояться меньше выявленія фактической правды относительно какъ настоящаго, такъ и прошлаго, да и въ смыслѣ разнаго сочинительства неправды отдѣльныя партіи поступаютъ очень неодинаково, начиная съ самаго беззастѣнливаго лганья и кончая правдивостью, возводимую въ принципъ. Поэтому есть партіи, такъ сказать, инстинктивно боящіяся суда исторіи и всегда готовыя всячески подчинять науку своимъ особымъ видамъ, и та партія, которая находитъ нужнымъ давать какіе бы то ни было лозунги историческимъ изслѣдованіямъ и построеніямъ, очень плохо самоё себя аттестуетъ: она, какъ-никакъ, проявляетъ боязнь умственной свободы и устанавливаетъ своего рода ортодоксію, отступленія отъ которой провозглашаются вредными еретическими заблужденіями.

Scribitur historia ad narrandum, non ad probandum! Это правило, которое уже было приведено выше, можетъ быть повторено и здѣсь. Подобно тому, какъ у литературныхъ критиковъ есть общія основанія для того, чтобы одни беллетристическія произведенія признавать художественными, а другія подводить подъ категорію тенденціозныхъ, такъ и въ исторической литературѣ мы можемъ

различать два рода трудовъ, изъ которыхъ, именно, одни называемъ научными, другіе—тоже тенденціозными. Романистъ, желающій, прежде всего, доказать какой-либо тезисъ (roman à thèse), дать извѣстное наставленіе и т. п., не художникъ, а только моралистъ или публицистъ въ беллетристической формѣ: такимъ же публицистомъ или моралистомъ въ наукообразномъ видѣ является и историческій писатель, у котораго на первомъ планѣ не научный интересъ къ прошлому, а желаніе воздѣйствовать желательнымъ для него образомъ на своихъ современниковъ.

Обильный матеріалъ для критики исторической партійности и тенденціозности представляетъ собою литература по исторіи французской революціи. Это грандіозное событіе затронуло столько политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, возбудило столько страстей, оставило послѣ себя столько противорѣчивыхъ воспоминаній и сужденій и оказало такое громадное вліяніе на всю послѣдующую исторію страны, что научному изслѣдованію этого событія было весьма трудно пробивать себѣ путь среди всѣхъ тѣхъ историческихъ взглядовъ на революцію, которые складывались въ разныхъ слояхъ общества подъ вліяніемъ страха, ненависти, жажды мести однихъ, восторга и тоже непріязни и мстительности другихъ, разочарованія и иныхъ душевныхъ кризисовъ у третьихъ, и сопровождалась массою легендъ и басней, возникавшихъ въ ту эпоху невѣдомыми путями народнаго творчества или сознательно пускавшимися въ оборотъ дѣятелями какъ самой революціи, такъ и реакціи.

Цѣлый рядъ писателей брался за исторію французской революціи съ исключительною цѣлью обличенія и предупрежденія общества относительно опасностей, соединенныхъ съ малѣйшимъ подражаніемъ тому, что было во Франціи XVIII в. Это—не историки, а публицисты,

и ихъ труды — не научныя ислѣдованія, а памфлеты. Подобнаго рода произведенія можно указать и въ русской литературѣ. Наиболее характерны въ этомъ отношеніи статьи, появлявшіяся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ конца семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка подъ общимъ заглавіемъ „Противъ теченія“ и за подписью Варѳоломея Кочнева. Въ формѣ діалога вымышленныхъ лицъ авторъ разсказалъ исторію революціи въ назиданіе современникамъ, т.-е. русскому обществу и правительству, которыя должны были увидѣть на примѣрѣ французской революціи, сколь опасны либеральныя требованія однихъ и либеральныя уступки другихъ: въ этомъ смыслѣ авторъ и изображалъ себя идущимъ „противъ теченія“. Впослѣдствіи онъ, уже подъ настоящимъ своимъ именемъ, профессора физики Любимова, и въ формѣ чисто историческаго труда, т.-е. въ переработанномъ видѣ, переиздалъ свой памфлетъ, давъ ему и новое заглавіе — „Крушеніе монархіи во Франціи“ и еще разъ подчеркнувъ назидательную цѣль, съ какою онъ предпринялъ свое изученіе французской революціи. Въ сущности, это—та же цѣль, какую ставятъ себѣ сочинители нравоучительныхъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста на тему: какъ опасно не слушаться старшихъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ крупныя исторіи французской революціи были ея апологіями въ общемъ и критиками въ ней тѣхъ или другихъ частныхъ явленій съ точекъ зрѣнія, довольно близкихъ къ партійности, смотря по тому, были ли авторы этихъ трудовъ либералами или радикалами, конституціоналистами или республиканцами, выразителями мнѣній и стремленій буржуазіи или демократами, народниками, социалистами. При такомъ общемъ отношеніи къ прошлому одни историки брали подъ свою защиту, наприм., жирондистовъ, другіе—якобинцевъ, и въ изображеніе и обсужденіе со-

бытій прямо вносили чисто партійныя пристрастія, при наличности которыхъ историкъ былъ не нелицепріятнымъ судьей, а или панегиристомъ однихъ дѣятелей и направленій и прокуроромъ-обличителемъ другихъ. Для вящшаго прославленія якобинцевъ Луи Бланъ даже передѣлалъ ихъ, вопреки фактическимъ даннымъ, въ социалистовъ. Мишле, наоборотъ, ко всѣмъ партійнымъ дѣятелямъ отнесся, какъ къ честолюбивымъ маріонеткамъ, въ счетъ которымъ поставилъ всѣ преступления и ужасы революціи, дабы тенденціозно „народъ“, какъ единственнаго героя революціи, которому одному Франція обязана всѣмъ великодушнымъ и благороднымъ, что только было въ революціи.

Есть критика и критика: тенденціозность можно критиковать съ какой-либо тоже тенденціозной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія чисто научной. Тэнъ въ своемъ знаменитомъ „Происхожденіи современной Франціи“ хотѣлъ дать настоящую, нетенденціозную исторію революціи. Позитивистъ, внесшій научный методъ въ психологію и въ исторію искусства, литературы и философіи, онъ сравнивалъ свою задачу по отношенію къ Франціи XIX в. съ задачею натуралиста, изучающаго превращеніе насѣкомаго, но въ выполненіи своего замысла онъ не удержался на высотѣ не только естественно-историческаго объективизма, но и вообще научнаго безпристрастія. Его освѣщеніе революціи вышло во всякомъ случаѣ одностороннимъ, много, правда, вносящимъ въ правдивую исторію революціи, но уже по одному тому неправдивымъ, что въ немъ были обобщены лишь отрицательныя стороны революціи, да и тѣ представлены въ самыхъ сгущенныхъ краскахъ. Полную противоположность Тэну представляетъ собою Шерестъ, авторъ „Паденія монархіи во Франціи“. Консерваторъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ, какъ самъ признаѣтся,

предпринявъ свой трудъ по исторіи революціи для доказательства (ad probandum) того тезиса, что революція была ненужна, что и безъ нея Франція могла бы обновить свой внутренній строй, но когда онъ принялся читать документы революціонной эпохи, то подъ ихъ вліяніемъ, такъ сказать, подъ натискомъ фактовъ перемѣнилъ свой взглядъ и, отказавшись отъ доказательства предвзятой мысли, рассказалъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и обстоятельствъ революція сдѣлалась во Франціи неизбежною: *scribitur historia ad narrandum*.

Теоретически во Франціи давно уже пришли къ той мысли, что къ изученію исторіи революціи слѣдуетъ примѣнить научные приемы, выработанные на изслѣдованіяхъ, предметомъ которыхъ были болѣе отдаленныя эпохи и болѣе индифферентныя явленія. Въ 1888 г. въ Парижѣ даже образовалось особое ученое „Общество исторіи французской революціи“, въ которомъ прежнее раздѣленіе историковъ этого событія на дантонистовъ, робеспьеристовъ, жирондистовъ было признано за архаизмъ, вышедшій изъ моды и за правило было принято относиться къ документамъ конца XVIII в. съ тѣмъ же научнымъ безпристрастіемъ, съ какимъ изучаются источники времени Филиппа-Августа ¹⁾).

Изъ того, что было сказано о разныхъ видахъ незаконнаго субъективизма, можно сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно огражденія научнаго духа исторіи отъ вторженія въ нее всего, что могло бы исказить въ ней фактическую истину.

Уже на первыхъ ступеняхъ научной работы, направленной на изученіе прошлаго, при изслѣдованіи по-

¹⁾ См. мою статью „Новѣйшія работы по исторіи французской революціи“ (Истор. Обзорѣніе, 1890, т. I). Къ сожалѣнію, далеко не всѣ новые историки революціи вполне слѣдуютъ этому правилу.

длинности памятниковъ, нерѣдко бывающихъ, какъ мы знаемъ, подложными, слѣдуетъ руководитѣся чисто объективными основаніями, безотносительно къ тому, какое значеніе памятникъ имѣетъ для того или другого вѣроисповѣданія, какъ почитаемая его приверженцами реликвія, или для того или другого народа, какъ его національная святыня, или, наконецъ, для тѣхъ или другихъ сословій, классовъ, партій, какъ выгодный документъ.

При критикѣ историческихъ извѣстій опять-таки надлежитъ совершенно такъ же пользоваться лишь соображеніями по существу дѣла и, наприм., не принимать за достовѣрное какое-либо извѣстіе лишь потому, что оно исходитъ отъ лица, принадлежавшаго къ нашей народности или къ нашей вѣрѣ, либо къ какой-нибудь симпатичной намъ группѣ, равно какъ потому, что оно пріятно, выгодно, почетно для нашей національности, для нашего политическаго направленія и т. д. Съ другой стороны, нельзя опорочивать свидѣтельства о прошломъ только въ виду ихъ принадлежности людямъ изъ враждебныхъ намъ человѣческихъ коллективовъ.

Констатируя, далѣе, наличность какого-либо факта, не слѣдуетъ его замалчивать или отрицать, разъ онъ оказывается „неудобнымъ“ съ той или иной—національной, конфессіональной, партійной—точки зрѣнія, какъ не подобаешь выдавать за твердо установленные факты всякія сплетни и клеветы, разъ онѣ съ дурной стороны аттестуютъ тотъ или другой враждебный намъ лагерь, непріязненное намъ направленіе и пр.

Констатированные факты связываются нами въ каузальныя цѣпи и въ эволюціонные ряды на основаніи реальныхъ же данныхъ и законовъ логики: научный историкъ не задается при этомъ вопросомъ, насколько сведеніе такого-то факта къ такой-то причинѣ, или выведеніе такого-то явленія изъ такого-то можетъ оказаться

неприємнимъ съ точки зрѣнія, положимъ, національнаго самолюбія или партійнаго интереса. Непозволительно естественную и логическую связь фактовъ замѣнять искусственною и противною законамъ логики изъ-за того, что такъ „лучше выходитъ“ для нашего патріотизма или для симпатичнаго намъ политическаго направленія.

Вполнѣ на тѣхъ же основаніяхъ, когда историку приходится сравнивать между собою однородныя событія или явленія общественной жизни, черты сходства и черты различія должны опредѣляться на основаніи объективнаго сравненія, безотносительно къ кому, окажутся ли пріятными или непріятными, выгодными или невыгодными намъ, членамъ такой-то націи, сторонникамъ такого-то направленія и пр., такіе или иные результаты этого сравненія.

Наконецъ, дѣлая историческія обобщенія, нужно также руководствоваться основными правилами логики, не предрѣшая вопроса о томъ, какой общій выводъ для насъ былъ бы желателенъ для вящей чести нашей національности или политической группы. Нельзя отвергать выводъ, сдѣланный совершенно логически, на основаніи его неприемлемости съ какою-либо эмоціональной или утилитарной точки зрѣнія. Столь же непростительно было бы выдавать за результаты научнаго обобщенія всякіе насъ возвышающіе обманы и чарованья красныхъ вымысловъ, другими словами, такія формулы, которыя могутъ намъ диктоваться чаяніями нашего сердца и упованіями нашей души или расчетами нашего интереса и стремленіями нашей воли по вопросамъ, относящимся къ области констатированія фактовъ, установленія реальныхъ связей между ними и объективныхъ изъ нихъ выводовъ.

XX. Разные виды оцѣнки прошлаго въ исторіи ¹⁾.

Все доселѣ говорившееся объ устраненіи изъ исторической науки разныхъ видовъ незаконнаго субъективизма имѣло въ виду преимущественно тѣ случаи, когда дѣло касается фактической стороны исторіи, того что было или какъ было. Оцѣнка извѣстій о фактахъ, самихъ, фактовъ, связей между ними, общихъ изъ нихъ выводовъ, какъ для насъ пріятныхъ или непріятныхъ, выгодныхъ или невыгодныхъ, не должна вліять на признаваніе или непризнаваніе ихъ съ нашей стороны. Изъ двухъ людей одинъ признаётъ достовѣрность какого-либо факта

¹⁾ Русскій споръ былыхъ временъ о субъективизмѣ и объективизмѣ (см. выше, стр. 20—21), въ сущности, относится къ вопросу объ оцѣнкѣ дѣйствительности, какъ настоящей, такъ и прошлой. Выступая въ качествѣ субъективиста, лично я рѣшительно высказывался противъ какого-то субъективнаго метода, признавая только субъективный элементъ, который заключается въ оцѣнкѣ фактовъ въ отличіе отъ ихъ констатированія. Взгляды мои на этотъ предметъ болѣе подробно изложены въ моихъ статьяхъ, указанныхъ выше (стр. 238, прим. 2). Изъ нихъ особенно обстоятельно предметъ настоящей главы былъ рассмотрѣнъ въ статьѣ „Судъ надъ исторіей“, которая была помѣщена въ *Русской Мысли* за 1884 годъ. Не такъ давно въ иностранной литературѣ, преимущественно нѣмецкой была также поставлена проблема оцѣнки (понятіе цѣнности, оцѣночная точка зрѣнія и т. п.). См., напр., *Г. Риккертъ*. Границы естественно-научнаго образованія понятій, 1904 г. *Его же*. Философія исторіи, 1908, и *Науки о природѣ и науки о культурѣ*, 1911.—*А. Гротенфельтъ*. Die Wertschätzung in der Geschichte, 1903, и др. Главнымъ противникомъ введенія въ теорію исторіи понятія цѣнности выступилъ яскій проф. *А. Д. Ксенополь*, авторъ, между прочимъ, и по-русски переведенной статьи „Понятіе о цѣнности въ исторіи“ (1912). Въ новой своей постановкѣ у названныхъ писателей вопросъ заслуживаетъ особаго анализа, дѣло идетъ, именно, и объ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія теоретическаго интереса. Ср. ниже.

съ радостью, другой съ прискорбіемъ, но оба одинаково его признають. Я могу радоваться, что ходъ событій сложился такимъ-то образомъ, другой можетъ по этому поводу печалиться, но оба мы можемъ быть согласны въ томъ, что ходъ событій былъ именно вотъ такимъ самымъ. На основаніи фактическихъ данныхъ и при помощи однихъ и тѣхъ логическихъ приемовъ, я и NN можемъ придти къ тождественному выводу и выразить его въ одинаковыхъ формулахъ, но я съ своей точки зрѣнія признаю его оптимистичнымъ, а предполагаемый NN, если у него иная точка зрѣнія, придетъ отъ него въ настроеніе пессимистическое. Нужно вообще отличать недопустимое въ наукѣ вліяніе нашего субъективнаго отношенія къ фактамъ на признаваніе или непризнаваніе какъ самихъ этихъ фактовъ и связей между ними, такъ и логическихъ изъ нихъ выводовъ отъ самой оцѣнки нами того, что дознано, констатировано, принято въ качествѣ фактической истины. Это — двѣ вещи разныя, и вопросъ объ исторической оцѣнкѣ, о „судѣ исторіи“ заслуживаетъ поэтому особаго разсмотрѣнія.

Выше, въ разныхъ мѣстахъ, уже было сказано, что отношеніе науки къ изучаемымъ ею вещамъ есть отношеніе теоретическое, такъ сказать, безстрастное и безкорыстное, въ отличіе отъ отношеній эмоціональнаго и утилитарнаго, характеризующихъ художественное творчество и практическую дѣятельность въ широкомъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Наука „спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“. Ея лозунгъ — „sine ira et studio“ (безъ гнѣва и безъ пристрастія) или, какъ у Спинозы, „не радоваться и не печалиться, а только понимать“. Категоріи пріятнаго и полезнаго не представляютъ собою категорій чистаго научнаго зна-

¹⁾ См. выше, стр. 56, 71, 238 и др.

нія, которое имѣетъ дѣло лишь съ категоріей истиннаго. Наука интересуется тѣмъ, что есть (или было), какъ оно есть (или было), а затѣмъ уже, т.-е. когда научно констатированы факты, найдены ихъ причины, указаны ихъ измѣненія и сдѣланы на ихъ основаніи обобщенія, люди могутъ заняться оцѣнкою того, что установлено наукою, какъ пріятнаго или непріятнаго, полезнаго или вреднаго.

Эмоціи, возбуждаемыя въ насъ реальными явленіями, ихъ изображеніями и символами, воспоминаніями или напоминаніями о нихъ, бываютъ весьма различныя: эстетическія, моральныя, патріотическія, религіозныя и т. п., т. е. чувства красоты, восхищенія, любви, благодарности, благоговѣнія, и особенность всѣхъ этихъ эмоцій — въ ихъ непосредственности, произвольности. Одно и то же можетъ дѣйствовать на различныхъ людей очень различнымъ образомъ въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Воспоминанія о Цусимѣ и Мукденѣ вызываютъ совершенно неодинаковую эмоціональную оцѣнку у русскихъ и у японскихъ патріотовъ. Къ исторической роли Бисмарка съ разными чувствами относятся патріоты нѣмецкіе и патріоты французскіе. Историческая наука никому не можетъ запретить такъ или иначе оцѣнивать факты прошлаго, лишь бы сами они не искажались въ угоду той или другой эмоціи. Надъ чувствомъ своимъ человекъ неволенъ, и въ своемъ положеніи одинаково правы и нѣмцы, для которыхъ Седанъ представляетъ собою одно изъ пріятнѣйшихъ патріотическихъ воспоминаній, и французы, у которыхъ воспоминаніе о Седанѣ вызываетъ самое горько чувство національнаго униженія. Задача исторіи — разобратъся, какъ было дѣло, и притомъ придти къ такому очевидному выводу, чтобы, въ качествѣ научной истины, онъ могъ войти въ сознаніе и французовъ, и нѣмцевъ, нисколько не мѣшая ни тѣмъ, ни другимъ посвоему оцѣнивать то,

что было. Конечно, разные чувства до сихъ поръ вызываетъ къ себѣ изданный въ 1878 г. въ Германіи законъ противъ соціалистовъ, съ одной стороны, у самихъ соціалистовъ, съ другой—же у тѣхъ людей, которые видятъ въ соціализмѣ одно только зло: ихъ дѣло, тѣхъ и другихъ, давать одному и тому же разную оцѣнку, но это уже касается вопроса не о томъ, почему и какъ былъ изданъ этотъ законъ, а о томъ, кому онъ былъ пріятель и непріятель.

Дѣло историка литературы или историка любого изъ искусствъ—разобраться въ вопросахъ генезиса изучаемыхъ ими произведеній, зависимости писателей и художниковъ однихъ отъ другихъ, эволюціи стилей, манеръ, школъ или въ вопросахъ о разнаго рода вліяніяхъ, соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ и т. д., сказавшихся на литературѣ или на искусствѣ такого-то народа, такой-то эпохи, но когда историкъ литературы или искусства начинаетъ оцѣнивать отдѣльныя ли произведенія, или цѣлыя направленія и эпохи съ эстетической точки зрѣнія, онъ выступаетъ уже не въ роли историка, а въ роли художественнаго критика.

Быть удовлетворенными или, наоборотъ, оскорбленными могутъ вѣдь не только, наприм., нашъ патріотизмъ и нашъ художественный вкусъ, чувствованія столь различныхъ категорій, но и особая интеллектуальная эмоція, въ силу которой мы различно оцѣниваемъ умное, нами одобряемое, и глупое, способное вызывать въ насъ и смѣхъ, и презрѣніе, и негодованіе. Вѣрные, съ нашей точки зрѣнія, отвѣты на интересующіе насъ вопросы, вызываютъ въ насъ только одобреніе, свидѣтельствующее объ удовольствіи, какое они намъ доставляютъ, или, наоборотъ, все, съ нашей точки зрѣнія невѣрное, намъ претитъ. Не дѣло историка оцѣнивать, наприм., религіозныя вѣрованія разныхъ народовъ и эпохъ или тѣ

представленія объ устройствѣ вселенной и т. п., какія гдѣ-либо и когда-либо были, съ точки зрѣнія того, что самъ историкъ считаетъ истиннымъ: его дѣло изучать данное содержаніе этихъ вѣрованій и представленій, ихъ генезисъ, ихъ эволюцію, ихъ зависимость отъ условій мѣста и времени, ихъ роль въ жизни и т. п. Такова же задача историка философіи или историка любой науки, поскольку онъ остается историкомъ, т.-е. изучаетъ причины возникновенія данныхъ мыслей, ихъ філіацію, измѣненія, которымъ онѣ подвергались, и другіе факты и фактическія отношенія, не входя въ оцѣнку вѣрности или невѣрности того, что о разныхъ предметахъ говорилось отдѣльными мыслителями, писателями, изслѣдователями и ихъ послѣдователями. Когда историкъ философіи начинаетъ оцѣнивать, находя что-либо геніальнымъ, что-либо замѣчательно вѣрнымъ, что-либо подтверждающимъ его собственныя мысли, а другое — нелогичнымъ, ошибочнымъ, опровергнутымъ и пр., онъ является не столько историкомъ, сколько критикомъ, прилагающимъ свой собственный философіскій критерій для пріемлемости или непріемлемости чужихъ мыслей. Чѣмъ больше у историка философіи своей собственной философіи, тѣмъ менѣе онъ можетъ удовлетворяться ролью простаго историка, разсматривающаго, что было и какъ было, но остающагося какъ бы въ сторонѣ. Историка философіи и историка науки также не можетъ не интересовать вопросъ, какъ въ процессѣ смѣны самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и въ борьбѣ противоположныхъ взглядовъ постепенно открывалась истина, и, въ сущности, оцѣнка, съ которою мы здѣсь имѣемъ дѣло, есть оцѣнка интеллектуальная, теоретическая, научная, состоящая въ примѣненіи къ отдѣльнымъ мыслямъ, когда-либо высказывавшимся, или къ цѣлымъ системамъ и міросозерцаніямъ критерія истины, хотъ и здѣсь возможно и вліяніе эмоціональ-

наго элемента при рѣшеніи собственно метафизическихъ проблемъ.

Кромѣ эмоціональной оцѣнки, не имѣющей ничего общаго съ наукою, и вотъ такой оцѣнки интеллектуальной, совпадающей съ научною критикою, опредѣляющею соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе чужихъ взглядовъ съ фактами и съ логикою, есть еще оцѣнка утилитарная, прикидывающая ко всему, что считаетъ нужнымъ, мѣрку пользы или вреда, выгоды или убытка. Какъ пріятное для однихъ можетъ быть очень непріятнымъ для другихъ, такъ и полезное и выгодное для однихъ очень часто бываетъ для другихъ вреднымъ и убыточнымъ. Въ этомъ отношеніи эмоціональная и утилитарная оцѣнки сходятся между собою, какъ оцѣнки совершенно субъективныя и потому могущія быть крайне противорѣчивыми. Правда, разногласія бываютъ и въ случаяхъ примѣненія къ обсуждаемымъ предметамъ—критерія истинности, но это происходитъ или отъ недостаточности фактическихъ основаній, или отъ нелогичности разсужденія, или же отъ примѣси къ разсужденію элементовъ вѣры и т. п., но нѣчто все-таки приходится признавать за единственно вѣрное, и это — то, за что говорятъ факты и логика. Иное дѣло, когда объ одномъ и томъ же кто-либо говоритъ, какъ о чемъ-то полезномъ, а другой — какъ о чемъ-то вредномъ: оба могутъ быть правы, ибо полезное для одного сплошь и рядомъ бываетъ вредно для другого. Для русскаго, прусскаго и австрійскаго правительствъ знаменитое „безнарядье“, которымъ стояла Польша („Polska nierządem stoi“), было, конечно, выгодно, но для самой Польши оно оказалось прямо пагубнымъ. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ сопровождалось очень вредными для нихъ послѣдствіями, но для землевладѣльцевъ оно было, наоборотъ, очень выгодно, поставивъ подъ ихъ власть массу народа, обезпечивъ за

ними правильное и даже увеличенное поступленіе доходовъ съ ихъ земель и создавъ въ ихъ пользу даровой трудъ. Оцѣнка и здѣсь выйдетъ не одинаковая, но въ то же время обѣ стороны, оцѣнивающія различнымъ образомъ одно и то же, будутъ вполне правы въ смыслѣ констатированія фактическихъ отношеній и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій, если только будутъ искренни.

Сходясь въ отношеніи своего субъективнаго характера съ эмоціональною оцѣнкою, оцѣнка утилитарная въ другомъ отношеніи отъ нея зато отличается. Когда я ощущаю удовольствіе или неудовольствіе, когда мнѣ что-либо нравится или не нравится, когда я наслаждаюсь или страдаю, то я непосредственно испытываю пріятное или непріятное чувство, т.-е. дѣйствительно получаю удовольствіе, чѣмъ-нибудь люблюсь, восхищаюсь, наслаждаюсь, но если я говорю о томъ-то: „это для меня полезно“, а о другомъ: „это для меня вредно“, я могу жестоко ошибаться въ своемъ сужденіи. Не только пріятное бываетъ вреднымъ, какъ вкусный ядъ, а непріятное полезнымъ, какъ противное лѣкарство, но и временная, наприм., выгода можетъ влечь за собою большіе убытки, и временная потеря—приносить пользу, по пословицѣ: „не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло“. Удовольствіе или неудовольствіе испытывается непосредственно, для признанія же чего-либо полезнымъ или вреднымъ нужны объективныя основанія, тѣмъ болѣе, что въ одномъ и томъ же фактѣ могутъ быть и выгодныя, и невыгодныя стороны, и что весьма нерѣдко сами люди, дѣйствительно, „не понимаютъ своей пользы“.

Въ своей дѣятельности, направленной къ полученію выгоды, люди руководятся не непосредственными влеченіями къ тому, что доставляетъ удовольствіе, а сознательнымъ расчетомъ, часто прямо требующимъ отъ че-

ловѣка принесенія чего-либо пріятнаго въ жертву полезному или отказа отъ чего-либо безспорно выгоднаго ради достиженія еще бѣльшей, хотя бы только еще вѣроятной выгоды. Здѣсь требуется, значитъ, разсужденіе, близкое къ разсужденію научному: связь цѣлей съ ведущими въ нимъ средствами такая же, какая существуетъ между слѣдствіями и вызвавшими ихъ причинами, и въ обоихъ случаяхъ нужно знаніе фактовъ. Всѣ утилитарныя примѣненія чистаго теоретическаго знанія, всѣ техническія дисциплины основаны на томъ же принципѣ.

Своимъ раціональнымъ характеромъ утилитарная оцѣнка отличается отъ совершенно ирраціональной оцѣнки эмоціональной: о вкусахъ не спорятъ, но о пользѣ и вредѣ спорить можно и притомъ до чего-нибудь доспориваться путемъ фактическихъ и логическихъ доказательствъ. Пословица: „не пѣхорашу миль, а пѣмилу хорошъ“ очень вѣрно характеризуетъ всякое эмоціональное отношеніе: „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“. Этого ирраціональнаго много и въ художественномъ наслажденіи, и вотъ почему, на мой взглядъ, столь безуспѣшны дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки превратить эстетику въ науку, тогда какъ политическая экономія, изъ всѣхъ гуманитарныхъ наукъ наиболѣе пользующаяся оцѣнкою изучаемыхъ явленій по категоріямъ выгоднаго и невыгоднаго, сразу съумѣла стать на вполне научную почву.

Оцѣнивать съ утилитарной точки зрѣнія историческіе факты, имѣя въ виду лишь опредѣленный человѣческій коллективъ, къ которому принадлежитъ и самъ оцѣнивающій, — не можетъ быть задачею науки, поскольку это слишкомъ субъективно, но, съ другой стороны, историкъ не можетъ не принимать въ расчетъ, что событія или бытовья формы, которыя онъ изучаетъ, такъ или иначе (и именно выгоднымъ или невыгоднымъ образомъ)

отражались на судьбахъ и положеніи цѣлыхъ націй или государствъ либо отдѣльныхъ группъ населенія въ той или другой странѣ. Вся исторія состоитъ изъ переменъ, отъ которыхъ однимъ, какъ говорится, тепло, другимъ—холодно. Улучшенія и ухудшенія въ положеніи разныхъ человѣческихъ коллективовъ, какъ слѣдствія извѣстныхъ событій или бытовыхъ измѣненій, тоже вѣдь реальныя факты, подлежащія вѣдѣнію исторической науки. Иногда о невыгодности для кого-либо той или другой переменной мы узнаёмъ изъ жалобъ раздающихся со стороны потерпѣвшихъ, — жалобъ, основательность которыхъ, однако, подлежитъ еще критикѣ, насколько онѣ оправдываются на самомъ дѣлѣ, ибо очень часто люди жалуются на то или другое, имѣя къ тому мало основаній. Показанія постороннихъ лицъ, не заинтересованныхъ въ вопросѣ, — источникъ для историческаго сужденія болѣе надежный, но особенно важными въ подобнаго рода случаяхъ бываютъ статистическія данныя, цифры, указывающія, хуже или лучше стало кому-либо послѣ такой-то переменной, затронувшей, наприм., крестьянскую массу, рабочій классъ и т. п. Въ этомъ отношеніи историкъ, оцѣнивая то или другое положеніе, въ сущности, занимается не чѣмъ инымъ, какъ констатированіемъ факта, установленіемъ слѣдствій даннаго событія, опредѣленіемъ значенія данной переменной бытового характера, сравненіемъ послѣдующаго съ предыдущимъ, подведеніемъ общаго итога подъ отдѣльными фактами. Производя такую работу, онъ не выходитъ изъ области объективныхъ данныхъ и оцѣниваетъ то или другое съ точки зрѣнія полезности или вредности этого для самихъ народовъ или общественныхъ классовъ, испытавшихъ на себѣ изучаемыя имъ переменныя, а не для кого-нибудь посторонняго (получившаго пользу, положимъ, отъ бѣдствія, которое обрушилось на другихъ). Его роль будетъ заключаться въ томъ, чтобы

опредѣлить, кому что было полезно или вредно, насколько объ этомъ можно вообще судить на основаніи фактовъ, и показать, умѣли ли люди надлежащимъ образомъ пользоваться доставшимися на ихъ долю выгодами, или почему въ такомъ-то случаѣ успѣхи смѣнились пораженіями или же еще какъ, наоборотъ, данное національное бѣдствіе пошло на пользу, заставивъ страну предпринять внутреннія преобразованія.

Историки все это и дѣлаютъ сплошь и рядомъ, но и тутъ, когда они начинаютъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности критиковать поведеніе людей, — т.-е. отдѣльных ли дѣятелей, цѣлыхъ ли народовъ, равно какъ организованныхъ въ нихъ группъ, каковы правительства, парламенты, партіи, общества, союзы и т. д., — то на первый планъ выступаетъ политическая мысль, оцѣнивающая прошлое со своей спеціальной точки зрѣнія. Другими словами, въ случаяхъ этого рода историкъ выступаетъ въ роли политика или вѣрнѣе политическаго мыслителя, подобно тому, какъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ историкъ литературы или искусства является вмѣстѣ съ тѣмъ и литературнымъ или художественнымъ критикомъ, историкъ философіи — и самостоятельнымъ мыслителемъ и т. п.

Историка прежде всего должно интересовать, почему и какъ произошло это или то, и каковы были слѣдствія происшедшаго. Если онъ ставитъ вопросъ, что было бы, если бы условія совершившагося были нѣсколько иныя, онъ изъ области фактовъ переходитъ въ область гаданій, и это происходитъ каждый разъ, когда подвергается оцѣнкѣ дѣятельность людей съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Если историкъ-политикъ предпринимаетъ такую оцѣнку съ цѣлью, хотя бы и не вполне сознательно, назиданія относительно правильнаго политическаго поведенія, онъ дѣйствуетъ болѣе въ качествѣ публициста, чѣмъ изслѣдователя, но иногда такой пріемъ помогаетъ

лучше разобраться въ фактическихъ отношеніяхъ. Наприм., историки нерѣдко ставили вопросъ, что было бы, если бы правящія сферы Франціи не противодѣйствовали преобразовательнымъ начинаніямъ Тюрго и дали осуществиться его государственной реформѣ, не предотвратило ли бы это революцію, и даже не сохранилась ли бы во Франціи монархія, если бы король и дворъ послѣдовали совѣтамъ Мирабо. Конечно, отвѣты на подобнаго рода вопросы могутъ даваться на-двое: либо да, либо нѣтъ, но самое обсужденіе шансовъ въ ту или другую сторону можетъ помочь лучше вникнуть въ самую суть положенія. Обсужденіе вопроса, какъ можно было бы поступить, дабы выйти изъ того или другого положенія съ наибольшею для себя ли, для всѣхъ ли пользою, конечно, относится прямо къ области политики, а не исторіи, но тутъ бываетъ очень трудно провести демаркаціонную линію между историческимъ изслѣдованіемъ и политическимъ разсужденіемъ. Только вообще можно сказать, что и здѣсь, какъ вездѣ, дѣло исторіи—изслѣдованіе того, что было, какъ оно было, дѣло политики—оцѣнка происшедшаго съ точекъ зрѣнія государственнаго интереса, общаго блага политической цѣлесообразности, представляющихъ собою лишь разные оттѣнки утилитарной оцѣнки.

XXI. Этическое отношеніе къ прошлому.

Теоретическое, эмоціональное и утилитарное отношенія могутъ у насъ существовать одинаково и къ вещамъ, и къ людямъ, но къ людямъ существуетъ еще одно, совершенно особое отношеніе, котораго съ нашей стороны не можетъ быть къ вещамъ. Я говорю здѣсь объ

отношеніи этическомъ, являющемся точно такъ же, какъ отношенія эмоціональное и утилитарное, основою особаго рода оцѣнки—не по критеріямъ, однако, пріятнаго и полезнаго, а по критерію должнаго ¹⁾).

Римское право, какъ извѣстно, признавало два состоянія, въ какомъ могли находиться люди: свободу и рабство. Для него только свободный былъ „личностью“ (persona), рабъ же былъ только „вещью“ (res), наравнѣ съ домашнимъ скотомъ и неодушевленными предметами. Для болѣе развитого моральнаго сознанія каждый человѣкъ есть личность и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться вещью, разницу же между человѣческой личностью и вещью мы полагаемъ въ томъ, что первая, сама въ себѣ нося цѣль своего существованія, обладаетъ поэтому извѣстнымъ внутреннимъ достоинствомъ, не позволяющимъ превращать ее лишь въ средство для достиженія цѣлей, ей постороннихъ, тогда какъ вещами мы считаемъ себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію для осуществленія тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей, для которыхъ поэтому вещи и имѣютъ значеніе простыхъ средствъ. За личностью мы, такимъ образомъ, признаемъ извѣстное право, нарушеніе котораго называемъ несправедливостью: кромѣ отрицательныхъ характеристикъ, даваемыхъ нами тому, что непріятно или вредно, мы отрицательно относимся еще и къ тому, что несправедливо. Другими словами, рядомъ съ категоріями пріятнаго и полезнаго у насъ есть еще категорія спра-

¹⁾ Это этическое отношеніе къ дѣйствительности и есть тотъ субъективизмъ, который я въ своихъ книгахъ и статьяхъ, указанныхъ въ прим. 2 къ стр. 238 г. называлъ „законнымъ“, въ отличіе отъ разныхъ видовъ „незаконнаго субъективизма“ (см. выше, стр. 241). Болѣе обстоятельно развиты взгляды этическаго содержанія, излагающіеся дальше, въ моихъ „Мысляхъ о сущности нравственности“ (4 изд. 1905 г.).

ведливого, и сами мы многое, что намъ пріятно и полезно, можемъ находить несправедливымъ и, наоборотъ, справедливымъ—многое такое, что для насъ самихъ или непріятно, или невыгодно. Далѣе, отъ непосредственнаго влеченія въ удовольствію и отъ расчета пользы мы отличаемъ, въ качествѣ одного изъ возможныхъ мотивовъ нашего поведенія, чувство долга, могущее властно требовать отъ насъ отказа отъ того, что доставляетъ намъ удовольствіе или приноситъ пользу. Справедливость въ развитомъ нравственномъ сознаніи есть нѣчто должное, это должное мыслится таковымъ внѣ зависимости отъ соображеній наслажденія или пользы: то или другое мы можемъ считать желательнымъ, но очень часто это желательное признаётся нами за недолжное, и когда мы поступаемъ не такъ, какъ намъ подсказываетъ чувство долга, насъ осуждаетъ голосъ нашей собственной совѣсти.

Этическое отношеніе находится въ очень близкомъ родствѣ съ отношеніемъ теоретическимъ. Одно и то же слово „правда“ обозначаетъ у насъ и истину, и справедливость, съ тѣмъ лишь различіемъ, что одна правда имѣетъ дѣло съ существованіемъ, другая — съ долженствованіемъ, одна устанавливаетъ то, что есть или было, какъ оно есть или было, другая же оцѣниваетъ это съ нѣкоторой точки зрѣнія, которой приписывается такая же общеобязательность, какъ и законамъ логики. Конечно, принципиальныя требованія этики далеко не всегда находятъ повиновеніе среди людей, но вѣдь и законы логики — только норма, которой далеко не всѣ и не всегда слѣдуютъ. И съ теоретическимъ, и съ этическимъ отношеніями находятся въ антагонизмъ отношенія эмоціональное и утилитарное, когда наши сужденія какъ о томъ, что есть или было, такъ и о томъ, что должно быть, опредѣляются нашими влеченіями и страстями, интересами и практическими

стремленіями. Безпристрастіе есть добродѣтель и съ теоретико-научной, познавательной точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія этической оцѣнки познанаго. Разныя соображенія, возникающія на почвѣ эмоциональнаго или утилитарнаго отношенія къ явленіямъ жизни, часто диктуютъ историкамъ, какъ слѣдуетъ представлять дѣло, хотя бы ни факты, ни логика не давали для этого ни малѣйшихъ основаній, но со стороны этическаго отношенія къ дѣламъ человѣческимъ не можетъ быть продиктовано ни одного слова, которое могло бы чѣмъ-либо нарушить самыя строгія требованія научности. Въ „ученой совѣсти“ сливаются воедино требованія и правды-истины и правды-справедливости. Чѣмъ выше и шире этическіе идеалы историка, тѣмъ менѣе для него возможна опасность слѣдовать бушменской формулѣ: хорошо, это — когда я украду, дурно — когда у меня украдутъ.

Историку постоянно приходится имѣть дѣло съ мотивами и поступками людей, къ которымъ приложимы этическія понятія должнаго и недолжнаго, справедливаго и несправедливаго, нравственнаго и безнравственнаго, добра и зла, но если бы историкъ сталъ понимать свою задачу лишь въ смыслѣ произнесенія моральнаго суда надъ людьми и ихъ поведеніемъ, онъ исказилъ бы задачу исторіи, какъ науки. Изъ исторіи можетъ извлекаться извѣстное нравственное назиданіе, какъ можетъ извлекаться и политическое наставленіе, но менѣе всего историкъ долженъ быть моралистомъ для другихъ, и лишь о себѣ ему нужно заботиться, чтобы не допускать въ свои сужденія и оцѣнки снисходительнаго, наприм., отношенія къ однимъ и, наоборотъ, строгости къ другимъ, когда и тѣ, и другіе поступали одинаково дурно. Видѣть соломину въ глазу ближняго и не замѣчать бревна въ своемъ одинаково противно требованіямъ и науки, и этики. Несправедливо самому пользоваться безнравствен-

нымъ правиломъ: „цѣль оправдываетъ средство“ и ставить въ укоръ другимъ, когда они поступаютъ совершенно такимъ же образомъ, да и вообще говоря, едва ли какой бы то ни было наукѣ прилично брать подъ свою защиту какія бы то ни было проявленія зла.

Для настоящаго времени не существуетъ опасности превращенія исторіи въ морализирующій видъ литературы, и если съ научной точки зрѣнія, — не расходящейся и съ точкою зрѣнія этической, — и приходится съ чѣмъ-либо считаться при современномъ состояніи исторической литературы, такъ это съ тѣмъ, во-первыхъ, что, какъ-разъ, наоборотъ, „политика“ въ ней часто доминируетъ надъ „этикой“, и что говоря о моральныхъ цѣнностяхъ, которыми занимается историческая наука, многіе не дѣлаютъ различія между цѣнностями безусловными и цѣнностями, являющимися таковыми только для извѣстныхъ человѣческихъ коллективовъ.

По первому пункту здѣсь прибавить нечего въ виду данныхъ выше разъясненій относительно политическаго сужденія въ исторіи, и могущаго быть, и дѣйствительно часто бывающаго не-этичнымъ, но второй пунктъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ современной историко-теоретической литературѣ очень распространено воззрѣніе, въ силу котораго исторія, какъ идіографическая наука, занимается извѣстными цѣнностями, ибо для номологическихъ наукъ каждый экземпляръ чего-либо „свободно можетъ быть замѣненъ любымъ другимъ“ ¹⁾. Для теоретиковъ, становящихся на

¹⁾ *Г. Риккертъ*. Философія исторіи, стр. 51, „Лишь подъ угломъ зрѣнія какой-либо цѣнности, говоритъ авторъ, индивидуальное можетъ стать существеннымъ, и потому уничтоженіе всякой связи съ цѣнностями означало бы также и уничтоженіе историческаго интереса и самой исторіи“. Цѣнность называется у него прямо „предпосылкой исторіи“, стр. 52.

эту точку зрѣнія, историческія цѣнности являются по преимуществу цѣнностями духовными ¹⁾, культурными, въ томъ одобрительномъ смыслѣ слова, когда „культура“ не значитъ просто „быть“, а берется въ значеніи нѣкотораго болѣе высокаго уровня духовныхъ проявленій человека ²⁾. Если, однако, историкъ интересуется лишь тѣмъ, что для него должно имѣть особую внутреннюю цѣнность, то есть опасность, что это будутъ для него цѣнности національныя, вѣроисповѣдныя, патріотическія, классовыя, партійныя, профессиональныя: для нѣмца нѣмецкое будетъ цѣнностью единственною или, по крайней мѣрѣ, большею, чѣмъ всякое другое, для католика—католическое и т. д. Поэтому, на мой взглядъ, очень важна оговорка сторонниковъ отнесенія содержанія исторіи къ понятію цѣнности, заключающаяся въ томъ, что „теоретическое отнесеніе къ цѣнности“ не должно переходить въ „практическую оцѣнку явленій“ ³⁾. Последняя будетъ, конечно, очень неодинаковой въ зависимости отъ превращенія въ своего рода мѣрила разнообразныхъ цѣнностей, имѣющихъ національный, вѣроисповѣдный, партійный и т. п. характеръ. Лучше отказаться отъ ка-

¹⁾ Тамъ же, стр. 66 и слѣд.

²⁾ Ср. выше, стр. 144—145.

³⁾ *Риккертъ*, стр. 69. „Собственные культурные идеалы историка“ поясняетъ Риккертъ свою мысль, совсѣмъ не должны имѣть рѣшающаго значенія при обработкѣ имъ своего матеріала; ему нужно лишь понимать всеобщія культурныя цѣнности людей и народовъ, имъ изображаемыхъ, для того, чтобы посредствомъ чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности отдѣлять существенное отъ несущественнаго“. Впрочемъ, наше „этическое отношеніе“ есть нѣчто иное, нежели риккертское „отвесеніе къ цѣнности“, поскольку последнее помогаетъ отдѣлять существенное отъ несущественнаго. Можно, однако, опасаться, какъ бы при подобной постановкѣ вопроса за существенное не стало во многихъ случаяхъ приниматься субъективно-интересное, вмѣсто объективно-важнаго.

кой бы то ни было оцѣнки въ исторіи ¹⁾), нежели дѣлать критеріями условныя патріотическія, конфессіональныя и т. д. точки зрѣнія и замѣнять ими безусловную, общечеловѣческую точку зрѣнія чистой этики.

Дѣлая различіе между цѣнностями для даннаго мѣста и времени и цѣнностями безусловными, т.-е. пріемлемыми, какъ таковыя, для всѣхъ людей, наравнѣ, напр., съ безусловными истинами логики, я менѣе всего рекомендую примѣненіе какихъ-либо абсолютныхъ нравственныхъ требованій къ людямъ всѣхъ странъ и эпохъ. То, чего мы въ правѣ ожидать отъ людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи, было бы страннымъ желать встрѣтить у народовъ, едва вышедшихъ изъ состоянія первобытной дикости: это было бы несправедливо и, какъ таковое, ненаучно. И для историческаго суда, какъ для суда государственнаго, должны существовать случаи невмѣняемости и смягчающія обстоятельства: здѣсь

¹⁾ Если бы это было возможно! Впрочемъ, вотъ точка зрѣнія чистаго объективизма: *Ксенополь* рекомендуетъ историку „воздерживаться отъ всякой оцѣнки и строго ограничиваться установленіемъ фактовъ, сообразно дѣйствительности, съ указаніемъ ихъ причинъ. Оцѣнка всѣхъ точекъ зрѣнія—дѣло читателя. Онъ примѣнитъ понятіе цѣнности ко всѣмъ фактамъ, которые проходятъ передъ его глазами эту оцѣнку онъ совершаетъ сообразно тѣмъ идеямъ, которыя найдутся въ его распоряженіи. Дѣло читателя судить и оцѣнивать факты. Историкъ не можетъ выполнять это дѣло разомъ за всѣхъ, и система цѣнностей, которую онъ примѣнитъ къ историческимъ фактамъ, не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ той, чтобы навязать свой образъ зрѣнія всѣмъ, кто будетъ его читать“. Понятіе цѣнности въ исторіи, стр. 20 — 21. Но, во-первыхъ, почему самого историка лишать того права, которое признается за его читателями? Во-вторыхъ, дѣло идетъ о нѣкоторомъ сверхъ-индивидуальномъ критеріи, и, наконецъ, если опасаться, какъ бы читателямъ не было что-либо навязано, то нужно было бы устранить изъ исторіи всякія разсужденія, дѣланіе выводовъ и т. п. Главное же, это—то, что этическая оцѣнка, хотя бы и прикровенная, просто-на-просто неизбежна.

это — и степень цивилизації, и общее нравственное состояние общества, и невѣжество и нищета того или другого общественнаго класса, и угнетенія, доводившія людей до изступленія и т. п. Историкъ даже приходится скорѣе осуждать не столько людей, сколько порядки, а осуждая послѣдніе, принимать въ расчетъ и условія, ихъ породившія, и другіе порядки, часто еще худшіе, на смѣну которыхъ тѣ пришли. Возьмемъ, напр., столь развитое въ прошломъ явленіе, какъ рабство, превращавшее однихъ людей, какъ вещи, въ собственность другихъ людей. Конечно, оно было „смягченіемъ“ болѣе ранняго обращенія съ военноплѣнными, которыхъ просто убивали и (было такое время) съѣдали, но существованіе рабства у варваровъ или у народовъ, причастныхъ цивилизації, вызывается въ насъ далеко не одинаковое отношеніе, особенно, напр., когда рабство существовало въ странѣ съ болѣе свободнымъ политическимъ строемъ. Прибавлю, что встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ оправданія рабства, какъ исторической необходимости, оказавшейся полезною для цивилизації, едва ли могутъ быть признаны за правильныя: исторической необходимости совершенно достаточно быть только объясненною, полезность же рабства для цивилизації можетъ послужить основаніемъ никакъ не для оправданія рабства, а скорѣе для осужденія цивилизації: конфликтъ между утилитарнымъ и этическимъ отношеніями къ одному и тому же вопросу!

Привлеченіе къ оцѣнкѣ того, что было, по критерію справедливости и истины, критерію правды, моральнаго добра, идеаловъ должнаго и всякаго совершенства, разъ мы имѣемъ въ виду все прошлое человечества, ставитъ насъ на высоту философскаго отношенія къ исторіи, въ которомъ добытое научнымъ, т.-е. теоретическимъ къ ней отношеніемъ дополняется отношеніемъ, въ основѣ

своей этическимъ, субъективнымъ, и этимъ достигается общая философская правда объ исторіи.

Что такое философія и въ чемъ заключаются взаимныя отношенія философіи и науки, различными лицами, писавшими объ этомъ, понимается далеко не одинаково, но разсматривать здѣсь этотъ вопросъ сколько-нибудь подробно было бы излишнимъ; достаточно будетъ ограничиться самымъ существеннымъ и важнымъ ¹⁾.

Какъ философія вообще, такъ и философія исторіи можетъ быть или религіозною (теологическою), или метафизическою, или научною. Всякая религіозная философія исторіи относится къ области вѣры, а не знанія, и основнымъ ея пунктомъ на общехристіанской почвѣ является вѣра въ то, что ходомъ исторіи управляетъ Провидѣніе, пути котораго признаются, однако, неисповѣдимыми. Въ общемъ, это — оптимистическая вѣра, ибо пути божественнаго Промысла могутъ быть только благими. Въ метафизической философіи исторіи прошлое человечества мыслится въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ пониманіемъ сущности мірового процесса, скрывающейся за предѣлами доступнаго знанію міра явленій, причемъ на вопросъ объ этой сущности дается или оптимистическій отвѣтъ, какъ у Гегеля, или пессимистическій, какъ у Шопенгауера или у Гартмана ²⁾. Научная философія исторіи отказывается отъ проникновенія въ область неисповѣдимаго, которое можетъ быть только предметомъ вѣры, и отъ постиженія сущности, скрывающейся подъ внѣшней видимостью вещей, поскольку здѣсь мѣсто только однѣмъ гипотезамъ, и беретъ исторію такъ, какъ

¹⁾ Отсылаю къ прим. на стр. 234. Болѣе подробно, чѣмъ въ другихъ своихъ статьяхъ, свой взглядъ на сущность философіи я выказалъ въ статьѣ подъ № 34.

²⁾ Объ оптимизмѣ и пессимизмѣ въ философской оцѣнкѣ исторіи см. „Осн. вопр. фил. ист.“, кн. II, гл. 5 (гл. 10 по 3 изд.).

намъ ее реконструируетъ наука, тоже ставя, однако, вопросъ объ общей оцѣнкѣ хода исторіи и лишь рѣшая его на основаніи фактовъ, а не вѣры или гипотезъ.

Это — вопросъ о томъ, въ концѣ концовъ, ведетъ ли историческій процессъ къ торжеству истины и справедливости и къ возможно наибольшему благосостоянію человѣчества, или вопросъ о прогрессѣ.

Исторія идеи прогресса ¹⁾ показываетъ, что у идеи есть два источника, изъ которыхъ одинъ — въ наблюденіи надъ явленіями исторической дѣйствительности, другой — въ сферѣ нашихъ идеаловъ, въ чаяніяхъ сердца, въ томъ жизненномъ оптимизмѣ, въ которомъ проявляется воля къ жизни и заключенному въ жизни добру. Ранѣе всего подмѣчено было существованіе умственного прогресса въ развитіи знаній, въ увеличеніи пониманія, въ усиленіи власти надъ природой, и только позднѣе стали находить, что прогрессъ совершается еще какъ въ нравственной, такъ и въ общественной жизни человѣчества. Возникающіе на фактической почвѣ взгляды и доказываются фактами, и фактами же провѣряются и ими же опровергаются, если обобщенія оказываются слишкомъ произвольными. Прошлое, насколько оно намъ исторически извѣстно, даетъ богатый матеріалъ для тѣхъ или другихъ заключеній, лишь бы послѣднія дѣлались при соблюденіи всѣхъ условій научности. Отчасти на основаніи прошлаго историческая наука можетъ дѣлать и заключенія о будущемъ, но какъ таковое, послѣднее для насъ является гораздо больше предметомъ желаній и упованій, чѣмъ предметомъ положительнаго знанія ²⁾. Въ идеѣ прогресса заключается не только оцѣнка прошлаго, какимъ мы его

¹⁾ См. объ этомъ мою статью, названную выше (стр. 35) подъ № 41, равно какъ, О. В. Ф. И.; кн. I, гл. 5.

²⁾ *Ex praeterito spes in futurum!*

себѣ представляемъ на основаніи самыхъ широкихъ обобщеній исторической науки, но и построение идеала, осуществление котораго въ будущемъ нами желается и чается. Въ этой своей части, или, вѣрнѣе говоря, въ этой своей сторонѣ философія исторіи имѣетъ значеніе не научнаго подведенія итоговъ надъ прошлымъ съ извѣстнаго рода ихъ оцѣнкою, а плода той же категоріи человѣческаго творчества, къ которой относятся и религіозныя вѣрованія, да и на самомъ дѣлѣ прогрессъ, какъ самое главное въ общемъ ходѣ исторіи, взятаго и въ его прошедшемъ, и въ его будущемъ, есть, въ сущности, предметъ вѣры, а не знанія.

Золотымъ вѣкомъ идеи прогресса были вторая половина XVIII и первая половина XIX столѣтій, эпоха оптимистическихъ упованій просвѣщенія философскаго вѣка, романтическаго идеализма, нѣмецкой метафизики на рубежѣ обоихъ столѣтій и утопическаго социализма начала прошлаго вѣка, когда въ умственной жизни Европы творчество господствовало надъ изслѣдованіемъ, и гуманитарныя знанія не находились еще подъ вліяніемъ принциповъ, формулъ и лозунговъ естествознанія. Съ середины XIX в. идея прогресса все болѣе и болѣе стала вытѣсняться понятіемъ эволюціи, не заключающимъ въ себѣ никакой качественной оцѣнки. Тѣмъ не менѣе, именно, въ томъ, что въ мірѣ совершается эволюція, порождающая все новыя и новыя формы, также заключается одно изъ основаній не отвергать идею прогресса въ качествѣ пережитка мистическихъ и романтическихъ фантазій.

Этическое, — не одно только теоретическое, какъ въ естествознаніи, — отношеніе къ человѣческимъ дѣламъ, которыми занимаются гуманитарныя и въ ихъ числѣ общественныя науки, нисколько не противорѣчитъ теоретическому, строго научному отношенію, лишь бы всегда со-

знавалось различіе между тѣмъ, что есть и бываетъ, и тѣмъ что должно быть, что желательно. Этическій элементъ все болѣе и болѣе проникаетъ и въ науку права по особой близости права и нравственности ¹⁾, равно какъ въ государственовѣдѣніе и въ политическую экономію, которыя въ прежнія времена нерѣдко забывали, что „не человекъ существуетъ для субботы, а суббота для человека“, т.-е. игнорировали достоинство, права и интересы человеческой личности передъ государствомъ и національнымъ богатствомъ, какъ отвлеченно взятыми предметами своихъ научныхъ изслѣдованій и построеній.

Съ этой же, т. е. этической точки зрѣнія и исторія заинтересовалась больше судьбами самихъ людей, надъ которыми историческій процессъ дѣлалъ свое дѣло, сравнительно съ бытовыми формами, которыя, конечно, можно изучать совершенно „объективно“, нисколько не задаваясь вопросомъ о томъ, что отъ этихъ формъ претерпѣвалось тѣми или другими людьми ²⁾.

XXII. Историческая наука и общественная жизнь.

Научность историческаго знанія, какъ мы видѣли, зависитъ отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій, въ числѣ которыхъ важное мѣсто принадлежитъ устраненію разныхъ житейскихъ вліяній на научную работу историка: вліяній національныхъ, партійныхъ и другихъ имъ подобныхъ. Но, требуя этого устраненія, не отрѣшаемъ ли мы

¹⁾ Ср. мои статьи „Нужно ли возрожденіе естественнаго права?“ и „Естественное право и субъективная социологія“ (№№ 67 и 68).

²⁾ Строго филологическая или археологическая точка зрѣнія наиболѣе этому и соотвѣтствуютъ. Ср. выше, стр. 84—86 и 106.

историческую науку отъ жизни, не придаемъ ли мы этой наукѣ отвлеченный, сухой, мертвенный характеръ, не дѣлаемъ ли ихъ занятія ею нѣчто, интересное и доступное только для вучки кабинетныхъ ученыхъ, далеко стоящихъ, въ своемъ уединеніи, отъ общественной жизни съ ея тревоженіями?

Дѣло, дѣйствительно, находится въ такомъ положеніи, что исторіи нужно отказаться или отъ права называться наукою, или отъ подчиненія своихъ выводовъ соображеніямъ, вытекающимъ изъ такъ называемыхъ требованій жизни. Въ сущности, однако, сама жизнь ничего не требуетъ и требовать не можетъ: могутъ требовать и на самомъ дѣлѣ требуютъ люди, очень неодинаково понимающіе эту самую жизнь въ зависимости отъ своихъ интересовъ, страстей и привитыхъ воспитаніемъ взглядовъ, а это—такіе факторы, подчиненіе которымъ историческаго знанія, какъ мы видѣли, и лишаетъ его научнаго значенія.

Давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что настоящее научное знаніе въ исторіи возможно лишь на извѣстномъ отдаленіи отъ насъ изучаемой нами эпохи. Причинъ этого двѣ. Одна заключается въ томъ, что въ сутолокѣ жизни невозможно тотчасъ же хорошо разобраться въ происходящемъ вокругъ насъ, другая причина—въ томъ, что всѣмъ происходящимъ вокругъ насъ слишкомъ затрогивается вся наша субъективность, т.-е. наши интересы и симпатіи, наши надежды и опасенія, наши расчеты и стремленія. Обѣ эти причины дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, т.-е. и факты далеко не всѣ бывають намъ извѣстны, а извѣстные не могутъ быть поставлены въ необходимую между собою связь, и оцѣнка этихъ фактовъ не можетъ быть столь же безпристрастною, какъ это бываетъ по отношенію къ „дѣламъ давно минувшихъ дней, преданьямъ старины глубокой“.

Было бы ошибочно думать, что современники знают то, что вокругъ нихъ происходитъ, лучше, нежели слѣдующія за ними поколѣнія. Во-первыхъ, многое дѣлается, такъ сказать, за кулисами исторіи, даже при господствѣ наибольшей гласности. Нужно время, чтобы иные факты, оставшіеся неизвѣстными современникамъ, выплыли на свѣтъ божій, чтобы были опубликованы всякія переписки, воспоминанія, открыты были архивы, сдѣлались доступными изслѣдователямъ секретные документы. Современникъ вынужденъ о многомъ говорить по непровѣреннымъ и не могущимъ быть провѣренными слухамъ, часто ложнымъ, преднамѣренно пущеннымъ въ оборотъ для какихъ-либо цѣлей, говорить о многомъ только на основаніи могущихъ оказаться неосновательными догадокъ, а о многомъ не только ничего точнаго не знаетъ, но даже и не догадывается. Во-вторыхъ, дабы каждому факту отвести надлежащее мѣсто въ историческомъ процессѣ, необходимо, чтобы были извѣстны не только причины и условія его возникновенія, но и его послѣдствія. На извѣстномъ хронологическомъ отдаленіи не такъ трудно видѣть, что вышло изъ даннаго факта, будетъ ли это какое-либо событіе, или какое-либо новое бытовое явленіе, современники же, которые не въ состояніи все предвидѣть и предсказать, какъ пойдутъ дѣла дальше, склонны переоцѣнивать или не дооцѣнивать факты въ зависимости отъ своихъ стремленій, надеждъ, ожиданій, расчетовъ и т. п. Историкамъ сплошь и рядомъ приходится отмѣчать, какъ часто и жестоко ошибались современники событій, возлагая на нихъ тѣ или другія упованія. Весь путь исторіи прямо-таки усѣянъ разочарованіями, разбитыми надеждами, не оправдавшимися ожиданіями, свидѣтельствующими о томъ, какъ превратно современники иногда понимали то, что вокругъ нихъ происходило. Вотъ почему научная исторія своего времени невоз-

можно, и, такимъ образомъ, только историкъ, который стоитъ на нѣкоторомъ разстояніи, обладаетъ бѣльшимъ количествомъ матеріала, лишь позже поступившаго въ оборотъ, и видитъ, что изъ чего вышло, или изъ чего, на оборотъ, ничего не вышло, — можетъ хорошо разобратъся въ происходившемъ. Въ лѣсу или въ горахъ легко заблудиться, и чтобы ориентироваться въ лѣсной или горной мѣстности и выбратъся куда-либо на просторъ, нужно подняться на извѣстную высоту, откуда можно было бы видѣть бѣльшее пространство и бѣльшее количество предметовъ, нежели среди деревьевъ, окружающихъ лѣсную тропинку, или скаль, стоящихъ направо, налево, впереди. Чтобы видѣть большое зданіе, также нужно подалъше отойти отъ его стѣнъ. Только по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, отвѣты на которые можно получать анкетнымъ путемъ, современники, конечно, поставлены въ лучшее положеніе, чѣмъ послѣдующія поколѣнія, совершенно лишеныя какой бы то ни было возможности собирать этимъ способомъ свѣдѣнія о прежнихъ временахъ.

Исторической критикѣ въ извѣстіяхъ, оставленныхъ современниками, всегда приходится учитывать степени освѣдомленности авторовъ этихъ извѣстій и поправлять ошибки, сдѣланныя ими въ сужденіяхъ о значеніи тѣхъ или другихъ фактовъ, — ошибки, такъ сказать, чисто теоретическія. Но еще больше, какъ уже неразъ было выше отмѣчено, на пониманіи современниками того, что вокругъ нихъ происходитъ, сказывается вліяніе ихъ интересовъ и стремленій, симпатій и антипатій, желаній и ожиданій, предубѣжденій, предрасудковъ и т. д., т.-е. всего того житейскаго, что находится въ сознательномъ или безсознательномъ антагонизмѣ съ объективною истиной.

Итакъ, для сохраненія за исторіей научности извѣстное устраненіе ея отъ вліянія элементовъ, являющихся

въ жизни столь могучими факторами, какъ интересы и страсти, безусловно необходимо. Но это еще не значитъ, что историческая наука должна быть ограждена отъ жизни какою-то китайскою стѣною или, больше того, замурована въ склепы, куда не проникалъ бы ни лучъ свѣта, ни единый звукъ изъ жизни, играющей у гробового входа.

Требованіями жизни, т.-е., въ сущности, требованіями людей съ очень, коротко говоря, неодинаковыми формулами жизни, не могутъ, не должны диктоваться отвѣты на научные вопросы, которые должны и могутъ быть разрѣшаемы только на фактическихъ и логическихъ основаніяхъ, но это не значитъ, что жизнь не имѣетъ права задавать исторической наукѣ тѣ или другіе вопросы, которые ею разрѣшались бы совершенно автономно.

Конечно, по отношенію къ цѣлому ряду предметовъ, вообще подлежащихъ вѣдѣнію исторической науки, до послѣдней не доходитъ ни единый звукъ голоса жизни. Есть вопросы, способные интересовать только специалистовъ, даже только самый тѣсный кружокъ очень узкихъ специалистовъ, дѣлающихъ свое учено дѣло, часто и весьма важное дѣло самодовлѣющей науки. И рядомъ съ этими вопросами спеціальной эрудиціи есть вопросы, волнующіе болѣе широкіе круги общества, вопросы общественной жизни, національнаго и государственнаго существованія и развитія, политическихъ, соціальныхъ, правовыхъ, экономическихъ отношеній, народнаго просвѣщенія и т. п. Къ нимъ въ обществѣ есть и теоретическій интересъ, хотя бы не всегда обособленный и отграниченный отъ другихъ стремленій, и интересъ практической, заставляющій людей очень различнаго положенія въ обществѣ искать въ исторической наукѣ тѣхъ или другихъ указаній. Пусть жизнь задаетъ наукѣ новые и новые вопросы: чѣмъ больше она будетъ ихъ задавать,

тѣмъ будетъ, въ общемъ, лучше для самой же науки, но подѣ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самодовлѣющая, автономная наука рѣшала эти вопросы по своему разуму и по своей совѣсти, а не ради удовлетворенія тѣхъ или другихъ требованій жизни, которыя, въ послѣднемъ анализѣ, всегда суть только стремленія, интересы, желанія отдѣльныхъ лицъ или группъ. Отъ жизни наука можетъ брать на себя порученія лишь одной категоріи—искать истину, говорить правду, и чѣмъ больше наука будетъ исполнять такихъ порученій, тѣмъ лучше для жизни, хотя бы отъ этого было тѣмъ хуже для всѣхъ неразумныхъ и несправедливыхъ ея требованій, которыя, еще разъ повторяю, суть только требованія извѣстныхъ категорій членовъ общества или частей человѣчества.

Таковы должны быть взаимныя отношенія общественной жизни и исторической науки. Этимъ наука не отрѣшается отъ жизни, чтобы замуровать себя въ гробовомъ склепѣ, а только размежевываются сосѣднія области и опредѣляются права и обязанности обѣихъ сторонъ. Право науки—ни отъ кого не зависѣть въ своихъ рѣшеніяхъ, право жизни—требовать, чтобы наука ей служила; обязанность науки—служить жизни, но не угождать кому бы то ни было, берущему на себя смѣлость отъ имени жизни предъявлять наукѣ свои требованія, обязанность жизни не диктовать наукѣ тѣхъ отвѣтовъ, которыя наука должна давать, а ограничиваться лишь одною постановкою вопросовъ, нуждающихся въ научномъ разрѣшеніи.

Во всякой сферѣ человѣческой дѣятельности, въ наукѣ также вообще и въ частности въ исторической наукѣ устанавливаются свои законы и правила, свои традиціи, шаблоны и рутина, которые легко приводили бы къ застою и мертвенному состоянію, если бы, вульгарно выражаясь, наука варилаь только въ своемъ собствен-

номъ соку и тѣмъ самымъ была обречена на повтореніе задовъ или охраненіе установившихся догматовъ. Великіе историки XIX в., оставлявшіе послѣ себя цѣлыя школы учениковъ, отмѣчали своею дѣятельностью крупныя этапы въ прогрессивномъ движеніи исторической науки, но каждый изъ нихъ былъ сыномъ своего времени, отражавшемъ на себѣ тогдашнее пониманіе исторіи, и потому „меньшіе“ историки, составлявшіе школу того или другого изъ крупныхъ мастеровъ, оказывались часто отстававшими отъ общаго движенія, разъ въ направленіи своего учителя видѣли „последнее слово“ науки. Своего рода рутина грозила бы и всей исторической наукѣ, если бы въ одномъ отношеніи она не прислушивалась къ голосу жизни, не бралась именно за новыя темы, въ которыхъ проявляется духъ времени.

Историкъ нашей науки нетрудно показать на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ кругъ предметовъ, входящихъ нынѣ въ область исторической науки, постепенно расширялся въ зависимости отъ движенія самой жизни. Въ доброе старое время, когда абсолютное государство поглощало въ себя всѣ проявленія общественной жизни, въ историческихъ сочиненіяхъ мы видимъ, главнымъ образомъ, государей, министровъ, дипломатовъ, полководцевъ, и только со времени выступленія народныхъ массъ историки начинаютъ интересоваться и народною стихіей. Процессъ демократизаціи жизни отразился и на этой демократизаціи историческаго интереса. Когда не было независимаго общественнаго мнѣнія, когда ни литература, ни философія, ни наука не играли большой общественной роли, историкамъ и въ голову не приходило включать движеніе духовной культуры и исторію идей въ кругъ своихъ научныхъ занятій: нужно было, чтобы идеи показали свою силу въ жизни, и тогда лишь общіе историки стали все больше обращать свои взоры въ эту сто-

рону. Было время, когда это было нововведеніемъ, заставлявшимъ немало о себѣ говорить, и Шлоссеръ на такомъ отношеніи къ литературѣ пріобрѣлъ даже славу. Еще въ серединѣ XIX в. нашъ Грановскій рассуждалъ такъ, что для историка, занимающагося послѣдними вѣками, нужно-де знаніе и политической экономіи. На этомъ взглядѣ сказалось общее направленіе исторической науки въ первой половинѣ XIX в. Научный интересъ къ экономической исторіи развился подъ вліяніемъ того значенія, какое вопросъ получилъ съ середины XIX в. въ общественной жизни, въ политическихъ движеніяхъ, въ обостреніи соціальной борьбы. Самое возникновеніе соціального вопроса и развитіе социализма заставили историковъ, раньше игнорировавшихъ эту сторону исторіи, обратить на нее вниманіе. Наприм., первые историки французской революціи видѣли въ ней, главнымъ образомъ, политическую борьбу и лишь со времени обостренія борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ стали искать прецедентовъ этой борьбы и во французской революціи. Даже на изученіи античнаго міра сказались тѣ измѣненія въ историческомъ пониманіи, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ движенію самой исторической жизни, т. е. соціальная борьба нашего времени заставила обратить большее вниманіе на аналогичные факты въ исторіи грековъ и римлянъ. Извѣстная книга Пельмана „Социализмъ и коммунизмъ античнаго міра“ въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего времени.

Можно было бы привести еще множество примѣровъ въ подтвержденіе того, что историческая наука беретъ за новыя темы подъ вліяніемъ и движенія самой жизни (вромѣ, конечно, переходовъ отъ темъ къ темамъ, обусловленныхъ внутреннимъ развитіемъ самой науки). Чѣмъ, какъ не переживавшимся во Франціи въ эпоху реставраціи историческимъ моментомъ, объяснить, что излюб-

ленными темами тогдашнихъ либеральныхъ историковъ сдѣлалось прошлое третьяго сословія, предковъ буржуазіи, борьба средневѣковыхъ городовъ съ феодальнымъ міромъ, возникновеніе представительныхъ учрежденій, въ особенности англійскаго парламента, англійскія революціи XVІІ вѣка и контръ-революція въ Англіи въ эпоху реставраціи Стюартовъ? Все это были темы, интересъ къ которымъ подсказывался общественными причинами. На исторіографіи французской революціи тоже можно было бы прослѣдить многое въ такомъ же смыслѣ. Установленіе во Франціи деспотическаго режима Наполеона ІІІ вызвало историческій вопросъ, почему французы, совершившіе столько революцій во имя политической свободы, въ концѣ концовъ должны были подпасть подъ абсолютную власть новаго цезаря,—вопросъ, отвѣтомъ на который была геніальная книга Токвиля „Старый порядокъ и революція“.

Не условіями ли русской общественности объясняется то, что у насъ столько писалось по крестьянскому и аграрному вопросамъ во Франціи? По крайней мѣрѣ, о себѣ могу сказать, что моя книга „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVІІІ вѣка“ находится въ извѣстной зависимости отъ великаго акта 19 февраля 1861 года.

Отправленіе отъ современности къ историческому прошлому—явленіе вполне законное, поскольку касается выбора темы, постановки вопроса, исходной точки зрѣнія. Если въ математикѣ разрѣшеніе одной научной задачи ставитъ на разрѣшеніе новую задачу, вытекающую изъ первой, то въ исторіи такого логическаго перехода отъ темы къ темѣ не наблюдается. Одинъ историкъ можетъ продолжать работу, недодѣланную другимъ, начавъ ее съ того мѣста, гдѣ этотъ другой остановился, но, кромѣ того, на ту или другую тему историкъ наталки-

вается или новымъ найденнымъ матеріаламъ, въ родѣ знаменитой „Аѳинской политіи“ Аристотеля, породившей за послѣдніе два десятка лѣтъ цѣлую литературу, или какими-нибудь обстоятельствами момента, переживаемаго общественною средою. Сейчасъ насъ интересуетъ только это послѣднее отношеніе, т.-е. насколько жизнь вліяетъ на науку, и настоящее отражается на пониманіи прошлаго.

Здѣсь уместно коснуться одного изъ такихъ вліяній, выражающагося въ такъ называемой модернизациі прошлаго. По ея поводу мнѣ припоминается анекдотъ изъ учебной книжки французскаго языка временъ моего дѣтства: мальчикъ, возвратившись изъ гостей домой, съ удивленіемъ говоритъ своимъ родителямъ, что тамъ, гдѣ онъ былъ, „Ивана зовутъ Яковомъ“, потому что болѣе естественнымъ ему казалось, чтобы и тамъ слуга назывался Иваномъ. Стремленіе приблизить къ намъ что-либо путемъ перенесенія на данный предметъ имени или характеристики чего-нибудь болѣе намъ знакомаго, лучше извѣстнаго—явленіе очень распространенное въ обыденной жизни, и потому въ чужой семьѣ анекдотическому мальчику было бы болѣе понятенъ слуга, называющійся Иваномъ, а не Яковомъ. Не то же ли самое мы имѣемъ и въ томъ случаѣ, когда житель провинціальнаго города, показывая у себя пріѣзжему петербуржцу главную улицу, говоритъ: „это нашъ Невскій проспектъ“?—Мы даже не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, какъ часто мы прибѣгаемъ къ этому приему и до какой степени онъ напоминаетъ довольно модную въ наши дни модернизацию прошлаго не то въ видахъ сдѣлать его намъ болѣе понятнымъ, не то съ цѣлью объясненія прошлаго, менѣе намъ извѣстнаго, по аналогіи съ болѣе намъ знакомою современностью.

Когда въ подобнаго рода случаяхъ дѣло касается только

словъ, языка, стиля, существо науки этимъ нисколько не затрогивается, и все ограничивается, такъ сказать, литературнымъ приѣмомъ, представляющимъ собою дѣло вкуса. Знаменитый, — между прочимъ, своимъ балагурствомъ на каѳедрѣ, — профессоръ Московскаго университета Никита Крыловъ вкладывалъ въ уста Цезарю передъ переходомъ черезъ Рубиконъ такое обращеніе къ войску: „ребята! надѣвай штаны и мундиры“, и это былъ обычный приѣмъ профессора-шутника, поддерживавшаго такимъ способомъ вниманіе своей аудиторіи. Почему и римскую сенаторскую тогу не называть служебнымъ мундиромъ, если это кажется эффектнѣе и притомъ не заключаетъ въ себѣ покушенія на существо дѣла? Только при крайнемъ пуризмѣ въ этомъ отношеніи можно было бы протестовать, наприм., противъ обозначенія римскихъ земледѣльцевъ новымъ словомъ „крестьяне“. На дѣлѣ, модернизация историческихъ терминовъ — дѣло вкуса, а вкусъ бываетъ разный: и хорошій, и дурной.

Другое дѣло — модернизация прошлаго не въ смыслѣ изложенія въ современныхъ терминахъ того, что было, а въ смыслѣ перенесенія въ прошлое современныхъ идей, чувствъ, отношеній, учрежденій, своеобразное примѣненіе сравнительнаго метода, какъ бы стирающаго разницу между бывшимъ и теперешнимъ и представляющаго чужихъ „Якововъ“ въ образѣ своего „Ивана“, какъ болѣе близкаго и знакомаго. Объяснить что-либо менѣе извѣстное и далекое ссылкой на что-нибудь болѣе привычное и современное — дѣло допустимое, лишь бы не было при этомъ отождествленія, могущаго представить прошлое въ освѣщеніи, взятымъ изъ современной жизни и потому все-таки ложномъ по отношенію къ освѣщаемому предмету. Не нужно давать современности такъ овладѣвать нашими представленіями и понятіями, чтобы казаться (или даже быть) лишеннымъ способности мыслить пред-

ставленіями и понятіями другихъ временъ,—иначе не оберешься анахронизмовъ не въ грубомъ, а въ болѣе, такъ сказать, утонченномъ смыслѣ слова. Современность — лишь оди́нь моментъ въ теченіи временъ, и какъ ея терминологія, такъ и идеологія столь же обусловлены мѣстомъ и временемъ, какъ это было и во времена Цезаря или царя вавилонскаго Хаммураби ¹⁾).

Есть еще одна тема, имѣющая отношеніе къ вопросу о связи, какая должна существовать между историческою наукою и общественною жизнью, но эта тема уже выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ значеніе исторической науки трактуется въ настоящей книгѣ. Я имѣю въ виду вопросъ о томъ, какое вліяніе историческое знаніе можетъ оказывать на общественную жизнь и на общественную дѣятельность. Это — вопросъ очень интересный, но его мѣсто не въ теоріи историческаго знанія, а въ изученіи жизненной практики, беря ее въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ самой грубой формѣ онъ можетъ быть поставленъ въ смыслѣ пользы, приносимой историческою наукою въ разныхъ сферахъ обществен-

¹⁾ Проф. Р. Ю. Випперъ видитъ „въ очень распространенномъ протестѣ противъ такъ называемой модернизации древней исторіи“ „нѣчто похожее на страхъ передъ новыми словами“, опасеніе, что „новыя названія искажаютъ истинный характеръ старины, стираютъ ея своеобразие“. Самъ онъ защищаетъ модернизацию слѣдующимъ образомъ: „мы находимъ близость, сходство между условіями старинными и современными, мы хотимъ обозначить посредствомъ *модернизации* нѣкоторый элементъ постоянства жизненныхъ условій, повторяемости историческихъ элементовъ. Вводя термины современной жизни, мы хотимъ прибавить новую черту“. Очерки теоріи историческаго познанія, стр. 175—176. Онъ готовъ видѣть здѣсь лишь споръ о словахъ, хотя „съ новымъ словомъ соединяется новый оттенокъ, одобряемый одними, осуждаемый другими“. Объ опасной сторонѣ модернизации см. В. П. Бузескуль. Введеніе въ исторію Греціи, стр. 510 (по изд. 1904 г.).

наго бытія, въ болѣе тонкой, но и болѣе сложной постановкѣ это—вопросъ о вліяніи исторической науки и создаваемого ею историческаго отношенія къ дѣйствительности на человѣческую психику, а чрезъ нее и на общественное поведеніе людей. Мнѣ не разъ уже приходилось затрогивать эту тему по разнымъ поводамъ ¹⁾, причемъ за тѣмъ, что я назвалъ бы, за неимѣніемъ лучшаго термина, „прикладнымъ историзмомъ“, я признаю особое значеніе въ смыслѣ развитія чувства дѣйствительности, устраняющаго изъ нашего міросозерцанія всякій романтизмъ и утопизмъ. Только историческое отношеніе къ дѣйствительности можетъ служить основой для трезваго пониманія современности, какъ переходнаго момента отъ прошедшаго, продолжающаго въ извѣстной мѣрѣ господствовать надъ будущимъ, къ этому самому будущему съ ограниченнымъ количествомъ возможностей, имѣющихся для него въ настоящемъ. Поскольку вообще наука призвана и въ состояніи оказывать вліяніе на теченіе общественной жизни, направляемое дѣятельностью людей, одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи должно принадлежать историческому знанію и пониманію ²⁾.

¹⁾ Въ перечнѣ моихъ работъ см. №№ 45, 47, 50 и 73.

²⁾ Мой взглядъ на важное значеніе историзма и историческаго отношенія къ дѣйствительности встрѣтилъ въ свое время рядъ возраженій со стороны покойнаго *Н. К. Михайловскаго*, перепечатанныхъ, между прочимъ, въ гл. VII перваго тома его „Откликовъ“ (1904). Находя, что я преувеличиваю значеніе исторіи, авторъ самъ также преувеличивалъ, говоря, что я приписываю исторіи „верховную роль“, желаю „сдѣлать изъ своей науки царицу міра“, воздвигаю историзму „всемирный тронъ“, и даже прибавлялъ, что „начинаетъ бояться того, что Ницше называлъ чрезмѣрностью исторіи (Uebermass der Geschichte)“. Именно, разъ „умъ воспитался исключительно на исторической или эволюціонной точкѣ зрѣнія, утверждающей неустанную смѣну“, между прочимъ, „всѣхъ понятій объ

У „прикладного историзма“, конечно, может быть и своя опасная сторона, когда имъ пользуются, какъ аргументомъ въ пользу консерватизма, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе оправдать дѣйствительность и оградить ее отъ всякихъ новшествъ, какъ это мы наблюдаемъ въ исторіи нѣмецкой исторической школы права въ эпоху реставраціи ¹⁾, но, въ сущности, такое отношеніе къ дѣйствительности является уже злоупотребленіемъ исторіей, извращеніемъ историзма: исторія призвана объяснять дѣйствительность, а не оправдывать ее въ цѣляхъ увѣковѣченія всего, ею созданнаго. Судъ надъ дѣйствительностью совершается передъ совсѣмъ инымъ трибуналомъ, и съ другой стороны, какъ бы ни былъ неблагопріятенъ для нея приговоръ этого трибунала, съ ея фактической наличностью въ практической дѣятельности, какъ ни какъ, все-таки приходится считаться.

истинномъ и справедливомъ,... кто или что обяжетъ меня признать одинъ моментъ, одну подробность этой необъятной картины движенія—чѣмъ-то незыблемымъ и обязывающимъ человѣка“? Но мною какъ-разъ принципъ историзма распространяется лишь на категорію сущаго и въ извѣстныхъ условіяхъ возможнаго, отнюдь не на категорію должнаго. Неисторическое отношеніе къ дѣйствительности характеризуется не чѣмъ инымъ, какъ непониманіемъ ни вообще естественнаго теченія дѣлъ, ни того, что при данныхъ условіяхъ достижимо. Упрекъ въ отождествленіи мною вообще научнаго отношенія съ историческимъ отношеніемъ я устраняю тѣмъ соображеніемъ, что въ общественныхъ вопросахъ научное отношеніе къ предмету не можетъ быть инымъ, какъ историческимъ. Объ упомянутой выше статьѣ Ницше о „чрезмѣрности исторіи“ см. мою статью подъ № 51.

¹⁾ См. выше, стр. 208.

XXIII. Общественное содержаніе исторической науки и мѣсто въ ней біографическаго элемента.

Исторію справедливо относятъ къ числу общественныхъ наукъ: предметъ этой науки — разныя человѣческія общества, а потому только общественные факты заслуживаютъ названіе историческихъ. Правда, нерѣдко говорятъ, что „историческимъ можно назвать всякій фактъ, который мы не можемъ наблюдать непосредственно, такъ какъ онъ пересталъ существовать“, и что разъ „историческаго характера, присущаго фактамъ, не существуетъ, а есть только историческій способъ, которымъ мы познаёмъ ихъ“, то „исторія не наука“, а „только особый способъ познания“¹⁾, но это разсужденіе не раздѣляется большинствомъ историковъ, которые подъ историческими фактами разумѣютъ не всѣ вообще факты, переставшіе существовать и потому недоступные нашему непосредственному наблюденію, а преимущественно факты съ общественнымъ характеромъ, т.-е. имѣвшіе въ свое время значеніе въ жизни человѣческихъ коллективовъ — націй и государствъ. Конечно, исторія въ качествѣ „особаго способа познания“ можетъ безразлично заниматься всякаго рода фактами, и въ этомъ смыслѣ мы можемъ съ полнымъ правомъ говорить, наприм., объ исторіи земной коры или объ исторіи болѣзни какого-нибудь больничнаго паціента, но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ историческая наука занимается только явленіями человѣческой общности: исторично лишь то, что къ этой обще-

¹⁾ См. выше, стр. 67, 68, прим.

ственности имѣетъ отношеніе, а все остальное находится внѣ исторіи.

Всякій человѣческой коллективъ состоитъ, разумѣется, изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, и въ каждомъ индивидуальномъ бытіи можно различать стороны чисто личную и прямо общественную. Лишь послѣдняя имѣетъ интересъ для историка, который—въ качествѣ именно историка—можетъ игнорировать въ жизни отдѣльныхъ людей все, что не характеризуетъ даннаго общественнаго состоянія или не оказало вліянія на событія даннаго періода времени. Что ростъ Петра Великаго достигалъ столькохъ-то аршинъ и вершковъ, для исторіи совершенно безразлично, какъ безразлично и то, что Наполеонъ былъ маленькаго роста. Большая публика немало интересуется образомъ жизни, привычками и т. п. коронованныхъ особъ, вплоть до того, въ какомъ часу утра кто встаетъ, когда обѣдаетъ, какія блюда подаются ему за обѣдомъ и т. п., и любопытство читателей въ этомъ отношеніи удовлетворяется газетными статьями или отдѣльными брошюрами и книгами, но въ такомъ любопытствѣ столь же мало интереса къ современности, какъ немного его и къ исторіи—въ сосредоточеніи своего вниманія на такихъ подробностяхъ личной жизни, какъ, наприм., извѣстная привычка Петра Великаго выпить рюмку анисовки въ адмиральскій часъ.

Оговорюсь, что, конечно, и разныя мелочи частной жизни могутъ представлять историческій интересъ, но для этого нужно, чтобы онѣ имѣли коллективный характеръ, т. е. такъ ли, сякъ ли характеризовали извѣстное общественное состояніе. Внѣ этого условія любая необычайная черта чисто личнаго значенія можетъ играть роль простого курьёза, и мало ли какихъ бываетъ курьёзовъ, анекдотовъ, эпизодовъ, для исторической науки совершенно безразличныхъ, а между тѣмъ очень привле-

кающихъ въ себѣ вниманіе читателей, которые смотрятъ на исторію съ поверхностно-любительской точки зрѣнія. Если настоящій историкъ и будетъ собирать всякія подробности о частной жизни, наприм., политическихъ дѣятелей, то лишь въ надеждѣ, что и повседневныя мелочи помогутъ ему лучше понять характеръ человѣка, да и самый характеръ этотъ будетъ его интересовать, не какъ характеръ частнаго лица, а какъ нѣчто важное для пониманія его дѣятельности на общественной аренѣ.

Историческая наука интересуется не отдѣльными людьми, а людскими коллективами, интересуется событіями не въ личной жизни, а въ жизни общественной, интересуется состояніями народовъ и государствъ, а не привычками отдѣльныхъ лицъ, хотя бы то были Петры Великіе и Наполеоны. Здѣсь не мѣсто говорить о роли личности въ исторіи: это—одна изъ темъ второй части настоящаго труда, т. е. теоріи историческаго процесса, но и опредѣляя общій характеръ научнаго историческаго знанія, мы не можемъ обойти молчаніемъ вопросъ о томъ, что составляетъ истинное содержаніе исторической науки.—Изъ всего, что на сей счетъ было сказано въ предыдущихъ главахъ, съ полною очевидностью явствуетъ, что современная историческая наука стойтъ на точкѣ зрѣнія отождествленія историческаго съ социальнымъ. Такого пониманія своего предмета исторіографія достигла не сразу. Эпическія преданія народовъ о своемъ прошломъ, бывшія первою ступенью его познаванія, сводили это прошлое къ дѣяніямъ великихъ людей, героевъ, царей, пророковъ, законодателей, полководцевъ, часто небывалыхъ, въ родѣ разныхъ Ликурговъ и Ромуловъ, и въ этихъ личностяхъ безсознательно олицетворяли цѣлые процессы народной жизни. Дальнѣйшее развитіе исторіографіи шло въ томъ же направленіи выдвиганія на первый планъ отдѣльныхъ героевъ, и историче-

скія изображенія были подобны тѣмъ рисункамъ лубочнаго производства, на которыхъ въ одной и той же плоскости генералы оказываются въ сотни разъ болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ находящіеся возлѣ нихъ солдаты. Нужно быть хоть сколько-нибудь знакомымъ съ исторіей нашей науки, чтобы представить себѣ, съ какимъ трудомъ исторіографія отдѣлялась отъ старой привычки персонафицировать общественные процессы. Политическіе порядки временъ абсолютизма, когда народныя силы были придавлены, немало даже содѣйствовали сохраненію этой привычки, какъ, наоборотъ, общее демократическое движеніе, начавшееся въ концѣ XVIII в., весьма способствовало тому, чтобы историческая наука стала на новую точку зрѣнія, конечно, и раньше пробивавшую себѣ дорогу, но долго остававшуюся не для всѣхъ понятною и, пожалуй, иногда не достигавшую полной ясности въ головахъ собственныхъ же ея представителей. Возникновеніе соціологіи и внесеніе историзма въ другія общественныя науки въ значительной мѣрѣ также повліяли на современное пониманіе исторіи, какъ науки, изучающей процессы, которые совершаются въ отдѣльныхъ обществахъ и благодаря дѣйствию въ нихъ общественныхъ же силъ.

Пожалуй, обо всемъ этомъ здѣсь можно было бы и не говорить, если бы, во-первыхъ, и въ настоящее время не было историковъ, готовыхъ защищать старую позицію, а во вторыхъ, если бы наиболѣе крайніе представители новаго взгляда не отрицали всякое научное значеніе за біографическими изслѣдованіями въ исторической литературѣ. О томъ и о другомъ и будетъ теперь рѣчь.

Въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія среди нѣмецкихъ историковъ происходила очень острая полемика, вызванная брошюрою лейпцигскаго профессора Карла Лампрехта подъ заглавіемъ „Старое и новое на-

правления къ исторической наукѣ“¹⁾. Старое направление, это—то, которое видитъ причины историческихъ событій въ выдающихся личностяхъ, игнорируя массовыя явленія, и притомъ полагаетъ, что поведеніе личности не зависитъ отъ историческаго фона, на которомъ происходятъ ея поступки. Этому направлению, которое Лампрехтъ обозначилъ, какъ „индивидуалистическое“, онъ противопоставилъ другое, названное у него „коллективистическимъ“,—направленіе, принимающее и массовыя поступки за причины историческаго движенія наряду съ индивидуальными, равно какъ полагаетъ, что изъ массовыхъ поступковъ слагаются условія дѣятельности выдающихся личностей. Критики Лампрехта болѣе или менѣе единодушно высказались въ томъ смыслѣ, что двухъ такихъ противоположныхъ направленій не существуетъ, что все различіе между ними заключается лишь въ степени пользованія индивидуалистическими и коллективистическими объясненіями. Съ этой точки зрѣнія, отрицая какой бы то ни было переворотъ въ исторической наукѣ, возвѣщенный Лампрехтомъ, его оппоненты заявляли, что высказанный имъ взглядъ совсѣмъ не оригиналенъ, такъ какъ они давно все это знали. Наконецъ, критикуя общія положенія Лампрехта, они обнаружили въ другомъ рядѣ его идей вопіющія, на ихъ взглядъ, противорѣчія съ его же собственными основными взглядами.

Здѣсь не мѣсто по существу разбирать, кто и въ чемъ былъ правъ или неправъ въ этомъ теоретическомъ спорѣ. Интересно для насъ сейчасъ только то, что такой споръ могъ возникнуть, и что до сихъ поръ по этому вопросу не найдена согласительная формула. Лампрехтъ

¹⁾ *Karl Lamprecht. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. 1898.* Объ этой полемикѣ см. брошюру *А. А. Малинина* подъ такимъ же заглавіемъ.

воображалъ себя отъ начала до конца новаторомъ, хотя бы и не всегда имъ былъ на самомъ дѣлѣ, но несомнѣнно и то, что его оппоненты выступали не только противъ крайностей „новаго направленія“, но и прямыми консерваторами, не хотѣвшими ничего уступить изъ „старого направленія“. Въ „коллективистическомъ“ взглядѣ Лампрехта, несомнѣнно, сильнѣе и рельефнѣе выразился современный соціологизмъ исторической науки, но и его противники, конечно, не стояли на рѣзко индивидуалистической точкѣ зрѣнія. Вотъ если бы они сводили исторію прямо на сумму біографій и въ послѣднихъ не признавали никакой исторіи, ихъ можно было бы признать за людей, стоящихъ ниже даже средняго уровня современной научной исторіографіи ¹⁾.

Сведеніе исторіи къ біографіямъ, къ какому былъ склоненъ Карлейль ²⁾, возможно было бы лишь при вѣрности взгляда, будто исторія представляетъ собою исключительно психологическую задачу, но, даже стоя и на этой точкѣ зрѣнія, нельзя было бы ограничиться однѣми біографіями, поскольку, кромѣ личныхъ индивидуальностей, есть еще индивидуальности коллективныя, каковы націи, общественные классы, партіи и т. п. Притомъ сама психологія можетъ быть и индивидуальной (интраментальной), и коллективной (интерментальной), какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ ³⁾. Существованіе психическаго

¹⁾ Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить въ другомъ мѣстѣ (стр. 22), у насъ эта полемика нѣмецкихъ историковъ въ послѣднихъ годахъ XIX в. осталась очень мало замѣченною. Лично я въ ней и не нашель для себя ничего сколько-нибудь поучительнаго, такъ какъ все это передумалъ, работая надъ своею книгою „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“, вышедшею въ свѣтъ за нѣсколько лѣтъ до возникновенія этой полемики.

²⁾ Сущность историческаго процесса, кн. I, гл. 2.

³⁾ См. выше, стр. 221—222.

взаимодѣйствія и организаціи практическихъ взаимоотношеній между людьми, изучаемой въ социологіи, дѣлаетъ невозможнымъ обоснованіе исторіи на одной индивидуальной психологіи, существенно нужной для біографій: сведеніе къ послѣднимъ всей исторіи было бы недопустимымъ въ данномъ случаѣ атомизмомъ. Но изъ того, что исторія должна быть „коллективистической“, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы изъ исторической науки былъ изгнанъ всякій біографическій (личный) элементъ, какъ вообще будто бы не подлежащій научному знанію.

Нужно только условиться, въ какомъ смыслѣ можно говорить объ этомъ элементѣ съ точки зрѣнія общественнаго содержанія исторической науки.

Тѣ, которые думаютъ, что жизнеописаніе одного лица вообще не можетъ быть предметомъ науки, поскольку наука занимается не индивидуальнымъ, а общимъ, не принимаютъ въ расчетъ того, что и коллективности, которыми занимается исторія, наприм., народы также индивидуальны ¹⁾. Если съ указанной точки зрѣнія ненаучно заниматься жизнью одного человѣка, то столь же ненаучно заниматься и исторіей одного народа. Съ другой стороны, всякій ли интересъ къ отдѣльной личности можно назвать научнымъ и всегда ли научный интересъ къ отдѣльной личности, буде таковой возможенъ, будетъ интересомъ историческимъ?

Насъ очень часто интересуютъ совершенно и притомъ завѣдомо фиветивныя личности, выводимыя на сцену въ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ. Часто и дѣйствительно жившія личности возбуждаютъ въ насъ совсѣмъ такой же интересъ къ себѣ, наприм., особенностями своего характера, драматичностью своей судьбы и т. п. Это — интересъ, такъ сказать, эмоціональный, эстетиче-

¹⁾ См. выше, стр. 60 и слѣд. 73 и слѣд.

скій, и чисто фiктивный образъ нерѣдко съ этой стороны возбуждаетъ въ насъ къ себѣ бѣльшій интересъ, чѣмъ дѣйствительно когда-либо жившій человекъ съ подобными характеромъ или судьбой.

Интересъ къ личности можетъ быть и научнымъ, теоретическимъ, когда она останавливаетъ на себѣ вниманіе психолога или психіатра, какъ предметъ, достойный спеціального изученія. Извѣстно, что психологи и психіатры въ этомъ отношеніи тоже не пренебрегаютъ и фiктивными героями драмъ или романовъ (напр., Достоевскаго).

Жизнеописаніе отдѣльнаго человека можетъ быть, далѣе, лишь средствомъ моральнаго назиданія, какъ мы это видимъ въ біографіяхъ Плутарха или въ житіяхъ святыхъ. И для цѣлей назиданія можетъ быть безразличнымъ, изобразить ли дѣйствительно жившаго когда-либо человека или рассказать какую-либо поучительную притчу о „нѣкоемъ мужѣ“, никогда на бѣломъ свѣтѣ не существовавшемъ.

Особый, я сказалъ бы профессиональный интересъ, обнаруживается у военныхъ къ біографіямъ полководцевъ, у музыкантовъ — къ біографіямъ композиторовъ и виртуозовъ, у политическихъ дѣятелей къ біографіямъ государственнымъ людей, у философовъ къ біографіямъ философовъ и пр. и пр., какъ у историковъ къ историкамъ.

Все это спеціальныя интересы къ самой личности, привлекающей къ себѣ наше вниманіе тою или другою своею стороною, съ той или другой точки зрѣнія, но безъ прямого отношенія къ исторіи, до такой иногда степени безъ отношенія къ ней, что роль интересной личности можетъ быть сыграна и созданіемъ поэтическаго воображенія. Чтобы интересъ къ отдѣльному человеку могъ быть названъ историческимъ, нужно, чтобы этотъ человекъ привлекалъ къ себѣ наше вниманіе не

какъ загадочная, что-ли, натура, не какъ трагическая фигура, не какъ своеобразное явленіе въ психическомъ мірѣ, не какъ образецъ святости или герой добродѣтели, не какъ искусный стратегъ, тонкій дипломатъ, геніальный шахматистъ и вообще заслуживающій ближайшаго знакомства специалистъ своего дѣла, а какъ продуктъ известной общественной среды, сынъ своего народа и своего вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ участникъ въ историческомъ движеніи своего времени.

Въ отдѣльной личности, говоря вообще, историка должно интересовать только свое, т.-е. ея связь съ историческимъ процессомъ, ея къ нему отношеніе, какъ пассивное, такъ и активное, ея мѣсто въ этомъ процессѣ. То, что выдвинетъ на первый планъ въ той или другой исторической личности романистъ или драматургъ, психологъ или моралистъ, наконецъ, специалистъ любой профессіи, интересующійся біографіей мастера своего дѣла, все это для историка можетъ быть мало интереснымъ или совсѣмъ даже неинтереснымъ, да и непонятнымъ. Я особенно настаиваю на этомъ разнообразіи интересовъ, какіе могутъ существовать у насъ къ жившимъ раньше, какъ и къ нынѣ живущимъ людямъ, и на томъ, что не всякій интересъ въ данномъ отношеніи заслуживаетъ названіе историческаго. Поэтому не всѣ біографы могутъ быть названы историками, да не всѣ историки пользуются біографическимъ матеріаломъ въ исключительно историческихъ цѣляхъ ¹⁾.

¹⁾ Поскольку интересы археологическіе и филологическіе отличаются отъ историческихъ въ собственномъ смыслѣ (см. выше стр. 84—86 и 106), можно говорить и объ особомъ археологическомъ или филологическомъ интересѣ къ историческимъ личностямъ, который, вмѣстѣ съ известнаго рода пietetомъ къ ихъ реликвіямъ, лежитъ въ основѣ Гётевскихъ и Толстовскихъ музеевъ, Чеховскихъ комнатъ и т. п., гдѣ хранятся портреты и рукописи писателей, вещи, коими

Двѣ точки зрѣнія на отдѣльныя личности должны руководить историками. Отдѣльная личность, во-первыхъ, можетъ являться намъ въ качествѣ частнаго случая какого-либо общаго правила въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, въ качествѣ своего рода показателя того или другого общественнаго состоянія. Положимъ, насъ интересуетъ крупное римское землевладѣніе въ началѣ имперіи: развѣ не важно здѣсь было бы создать нѣсколько, такъ сказать, экономическихъ біографій тогдашнихъ земельныхъ магнатовъ, которыя на частныхъ примѣрахъ показали бы намъ, какъ создавались и эксплуатировались римскія латифундіи? Другой примѣръ. Съ середины XIV в. въ Италіи происходило сильное культурное движеніе, извѣстное подъ названіемъ гуманизма: развѣ не было интересно познакомиться съ біографіями вождей и главныхъ участниковъ этого движенія, какъ выразителей новаго общественнаго настроенія и его творцовъ? ¹⁾.

Это одна историческая точка зрѣнія на отдѣльныя личности. Съ другой стороны, отдѣльныя лица являются

они пользовались при жизни, надгробныя вѣнки и ленты и пр. и пр. Специальныя изслѣдованія о почеркахъ писателей, ихъ манерѣ исправлять корректуры, ихъ стилѣ, орѳографіи и т. п. относятся къ той же категоріи не чисто историческихъ интересовъ.

¹⁾ Я взялъ здѣсь не фиктивные примѣры. Книги на такія темы есть и, между прочимъ, въ русской литературѣ, притомъ книги, о которыхъ мнѣ пришлось въ свое время подробно высказаться въ печати, особенно подчеркнувъ въ своихъ статьяхъ пользованіе у ихъ авторовъ біографическимъ матеріаломъ для характеристики соціально-экономическаго состоянія Римской имперіи и духовнаго настроенія образованнаго общества въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Упоминаемыя книги называются: *И. Гревсъ*. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, преимущественно въ эпоху имперіи (1899).— *М. Корелинъ*. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. (1891). Ср. мои статьи о первой изъ этихъ книгъ въ „Рус. Бог.“ за 1900 г., о второй въ „Вѣстн. Евр.“ за 1893 г.

участниками событий, дѣятелями исторіи. Нельзя изучать исторію французской революціи, не вводя въ нее біографическаго элемента, т.-е. безъ знакомства съ такими личностями, какъ Людовикъ XVI, Марія-Антуанета, Неккеръ, Сьейесъ, Мирабо, Робеспьеръ, Дантонъ, Марать и пр. и пр. Стремленіе создать „исторію безъ собственныхъ именъ“ останется навсегда утопіей, а разъ вводятся собственные имена, нужно знать, что же за люди были лица, ихъ носившія, почему они дѣйствовали такъ, а не иначе, и что изъ ихъ дѣйствій выходило.

Итакъ, для исторіи отдѣльная личность важна только по своей связи съ тою общественною средою, продуктомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятелемъ которой она была. Въ прошломъ столѣтіи на разныхъ языкахъ часто появлялись книги подъ заглавіемъ „такой-то и его время“. Въ этихъ книгахъ не все обуславливалось историческимъ интересомъ, но благодаря имъ всегда болѣе или менѣе углублялось наше знаніе о времени, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ NN. У авторовъ такихъ біографій могъ преобладать интересъ философскій, религіозный, литературный, художественный, политическій, но всегда отсюда что-нибудь перепадало и на долю научнаго пониманія эпохи. Въ общемъ, чѣмъ болѣе авторъ ставилъ себѣ индивидуально-психологическую задачу, тѣмъ менѣе онъ думалъ объ исторіи, и, наоборотъ, чѣмъ болѣе интересовался „временемъ“ и въ виду этого чѣмъ больше разрабатывалъ вопросы коллективно-психологическаго и соціологическаго характера, тѣмъ больше изъ біографа превращался въ историка.

XXIV. Историческія номенклатура и терминологія.

„Исторія безъ собственныхъ именъ“, конечно, является полною невозможностью. Если бы даже изъ исторіи можно было исключить имена отдѣльныхъ лицъ, въ ней все-таки оставались бы еще названія странъ и народовъ, мѣстностей, гдѣ происходили событія, самихъ событій, учрежденій и т. д. до обозначенія датъ событій и хронологическихъ отмѣтокъ, замѣняющихъ собою собственные имена событій, каковы, наприм., 14 іюля 1789 г., 18 брюмера VIII года, 14 декабря 1825 г., 18 февраля 1961 г. и т. п. Вообще всякое хронологическое опредѣленіе, названіе вѣка или столѣтія (напр., XVIII или XIX и т. п.), опредѣленной эпохи (напр., ренессанса, реформаціи, вѣка Людовика XIV или Фридриха II и т. п.) также имѣетъ значеніе собственнаго имени для какого-либо періода времени.

Таковъ удѣлъ всякаго идіографическаго знанія—полная невозможность обходиться безъ собственныхъ именъ, отличающихъ однѣ изучаемыя индивидуальности отъ другихъ съ ними однородныхъ. Астрономія дала особыя названія созвѣздіямъ, и въ каждомъ созвѣздіи отдѣльнымъ свѣтиламъ, пуская въ ходъ или настоящія собственные имена (напр., Сиріусъ) или буквы греческаго алфавита (α , β , γ и т. д. въ такихъ-то созвѣздіяхъ). „Наша солнечная система“ есть также особая индивидуальность, названіе которой заключается въ этихъ трехъ словахъ, и вполне характеръ собственныхъ именъ имѣютъ слова солнце и луна: если мы и употребляемъ эти два слова во множественномъ числѣ для обозначенія неподвижныхъ звѣздъ или спутниковъ планетъ, то только въ

томъ же смыслѣ, въ какомъ называемъ парламентами всякія представительныя учрежденія, а не одинъ только англійскій парламентъ, для котораго это и есть собственное имя, тогда какъ другіе носятъ и имена другія. О планетахъ нечего и говорить; каждую въ отличіе отъ другихъ назвали или Меркуріемъ, или Венерой, или Марсомъ и пр. и пр. Кометамъ также даны названія по имени, напр., лица, ту или другую изъ нихъ открывшаго (комета Галлея). Кромѣ астрономической номенклатуры, есть и географическая съ ея названіями частей свѣта, материковъ, океановъ, морей, острововъ, горныхъ хребтовъ и вершинъ, рѣкъ, странъ, городовъ и т. д. и т. д. То же, разумѣется, и въ исторіи, которая для каждой индивидуальности личной или коллективной (націи, политической партіи и т. п.), топографической или хронологической, для каждаго событія и т. п. нуждается въ собственномъ имени или въ его суррогатѣ, описательномъ обозначеніи, хотя бы даже въ номерѣ (первый, второй и т. д. крестовые походы, первая и вторая англійская революція, первая, вторая, третья, четвертая государственныя думы, цифры при именахъ государей и т. п.).

Отъ номенклатуры идиографическаго характера нужно отличать терминологию въ смыслѣ совокупности названій не единичныхъ предметовъ, а цѣлыхъ категорій (классовъ предметовъ, общихъ понятій и т. п.). Такими терминами являются въ астрономіи неподвижныя звѣзды, планеты, спутники, кометы и т. д., въ зоологіи и ботаникѣ всѣ классификаціонныя обозначенія съ нарицательными именами разныхъ видовъ животныхъ и растений, въ химіи названія элементовъ и т. п. Научные термины, это, именно, не собственные, а нарицательныя имена, пользуясь выраженіемъ школьныхъ грамматикъ, или слова отвлеченныя. Безъ этихъ общихъ понятій немислимо было

бы самое мышленіе, а потому невозможна была бы и никакая наука.

Науки объ общемъ могутъ обходиться безъ собственныхъ именъ, ибо занимаются не индивидуальностями, а классами однородныхъ предметовъ или явленій, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, а если и нуждаются иногда, то лишь въ видѣ частныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ какія-либо общія формулы. Наоборотъ, науки о частномъ, единичномъ, индивидуальномъ (хотя бы и групповомъ, коллективномъ) совершенно безсильны были бы обходиться безъ общихъ понятій и безъ соответствующихъ имъ научныхъ терминовъ. Наукамъ номологическимъ нужна одна лишь терминологія, наукамъ идиографическимъ—и номенклатура, и терминологія ¹⁾.

Собственные имена, съ которыми исторической наукѣ приходится имѣть дѣло, въ громадномъ большинствѣ она не сама даетъ людямъ, народамъ, странамъ, событіямъ, о которыхъ говоритъ, а получаетъ ихъ готовыми изъ самой жизни. Съ другой стороны, между именемъ и тѣмъ, кто или что носить это имя, связь совершенно случайна, т.-е. имя само-по-себѣ ничего не говоритъ о томъ, кто или что его носить. Иногда, однако, исторія сама что-либо такъ или иначе называетъ, имѣя въ виду въ самомъ даваемомъ имени что-либо выразить. Всему историческому періоду до паденія Западной Римской имперіи она дала имя древней исторіи, древняго міра, античности, цѣлое слѣдовавшее затѣмъ тысячелѣтіе назвала средними вѣками, средневѣковьемъ, дальнѣйшую исторію, послѣднія четыре столѣтія, обозначила, какъ новое время. Конечно, эти хронологическія обозначенія имѣютъ характеръ на-

¹⁾ Обыкновенно такого различенія вообще не дѣлается, и, напр., говорятъ о номенклатурѣ химической, ботанической, зоологической и пр.

стоящихъ собственныхъ именъ въ примѣненіи къ болѣе или менѣе продолжительнымъ періодамъ времени, эпохамъ, „моментамъ“, т.-е. своего времени хронологическимъ индивидуальностямъ. Такое же значеніе имѣютъ и названія отдѣльныхъ періодовъ (или „временъ“), всѣ эти эпохи паденія Западной Римской имперіи, переселенія народовъ, Карла Великаго, крестовыхъ походовъ, ренессанса, реформаціи и т. п. Отъ долгаго употребленія эти названія такъ же приросли къ тому, что ими привыкли обозначать, какъ и имена лицъ, государствъ, мѣстъ сраженій и т. д. Какъ и всякія другія имена, эта хронологическая номенклатура, въ концѣ концовъ, совершенно случайна, условна, не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія. Мы очень хорошо знаемъ настоящую цѣну въ научномъ отношеніи традиціоннаго дѣленія „всемирной“ исторіи на три большихъ періода съ собственными именами древности, средневѣковья и новаго времени и тѣмъ не менѣе пользуемся этими названіями, находя въ нихъ нѣкоторыя внѣшнія удобства, и даже все чаще и чаще употребляемъ терминъ „медіэвистъ“ для обозначенія такого историка, который специализировался на изученіи среднихъ вѣковъ ¹⁾. Если извѣстный періодъ западно-европейской исторіи, „время перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени“, принято называть „возрожденіемъ“ (или ренессансомъ), то и это — опять-таки названіе условнаго происхожденія, т.-е. имя, какъ имя, простой знакъ, позволяющій намъ отличать одну индивидуальность (въ данномъ случаѣ хронологическую) отъ другихъ. Бѣдшаго вся эта историческая номенклатура въ себя заключать не должна, и вообще можно оставаться совершенно равнодушнымъ къ традиціоннымъ именамъ, кого и что какъ въ свое время назвали.

¹⁾ „Mediéviste“ отъ „medium aevum“, средній вѣкъ.

Иное дѣло, когда въ названіи усматривается особый смыслъ, заключающій въ себѣ опредѣленіе внутренней сущности вещи, когда „помен—омен“, когда собственное имя дѣлается общимъ понятіемъ, становится на мѣсто научнаго термина. Отъ номенклатуры со всѣми ея случайностями и условностями мы переходимъ къ терминологіи, которая должна отличаться точностью, опредѣленностью и внутреннею содержательностью. „Возрожденіе“ въ смыслѣ названія опредѣленной эпохи — одно, возрожденіе съ нарицательнымъ значеніемъ—другое, какъ и прочіе термины, наприм., общественное броженіе, культурное движеніе, историческое теченіе и т. п. ¹⁾ Вотъ если имѣть въ виду такіе термины съ дѣйствительнымъ (или предполагаемымъ) научнымъ содержаніемъ, то никакъ нельзя оставаться равнодушными къ этимъ словамъ, за которыми должны скрываться тѣ или другія понятія.

Одно изъ большихъ преимуществъ естествознанія (съ математикою) сравнительно съ гуманитарными и социальными науками, въ томъ числѣ и исторіей, заключается въ томъ, что терминологія и въ математикѣ, и въ физикѣ, и въ химіи, и въ физиологіи и т. п. отличается бѣльшею опредѣленностью и бѣльшимъ однообразіемъ при употребленіи, нежели въ наукахъ, изучающихъ духовную природу человѣка и міръ человѣческихъ отношеній. Разъ понятіе получило свое опредѣленіе, къ нему приурочивается и извѣстный терминъ, нерѣдко взятый не изъ обыденной рѣчи, а нарочно придуманный, какъ техническій терминъ для обозначенія какого-либо явленія, процесса и т. п. Научный терминъ сростается съ научнымъ понятіемъ, чѣмъ исключается возможность одно и то же называть различно или одно и то же

¹⁾ Сколько такихъ метафоръ употребляемъ мы въ нашемъ научномъ языкѣ, говоря о броженіяхъ, движеніяхъ, теченіяхъ!

слово употреблять въ различныхъ смыслахъ. Не то наблюдается въ гуманитарныхъ и соціальныхъ наукахъ, въ которыхъ часто можно находить настоящій терминологическій хаосъ, по истинѣ терминологическую анархію.

Въ своемъ мѣстѣ мною уже была отмѣчена двусмысленность самаго слова „исторія“¹⁾, что бываетъ причиною немалой путаницы понятій. Исторіей мы называемъ и изученіе прошлаго, и само изучаемое прошлое, а въ обоихъ смыслахъ, кромѣ того, имѣемъ въ виду то изученіе прошлаго или самое прошлое чего бы то ни было, то лишь опредѣленныхъ явленій въ жизни человѣчества. Даже тогда, когда подъ исторіей мы разумѣемъ изученіе опредѣленнаго содержанія, мы однимъ и тѣмъ же именемъ исторической науки одинаково обозначаемъ и изслѣдованіе источниковъ, изъ которыхъ узнаемъ о прошломъ, и изслѣдованіе самого этого прошлаго, какъ будто историческіе источники и историческая жизнь — одно и то же и изучаются совершенно одинаково. И прилагательное „историческій“ употребляется нами въ довольно-таки различныхъ смыслахъ: въ значеніяхъ, именно, или свойственнаго исторической наукѣ (говоря о методѣ), или служащаго матеріаломъ для исторіи (говоря объ источникахъ), или уже вообще отошедшаго въ прошлое, или имѣющаго особое значеніе въ прошломъ, или имѣющаго свою исторію и т. п. Мы безразлично говоримъ объ „исторической работѣ русскаго народа“, создавшаго великое государство и своеобразную культуру, и объ „исторической работѣ“ какого-либо ученаго въ смыслѣ отдѣльнаго научнаго труда. „Война и миръ“ Толстого для насъ „историческій романъ“, поскольку изображаетъ извѣстную историческую эпоху, но и романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“ можно назвать исто-

¹⁾ См. выше, стр. 43—44.

рическимъ, въ другомъ только смыслѣ, какъ сдѣлавшійся таковымъ по своему значенію во времени своего появленія въ свѣтъ. Историческое можетъ быть и бываетъ синонимомъ и генетическаго (напр., объясненія), и традиціоннаго, имѣющаго корни въ прошломъ (напр., происхожденія) и т. д., равно какъ и противоположаться оно можетъ весьма различнымъ понятіямъ.

Мы видѣли, что и такіе научные термины, какъ культура или прагматизмъ, имѣютъ у историковъ далеко не одинаковый смыслъ, первый—то болѣе широкій, то болѣе узкій, второй — даже совсѣмъ несходныя между собою значенія—исканія причинъ и слѣдствій, практическаго наставленія, изученія событій¹⁾. Сколько недоразумѣній порождается на этой почвѣ неопредѣленности и многозначимости такихъ терминовъ и при чтеніи книгъ, и при слушаніи лекцій, и при обмѣнѣ мыслей между лицами, занимающимися исторіей.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы набрать много и привести немало случаевъ взаимнаго непониманія среди самихъ историковъ изъ-за невыработанности исторической (или исторіологической) терминологіи. Одно и то же мы такъ часто называемъ разнo и тѣ же самыя слова употребляемъ въ разныхъ смыслахъ, что этого часто и не подозреваемъ. Подъ необычнымъ терминомъ мы иногда не узнаемъ хорошо извѣстнаго намъ понятія, а подъ терминомъ обычнымъ нерѣдко не находимъ того, что сами подъ нимъ понимаемъ²⁾. Одна изъ задачъ теоріи исторіи была бы прекратить эту анархію, вывести изъ этого хаоса, а однимъ изъ лучшихъ средствъ для до-

¹⁾ См. выше, стр. 142—143.

²⁾ Нечего говорить, что каждый языкъ пользуется своими собственными словами, вполне одни другія въ разныхъ языкахъ не покрывающими.

стиженія такой цѣли были бы и большее вниманіе со стороны историковъ къ общей теоріи ихъ науки, и болѣе частый между ними обмѣнъ мыслей по историко-теоретическимъ вопросамъ.

